

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2019

№ 61

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

***Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Борискина О.О., Картавец В.Н. Моделирование реципрокной семантики и способы ее идентификации в английском языке (на материале глагольной лексики)	5
Данилина Н.И. Национальное и интернациональное в славянской лингвистической терминологии	20
Калюга М.А. Опыт исследования предлогов <i>против</i> и <i>перед</i>	37
Кучко В.С. Лук в севернорусской лингвокультурной традиции	53
Мишанкина Н.А. Представления о перемещении в пространстве как исходная понятийная область в русском метафорическом терминообразовании	70
Урманчиева И.С. Воплощение инвариантного смысла образными системами диалекта и литературного языка (на примере печорских и общерусских фразеологических единиц)	98
Шиляев К.С., Шлоттгауэр Е.А. Концептуальная метафора и метонимия в русскоязычных обзорах вин и коньяков	113
Эмер Ю.А., Акентьева К.А. Жанровая трансформация «поздравления» в политическом дискурсе	135
Юрина Е.А., Темирова Ж.Г. Концепт «Честь» и его образные репрезентации в контаминированной картине мира писателя-билингва (на материале рассказа Р. Сейсенбаева «Честь»)	149

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анисимов К.В. Из истории эстетической концептуализации баллады в XIX в.: несколько источниковедческих и типологических наблюдений	177
Анисимова Е.Е. Жанровая модель баллады: к постановке проблемы	193
Королева С.Б. Пророческая тема в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»: диалог с традицией и эпохой	206
Сидорова О.Г. Кухня империи	226

ЖУРНАЛИСТИКА

Долгова Ю.И., Перипечина Г.В., Тихонова О.В. Контент-стратегии телеканалов «большой тройки»: тематика, жанры, форматы	237
Жилякова Н.В. Злой цензор, добрый цензор: специфика цензурирования первой частной газеты в Томске («Сибирская газета», 1881–1888 гг.)	256

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Егорова Л.В. Рецензия на книгу: Доценко Е.Г., Шилова Е.Н., Ловцова О.В. «Современная британская драма: Стоппард, Черчилл, Равенhill»	271
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	278

CONTENTS

LINGUISTICS

Boriskina O.O., Kartavtsev V.N. Modelling of Reciprocal Semantics and Methods of Its Identification in the English Language (On the Material of Verbal Lexis)	5
Danilina N.I. The National and the International in Slavic Linguistic Terminology	20
Kalyuga M.A. Towards the Study of the Prepositions <i>Protiv</i> and <i>Pered</i>	37
Kuchko V.S. Onion in the North Russian Linguistic and Cultural Tradition	53
Mishankina N.A. Representations of Motion in Space as a Source Conceptual Domain in the Russian Metaphor Terminology Formation	70
Urmanceeva I.S. Expression of the Invariant Meaning by Figurative Systems of the Dialect and the Literary Language (On the Example of Pechora and All-Russian Phraseological Units)	98
Shilyaev K.S., Shlotgauer E.A. Conceptual Metaphor and Metonymy in Russian Wine and Cognac Reviews	113
Emer Yu.A., Akenteva K.A. Genre Transformation of “Congratulation” in Political Discourse	135
Yurina E.A., Temirova Zh.G. The Concept “Honor” and Its Figurative Representations in the Bilingual Writer’s Blended Worldview (Based on the Story “Honor” by R. Seisenbayev)	149

LITERATURE STUDIES

Anisimov K.V. On the History of the Aesthetic Conceptualization of the Ballad in the 19th Century: Some Remarks in Source Study and Typology	177
Anisimova E.E. The Genre Model of the Ballad: On the Statement of the Problem	193
Koroleva S.B. The Theme of the Prophet in Alexander Pushkin’s Poem “The Prophet”: A dialogue with the Tradition and the Epoch	206
Sidorova O.G. The Imperial Cuisine	226

JOURNALISM

Dolgova Yu.I., Peripechina G.V., Tikhonova O.V. Content Strategies of the “Big Three” TV Channels: Topics, Genres, Formats	237
Zhilyakova N.V. Bad Censor, Good Censor: The Specificity of Censoring of the First Private Newspaper in Tomsk (<i>Sibirskaya Gazeta</i> , 1881–1888)	256

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Egorova L.V. Book Review: Dotsenko, E.G., Shilova, Ye.N. & Lovtsova, O.V. (2018) <i>Sovremennaya britanskaya drama: Stoppard, Churchill, Ravenhill</i> [Contemporary British drama: Stoppard, Churchill, Ravenhill]. Yekaterinburg: AMB	271
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	278
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.111-13

DOI: 10.17223/19986645/61/1

О.О. Борискина, В.Н. Картавец

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЦИПРОКНОЙ СЕМАНТИКИ И СПОСОБЫ ЕЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

Исследуются способы идентификации реципроков – языковых средств выражения значения взаимности. Описывается модель реципрокной семантики и рассматриваются способы выявления глагольных реципроков, основанные на интегративном (межуровневом) подходе к анализу языковых явлений и использовании формализованных процедур тестирования языковых средств на наличие реципрокной семантики. Приводятся ограничения на использование формализованных методик, диктуемые языковым материалом.

Ключевые слова: английский язык, реципрокное значение, реципрок, семантический актант, семантическое моделирование, структурная схема простого предложения.

1. Построение модели реципрокной пропозиции

Предметом нашего исследования являются реципрокная (взаимная) семантика и способы ее выявления в английских высказываниях с предикатами – глаголами действия. Цель исследования заключается в установлении связи функционирования реципрокных глаголов с трансформационным потенциалом синтаксических конструкций и лексическим окружением глаголов данного класса. Обнаруженные закономерности послужили основой для разработки способов идентификации реципрокной семы в глаголе, употребленном в контексте высказывания.

Реципрокная семантика – семантика взаимного отношения (действия), когда между участниками ситуации устанавливаются симметричные отношения, при этом агенс в силу взаимной направленности действия является одновременно объектом (адресатом) эквивалентного действия (ср. определение данного типа семантики в работах [1–3]).

С точки зрения отношения к грамматическому маркированию взаимного значения (частеречевая принадлежность слова с взаимным значением, участие аффиксов в маркировании взаимной семантики, характер отклонения семантического преобразования при деривации от стандартного («одностороннее > взаимное» действие), полисемия маркеров взаимной семантики) реципроки получили системное типологическое описание в трудах З. Фрайзингера и Т.С. Курла, В.П. Недялкова и Ю.П. Князева, Е. Кенига и В. Гаста [4–7].

Типологи различных школ изучали и разные типы семантических конфигураций взаимной семантики, особенности их кодирования разными языками. Таковыми являются, например, цепь «один за другим», соположение соседних участников «плечом к плечу», семантическая полусимметрия (способность таких глаголов, как *to kiss*, маркировать реципрокную ситуацию, только будучи употребленными во множественном числе) и др. [8–11].

В свете теории концептов с учетом грамматических аспектов семантики предикаты взаимных действий изучаются исследователями Утрехтской школы [12].

В рамках проекта «грамматики паттернов» института COBUILD, которым долгое время руководил Дж. Синклер, в 1990-е гг. вышли ценные как для изучающих, так и для исследующих английский язык грамматики-тезаурусы: Collins COBUILD Student's Grammar (1990) и Collins COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs (1996) [1, 13]. В последней работе английские глагольные конструкции, выражающие взаимную семантику, исчислены с точки зрения соответствий определенных синтаксических структур лексической семантике ядерной лексемы, несущей информацию обо всей ситуации. Подобный лексически ориентированный подход к синтаксису (ср. с пониманием лексической ориентации в синтаксисе у Т.М. Чирко и Т.М. Ломовой [14]) открывает новую типологическую перспективу для изучения различных категорий.

Действительно, грамматическая сторона кодирования языком взаимных ситуаций достаточно подробно изучена, причем как в теоретическом, так и в типологическом плане. Однако у данного явления есть еще и лексико-типологический аспект. Дело в том, что языковое сознание категоризирует все множество конкретных взаимных ситуаций различных сфер действительности на несколько подмножеств. Большая часть таких ситуаций номинируется при помощи различных аффиксальных, клитических и прономинальных маркеров. При этом часть ситуаций получают в языке отдельные номинации, «свободные» от перечисленных средств языкового маркирования. Таковы, например, русские глаголы (*говорить*, *болтать*, *враждовать*), которые Н.А. Янко-Триницкая назвала лексически-взаимными [15], указав при этом на их принадлежность к понятийному полю общения между людьми.

Выявление тенденций к маркированию определенных семантических классов взаимных ситуаций сходными грамматическими средствами в разных языках мира, в том числе и при помощи скрытых классов глагольной лексики (без участия грамматических показателей), остается актуальным вопросом, решение которого может составить основу лексической типологии реципрока.

Однако на пути решения этой задачи стоит вопрос выработки четких методов идентификации реципроков как с грамматическими маркерами, так и без таковых, что требует, в свою очередь, построения модели самой идентифицируемой семантики. Строившиеся ранее логические и формальные модели, а также предложенный В.П. Недялковым универсальный тест на наличие взаимной семантики отвечали задачам проводившихся грамматических исследова-

ний и служат основой предлагаемых в данной статье моделей и способов, рассчитанных на применение в сфере лексическо-семантической типологии.

Таким образом, на первом этапе необходимо построить наглядную метаязыковую модель реципрокной семантики и рассмотреть диапазон разновидностей семантических структур и коммуникативных смыслов, представляющих различные грани интересующего нас явления.

Вначале представим метаязыковую модель реципрокной пропозиции. Рассмотрим следующие примеры.

- (1) *I strongly disagree with the last speaker;*
- (2) *"Ye speak with an ill tongue, friend";*
- (3) *They chatted away about the weather;*
- (4) *It is difficult to converse with people who have extremists' views.*

В примерах (1) и (2) речь идет об одностороннем действии, производимом агенсом. В примерах (3) и (4) сказуемое маркирует реципрокное отношение между участниками ситуации.

Имеем:

- дифференциальный признак семантики высказываний (1) и (2) – присутствие в семантике предикатного знака семы одностороннего действия;
- дифференциальный признак семантики высказываний (3) и (4) – наличие в семантике предикатного знака семы, референтом которой служит отношение взаимного обмена одинаковыми действиями.

Ниже представлен «строчный» алгебраический код – формула, описывающая пропозицию, типовую для подобных высказываний. Для двух элементов – семантических актантов А и В – имеем:

$$A/B = B/A,$$

что читается, как «А так относится к В, как В относится к А» (ср. определение реципрокной семантики в работе [1]), например:

- (5) *Дмитрий и Сергей разговаривают.*

По аналогичному принципу взаимодействуют актанты в семантических структурах с неограниченным или неопределенным числом участников, что происходит одинаково в английском и русском языках (примеры 6, 7).

- (6) *Bats communicate with each other by making high-pitched noises.*
- (7) *В нашей школе все педагоги относятся друг к другу с уважением.*

В семантике высказываний данного типа присутствует некоторое множество участников, состоящее из n элементов, которое графически можно представить в виде n -угольника, из каждой вершины которого проведен $n-1$ вектор ко всем остальным вершинам, причем все $(n-1)*n$ векторов маркируют идентичное семантическое отношение. Тогда приведенная выше формула приобретает следующий вид:

$$A1/A2 = A1/A3 = \dots = A1/An \dots = An/A1 \dots = An/An-1$$

Данная формула справедлива для описания прототипической реципрокной семантики, когда стороны находятся в непосредственных отношениях друг с другом. Условно назовем этот тип семантики *непосредственно-реципрокной*.

Об *опосредованно-реципрокной* семантике речь идет тогда, когда отношение одной стороны к другой описывается через ситуативную константу С. Мы выявили ситуативную константу-локализатор с обобщенным значением «точка кон/дивергенции» (участники вступают друг с другом в идентичные отношения, определяемые относительно ситуативной константы, пример 8). Эта точка может быть конкретизирована, как в примере 9.

(8) *Они разбежались.*

(9) *Они сбежались к дереву.*

Данная точка может быть обобщенной: в семантической структуре высказывания *они сбежались* присутствует значение «в одну точку» без конкретизаторов в поверхностной структуре предложения.

Метаязыковая формула для данного типа семантики будет следующей:

А, движущееся к (от) С, так относится к В, движущемуся в сторону (от) С, как В, движущееся к (от) С, относится к А, движущемуся к (от) С.

Формула, лежащая в основе реципрокной пропозиции, отличается от формулы, описывающей одностороннее действие. Так, для высказывания 10 будет справедлива следующая модель пропозиции:

$A/H = B/H = D/H = E/H...$, где А, В, D, Е – компоненты множественного субъекта, Н – объект.

(10) *Они увидели его.*

При этом что образы актантов для непосредственно- и опосредованно-реципрного отношения представлены в сознании по-разному, поскольку диапазоны языковых средств для их выражения разнятся.

Для непосредственно-реципрного отношения образы сторон отношения могут быть представлены множественно-дистрибутивным агенсом (выражается множественным числом существительного или однородными подлежащими – существительными в единственном числе (пример 11):

(11) *Дети перешептывались (между собой). Николай, Олег и Ярослав совещались насчет побега с уроков.*

Множественно-собираательный агенс – субкатегория агенса, маркируемая именной группой с собираательным субстантивом, при таком виде значения невозможна (пример 12). На это обстоятельство указывает, в частности, И.М. Кобозева [16]. Однако средства, маркирующие множественно-собираательный агенс, используются для выражения *опосредованно-реципрного* значения (пример 13).

(12) *Детвора перешептывалась между собой*.*

(13) *Детвора сбежалась к громкоговорителю.*

Возвращаясь к непосредственно-реципрокной пропозиции, отметим, что, несмотря на универсальность формулы, лежащей в основе реципрного значения, непосредственно-реципрные значения весьма неоднородны. Речь идет о вариативной конфигурации – схеме ситуации в рамках инвариантной реципрокной пропозиции (ср. использование термина *пропозициональная конфигурация* у Т.М. Чирко и А.В. Быстрых в работе [17]). Мы составили классификацию различных значений, соотносимых с разными конфигурациями пропозиций и допускающими дальнейшие вариан-

ции уже на уровне коммуникативного компонента семантики высказывания (см. о пропозициональном и коммуникативном компонентах синтаксической семантики в работе [16]). При построении данной классификации мы учли и использовали следующие положения и термины: деление реципроков по принципу субъектности – объектности (вводится в работах [6, 18]), термины *инкорпорирование* и *каузация* (понимаются нами в интерпретации А. Муштайки [2]); термин *равнозначная вовлеченность* (заимствован из грамматики COBUILD [13]), термин *доминирующий объект* (восходит к термину *доминирующая направленность* в работах В.Ю. Копрова [19]).

Можно выделить следующие значения, выражаемые в русском и английском языках предикатами – глаголами речемыслительной деятельности (цифрами обозначены варианты пропозициональной семантики, буквами – коммуникативной, см. рис. 1):

1. Субъектно-реципрокные:

А) субъектно-реципрокные с равнозначно вовлеченными участниками (примеры 14–17). В примере 17 актанта *Михаил* включен в семантику личного местоимения множественного числа в именительном падеже и также назван вторым компонентом комитативной конструкции; данный тип конструкций назовем комитативной конструкцией с инкорпорированной в местоимение и продублированной второй стороной. Равнозначно вовлеченное участие представлено и в английском языке (примеры 18–19) и выражено способами, идентичными способам выражения в русском языке, представленным в примерах 14 и 15.

(14) *Они разговаривали.*

(15) *Они разговаривали между собой.*

(16) *Сергей с Михаилом разговаривали.*

(17) *Они с Михаилом разговаривали.*

(18) *...they were talking about American food.*

(19) *The trouble was that they would all agree with each other.*

Б) субъектно-реципрокные с неравнозначно вовлеченными участниками (выделение ведущей активной роли первой стороны, примеры 20–21).

(20) *Он разговаривал с Михаилом.*

(21) *After the judgement, Mr Hill struggled with prison officers...*

В) субъектно-реципрокные с неопределенным множественным субъектом и пассивизируемым на уровне синтаксической структуры объектом, не являющимся участником реципрокного отношения (примеры 22–24).

(22) *Тема обсуждается.*

(23) *That provision was subject to differing interpretations in Korea, where the issue was debated widely.*

(24) *It is an issue often discussed in the media, as well as in the parliaments of the Confederation and the cantons in recent years.*

2. Субъектно-реципрокные с семантическим модификатором каузации, пассивизирующим на уровне семантической структуры одну из сторон (описывается каузация реципрокного действия, осуществляемая одной из его будущих сторон, примеры 25–27).

(25) Он разговорил его.

(26) I think I can get him to talk.

(27) (She) chatted up a receptionist having a smoke.

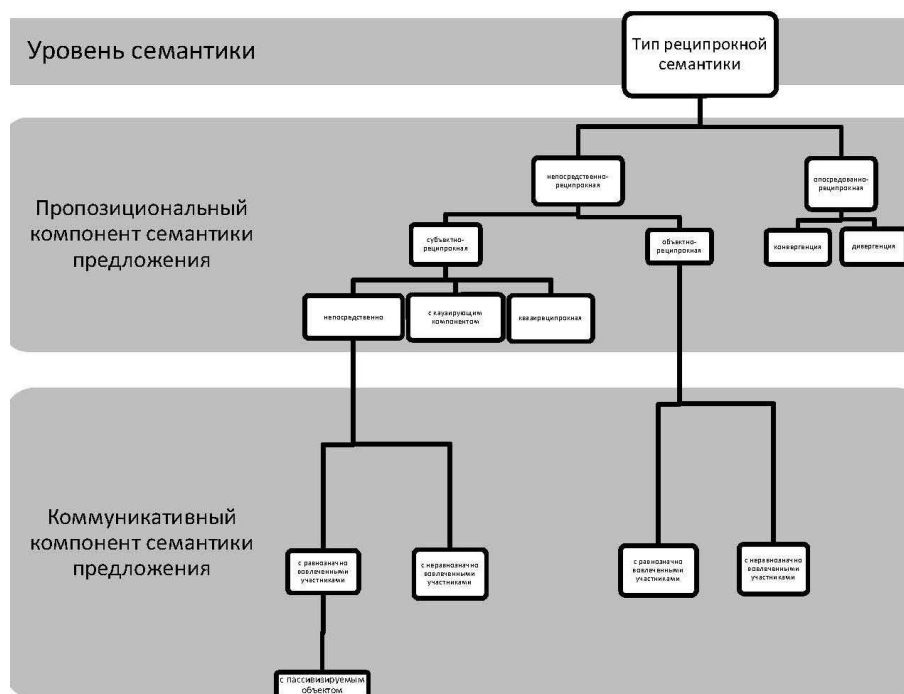

Рис. 1. Категоризация реципрокных ситуаций по характеру межактантных связей

3. Квазиреципрокные (создание автором иллюзии взаимного действия для приближения монологической письменной речи к форме диалога, прием установления контакта с читателем, здесь также возможна метонимия (по принципу «произведение вместо автора») и пассивные конструкции (примеры 28–31).

(28) В следующем разделе будут обсуждаться актуальные проблемы семантического синтаксиса.

(29) I'll discuss the role of diet in cancer prevention in chapter 7.

(30) The second chapter discusses different approaches to the treatment of cancer

(31) The topic is discussed in detail under article 10.

4. Объектно-реципрокные: А) с равнозначно вовлеченными объектами и Б) с доминирующим объектом (примеры 32–33):

(32) Он сопоставил факты / последний результат с предыдущим.

(33) I can't tell Jane from Sarah/tell Jane and Sarah apart – they look so alike.

Смоделировав таким образом реципрокную семантику, обратимся к анализу ее репрезентации в английском языке. Комплексный структурно-семантический анализ средств ее выражения требует рассмотрения семантического диапазона реципрокных ситуаций (понятийных сфер, в которых может проявляться взаимность) и исчисления синтаксических конструкций, в рамках которых данные смыслы находят свое выражение.

2. Семантический диапазон реципрокности в английском языке

Показывая семантический диапазон реципрокных предикатов в английском языке, мы будем исходить из классификации предикатов, предложенной А. Мустайоки [2] (рис. 2). Согласно данной классификации все предикаты подразделяются, прежде всего, на предикаты действия и «недействия». К последним относятся предикаты отношения и локации. Реципрокная сема может присутствовать в предикатах действия, отношения и локации. Приведем примеры реципрокных предикатов **отношения** (чувственно-эмоционального (примеры 34–35), интеллектуального (пример 36), собственно отношений, выраженных глаголами *to match*, *to coincide*, *to correspond*, *to contrast*, *to relate (to)* (см. список глаголов в [8], пример 37)).

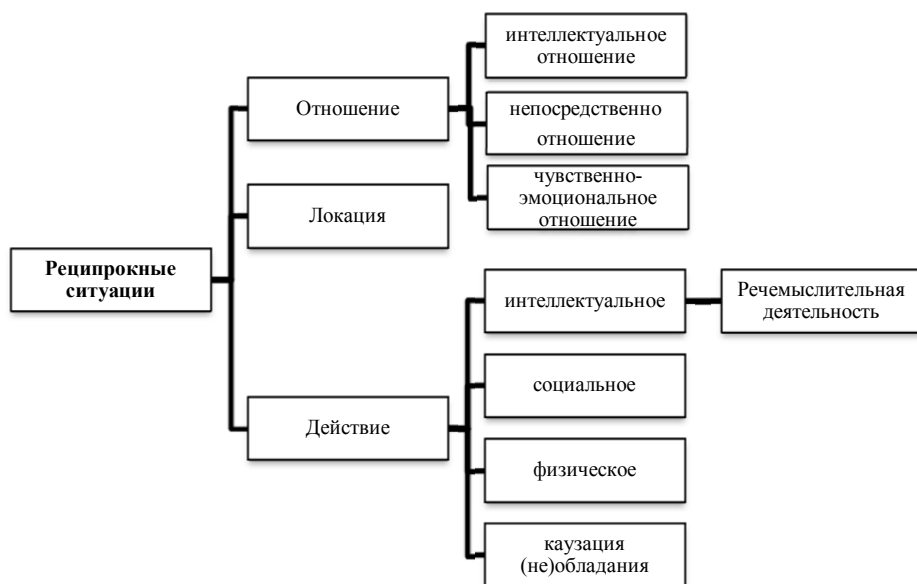

Рис. 2. Классификация реципрокных ситуаций по типу предиката

(34) *Often a man wishes to be alone and a girl wishes to be alone too and if they love each other they are jealous of that in each other...*

(35) *Let us live near together and be kind to each other and love each other.*

(36) *They did not even all **know each other**, unlike a herd of cows, a coop of chickens, or a pen of pigs in communal mud.*

(37) *The curtains and the paint **don't quite match**.*

Следующий пример иллюстрирует возможность построения высказывания с реципрокным предикатом **локации**:

(38) *The two boys **faced each other**.*

Теперь обратимся к реципрокным предикатам **действия** и рассмотрим семантические подтипы действия, в которых возможно наличие реципрокной семы.

1. Физическое действие. Следующие английские глаголы могут выступать в качестве реципрокных предикатов физического воздействия: *to balance, to cuddle, to clash, to collide, to embrace, to engage, to fight, to interact* (физически), *to kiss, to merge, to mix, to touch* [8] и др. (примеры 39–40):

(39) *The weight here **balances** the weight here.*

(40) *Susie and John **were cuddling** in the cinema.*

2. Социальное действие: *to clash, to collide* (уже в значении противостояния между людьми), *to combine, to contend, to conflict, to cooperate, to fight, to interact, to marry, to meet* [8] и др. (примеры 41–42):

(41) *The President **collided** with the Congress over the budget plans.*

(42) *Within this there are three particular concerns: the practical reasoning employed by ordinary policemen and women to help them accomplish routine duties; how they **interact** with various sections of the public, from ethnic minorities to road users...*

3. Интеллектуальное действие / деятельность: *to think, to understand* и др. (примеры 43–44):

(43) *But what do the top stylists **think about each other**?*

(44) *They live in a big long slow world and we live in a small short fast one, and we **can't understand each other**.*

4. Каузация (не)обладания: *to exchange, to give* и др. (примеры 45–46):

(45) *The two teams **exchanged** presents before the game.*

(46) *In many countries people **give each other** eggs as part of the celebration of spring.*

5. Речевое действие (деятельность) – *to argue, to consult, to speak, to talk* – см. примеры 18–31.

Как видим, с семантической точки зрения реципрокные предикаты достаточно разнообразны.

3. Структурная классификация английских реципрокных предложений

С точки зрения структурного аспекта анализ показал, что все множество высказываний, основанных на реципрокной пропозиции, в выражении которой участвует глагол-сказуемое, подразделяется на три лексико-синтаксических (т.е. выделенных с учетом фактора лексического наполнения) класса на основании структурной схемы простого предложения (далее – ССПП), которая легла в основу высказывания. Так, можно выделить

следующие ССПП (S = подлежащее, V = глагол-предикат, PL = множественное число, Ob = дополнение):

1) с подлежащим, выражающим множественный агент – множество участников, вступающих в реципрокное отношение, без позиции для специального маркера (ССПП 1 PLURALIS): S (PL) + V / S (сочинительное словосочетание) + V (пример 47):

(47) *The empires consulted quickly;*

2) с подлежащим, выражающим множественный агент, и позицией для специального маркера реципрокного отношения – реципрокного местоимения (ССПП 2):

A) S (PL) + V + EACH OTHER/ONE ANOTHER (пример 48);

B) S (PL) + V + (предлог) EACH OTHER/ONE ANOTHER (пример 49):

(48) *...his aunt and Miss Williams wordlessly consult each other;*

(49) *They didn't speak to each other...*

3) с подлежащим и дополнением, называющими стороны реципрокного отношения (ССПП 3):

A) S + V + Ob (пример 50);

B) S + V + (предлог) Ob (пример 51):

(50) *I had to fight him;*

(51) *I spoke to Lui.*

4. Категоризация английских глаголов в аспекте выражения взаимности

Рассмотрение функционирования глаголов при передаче реципрокного значения позволило выделить типовые контекстуальные условия, в которых актуализируется реципрокная сема, что, в свою очередь, дало возможность провести лексико-синтаксическую категоризацию английских глаголов по способам выражения ими реципрокной семантики и выделить три класса глагольной лексики (см. таблицу).

В первый – «ингерентный» – класс входят глаголы с ингерентной, присутствующей вне зависимости от контекста и типа структурной схемы реципрокной семой – *to argue, to coincide, to cooperate, to fight, to interact, to quarrel* и т.д. (пример 52):

(52) *They were still arguing.*

Второй, «ингерентно-контекстуальный» класс представляют глаголы, реализующие реципрокную семантику только в двух структурных схемах предложения – ССПП 1 и ССПП 2 (полусимметричные реципроки, в терминологии Ю.П. Князева [6]), например глаголы *to embrace, to disagree*. Так, из высказывания 53 не следует, что справедливо утверждение, выраженное в высказывании 54:

(53) *She embraced her son tenderly.*

(54) *Her son embraced her,*

**Классы глаголов по способу выражения реципрокной семантики
в английском языке**

Способ выражения реципрокной семантики	Ингерентный		Ингерентно-контекстуальный	Контекстуальный
Класс глагольных лексем	Реципрокные глаголы, не содержащие префиксальных маркеров, участвующих в выражении реципрокности (скрытый класс) – <i>to fight, to talk</i> и т. д.	Реципрокные глаголы, содержащие морфологические маркеры – <i>to interact, to collaborate</i> и т. д.	Глаголы, выражающие реципрокную семантику в структурных схемах с субъектной позицией для множественного агенса, выражающей стороны реципрокного отношения – <i>to embrace, to kiss</i> и т. д.	Глаголы с семантикой одностороннего действия, участвующие в выражении реципрокной семантики в сочетании со специальными прономинальными маркерами (<i>each other / one another</i>) – <i>to see, to give</i> и т. д.

Однако в случае, продемонстрированном в примере 55, наблюдаются все признаки реципрокной ситуации:

(55) *They embraced.*

Третий – самый широкий – «контекстуальный» класс включает глаголы, которые реализуют реципрокную семантику только при наличии специального лексического маркера – *each other / one another, between our- / your- / themselves: to give, to throw, to think, to tell* и др. (пример 56):

(56) *...they have to think about each other.*

**5. Способы идентификации реципрокного значения
в английских высказываниях**

У английских глаголов, несущих реципрокную семантику, отсутствует постфиксальный маркер данной семантики, соответствующий маркеру *-ся* у русских взаимно-возвратных глаголов (*встречаться, мириться*). Многие глаголы не имеют префиксов, привносящих взаимную семантику в их лексическое значение (*inter-, co-*), а также, как видно из приведенной выше классификации, не все глагольные предикаты имеют при себе специальный лексический маркер взаимного значения. В подобных случаях (при отсутствии морфологических и контекстуальных лексических показателей) представляется логичным говорить о скрытом выражении реципрокной семантики. Наличие подобной особенности в языке создает необходимость в разработке процедур выявления реципрокной семантики на основании объективных, по возможности формализованных критериев.

Такие процедуры-тесты востребованы как с точки зрения решения переводческих задач, так и для уточнения лексического значения лексико-

семантических вариантов глагола в контексте лексикографического описания. Так, например, глагол *to speak* даже в рамках одного и того же лексико-семантического варианта, соотносимого с первым значением по версии словарей Longman и COBUILD [20, 21], имеет как реципрокные употребления, так и употребления с семантикой одностороннего действия [22].

В результате проведенного исследования были выявлены и опробованы следующие способы идентификации глагольных реципроков (глагольных средств выражения реципрокной семантики) и производных от них средств:

1. Мена диатез – активная $\Leftrightarrow$ реципрокальная (см. на примере высказывания 57):

(57) *Did he say why they were fighting?* $\Rightarrow A$ was fighting $B \Leftrightarrow B$ was fighting $A \Leftrightarrow They$ were fighting $\Leftrightarrow They$ were fighting each other.

Однако в некоторых случаях трансформация оказывается невозможной в силу специфики синтаксической конструкции, например герундиальной (пример 58).

(58) *It is... not worth fighting about.*

2. Логико-семантическая интерпретация – способ идентификации, позволяющий определить наличие реципрокной семы в высказываниях, где реципрокный предикат выражен синтаксически связанной формой (о синтаксически связанных реципроках см. [1]).

В примере 58 перед нами положение дел, пропозиция которого восходит к двум логическим множителям и закодирована в герундиальной форме.

Данная интерпретация будет сложной, потому что за скобки выносятся оценочная модальность, а в скобках даны две пропозиции, обе из которых должны быть истинными. В данной формуле аргумент Z – некое положение дел, X и Y – участники ситуации:

*Z is not worth (X fights with Y to do something connected with Z * Y fights with X to do something connected with Z = TRUE).* Некоторое положение дел Z не стоит того, чтобы возникла или существовала ситуация, когда одновременно истинны (имеют место) два положения дел: *X fights with Y to do something connected with Z ** (и) *Y fights with X to do something connected with Z.*

3. Способ идентификации глагольных реципроков, актуальный в тех случаях, когда в поверхностной структуре высказывания выражен лишь один участник ситуации, что также делает невозможной мену диатез. Здесь мы обращаемся к принципу синсемантности английской лексики, сформулированному английским лингвистом Дж. Синклером и получившему теоретическую базу и дальнейшее развитие в рамках лингвистики конструкций и лексически ориентированного синтаксиса (см. [23–25]). В данной ситуации оказывается эффективным способ определения реципрокности элемента по характеру синтагматически связанного с ним элемента, например, в тех случаях, когда последний является лексическим реципроком (лексическим средством выражения реципрокной семантики [6]) в функционально-синтаксической позиции дополнения или обстоятельства:

(59) ...*Mr Guerra, a fellow Andalucian, would have fought a **duel** over this remark...*

(60) *You don't have to be in the army to fight **in the war**.*

Мы также можем реконструировать незаполненную в данной реализации структурной схемы синтаксическую позицию для второго участника:

(61) *Did your father fight (C KEM) in the last war?*

(62) *These men had fought **the Japanese** in the Second World War,*

В семантической структуре высказывания 61 присутствует участник, не выраженный в поверхностной синтаксической структуре при реализации схемы, инвариантной для данного лексико-семантического варианта глагола. Наличие (подразумеваемое) данного участника-2 – противника участника-1, выраженного подлежащим, мы восстанавливаем путем сопоставления с другой реализацией той же схемы (пример 62).

В ходе исследования мы столкнулись со следующими ограничениями, не позволяющими свободно применять формализованные методы работы с языковым материалом.

1. Использование глагола в составе статусно-маркированного речевого акта, например требования об одностороннем прекращении / отмене действия, направленного на говорящего, когда наблюдается побледнение реципрокной семантики (пример 63):

(63) *Don't argue with me!*

2. Характер синтаксической конструкции, не позволяющий использовать метод мены диатез и заставляющий нас обратиться к логико-семантической интерпретации (см. пример 58);

3. Глагольный дейксис – антропологический фактор, препятствующий рокировке актантов в активной диатезе. Так, при описании соприкосновения существует тенденция выбирать подлежащим подвижный предмет по отношению к неподвижному относительно наблюдателя (пример 64):

(64) *Don't let your coat touch the wet paint.*

Фиксация подлежащего за одним из семантических участников ситуации блокирует возможность трансформации.

Таким образом, в результате исследования была построена метаязыковая модель реципрокной семантики, проведен структурно-семантический анализ средств ее выражения, а также получены различные способы идентификации семантики реципрокного действия в английском языке. Перспективным продолжением исследования, на наш взгляд, является приведение данных об использовании глагольных реципроков в соответствии с данными о лежащей в основе высказываний коммуникативной интенции говорящего (пишущего), так как с выбором того или иного способа выражения реципрокного действия может быть связана интенция возложения ответственности на одну из сторон действия (например, конфликта), как это показано в [13].

Литература

1. Князев Ю.П. Местоименные конструкции с взаимным значением: друг друга, один другого, между собой // Вестник Новгородского государственного университета. 1998. № 9. URL: <http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/All/E18F8B7F4D0A93F8C3256727002E7BA3> (дата обращения: 25.01.2018).

2. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. М. : Языки славянской культуры, 2006. 509 с.
3. Collins COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs. London : Harper Collins Publishers, 1996. 650 p.
4. Frajzyngier Z. Reciprocals: form and function. John Benjamins Publishing Company, 2000. 203 p.
5. Nedjalkov V.P. Reciprocal Constructions / ed. by V.P. Nedjalkov, with the assistance of E. Geniesiene and Z. Guentcheva. Amsterdam : John Benjamins, 2007. Vol. 1–5. 2219 p.
6. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М. : Языки славянских культур, 2007. 704 с.
7. Konig E. Reciprocals and reflexives: theoretical and typological explorations / ed. by E. Konig, V. Gast // Trends in Linguistics, 192. Berlin, 2008. 652 p.
8. Rubinstein A. Groups in the Semantics of Reciprocal Verbs // NELS 38: Proceedings of the 38th Annual Meeting of the North East Linguistic Society. URL: <https://www.semantic-sarchive.net/Archive/WUXYZA5N/RubinsteinNELS38.pdf>.
9. Evans N. Reciprocals and Semantic Typology / ed. by N. Evans, A. Gaby, S.C. Levinson, A. Majid. John Benjamins Publishing, 2011. 349 p.
10. Siloni T. Reciprocal Verbs and Symmetry // Natural Language & Linguistic Theory. № 30 (1). P. 261–320.
11. Летуций А.Б. Двойной реципрок: значение и употребление // Корпусные исследования по русской грамматике / ред.-сост. К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов. М., 2009. С. 335–361.
12. Kruitwagen I., Poortman E.B., Winter Y. Reciprocal Verbs as Collective Predicate Concepts // NELS 47. Vol. 2.
13. Collins COBUILD English Grammar. Harper Collins Publishers, 1990. P. 486.
14. Чирко Т.М., Ломова Т.М. Синтагматика актуальных смыслов и ее парадигматические основания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 7–11.
15. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М. : Наука, 1962. 247 с.
16. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
17. Быстрых А.В., Чирко Т.М. Реализация когнитивно-дискурсивных свойств субстантива *rain* в когнитивном и дискурсивно-синтаксическом ракурсах // Дайджест – 2004: Дипломные работы факультета РГФ ВГУ. Воронеж, 2005. С. 37–50.
18. Недялков В.П. Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004. С. 315–393.
19. Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. 348 с.
20. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. Harper Collins Publishers, 2006. 1744 p.
21. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 2006. 1620 p.
22. Картавцев В.Н. Глаголы реципрокной семантики в английском языке (анализ словарных дефиниций) // Психолингвистика и лексикография : сб. науч. тр. Воронеж, 2016. С. 126–130.
23. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford : Oxford University Press, 1991.
24. Ломова Т.М., Чирко Т.М. «Язык как фразеология»: опыт лексико-синтаксического описания // Язык, коммуникация и социальная среда. 2010. № 8. С. 202–212.
25. Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций. М. : Азбуковник, 2010. 584 с.

Modelling of Reciprocal Semantics and Methods of Its Identification in the English Language (On the Material of Verbal Lexis)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 5–19. DOI: 10.17223/19986645/61/1

Olga O. Boriskina, Vladimir N. Kartavtsev, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: kartavtsev-study-2012@yandex.ru / olboriskina@gmail.com

Keywords: English language, reciprocal meaning, reciprocal, semantic actant, semantic modelling, syntactic pattern.

The study is aimed at modelling the reciprocal proposition and working out the methods of reciprocal semantics identification in the English language. A reciprocal situation is defined as a situation in which an actant is both the agent and the object or recipient of the same action(s) done by (an)other participant(s). The participants are connected by equivalent relations. Within the invariant reciprocal meaning there are different variations – configurations of propositions: indirect-reciprocal and direct-reciprocal with its subtypes: subject-reciprocal, subject-reciprocal with causation, quasi-reciprocal and object-reciprocal. The range of conceptual spheres in which reciprocal situations are possible is wide and represented by physical, social, intellectual and speech actions, causation of possession and non-possession, different types of relations, as well as location. Utterances describing such situations are constructed within the following syntactic patterns: the pattern with the subject expressing the plural agent, which represents the participants connected by reciprocal relations without a position for special reciprocal markers, the syntactic pattern with the same subject and a position for special reciprocal markers, the syntactic pattern with the subject and the object which are parties of the reciprocal relation. English verbs participating in reciprocity expression can be classified into three groups, namely: verbs that require special reciprocal markers, verbs that bear reciprocal semantics in certain syntactic patterns and verbs with inherent reciprocal semantics. The classification integrates the above-mentioned patterns and lexico-syntactic contextual conditions necessary for reciprocity expression. The latter group incorporates verbs which convey reciprocal semantics without any affixal marker. Such a covert expression of the categorical semantics can be identified with the help of a transformational test (mutual diathesis exchange), a logico-semantic interpretation and by the neighbouring element in the syntactic construction. At the same time, there are certain restrictions on the application of such identification methods: functioning of a verb within a status-marked speech action, certain types of syntactic constructions that cannot be transformed and verbal deixis. These methods enable us to identify the modelled reciprocal proposition in English utterances with the help of objective criteria.

References

1. Knyazev, Yu.P. (1998) Mestoimennyye konstruktii s vzaimnym znacheniem: drug druga, odin drugogo, mezhdru soboy [Pronouns with reciprocal meaning: drug druga, odin drugogo, mezhdru soboy]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 9. [Online] Available from: <http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/All/E18F8B7F4D0A93F8C3256727002E7BA3>. (Accessed: 25.01.2018).
2. Mustayoki, A. (2006) *Teoriya funktsional'nogo sintaksisa* [Theory of functional syntax]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Harper Collins Publishers. (1996) *Collins COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs*. London: Harper Collins Publishers.
4. Frajzyngier, Z. (2000) *Reciprocals: form and function*. John Benjamins Publishing Company.
5. Nedjalkov, V.P. (2007) *Reciprocal Constructions*. Vols 1–5. Amsterdam: John Benjamins.
6. Knyazev, Yu.P. (2007) *Grammaticheskaya semantika: Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical semantics: Russian in a typological perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

7. Konig, E. (2008) Reciprocals and reflexives: theoretical and typological explorations. In: Konig, E. & Gast, V. (eds) *Trends in Linguistics*. Is. 192. Berlin: Mouton de Gruyter.
8. Rubinstein, A. (2007) Groups in the Semantics of Reciprocal Verbs. *NELS 38: Proceedings of the 38th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. [Online] Available from: <https://www.semantic-sarchive.net/Archive/WUxYzA5N/RubinsteinNELS38.pdf>.
9. Evans, N. (2011) *Reciprocals and Semantic Typology*. John Benjamins Publishing.
10. Siloni, T. (2012) Reciprocal Verbs and Symmetry. *Natural Language & Linguistic Theory*. 30 (1). pp. 261–320.
11. Letuchiy, A.B. (2009) Dvoynoy retsiprok: znachenie i upotreblenie [Double reciprocal: meaning and use]. In: Kiseleva, K.L., Plungyan, V.A., Rakhilina, E.V. & Tatevosov, S.G. (eds) *Korpusnye issledovaniya po russkoy grammatike* [Corpus Studies in Russian Grammar]. Moscow: Probel. pp. 335–361.
12. Kruitwagen, I., Poortman, E.B. & Winter, Y. (2017) Reciprocal Verbs as Collective Predicate Concepts. *NELS 47*. Vol. 2.
13. Harper Collins Publishers. (1990) *Collins COBUILD English Grammar*. Harper Collins Publishers.
14. Chirko, T.M. & Lomova, T.M. (2008) Syntagmatics of actual senses and their paradigmatic basis. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series Linguistics and Intercultural Communication*. 3. pp. 7–11. (In Russian).
15. Yanko-Trinititskaya, N.A. (1962) *Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Reflexive verbs in modern Russian]. Moscow: Nauka.
16. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Editorial URSS.
17. Bystrykh, A.V. & Chirko, T.M. (2005) Realizatsiya kognitivno-diskursivnykh svoystv substantiva pain v kognitivnom i diskursivno-sintaksicheskom rakursakh [Implementation of the cognitive-discursive properties of the substantive 'pain' in the cognitive and discursive-syntactical perspectives]. In: Fenenko, N.A. (ed.) *Daydzhest – 2004: Diplomnye raboty fakul'teta RGF VGU* [Digest–2004: Theses of the Faculty of Romance and Germanic Philology of Voronezh State University]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 37–50.
18. Nedyalkov, V.P. (2004) Zametki po tipologii vyrazheniya retsiprokal'nogo i reflektivnogo znacheniy (v aspekte polisemii retsiprokal'nykh pokazateley) [Notes on the typology of the expression of reciprocal and reflective meanings (in the aspect of the polysemy of reciprocal indicators)]. In: Khrakovskiy, V.S. et al. (eds) *40 let Sankt-Peterburgskoy tipologicheskoy shkole* [40 years of the St. Petersburg School of Typology]. Moscow: Znuk. pp. 315–393.
19. Koprov, V.Yu. (2016) *Semantiko-funktsional'naya grammatika russkogo i angliyskogo yazykov* [Semantic-functional grammar of Russian and English]. Moscow: FLINTA: Nauka.
20. Harper Collins Publishers. (2006) *Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary*. Harper Collins Publishers.
21. Longman. (2006) *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Longman.
22. Kartavtsev, V.N. (2016) Glagoly retsiproknoy semantiki v angliyskom yazyke (analiz slovarnykh definitsiy) [Verbs of reciprocal semantics in English (analysis of dictionary definitions)]. In: Rudakova, A.V. (ed.) *Psikholingvistika i leksikografiya* [Psycholinguistics and Lexicography]. Voronezh: Istoki. pp. 126–130.
23. Sinclair, J. (1991) *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: Oxford University Press.
24. Lomova, T.M. & Chirko, T.M. (2010) “Yazyk kak frazeologiya”: opyt leksiko-sintaksicheskogo opisaniya [“Language as phraseology”: the experience of lexical and syntactic description]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda – Language, Communication and Social Environment*. 8. pp. 202–212.
25. Rakhilina, E.V. (2010) *Lingvistika konstruksiy* [Linguistics of constructions]. Moscow: Azbukovnik.

УДК 811.16:81'373.45/.46
DOI: 10.17223/19986645/61/2

Н.И. Данилина

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Рассматривается специфика интернационального компонента в лингвистической терминологии славянских языков. Установлена зависимость от нескольких факторов. Наиболее интернационализирована тематическая группа «Общие термины», наименее – «Части речи». Грецизмы конкурируют с национальными терминами реже, чем латинизмы. Тенденция к интернационализации слабее выражена в восточнославянском ареале (с примыкающими к нему польским и болгарским), сильнее – в западнославянском.

Ключевые слова: интернационализмы, изоглоссы интернационализмов, лингвистическая терминология, славянские языки, факторы интернационализации.

Значительная доля заимствований в сфере терминологии разных наук, образование интернационального терминологического фонда отмечались исследователями еще в период зарождения терминоведения как самостоятельной лингвистической дисциплины [1]. Указания на то, что сферой преимущественного бытования интернационализмов является терминология, можно считать уже общим местом для исследований по интернационализмам (см., например, [2]). Выделяются два типа заимствований-интернационализмов: лексические заимствования и морфологические, или термины, созданные искусственно из заимствованных элементов [1. С. 11]. Ведущая роль в интернационализации терминофонда всегда принадлежала классическим языкам, преимущества которых в данной функции четко сформулированы В.П. Даниленко [3. С. 33–35]. По наблюдениям С.В. Гринёва-Гриневича, эта тенденция сохраняется и в настоящее время [4. С. 162]. Н.В. Юшмановым был создан первый словарь интернациональных терминологических элементов [5]. С тех пор подобные перечни и словари стали традиционными. Из наиболее полных назовем [6. С. 27–85; 7; 8]. Отдельные статьи, посвященные интернационализмам в терминологии, можно найти среди работ, выполненных на материале разных славянских языков и разных отраслевых терминологий, например [9, 10]. Подсчитана степень интернациональности терминологий некоторых наук [4. С. 162]. Однако работ, специально посвященных интернационализмам в лингвистической терминологии, нам не встретилось среди исследований ни отечественных, ни зарубежных терминоведов, хотя база iSybislaw предоставляет возможность такого поиска. Таким образом, несмотря на кажущуюся тривиальность, вопрос о специфике интернационализации лингвистической терминологии в разных славянских языках представляется актуальным.

Большинство исследователей понимают под интернационализмом слово, форма выражения которого совпадает (с учетом фонетических соответствий) по крайней мере в трех неблизкородственных языках [11. С. 197]. О.С. Ахманова вводит в дефиницию принадлежность «общеэтимологическому фонду ряда языков, близких по происхождению или сходных по историческому развитию» [12. С. 180]. Вместе с тем в монографии [13], являющейся наиболее авторитетным исследованием интернационализмов, понятие интернациональности трактуется предельно широко и включает не только лексемы и морфемы, но и фраземы, синтаксические и семантические явления, а также ономотопеи [13. С. 30]. Притом что словарное определение интернационализма не предполагает подведения под эту категорию калек (семантических заимствований и копирования внутренней формы), такое расширенное понимание интернациональности имеет место в [14. С. 102]. Мы, однако, будем придерживаться узкого понимания интернационализмов, чтобы показать, что даже при такой трактовке в рассматриваемой сфере могут быть прослежены определенные тенденции.

Именно узкое понимание интернационализма позволяет затронуть вопрос о таком важном свойстве термина, как мотивированность. В.В. Акуленко, например, прямо называет неоклассические термины мотивированными [13. С. 185], тогда как И.А. Ребрушкина на материале таких терминов развивает теорию отношений внутрисистемной ориентированности [15]. Представляется, что противопоставление отношений ориентированности отношениям мотивированности отражает специфику классических и неоклассических терминов на фоне смежных явлений, в том числе калек. Материал, который будет рассмотрен, демонстрирует, по сути дела, ориентирующий потенциал как отдельных немотивированных терминов, так и целых терминологий, а также, до некоторой степени, «предпочтения» национальных терминологических традиций в выборе между двумя названными типами отношений.

В качестве объекта исследования нами была взята лингвистическая терминология славянских языков. Была поставлена задача выявить факторы, влияющие на степень интернациональности терминологии. Проверялись гипотезы о влиянии национальной терминологической традиции (для отдельного языка или для группы языков, характеризующейся большей или меньшей генетической близостью или культурным взаимодействием), о значимости происхождения конкретных терминов (своеязычные, латинские или греческие), о разном поведении разных семантических групп и разных хронологических пластов терминологии. Источником материала послужил словарь [16]. В дальнейшем, обозначая материал того или иного языка, мы придерживаемся сокращений, принятых в данном словаре, см. список сокращений. Безусловно, взятый словарь не отражает современного состояния терминологий, однако достаточно полно характеризует их базовый состав, поэтому анализ данного материала может служить отправной точкой для изучения эволюции терминологий к их современному состоянию (что может составить предмет самостоятельного исследования и не

входило в наши задачи). По данной причине мы выбрали для анализа наиболее устоявшиеся к моменту создания словаря тематические группы: «Общие понятия», «Звуковая сторона языка», «Словарный состав», «Части речи». Анализировались термины-существительные и прилагательные в составе терминологических словосочетаний. Объем материала составил от 728 до 755 лексем в каждом языке, по группам соответственно 165–170, 285–299, 118–121, 150–169. Поскольку в качестве основного критерия интернационализма выдвигается совпадение формы выражения в неблизкородственных языках, собранный материал рассмотрен без учета калькирования, с точки зрения этимологической базы. Совпадения, обусловленные генетической близостью, не учитываются как интернационализмы. Контрольным является сопоставление с английской, немецкой и французской терминологиями, материал которых также представлен в данном словаре. Интернационализмами считаем не только полные, но и корневые, т.е. обладающие общностью корня при возможном национальном характере аффиксальной части [13. С. 102]. Сначала термины каждой группы рассматриваются отдельно, затем сопоставляются полученные результаты. Для иллюстрации отдельных явлений используются, где возможно, примеры из русского языка, для иллюстрации лингвогеографических аспектов анализа – материал всех славянских языков.

Материал может быть разделен на 3 класса: 1) во всех языках представлены национальные лексемы с терминологическим значением; 2) во всех языках представлены термины, интернациональные по форме выражения; 3) конкурируют термины из национального и классического корневого материала. Зафиксирована конкуренция двух видов: конкурируют два термина в одном языке; одни языки имеют национальный термин, другие – интернациональный. Хотя конкуренция терминов из национального и классического этимологического материала – тенденция, общая для всей исследуемой терминологии, наиболее ярко она проявляется в группе «Части речи», где конкурентные пары составляют 80% терминов. Группа «Общие понятия» тяготеет, скорее, к интернациональной форме выражения: термины, не имеющие интернациональных вариантов, составляют только 14%, конкурентные пары – 45%.

Остановимся сначала на двух обозначенных выше видах конкуренции. Имеются немногочисленные случаи, когда члены одной терминологической пары с национальной и интернациональной формой выражения конкурируют почти во всех славянских языках. В большинстве же случаев конкурирующие термины формируют изоглоссы разной мощности. Ареалы, очерчиваемые изоглоссами конкурирующих терминов, могут как пересекаться (в случаях наличия внутриязыковой конкуренции), так и не пересекаться. Непересекающиеся ареалы единичны.

В группе «Фонетика» зафиксировано больше всего примеров (28) внутриязыковой конкуренции, носящей общеславянской характер. Все они входят в тематическую группу «Артикуляционная фонетика»: *гортань* / *ларинкс*, *десны* / *альвеолы*, *язычок* / *увула*, *вдох* / *инспирация*, *выдох* / *эспи-*

рация, приступ / экскурсия, отступ / рекурсия, дрожание / вибрация, огубление / лабиализация, палатальный / мягкий, непалатальный / твердый, носовой / назальный, боковой / латеральный, гемината / удвоенный и т.п.

В группе «Части речи» внутриязыковая конкуренция общеславянского характера встречается реже, чем в группе «Фонетика», но не единично. Во всех языках имеются пары *глагол длительного действия / дуративный, начинательный / ингрессивный, окончательный / финитивный, союз сочинительный / паратактический*, в 8–10 языках – *союз подчинительный / гипотактический, (не)совершенство / (им)перфективность, ласкательный / гипокористический, имя нарицательное / апеллатив, глагол многократный / итеративный, (не)совершенного вида / (им)перфектив*. Многие из этих пар входят в группу «Вид и способы глагольного действия»; в целом, однако, данная группа тяготеет к интернациональности (не имеют национальных аналогов термины *каузативный, фактитивный, инхоативный, перфективация* и др.).

В других группах примеры общеславянской внутриязыковой конкуренции терминов редки. «Общие понятия»: *языкознание / лингвистика, орфография / правописание, устойчивость / стабильность, одноязычие / монолингвизм, двуязычие / билингвизм*. «Лексика»: *лексика / словарь, многозначный / полисемантический, определение / дефиниция*.

Примеры непересекающихся ареалов конкурирующих терминов единичны (табл. 1).

Таблица 1
Конкурирующие термины с непересекающимися ареалами

Национальный термин	Интернациональный термин	Национальный термин	Интернациональный термин	Национальный термин	Интернациональный термин
R <i>отличие</i>			R <i>орфографический</i>		R <i>фамилия</i>
U <i>відмінність</i>			U <i>орфографічний</i>	U <i>прізвище</i>	
BR <i>ад-рознівнанне</i>			BR <i>арфаграфічны</i>	BR <i>прозвішча</i>	
	P <i>dystynkcja</i>		P <i>orto-graficzny</i>	P <i>nazwisko</i>	
	Č <i>distinkce</i>	Č <i>pravopisný</i>		Č <i>příjmení</i>	
	S <i>dištinkcia</i>	S <i>pravopisný</i>		S <i>priezvisko</i>	
	HLS <i>distinkcija</i>	HLS <i>prawopisny</i>		HLS <i>svůjbně mjeno</i>	
	B <i>дистинкция</i>	B <i>правописен</i>		B <i>презиме</i>	
	M <i>дистинкција</i>	M <i>правописен</i>		M <i>презиме</i>	
	SH <i>дистинкција</i>	SH <i>правописни</i>		SH <i>презиме</i>	
	SL <i>distinkcija</i>	SL <i>pravopisni</i>		SL <i>priimek</i>	

Наиболее распространено в славянской лингвистической терминологии совмещение обоих видов конкуренции: в одних языках имеется только национальный термин, в других – только интернациональный, в третьих – конкурирующая пара. Чаще всего в подобных случаях возможно установить, доминирует ли на рассматриваемом пространстве в целом интернациональный термин или его национальные эквиваленты.

Примеры доминирования интернациональных терминов даны в табл. 2, национальных – в табл. 3, равномошности национальных и интернациональных эквивалентов – в табл. 4.

В некоторых случаях интернациональный компонент конкурентной группы представлен не одним, а несколькими терминами: R *произвольность*, U *довільність*, SL *poljubnost* / Č *arbitrarnost*, S *arbitrarnost'*, HLS *arbitrarnosc*, В *арбитрарност*, М *арбитрарност*, SH *арбитрарност*, SL *arbitrarnost* / P *konwencjonalność*.

Т а б л и ц а 2

Доминирование интернациональных терминов

Национальный термин (4)	Интернациональный термин (7)	Национальный термин (5)	Интернациональный термин (10)	Национальный термин (4)	Интернациональный термин (11)
	R <i>фонетика</i>		R <i>диалектологический</i>	R <i>отвлеченное сущ-е</i>	R <i>абстрактное</i>
	U <i>фонетика</i>		U <i>диалектный</i>		U <i>абстрактный</i>
	BR <i>фанетика</i>		BR <i>дыялектны</i>		BR <i>абстрактны</i>
	В <i>фонетика</i>		В <i>диалектен</i>		В <i>абстрактно</i>
	М <i>фонетика</i>		М <i>дијалектолошки</i>		М <i>апстрактна</i>
	SH <i>фонетика</i>		SH <i>дијалектолошки</i>	SH <i>неотварна, мислена</i>	SH <i>апстрактна</i>
HLS <i>zwukowěda</i>	HLS <i>fonetika</i>	HLS <i>narěčny</i>	HLS <i>dialektowy, di-alektny</i>		HLS <i>abstraktny</i>
Č <i>hláskosloví</i>		Č <i>nářeční</i>	Č <i>di-alektologický</i>		Č <i>abstraktní</i>
S <i>hláskoslovie</i>		S <i>nářečový</i>	S <i>dialektologický</i>		S <i>abstraktné</i>
SL <i>glaskoslovje</i>		SL <i>narečni</i>	SL <i>dialektični</i>	SL <i>pojmovni</i>	SL <i>abstraktni</i>
		P <i>gwarowy</i>		P <i>oderwany, umysłowy</i>	P <i>abstrakcyjny</i>

Т а б л и ц а 3

Доминирование национальных терминов

Национальный термин (9)	Интернациональный термин (4)	Национальный термин (9)	Интернациональный термин (3)	Национальный термин (8)	Интернациональный термин (4)
R видовая пара		R слог		R обратный словарь	
U видова		U склад		U обернутый, зворотний	
BR відавая, трывальная		BR склад		BR адваротны	
B видова		B сричка		B обратен	
M видски		M слог		M обратен	
SH видски	SH аспекти	SH слог		SH обратни	
Č vidová			Č sylaba, slabika		Č retrográdní
S vidová			S sylaba, slabika		S retrográdný
SL vidska	SL aspektni	SL zlog		SL odzadnji	SL retrogradni
	P aspektowa	P zgłoska	P sylaba	P odwrócony	
	HLS aspektowy	HLS złożka			HLS retrogradny

Т а б л и ц а 4

Равнозначность национального и интернационального терминов

Национальный термин (9)	Интернациональный термин (8)
R избыточность	
U надлишковість	
BR збыткоўнасць	
B излишество	B редундантност, редунданция
M избылност	M редундантност, редунданција
SH zališnost	SH редундантност, редунданција
SL izobilnost, preobilnost	SL redundantnost, redundanca
Č nadbytečnost	Č redundantnost, redundance
S nadbytočnost	S redundanost', redundancia
	P redundancja
	HLS redundanca

Рассмотрим подробно соотношение национального и интернационального компонентов в каждой из четырех проанализированных терминологических макрогрупп. В группе «Общие понятия» 41% терминов не имеет национальных эквивалентов, 45% составляют конкурентные пары. В последних в 69% случаев также доминируют интернациональные термины. В общей сложности интернациональная форма выражения преобладает у 72% терминов. Не имеют национальных эквивалентов либо имеют отчетливо выраженную интернациональную доминанту названия многочислен-

ных разделов языкознания (*ономастология, топонимика, психолингвистика* и т.п.), термины системно-структурного языкознания (*изоморфизм, инвариант, корреляция, парадигматика, синхрония, оппозиция, дистрибуция* и т.д.), лингвистической географии и социолингвистики (*изоглосса, адстрат, диглоссия, койне, диалект, ареал* и т.п.) – отраслей, получивших преимущественное развитие в XX в. Национальная доминанта фиксируется в немногочисленных конкурентных группах (*обозначающее, обозначаемое, план выражения, высказывание, международный язык, трёхязычие, многоязычие*) и базовых терминах (*язык, речь, говорящий, слушающий, значение, правильность, ошибка, просторечие* и некоторые другие). Обращает на себя внимание тот факт, что большинство названных интернационализмов возникло в периоды лояльного отношения к заимствованиям. Национальны по форме выражения лишь базовые термины раннего возникновения. Неоднозначное отношение к интернационализации в русском языке XIX в. и активизацию этой тенденции в некоторые периоды XX в. отмечает на материале общеупотребительной лексики и В.В. Акуленко [13. С. 177], а на материале русской лингвистической терминологии аналогичные выводы были сделаны в диссертации [17].

В группе «Лексика» интернационализмы без национальных эквивалентов составляют 37%, конкурентные группы – 40%; в целом интернациональную доминанту имеют 59% терминов. Однако в этой макрогруппе наблюдается отчетливое тематико-хронологическое расслоение. Интернациональные термины представлены, с одной стороны, лексемами, восходящими непосредственно к античной языковедческой традиции, с другой – терминами, возникшими уже в XX в. (*терминологизация, универбация, коннотация* и т.п.). Ранний пласт формирует ядро тематической группы «Системные отношения в лексике» (*синоним, антоним, омоним, эфемизм, идиома, номенклатура* и т.д.). Поздний пласт – термины, образованные от ранних или по их образцам (*омофон, дисфемизм, деэтимологизация*); многие из них обозначают функциональные особенности слов, которые стали предметом систематического изучения в XX в. (*неологизм, вульгаризм, арготизм, поэтизм* и т.п.). Явления, не получившие устойчивых терминологических обозначений в античной традиции, но имеющие сравнительно давнюю традицию изучения в языковедении Нового времени, именуются преимущественно национальными словами (*заимствование, сужение значения, улучшение значения, наименование, освоенное слово, пословица, поговорка*). Особое место занимает тематическая группа «Лексикография». Среди лексикографических терминов особенно много таких, которые не имеют интернациональных эквивалентов: *толкование, гнездо, гнездование, Р hasło, словари одноязычный, двуязычный, многоязычный, переводной*. В случаях конкуренции многие термины лексикографии имеют национальную доминанту: *Р пример, В заглавка, Р словник; словари В правописен, Р обратный, толковый*. В ряде случаев конкурирующие пары лексикографических терминов не имеют отчетливо выраженной доминанты: *определение, словари идеографический, алфавитный, сопоста-*

вительный. Терминов с интернациональной доминантой в этом поле меньше: *тезаурус, глоссарий, индекс; словари нормативный, этимологический, орфоэпический, исторический, диалектный, В фреквенстен*. Похожими свойствами обладает и тематическая группа «Заимствование», у большинства членов которой либо нет интернациональных эквивалентов (*слово своеязычное, иноязычное, заимствованное, заимствование двойное, обратное*), либо есть национальная доминанта в конкурентных парах (*заимствование непосредственное, опосредованное*); интернациональны лишь термины интернационализм и калька.

В группе «Фонетика» не имеет национальных эквивалентов 21% терминов, 53% конкурирующих пар также имеют интернациональную доминанту; общий показатель – 53%. Здесь, как и в макрогруппе «Лексика», наблюдается тематико-хронологическое расслоение. Преимущественно интернациональна терминология, восходящая к античной традиции, которая включает в себя две основные тематические группы: «Суперсегментная фонетика» (*энклиза, просодический, тон, монотония, метатония, эмфаза, мелодия, ритм, окситонический, мора, пауза, акут, циркумфлекс и т.д.*) и «Фонетические процессы и явления в структуре слова» (*хиатус, апокопа, элизия, монофтонг, дифтонг, гетеросиллабический, эпентеза и т.п.*). Поздними интернационализмами являются термины фонологии (*фонема, аллофон, признак релевантный, ингерентный, функция делимитативная, кульминативная, дистинктивная*) и, по большей части, термины тематической группы «Классификации звуков». Сюда относятся многие термины артикуляционной классификации согласных (*альвеолярный, ларингальный, назальный, апикальный, дорсальный, какуминальный, ретрофлексный, фрикативный, спирант, сибилант, вибрант, аффриката и т.п.*), универсальной акустической классификации (*вокальный, консонантный, диффузный, бемольный и т.д.*) и вообще акустической фонетики (*форманта, амплитуда, тембр*). Названия фонетических процессов, связанных с взаимодействием звуков, также интернациональны (*диссимилиация, назализация, вокализация, йотация, лабиализация и т.д.*). Как известно, и возникновение фонологии, и активная разработка фонетических классификаций, особенно при помощи инструментальных методов, – достижения начала XX в. В то же время названия основных органов речи и способов артикуляции имеют преимущественно национальную доминанту (*язык, гортань, нёбо, губы, зубы, смычка, щель, трение, преграда*), поэтому часть терминов артикуляционной классификации образует конкурентные пары равной или почти равной мощности, которые были перечислены ранее. Национальны термины артикуляционной классификации гласных (*высокий, средний, низкий, широкий, узкий, открытый, закрытый*).

Группа «Части речи» – единственная из проанализированных, где национальный компонент преобладает над интернациональным: не имеют интернациональных эквивалентов или доминируют в конкурентных парах 59% терминов, равномошны члены 16% конкурирующих пар, только 25% терминов имеют интернациональную доминанту. Это, как было упомянуто, большинство членов тематической группы «Вид и способы глагольного дей-

ствия» (притом что сами термины *вид* и *видовая пара* имеют национальные доминанты) и тематическая группа «Ономастика» (*этноним, антропоним, топоним, гидроним, ороним, патроним*). Обе группы получили детальную разработку в середине XX в. Другие интернационализмы редки: *значение анафорическое, дейктическое, реляционное; частица экспрессивная, модальная, препозитивная*. Основная терминология учения о частях речи складывалась в период сдержанного отношения к заимствованиям, поэтому создавалась из национального материала, в том числе путем калькирования.

Итак, в рассмотренном материале прослеживается зависимость интернационализации формы выражения от тематико-хронологического фактора. Базовые понятия науки о языке складываются независимо от инокультурных влияний и получают национальные наименования (*язык, речь, говорящий, слово*, названия основных органов речи и т.п.). Разделы языковедения, детально разработанные в Античности и не привлекавшие внимания славистов до XX в., сохраняют и соответствующую терминологию, ставшую интернациональной («Системные отношения в лексике», «Суперсегментная фонетика»). Учение о частях речи, активно разрабатывавшееся славистикой в эпоху пуристических тенденций, предпочитает национальную форму выражения терминов. Названия многочисленных отраслей современной лингвистики, терминология новых научных направлений и узких предметных областей, сложившаяся в XX в., имеют отчетливо выраженную интернациональную доминанту.

Если рассматривать интернациональные термины с точки зрения конкретного этимологического материала, то можно констатировать большую устойчивость греческих терминов в сравнении с латинскими: латинские термины чаще имеют национальные эквиваленты, в противоположность греческим, реже испытывающим конкуренцию со стороны терминов, национальных по форме выражения (табл. 5). При этом термины греческого происхождения, как полностью интернациональные, так и конкурирующие с национальными, обычно восходят непосредственно к античной языковедческой традиции (*диалект, просодия, метатеза, полисемия, койне* и др.). Устойчивость греческих терминов поддерживается и традицией их употребления в латинском языке в качестве заимствований. Латинские же термины в большинстве своем имеют неоклассический характер (*палатальный, кодификация, билингвизм, дивергенция*), по крайней мере в терминологическом значении. Так, например, в словарях латинского языка *usus* ‘пользование, употребление; обычай’, *terminus* ‘межевой знак; граница, предел; конечная цель’, *reflexus* ‘изгиб; поворот’ [18].

Т а б л и ц а 5

Устойчивость терминов из материала классических языков, %

Тематическая группа		Общие понятия	Фонетика	Лексика	Части речи
Не имеют национальных эквивалентов	Греческие	67	44	61	44
	Латинские	36	21	38	6

Рассмотрим теперь, как проявляется интернационализация исследуемой терминологии в конкретных языках. В среднем доля терминов, интернациональных по форме выражения, составляет от 32% в словенском языке до 54% в лужицком. Доля терминов с национальной формой выражения несколько ниже: от 24% в словенском языке до 43% в белорусском. Если сопоставить эти цифры с показателями по терминологиям других наук [4. С. 162; 14. С. 69], то можно сделать вывод, что терминология традиционной лингвистики интернациональна далеко не в максимальной мере.

Поскольку средние показатели не учитывают выявленной ранее специфики разных тематических групп, представляется целесообразным продолжить дифференцированный анализ и определить специфику интернационализации каждой национальной терминологии внутри в каждой из тематических групп. Анализ материала показал, что параметром, значимым для сопоставления национальных терминологических традиций, является не столько доля интернационализмов в общем терминофонде, сколько «разрыв» между долями национальных и интернациональных терминов, т.е. степень доминирования интернационализмов. Для тематических групп с преобладанием интернациональных терминов шкалы доминирования даны в табл. 6, для тематической группы «Части речи» с национальной доминантой – в табл. 7.

Таблица 6

Шкала доминирования интернационального компонента по тематическим группам, %

Тематическая группа	Общие понятия										
Язык	SL	R	P	B	U	BR	Č	S	SH	M	HLS
Интернациональный компонент	51	65	64	63	66	69	64	67	67	70	72
Доминирование («разрыв»)	30	38	42	42	43	45	45	48	50	52	53
Тематическая группа	Фонетика										
Язык	P	SL	BR	U	B	S	Č	SH	R	HLS	M
Интернациональный компонент	39	29	44	44	41	38	38	46	41	50	51
Доминирование	-2	3	3	6	7	10	12	16	17	20	23
Тематическая группа	Лексика										
Язык	B	BR	SL	Č	R	S	U	M	P	HLS	SH
Интернациональный компонент	54	54	46	52	56	56	57	61	62	62	61
Доминирование	14	15	16	16	17	20	21	24	30	32	33

Таблица 7

Шкала доминирования национального компонента в группе «Части речи», %

Язык	BR	R	B	U	P	M	SL	SH	S	Č	HLS
Национальный компонент	72	69	60	54	49	46	20	32	25	24	16
Доминирование («разрыв»)	53	50	37	32	23	18	6	5	5	2	-20

Несмотря на весьма различные абсолютные показатели, можно заметить, что в левой части шкалы (преобладание интернационального компонента наименьшее) располагаются белорусская, болгарская и словенская терминологии, в правой (преобладание интернационального компонента самое существенное) – македонская, лужицкая, сербо-хорватская. Чешская и словацкая занимают на шкале средние позиции, т.е. характеризуются умеренным преобладанием интернационального компонента. Русская, украинская и польская терминологии проявляют тематическую избирательность в отношении к интернационализмам.

В группе «Части речи» во всех славянских терминологиях, кроме лужицкой, преобладает национальный компонент. В лужицкой терминологии интернационализмы составляют 36%, национальные термины – 16%. Взаимное расположение языков на шкале несколько отличается от того, которое наблюдается в других тематических группах, расхождение между крайними точками шкалы больше, т.е. именно в отношении терминологии частей речи наиболее ярко проявляются национальные терминологические традиции. В белорусской и болгарской терминологиях национальный компонент значительно сильнее интернационального, к ним примыкают русская и украинская, в лужицкой ситуация обратная; сербо-хорватская, словенская, чешская и словацкая терминологии характеризуются равномоощностью национального и интернационального компонента.

Полученные результаты подтверждает и лингвогеографический анализ. В тематической группе «Части речи» можно выделить восточнославянский ареал. Он очерчен изоглоссами терминов *вид*, *разделительный союз*, *изъяснительный союз*, *союз причины*. 18 изоглосс объединяют восточнославянские языки (иногда без украинского) с болгарским и противопоставляют их остальным языкам. Это изоглоссы терминов *непроизводное слово*, *собирательное существительное*, *относительное прилагательное (наречие, местоимение)*, *притяжательное прилагательное (местоимение)*, *союз (наречие) места, времени* и др. 10 изоглосс объединяют русский, белорусский, болгарский и польский языки, в противоположность остальным: *имя существительное*, *имя прилагательное*, *относительное местоимение (наречие)*, *указательное местоимение (наречие)*, *(не)возвратный глагол (местоимение)*. Изоглоссы, выделяющие восточнославянский ареал, присутствуют и в группе «Лексика» (*живая метафора*, *частотный словарь*, *областное слово*), и в группе «Общие понятия» (*избыточность*, *отличие*, *трехъязычие*). Представлено и объединение с болгарским (*сопоставительный словарь*) и польским (*орфографический словарь*), а также с обоими одновременно (*сопоставительный метод*). В тематической группе «Фонетика» восточнославянский ареал не так четко противопоставлен другим (только термин *ударение*), но сохраняет свое единство. Довольно часто к нему примыкает польский (*частота*, *длительность*, *гласный*, *согласный*, *ротовой*, *смычный*, *полусмычный*, *плавный*). Из других ареалов можно было бы назвать чешско-словацкий, так как расхождения между

этими терминологиями минимальны, но эти терминологии, в отличие от восточнославянских, не бывают противопоставлены всем остальным.

Описанная картина не полностью совпадает с результатами, полученными В.В. Акуленко на основе анализа нетерминологических интернационализмов. Подтверждая наличие восточнославянского и чешско-словацкого ареалов, исследователь констатирует, однако, противоположные тенденции: к интернационализации в первом и к национализации во втором. Возможно, терминология и общеупотребительная лексика действительно ведут себя различно в отношении к заимствованиям-интернационализмам, однако это предположение требует проверки на материале других отраслевых терминологий. Из совпавших результатов следует назвать сближение с русским языком польского и болгарского, а также заметную тенденцию к национализации в польском языке [13. С. 92]. Влияние русской терминологической традиции на болгарскую уже отмечалось исследователями [19].

Если принять более широкую трактовку интернационализации и включить в число интернационализмов члены конкурентных пар, то выявленная группировка в целом не изменится (табл. 8). Одну группу образуют восточнославянские терминологии, к которым примыкают польская и болгарская. Средняя доля конкурентных пар здесь невысока (табл. 9). В русской, белорусской и болгарской традициях наиболее вариативна терминология фонетики, в польской и украинской – терминологии частей речи и фонетики. Примеры: *R* *ува* / *язычок*, *инспирация* / *вдох*, *фрикация* / *трение*, *лабиализация* / *огубление*, *интенсивность* / *сила*; *P* *pełnoznaczny* / *autosemantyyczny*, *pierwotny* / *prymarny*, *dzierzawcy* / *posesiwny*, *partycuła* / *wyrazek*. Вторая группа представлена чешской, словацкой и словенской терминологиями, где средняя доля параллельных терминов значительно выше, особенно в словенской терминологии (табл. 9). Наиболее вариативна здесь терминология частей речи, терминология фонетики несколько стабильнее. Примеры: *S* *interjekcia* / *citoslovce*, *adjektivum* / *prídavné meno*, *kvalitatívne* / *jakostné adjektivum*, *konjunkcia* / *spojka*; *pauza* / *prestavka*, *akzent* / *prízvuk*, *diftong* / *dvojhláska*, *vocal* / *samohláska*. Медиальную позицию занимают лужицкая и сербо-хорватская терминологии, в которых средняя доля конкурентных пар не слишком высока, но вариативность терминологии частей речи существенна. Примеры: *SH* *адверзативни* / *супротни*, *интерјекција* / *узвик*, *супстантив* / *именица*, *адјектив* / *придев*.

Таблица 8

Конкурентные пары в терминофонде, %

Тематические группы	Языки										
	R	BR	B	M	U	P	HLS	SH	Č	S	SL
Общие понятия	8	7	17	11	11	14	8	14	17	14	28
Фонетика	24	15	25	21	18	20	20	24	36	33	45
Лексика	5	7	4	3	8	6	7	11	8	7	24
Части речи	13	7	17	26	24	25	48	41	54	55	62

Сопоставление материала славянской лингвистической терминологии с материалом английской, французской и немецкой дает картину, представленную в табл. 9 и 10.

Таблица 9

Интернационализация славянских и неславянских терминологий, %

Материалы сопоставления	Славянские языки											Неславянские языки		
	R	BR	U	B	M	SH	P	HLS	Č	S	SL	E	D	F
Национальные термины	41	43	38	37	31	27	37	25	27	27	26	20	23	20
Конкурентные пары	15	10	14	19	17	24	18	21	30	29	42	8	9	6

Таблица 10

Тематическое распределение национального компонента в неславянских языках, %

Языки	Е			D			F		
Тематические группы	Фонетика	Части речи	Лексика	Фонетика	Части речи	Лексика	Фонетика	Части речи	Лексика
Национальные термины	22	14	25	28	12	33	23	18	21
Конкурентные пары	12	5	5	12	10	5	10	4	4

Доминирование интернационального компонента над национальным в рассмотренных неславянских терминологиях значительно больше, чем в славянских. Национальному компоненту во всех языках свойственно тематическое распределение. В рассмотренных неславянских терминологиях доля национального компонента выше в группах «Фонетика» и «Лексика». Из славянских терминологий аналогичную картину дает лужицкая, что, с учетом лингвогеографического и социолингвистического факторов, представляется закономерным. В остальных славянских языках спецификой обладает терминология частей речи, в которой национальный компонент либо равномошен с интернациональным, либо доминирует над ним. Сосуществование национальных и интернациональных терминов свойственно английскому, французскому и немецкому языкам в меньшей степени, чем славянским, при этом в немецком языке оно встречается чаще, чем в английском и французском. В английской и французской терминологиях конкурирующие пары сосредоточены преимущественно в группе «Фонетика», в немецкой также в группе «Части речи».

Подведем итоги. При узком понимании интернациональности (только на уровне лексем и без учета калькирования) интернационализация лингвистической терминологии славянских языков в среднем не высока и ниже, чем в соответствующих английской, немецкой и французской терминологиях. Славянским языкам в большей мере, чем названным неславян-

ским, свойственно употребление терминов, национальных по форме выражения, причем как параллельно интернационализмам, так и без интернациональных аналогов. Интернационализация лингвистической терминологии в славянских языках демонстрирует зависимость от нескольких факторов. Самыми сильными оказываются тематический и хронологический: интернациональны по форме выражения либо термины, восходящие непосредственно к античной языковедческой традиции и принадлежащие предметным областям, не получавшим активной разработки в языковедении XVIII–XIX вв., либо термины позднего возникновения, связанные с предметными областями, активно исследовавшимися в XX в. Отражением обозначенной тенденции явились наибольшая степень интернационализации в тематической группе «Общие понятия» и преобладание терминов, национальных по форме выражения, в тематической группе «Части речи», а также расслоение групп «Фонетика» и «Лексика». Описанная тенденция также противопоставляет славянские языки английскому, немецкому и французскому, в которых наблюдается лишь тематическое расслоение групп «Фонетика» и «Лексика». Что касается этимологической базы интернационализмов, то термины греческого происхождения более устойчивы, тогда как латинизмы чаще испытывают конкуренцию со стороны терминов с национальной формой выражения. Действие лингвогеографического фактора проявляется в формировании двух ареалов: восточнославянского с примыкающими к нему польским и болгарским, где влияние тенденции к интернационализации слабее, и западнославянского (кроме польского языка) с примыкающими к нему сербо-хорватским и македонским, с более сильной тенденцией к интернационализации. Состав ареалов полностью объясним особенностями историко-культурного взаимодействия славянских народов. Следует подчеркнуть, что действие лингвогеографического фактора происходит в рамках тематико-хронологического и не противоречит ему.

Сокращения названий языков

В – болгарский
BR – белорусский
Č – чешский
D – немецкий
Е – английский
F – французский
HLS – верхнелужицкий
M – македонский
P – польский
R – русский
S – словацкий
SH – сербо-хорватский
SL – словенский
U – украинский

Литература

1. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М. : Наука, 1982. 149 с.
2. Konická J. Интернационализмы в словенском и русском языках. URL: <http://www.academia.edu/3077021>
3. Даниленко В.П. Русская терминология. М. : Наука, 1977. 246 с.
4. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 303 с.
5. Юшманов Н.В. Элементы международной терминологии : слов.-справ. М. : Наука, 1968. 72 с.
6. Тэорыя і практыка беларускай тэрміналогіі. Минск : Беларуская навука, 1999. 175 с.
7. Гарник А.В. и др. Словарь греческих дериватов в языках восточных и южных славян. Минск : Изд-во БГУ, 2009. 140 с.
8. Шевченко Г.И. и др. Словарь латинских дериватов в языках восточных и западных славян. Минск : БГУ, 2007. 109 с.
9. Lipczuk R. Problem internacjonalizmów – ze szczególnym uwzględnieniem wyrazów międzynarodowych w prawie handlowym // Problemy komunikacji międzykulturowej : lingwistyka, translatoryka, glottodydaktyka. Warszawa : Graf-Punkt, 2000. S. 265–278.
10. Mazurkiewicz-Sułkowska J. Internacjonalizmy jako źródło ekwonomimii w słowiańskiej terminologii technicznej (na materiał polskim, rosyjskim i bułgarskim) // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. Warszawa, 2015. № 50. S. 166–180.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с.
12. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1969. 608 с.
13. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков : Изд-во Харьков. ун-та, 1972. 215 с.
14. Циткина Ф.А. Терминология и перевод (к основам сопоставительного терминоведения). Львов : Вища школа, 1988. 158 с.
15. Рёбрушкина И.А. Ориентирующие свойства терминов (на материале русской лингвистической терминологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005. 18 с.
16. Словарь славянской лингвистической терминологии. Прага : Academia, 1977.
17. Евлоева З.И. Русская лингвистическая терминология в эволютивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 150 с.
18. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М. : Рус. яз., 1976. 1096 с.
19. Димитрова Н.Д. Русские грамматические термины в болгарской культурной традиции : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 204 с.

The National and the International in Slavic Linguistic Terminology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 20–36. DOI: 10.17223/19986645/61/2

Natalia I. Danilina, Saratov State Medical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: danilina_ni@mail.ru

Keywords: international words, isogloss of international words, Slavic languages, terminology of linguistics, factors of internationalization of terminology.

The question about the peculiarities of internationalization in different terminological traditions is relevant because the material of the linguistic terminology of the Slavic languages has not been studied. The study aims to identify factors influencing the emergence of international words in terminology, to consider the specific forms of internationalization. The source of the material is *Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology*. The object of the analysis is the thematic groups “Universal Notions”, “The Phonic Aspect of Language”, “Lexicon”, “Parts of Speech”. The material is about 750 lexemes in the eleven Slavic languages, which

are further comparatively analyzed with their English, German and French counterparts. Research methods are etymological, quantitative, contrastive, linguogeographical. The first stage is the identification of the specifics of each thematic group, followed by a cross-comparison. The second stage is the identification of the specifics of national terminological traditions and areal analysis. International words make up about 50% of units in the linguistic terminology of Slavic languages (it is less than in the main European languages). Slavic languages have many terms with the national form of expression, which are used along with international words, or instead of their international counterparts. The internationality of linguistic terminology in Slavic languages depends on various factors, mainly, thematic and chronological ones. International words are the ancient tradition terms (*synonym, idiom, emphatic, oxytonic* ect.) and the terms that emerged in the 20th century (*phonology, neutralization, laryngeal, neologism, homophone* ect.). They form the thematic group "Universal Notions" (72% international words). The thematic group "Parts of Speech", on the contrary, consists of terms possessing the national form of expression (25% international words). The groups "The Phonetic Aspect of Language" and "Lexicon" (53% and 59% international words) consist of thematic subgroups that have a greater ("Phonology", "Suprasegmental Phonetics", "System in the Lexicon") or smaller ("Lexicography", "Organs of speech", "Classification of vowels") degree of internationalization. The etymological factor shows a greater stability in the Greek origin terms compared to Latin ones: 54% of Greek and 25% of Latin words have no national terms. Cultural and historical factors have split the languages into two areas: East Slavic with Polish and Bulgarian and West Slavic (except for Polish) including Serbo-Croatian and Macedonian. In the first area, the trend towards internationalization is weaker, in the second stronger. The quantitative manifestation of this trend is the difference between the shares of international and national terms that are different in the areas; the qualitative manifestation is the presence of isoglosses of terms that have an exclusively national form of expression.

References

1. Lotte, D.S. (1982) *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnyykh terminov i terminoelementov* [Issues of borrowing and ordering of foreign terms and term elements]. Moscow: Nauka.
2. Konickaja, J. (2011) *Internatsionalizmy v slovenskom i ruskom yazykakh* [Internationalism in Slovenian and Russian]. [Online] Available from: <http://www.academia.edu/3077021>.
3. Danilenko, V.P. (1977) *Russkaya terminologiya* [Russian terminology]. Moscow: Nauka.
4. Grinev-Grinevich, S.V. (2008) *Terminovedenie* [Terminology studies]. Moscow: Akademiya.
5. Yushmanov, N.V. (1968) *Elementy mezhdunarodnoy terminologii: slov.-sprav.* [Elements of international terminology: A reference dictionary]. Moscow: Nauka.
6. Lyushtsik, U.V. & Padluzhny, A.I. (1999) *Teoriya i praktyka belaruskay terminalogii* [Theory and practice of Belarusian terminology]. Minsk: Belaruskaya navuka.
7. Garnik, A.V. et al. (2009) *Slovar' grecheskikh derivatov v yazykakh vostochnyykh i yuzhnykh slavyan* [Dictionary of Greek derivatives in the languages of the Eastern and Southern Slavs]. Minsk: Belarusian State University.
8. Shevchenko, G.I. et al. (2007) *Slovar' latinskikh derivatov v yazykakh vostochnyykh i zapadnykh slavyan* [Dictionary of Latin derivatives in the languages of Eastern and Western Slavs]. Minsk: Belarusian State University.
9. Lipczuk, R. (2000) Problem internacjonalizmów – ze szczególnym uwzględnieniem wyrazów międzynarodowych w prawie handlowym. In: *Problemy komunikacji międzykulturowej: lingwistyka, translatoryka, glottodydaktyka*. Warszawa: Graf-Punkt. pp. 265–278.
10. Mazurkiewicz-Sułkowska, J. (2015) Internacjonalizmy jako źródło ekwonomii w słowiańskiej terminologii technicznej (na materiał polskim, rosyjskim i bułgarskim). *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 50. pp. 166–180.
11. Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsikl.

12. Akhmanova, O.S. (1969) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sov. entsikl.
13. Akulenko, V.V. (1972) *Voprosy internatsionalizatsii slovarnogo sostava yazyka* [Issues of internationalization of the vocabulary of the language]. Kharkov: Kharkov State University.
14. Tsitkina, F.A. (1988) *Terminologiya i perevod (k osnovam sopostavitel'nogo terminovedeniya)* [Terminology and translation (on the basics of comparative terminology)]. Lvov: Vishcha shkola.
15. Rebrushkina, I.A. (2005) *Orientiruyushchie svoystva terminov (na materiale russkoy lingvisticheskoy terminologii)* [Orienting properties of terms (on the material of Russian linguistic terminology)]. Abstract of Philology Cand. Diss. N. Novgorod.
16. Jedlička, A. (ed.) (1977) *Slovar' slavyanskoy lingvisticheskoy terminologii* [Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology]. Prague: Academia.
17. Evloeva, Z.I. (2006) *Russkaya lingvisticheskaya terminologiya v evolyutivnom aspekte* [Russian linguistic terminology in an evolutionary aspect]. Philology Cand. Diss. Nalchik.
18. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976) *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow: Rus. yaz.
19. Dimitrova, N.D. (2002) *Russkie grammaticheskie terminy v bolgarskoy kul'turnoy traditsii* [Russian grammatical terms in the Bulgarian cultural tradition]. Philology Cand. Diss. Moscow.

УДК 81.367.633

DOI: 10.17223/19986645/61/3

М.А. Калюга

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДЛОГОВ *ПРОТИВ* И *ПЕРЕД*

Анализируются предложно-падежные конструкции перед – с твор. и против – с род. с позиций когнитивной лингвистики. В статье продемонстрировано, как сходство и различие в пространственных отношениях, с которыми ассоциируются конструкции перед – с твор. и против – с род., объясняют сходство и различие в их использовании в выражениях, основанных на метафорических переосмыслениях в этих пространственных отношениях.

Ключевые слова семантика, предлоги, перед, против, метафора, когнитивный подход.

Введение

Анализу семантики предлогов и предложно-падежных конструкций (в случае с языками, где предлоги сочетаются с падежами) с позиций когнитивной лингвистики посвящено большое количество работ ([1–12] и др.). Одним из результатов исследований предлогов с применением когнитивного подхода было утверждение, что различные значения предлога связаны между собой через так называемые образ-схемы. Понятие *образ-схема* (image schema) было предложено Лакоффом [13] и Джонсоном [14] для обозначения повторяющихся, сложившихся и закреплённых в нашем сознании схем. Каждая из подобных образ-схем человеческого мышления связана с физическим, “телесным” опытом человека. Такие образ-схемы включают: *вместилище*, *верх – низ*, *впереди – сзади* и т.п. Например, образ-схема *вместилище* определяет основное различие между предложно-падежными конструкциями *в* – с предл., *в* – с вин., *из* – с род. Исследования по когнитивной лингвистике показали, что образ-схемы могут быть переосмыслены метафорически. Метафора подразумевает понимание одной абстрактной когнитивной структуры, домена-мишени (target domain), через призму другой, более конкретной когнитивной структуры, домена-источника (source domain) [13]. Так, например, ПСИХИЧЕСКИЕ И ФИЗИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА часто концептуализируются как ВМЕСТИЛИЩЕ, а ИЗМЕНЕНИЕ (состояния) – как ДВИЖЕНИЕ, что объясняет употребление предложно-падежных конструкций *в* – с предл., *в* – с вин., *из* – с род. в следующих выражениях: *быть в коме*, *впасть в кому*, *выйти из комы*, *быть в тоске*, *впасть в тоску*, *выход из тоски*.

Цель данного исследования – проанализировать концептуальные метафоры, объясняющие употребление предложно-падежных конструкций *перед* – с твор. и *против* – с род. В ходе работы использовался основной кор-

пус Национального корпуса русского языка, содержащий современные письменные тексты [15].

Пространственные значения *перед* – с твор. и *против* – с род.

В современном русском языке *напротив* – с род. является более употребительным в пространственном значении, чем *против* – с род. Однако *напротив* – с род. в отличие от *против* – с род. не развил непространственных значений. Поскольку целью данной статьи является анализ метафорических переносов, объясняющих непространственные значения предложно-падежных конструкций, *напротив* – с род. рассматриваться не будет.

В пространственном значении предложно-падежные конструкции *перед* – с твор. и *против* – с род. сочетаются с глаголами статичной локализации (*быть, находиться, оказаться, располагаться*) и позиции (*висеть, лежать, стоять*) или с глаголами движения (*идти, бежать, ехать*). В сочетании с глаголами статичной локализации и позиции *перед* – с твор. и *против* – с род. могут описывать идентичные пространственные отношения и соотноситься с образ-схемой *близко* (1 а–г):

(1) а. *Ровно в половине восьмого я находился перед домом, в котором беседовал с почтенной Мاستридией Карповной* (Тургенев И. Странная история. 1869).

б. *Большая купальня находилась против памятника Петру I* (Засов Д., Пызин В. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. 1976).

в. *Карета уже стояла перед домом* (Тургенев И. Новь. 1877).

г. *Дом Грозы окна в окна стоял против дома Невельского* (Пильняк Б. Заштат. 1923–1928).

При описании различных употреблений предложно-падежных конструкций используются следующие обозначения: траектор (trajector) и ориентир (landmark). Пространственное положение траектора определяется относительно ориентира (landmark) [16].

В приведенных примерах (1 а, в) пространственные отношения, выражаемые предложно-падежной конструкцией *перед* – с твор., предполагают не только нахождение траектора перед ориентиром, но и близость траектора и ориентира. В примерах с *против* – с род. (1 б, г) сема *направление против* нейтрализуется, а сема *близко* выходит на первый план. Кроме того, в случае с *против* – с род. траектор воспринимается как находящийся на некотором расстоянии от ориентира (2 а), а в случае с *перед* – с твор. он может непосредственно примыкать к ориентире (2 б):

(2) а. *Амбары стояли против дома, через дорогу* (Бунин И. Деревня. 1909–1910).

б. *Перед хижинкой находился крошечный садик с двумя-тремя подагрическими яблонями и еще голыми кустами сирени...* (Юзефович Л. Князь ветра. 2001).

Это объясняет, почему идиоматические выражения со значением «в непосредственной близости от кого-либо, рядом с кем-либо» содержат *перед* – с твор., а не *против* – с род. Например, *перед <самым> носом, перед глазами* (3 а, б):

(3) а. *Потом развешиваешь все это у людей перед носом...* (Рубанов А. Сажайте, и вырастет. 2005).

б. *Самое трудное – увидеть то, что у тебя перед глазами* (Гранин Д. Зубр. 1987).

Направление траектора и ориентира зависит от описываемой ситуации. Например, когда в качестве траектора и ориентира выступают люди, находящиеся в ситуации, включающей зрительный контакт, они ориентированы в направлении друг к другу (4 а, б):

(4) а. *Он сидел перед Потаповым тихий и решительный* (Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. 1978).

б. *Я стоял против Клары и не знал, что сказать, молча смотрел на нее* (Домбровский Ю. Хранитель древностей. 1964).

Если в качестве траектора выступает человек, а в качестве ориентира – предмет, фронтальная сторона которого имеет функциональное назначение, направление траектора и ориентира друг к другу также релевантно (5 а, б):

(5) а. *Вика стояла перед зеркалом, застегнувшись на все пуговицы, и крasila губы белой помадой* (Тихий Д. Ольгин остров. 2013).

б. *Очень худой мужчина весь в черном стоял против картины* (Александрова Н. Последний ученик да Винчи. 2010).

Однако в предложениях с *перед* – с твор. и *против* – с род. направление траектора является совершенно различным, если эти предложно-падежные конструкции сочетаются с глаголами движения и траектор или траектор и ориентир представлены как перемещающиеся в пространстве. В предложениях с *перед* – с твор. траектор передвигается в том же направлении, что и ориентир (6 а), а в выражениях с *против* – с род. – навстречу движению ориентира, преодолевая противодействие (6 б):

(6) а. *Кириша молча шел перед ними* (Сологуб Ф. Капли крови. 1905).

б. *Петр шел против ветра и собственным ускоренным движением усиливал встречное сопротивление* (Ключевский В. Русская история. 1904).

Пространственное значение *против* – с род. здесь связано с образ-схемой *противодействующая сила* (counterforce schema), которая является разновидностью образ-схемы *сила* [17. С 187–188]. В современном русском языке с глаголами движения и *против* употребляется ограниченное количеством существительных, например, таких, как *ветер* (6 б), *волна*, *вода*, *поток*, *течение* (7 а–г):

(7) а. *...взял весло и повел челнок против волн* (Пришвин М. Лесная капель. 1943).

б. *Тогда гольды на шестах опять выбирались против воды до следующего поворота и опять переплывали реку* (Арсеньев В. В горах Сихотэ-Алиня. 1937).

в. *Оказавшись на тротуаре, Нергаль свернул в сторону Пикадилли и пошел против потока людей, которые, как ни странно, уважительно расступались, как волны перед носом океанского лайнера* (Дежнев Н. Год бродячей собаки. 2002).

г. *Катер, идущий против течения реки, встретил сплавляемые по реке плоты* (Лукашик В., Иванова К. 2003).

Кроме того, в предложениях с *перед* – с твор. и *против* – с род. может описываться ситуация, включающая движущегося траектора и статичного ориентира. Тогда в предложениях с *перед* – с твор. траектор направлен вдоль фронтальной стороны статичного ориентира (8 а), а в предложениях с *против* – с род. – в сторону противоположную направлению статичного ориентира (8 б, в):

(8) а. *...князь Игорь шагом проехал перед выстроившейся дружиной в черных рубахах с золотым шитьем* (Васильев Б. Ольга, королева русов. 2002).

б. *Катька сидела около меня, гладила против шерсти мою наголо обритую, теперь покрытую короткой щеточкой светлых волос голову и весело приговаривала...* (Кнорре Ф. Каменный венок. 1973).

в. *Для поднятия ворса отпаренные места протирают щеткой против ворса* (Попов И. 1957).

Нахождение траектора перед ориентиром также предполагает отсутствие какого-либо укрытия, «открытость», доступность (в том числе для зрительного восприятия). Например, когда *перед* – с твор. используются в предложениях, описывающих ситуацию видимости / показа, эта предложено-падежная конструкция маркирует наблюдателя, перед которым что-либо демонстрируется или перед которым что-либо открыто (9 а–е):

(9) а. *Один за другим молодые конники выезжали на скаковую дорожку и демонстрировали перед судьями, чему они обучились за лето* (Мусатов А. Клава Назарова. 1958).

б. *В каком виде меня показал перед ней?* (Васильев Б. Были и небыли. 1988).

в. *Ряд заграничных боевиков демонстрировался перед петроградской публикой* (обобщенный. Производство и эксплуатация. 1923).

г. *Точно для того только и приезжали, чтобы показаться перед всеми...* (Краснов П. Ложь. 1938–1939).

д. *Так стою вот я, открыт перед тобой* (Ветров В. Кедровый дух. 1920–1929).

е. *Конец площадки уже виднелся перед нами* (Беляев А. Продавец воздуха. 1929).

Непространственные значения *перед* – с твор. и *против* – с род.

Перечисленные выше аспекты пространственных отношений (пространственная ориентация в том же направлении или в противоположном, близость, открытость, нахождение впереди) могут быть переосмыслены

метафорически. Поскольку и *перед* – с твор. и *против* – с род. ассоциируются с пространственным отношением близости, обе предложно-падежные конструкции употребляются в выражениях, возникших на базе концептуализации СРАВНЕНИЯ как РАСПОЛОЖЕНИЯ РЯДОМ (10 а–г):

(10) а. Любые сокровища — ничто перед вами (Савельев А. Аркан для букмекера. 2000).

б. Законы лишь на какой-то миг (что сотни или тысячи лет перед вечностью, как не одно мгновение?) (Волков А. Мир наших законов. 2008).

в. В текущем году колхоз сдал хлеба государству в два раза больше против прошлого года, молока – в полтора раза больше (Круглов Л. МТС плохо помогает колхозу. 1957).

г. ...я против вас гораздо целомудреннее, даже я пред вами сама скромность и добродетель (Лесков Н. На ножах. 1870).

Для концептуализации сравнения важно соположение, пространственная близость сравниваемых объектов, поэтому эти предложно-падежные конструкции используются в выражениях со значением сравнения.

Различие в пространственных отношениях, с которыми ассоциируются *перед* – с твор. и *против* – с род., объясняет различия в их использовании в выражениях, основанных на метафорических переосмыслениях этих пространственных отношений. Например, ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, СОПРОТИВЛЕНИЕ метафорически понимается как ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ. Эта метафора видна в таких примерах, как (11 а, б):

(11) а. Но как ты можешь идти против своего господина? (Лукьяненко С. Бхеда. 2014).

б. Это выпад против общества (Юрский С. На дачах. 1974–1983).

Идти (11 а) имеет значение «перемещаться, двигаться, ступая, делая шаги» и «выступать против кого-либо войной, нападать на кого-либо», *выпад* (11 б) – «резкое движение вперед или в сторону с упором туловища на выставленную ногу» и «враждебное выступление, недоброжелательное действие против кого-либо, чего-либо» [18].

Аналогичная метафора, КАУЗИРОВАТЬ ДЕЙСТВИЕ – КАУЗИРОВАТЬ ДВИЖЕНИЕ, прослеживается в этимологии *подбивать* (от *бить*) или *подстрекать* (от *стрекать* «хлестать») [19] (12 а, б):

(12) а. Кажется, кто-то уже наговорил ему, что я подбивал против него Месановича (Большаков К. Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова. 1928).

б. Одновременно реакция усилила подстрекательство против социал-демократической партии (Из воспоминаний Ирэн Кун. Огонек. 1961).

Для *против* – с род. характерно употребление со словами противодействия, сопротивления (13 а–г):

(13) а. Двадцать лет вы боролись против нас... (Домбровский Ю. Обезьяна приходит за своим черепом. 1943–1958).

б. Во всех его разветвлениях мы упорно бились против традиций, против “академического” искусства (Анненков Ю. Дневник моих встреч. 1966).

в. – Знаешь ли ты, – спросил он, – что значит втроем драться против танка? (Бек А. В последний час. 1942).

г. Ибо прямая агрессия против нации сплачивает ее, а духовная – поражает, проникая изнутри и разлагая национальное самосознание (Киреев Г. От национальной утопии к национальной идее. 2003).

Среди слов, употребляющихся с *против* – с род. в выражениях, основанных на этой метафоре, много глаголов и существительных военной тематики (14 а–ж):

(14) а. Чтобы воевать против них, нужны были новые пушки (Губарев В., Савин А. Академик Анатолий Савин: «Всю жизнь на разных фронтах». 2009).

б. Сегодня он сражался против бандерлогов (Пелевин В. Любовь к трем цукербринам. 2014).

в. Но машины – дети людей, разве можно ополчаться против собственных детей? (Покровский В. Петропавловский монастырь и его призраки. 2014).

г. Подростком и юношей он взбунтовался против родителей и в конце концов покинул их (Лимонов Э. У нас была Великая Эпоха. 1987).

д. Не раз начинали они атаку против творчества выдающегося писателя современности (Ганичев В. Пишут Шолохову. 1975).

е. Вот, оказывается, с каких пор Малиновский занялся провокацией и подкопом против меня, а я и не подозревал этого за Малиновским... (Абрамова Ю. Остерегайтесь Жукова, это растущий Наполеон. 2001).

ж. Монастырь держал оборону против московских стрельцов 8 лет и пал только в результате случайного предательства (Еремеева С. Лекции по русскому искусству. 2000).

В свою очередь, физическая борьба является доменом-источником внутренней борьбы, подразумевающей сдерживание эмоций, подавление чувств или мыслей (15):

(15) Продолжай бороться, борись против нечистых мыслей, против этих образов, против восстания плоти в тебе самом, борись беспощадно... (митрополит Антоний. О святости и духовности. 1995).

Физическая борьба также может быть и доменом-источником борьбы против болезней (16):

(16) Врачи называют его «первой линией обороны против болезней» (Фадин А. Такова вита. 2002).

В соответствии с этой метафорой СРЕДСТВА ПРОТИВ БОЛЕЗНЕЙ концептуализируются как ОРУЖИЕ, что объясняет появление *против* – с род. в следующих примерах (17 а–в):

(17) а. На базе этого открытия разрабатываются новые лекарства против гипоксии и сердечной недостаточности (Тартаковский В., Алдошин С. Химия в XXI веке. 2008).

б. Против комаров у зама был «Фумитокс», против бессонницы – таблетки, против угрызений совести – утешительная фраза: «Все воруют, и ничего...» (Житков А. Супермаркет. 2000).

в. В конце 80-х годов в СССР начался массовый отказ от прививок против дифтерии (Солодова А. Испанка. 2011).

Средством воздействия, орудием может быть речь. Вербальное воздействие структурировано с помощью домена-источника борьбы в таких примерах, как (18 а, б):

(18) а. Передонов думал, что это – те, кого директор подговаривает против него, если не сам, то через сыновей (Сологуб Ф. Мелкий бес. 1902).

б. Кто агитировал, против кого? (Грекова И. Фазан. 1984).

Концептуализация вербального воздействия как борьбы прослеживается и в различных семантических переносах. Например, возразить образовано от разить «бить», устаревшее ратовать «выступать в качестве защитника» имеет также значение «сражаться, воевать» [20], а брань «ругань» – значение «война, битва» (19 а, б):

(19) а. Ничего не могу возразить против этого (Успенский В. Апология математики, или О математике как части духовной культуры. 2007).

б. ...он, боясь успеха «Тарелкина», более всех ратовал против пьесы (Гнедич П. Книга жизни. 1918).

в. Наконец она не выдержала и разразилась бранью против самих раб-бот отца как таковых (Сухотина-Толстая Т. О смерти моего отца и об отдаленных причинах его ухода. 1910–1950).

Кроме того, направленность против ассоциируется с агрессией, злостью, поэтому против – с род. используется со словами злость, гнев, ярость, возмущение, раздражение, негодование (20 а–е):

(20) а. Мудрость же твоя – просто злость против меня, что я тебя умнее, и пользы в ней – ни тебе, ни мне (Горький М. Исповедь. 1908).

б. Накопленный гнев против машин боролся с жалостью (Гранин Д. Месяц вверх ногами. 1966).

в. Задним числом он испугался вспышки собственной ярости против этих двоих (Ефимов И. Суд да дело. 2001).

г. Возмущение против влияния Распутина все росло, а вместе с тем росли и нападки на царский дом (Митрополит Вениамин. На рубеже двух эпох. 1940–1950).

д. Спрашиваю себя: откуда это едва осязаемое раздражение против Люси? (Грекова И. Перелом. 1987).

е. Раздражение и негодование против недавнего друга душили его (Златогоров М. Моя должность – воспитатель. 1961).

Для отображения ситуаций борьбы и повиновения также характерны пространственные метафоры, основанные на образ-схеме верх – низ. Так, например, этимология или полисемия некоторых слов, сочетающихся с против – с род., отражает метафоры ПРИСТУПИТЬ К ВРАЖДЕБНЫМ ДЕЙСТВИЯМ – ПОДНИМАТЬСЯ и ВРАЖДЕБНО НАСТРОИТЬ – ПОДНЯТЬ. К таким словам относятся глаголы восстать (от вос- «вверх» + стать), восстановить (от вос- «вверх» + становить «ставить») и подня-ться (21 а, б):

(21) а. ...они дружно восстали против Тушинского вора (Грачева И. Поставленный во славу Солнца... 2009).

б. Потому что кое-кто постарался восстановить его против меня... (Бек А. Талант. 1940–1956).

в. Это деревня поднялась против таких, как ты, — шпаны из подворотни, бездельников и либеральных болтунов! (Кормер В. Крот истории или революция в республике S=F. 1979).

Схожая метафора – ПРОЯВИТЬ СТОЙКОСТЬ или ВЫДЕРЖАТЬ НАТИСК – СОХРАНИТЬ СТОЯЧЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ (22 а, б):

(22) а. – Тебе не устоять против них, – возразил Михаил (Иванов А. Сердце Пармы. 2000).

б. Я выстоял против нее целых восемь «раундов»... (Грошек И. Реставрация обеда. 2000).

Значения «проявить стойкость» или «выдержать натиск, нападение» не обязательно предполагают агрессию, поэтому устоять сочетается не только с против – с род. (22 а), но и с перед – с твор. (23 а, б):

(23) а. На открытых пространствах и равнинах устоять перед натиском этих храбрецов было практически невозможно... (Тюшина Е. Стойкий оловянный солдатик. 2012).

б. Не смог устоять перед искушением, сорвался, приехал (Волонихин И. Человек волку волк. 2013).

В отличие от против – с род. перед – с твор. используется не с глаголами борьбы, а с глаголами повиновения, раболепия и подчинения. Типичные жесты, демонстрирующие раболепие, подчинение, смирение, – поклон, коленопреклонение. В то время как ПРИСТУПИТЬ К ВРАЖДЕБНЫМ ДЕЙСТВИЯМ концептуализируется как ПОДНИМАТЬСЯ, УМАЛЯТЬ СВОЕ ДОСТОИНСТВО, ПОДЧИНЯТЬСЯ концептуализируется как ОПУСКАТЬСЯ ВНИЗ. Выражения бухать / бухнуть в ноги, гнуть / согнуть спину, а также ползть на брюхе или глаголы низкопоклонничать, стлаться / стелиться и унижаться / унизиться употребляются с перед – с твор. (24 а–е):

(24) а. Тут вся толпа повалилась в ноги перед Ивою Олельковичем (Вельтман А. Кошей бессмертный. 1833).

б. Гнуть спину перед тобой не буду! (Мейлахс П. Избранник. 1996).

в. Ты знаешь, сколько я унижался, на брюхе перед гадами ползал, чтоб в эти Канны попасть? (Некрасов В. Маленькая печальная повесть. 1986).

г. Невыгодное впечатление от этих просьб подкрепляется его низкопоклонничеством перед «благодетелями» (Воронский А. Гоголь. 1934).

д. Бронислава стала вдруг лучшей подругой матери Алексея, прямотаки стелилась перед ней (Солнцев Р. Полураспад. 2002).

е. Но не хотелось унижаться перед слишком уж старинным приятелем. (Чулаки М. Примус. 2002).

Эта группа глаголов включает пресмыкаться, родственный греческому έρπω «(я) ползу» (25):

(25) *А потом тут же лебезим и пресмыкаемся перед* автоинспектором (Бестемьянова Н. и др. Пара, в которой трое. 2000–2001).

К словам, которые имеют схожую семантику и сочетаются с *перед* – с твор., относятся *заискивать, лебезить, подхалимничать и раболепствовать* (26 а–г):

(26) а. *Он не улыбается зрителю, не старается ему понравиться и уж тем более не заискивает перед ним* (Капица С. Мои воспоминания. 2008).

б. *Пока все было нормально, она лебезила перед Ветриновым* (Леонов Н., Макеев А. Эхо дефолта. 2000–2004).

в. *Правда, Иринке не нравилось, что Кукина подхалимничает перед Дашей* (Трифонов Ю. Другая жизнь. 1975).

г. *Он повидал всякое, а не просто такие мелочи, как мафиозную шестерку, раболепствующую перед боссом* (Лукьяненко С. Ночной дозор 1998).

Кроме того, *перед* – с твор. сочетается со словами восхищения или удивления. Возможно, они употребляются в творительном падеже с предлогом *перед* под влиянием синтаксического употребления слов со сходным значением – *преклонение* или *преклоняться* (27 а–д):

(27) а. *У Ивана кроме любви было еще и уважение, преклонение перед своей возлюбленной* (Иванова Е. Оперативник Гармаш дослужился до «Любовника». 2002).

б. *Он всю жизнь преклонялся перед знаниями, стремился узнать что-то новое* (Архипова И. Музыка жизни. 1996).

в. *Какая птица не упадет замертво от восхищения перед ними?! (Аксенов В. Новый сладостный стиль. 2005).*

г. *Восторг перед талантом, слабость к нему – да, но не преклонение* (Гранин Д. Зубр. 1987).

д. *Все служило для удивления перед мудростью мира* (Еремеева С.А. Лекции по русскому искусству. 2000).

Поскольку *перед* – с твор. не ассоциируется с движением против и, соответственно, с противодействием, а также поскольку траектор открыт перед ориентиром, эта предложно-падежная конструкция связана с концептом доступности. С другой стороны, так как траектор не имеет укрытия, доступен, он незащищен. В основном эти два аспекта образ-схемы нахождения впереди обыгрываются в метафорах с *перед* – с твор. Например, траектор доступен для зрительного восприятия, виден или может быть показан, продемонстрирован перед кем-либо. В то же время ЗНАТЬ / ПОНИМАТЬ метафорически переосмысливается как ВИДЕТЬ [21], а ПОКАЗАТЬ СДЕЛАТЬ ИНФОРМАЦИЮ ДОСТУПНОЙ ИЛИ ПОНЯТНОЙ – как ПОКАЗАТЬ (28 а, б):

(28) а. *Впервые в истории русского почвоведения успехи и достижения его должны были демонстрироваться перед учеными мира* (Скрынникова И. О переписке В.В. Докучаева и В.И. Вернадского. 1951).

б. *Ровно показать перед девкой хочет героическое состояние нервов: живой, мол, я!* (Бондарев Ю. Горячий снег. 1969).

Метафору СДЕЛАТЬ ИНФОРМАЦИЮ ДОСТУПНОЙ ИЛИ ПОНЯТНОЙ – ПОКАЗАТЬ можно также найти в полисемии слов *открывать / открыть, раскрывать / раскрыть, обнажать / обнажить, выкладывать / выложить*, которые, кроме их прямого значения, имеют значение «сделать информацию доступной» (29 а–г), в этимологии глагола *обнаруживать* (об- + -наруж-, от *ружь* «наружность, внешность, образ») (29 а, б) и во фразеологических выражениях *открыть душу, вывернуть душу* (наизнанку), *изливать душу* (29 е–ж):

(29) а. Сделать так – значило бы открыть свой замысел перед всем городом, большинство жителей которого очень почитало чужеземца (Голубев Г. Сын Неба. 1987).

б. Она ни о чем не спрашивает, но я, словно пав перед ней на колени, рассказываю ей всю мою жизнь, и не свожу с нее при этом взгляда, и не удивляюсь, что мне хочется раскрыть все это перед нею (Окуджава Б. Путешествие дилетантов. 1971–1977).

в. Какие измятые судьбы обнажились перед Зубром, какие разоренные характеры предстали (Грагин Д. Зубр. 1987).

г. Не услышит ли она от него омертвляющих душу сомнений, не выложит ли он перед ней доводы зрелого ума, осторожности, за которой так часто скрывается приземленность мысли и бескрылость идей? (Писаржевский О. Факелы. 1956).

д. А дальше стал избегать уроков уже сознательно – стыдно было обнаруживать свою несостоятельность перед товарищами (Жженов Г. Прожитое. 2002).

е. Я всю душу перед ним открыла... а он — это, говорит, со всяким может случиться... точно я на мозоль наступила ему! (Горький М. Дети солнца. 1905).

ж. Степановна изливала душу сама перед собой, обращаясь к Биму (Тропольский Г. Белый Бим черное ухо. 1971).

ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА метафорически понимается как МАСКА. В соответствии с этой метафорой и с метафорой СДЕЛАТЬ ИНФОРМАЦИЮ ДОСТУПНОЙ ИЛИ ПОНЯТНОЙ – ПОКАЗАТЬ, РАЗОБЛАЧИТЬ концептуализируется как СНЯТЬ МАСКУ. Метафору РАЗОБЛАЧИТЬ – СНЯТЬ МАСКУ можно проследить и в устаревших значениях таких слов, как *изобличать / изобличить, обличать / обличить* и *разоблачать / разоблачить*. Одним из устаревших значений *разоблачать / разоблачить* было «раздеть», а одним из устаревших значений *изобличать / изобличить, обличать / обличить* – «открыть» [22. № 2. С. 523; 23. С. 298, 381] (30 а–в):

(30) а. Есть еще одна сторона дела, которая изобличает перед нами имманентную ложь, внутреннюю неправду в обычной структуре морального нормирования жизни (Франк С. Крушение кумиров. 1923).

б. Ему было слишком тяжело обличать перед Катей ее же жениха (Степняк-Кравчинский С. Домик на Волге. 1889).

в. Но он совершенно уклонился от ответа свидетелям, разоблачавшим перед ним их подлог (Бурцев В.Л. Протоколы сионских мудрецов – доказанный подлог. 1938).

Метафора СДЕЛАТЬ ИНФОРМАЦИЮ ДОСТУПНОЙ ИЛИ ПОНЯТНОЙ – ПОКАЗАТЬ обуславливает употребление *перед* – с твор. с различными глаголами, имеющими сему *демонстрировать*. Например, с глаголами со значением “хвастовством демонстрировать достоинства или приобретения” (31 а–е):

(31) а. Ну чего бы, спрашивается, им важничать перед Ганчуком? (Трифонов Ю. Дом на набережной. 1976).

б. Он гордился перед дочерью тем, что контролирует себя, следит за своими мыслями. (Гроссман В. Жизнь и судьба. 1960).

в. Поймала ее, конечно, все та же Киса, но хвастаться перед хозяйками успехом уже не стала (Давыдов И. Слова и кошки. 2012).

г. Но он не задается, никогда не задирает нос перед товарищами (Велтистов Е. Электроник – мальчик из чемодана. 1964).

д. И главное, ни капельки не зазнается перед девчонкой... (Крапивин В. Болтик. 1976).

е. С Александром Николаевичем он был на ты и сильно этим кичился перед товарищами (Нильский А. Закулисная хроника. 1856–1894).

ОТКРЫТОСТЬ – типичный домен-источник концепта НЕЗАЩИЩЕННОСТИ и УЯЗВИМОСТИ. Выражения, основанные на этой метафоре, содержат *перед* – с твор., как в следующем примере (32):

(32) Растения беззащитны перед человеком (Васильева Л., Правоторов В. Весть Василисы, или Тайна, открытая всем. 2007).

Более того, различные душевные состояния и чувства ассоциируются с незащищенностью и уязвимостью. Например, *перед* – с твор. сочетается со словами *страх, ужас, робость* для обозначения стимула этих состояний (33 а–ж):

(33) а. Вы боитесь потребовать расшифровку с Управления, а они дрейфят перед Москвой (Богомолов В. Момент истины. 1973).

б. ...я дрожал перед ним, как кролик перед удавом (Жженов Г. Прожитое. 2002).

в. Даже матерые ээки, не понимая, что с ними происходит, пасовали перед Шульгой (Елизаров М. Библиотекарь. 2007).

г. Еще не встретившись с ним, я уже оробел перед знаменитым именем (Рязанов Э. Подведенные итоги. 2000).

д. Пугался их, трепетал перед ними, но втайне презирал их (Азольский А. Лопушок. 1998).

е. Младенец плачет от страха перед новым звуком (Улицкая Л. Казус Кукоцкого 2000).

ж. Владимир Соловьев испытывал особый пророческий ужас перед седыми финскими валунами (Зинченко В. Таинство творческого озарения. 2004).

Другие душевные состояния и чувства, которые схожи с робостью и уязвимостью, – это стыд и застенчивость. Схожесть значений слов объясняет схожесть их синтаксического употребления с *перед* – с твор. (34 а–е):

(34) а. Признаться, я, уже виды выдавший, немного сконфузился перед ним... (Белый А. На рубеже двух столетий. 1929).

б. *Сколько себя помнит – не приходилось краснеть перед людьми, знал себе цену* (Тендряков В. Суд. 1960).

в. *Но больше всего он стыдился перед русскими военнопленными* (Гроссман В. Жизнь и судьба. 1960).

г. *Нет, правда, просто совестно перед целым светом* (Хайт А. Монологи, миниатюры, воспоминания. 1991–2000).

д. *Теперь ей не надо было краснеть и тушеваться перед знакомыми*. (Нахапетов Р. Влюбленный. 1998).

е. *И все же как-то неловко перед Славой...* (Иванов А. Комьюнити. 2012).

Стыд также связан с боязнью позора и унижения. Не удивительно, что слова *стыд*, *позор* были синонимами до XIX столетия [24. С. 233], поэтому эти слова, а также их дериваты и слова с близкими значениями употребляются с *перед* – с твор. (35 а–д):

(35) а. *Придрался к описке и высмеял перед всеми* (Вересаев В. Воспоминания. 1925–1935).

б. *Ты хотел меня опозорить перед всей школой!* (Чеповецкий Е. Непоседа, Мякиш и Нетак. 1989).

в. *Времени оставалось мало, а осрамиться перед гостем мне не хотелось* (Голубев Г. Вспомни! 1972).

г. *Теперь она искусно чернит его перед нею* (Сенковский О. Вся женская жизнь в нескольких часах. 1833).

Более того, происхождение слова *позор* отображает концептуальную связь между позором и открытостью, видимостью. Существительное *позор* восходит к древнерусскому глаголу *позьрѣти* «смотреть» [25]. В древнерусском и среднерусском языках слово *позор*, кроме других значений, имело значение «показ» [Там же]. Ср. также выражение *позорный столб* и глаголы *наказывать* / *наказать*, которые родственны *показывать* / *показать*. Происхождение этих слов связано со временем, когда наказание было публичным зрелищем.

Кроме того, поскольку *перед* – с твор. ассоциируется с образ-схемой впереди, эту предложно-падежную конструкцию можно встретить в выражениях, основанных на метафорах ВРЕМЯ – НЕЧТО ДВИЖУЩЕЕСЯ и БОЛЕЕ ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ВРЕМЕНИ СЛЕДУЕТ ЗА БОЛЕЕ РАННИМ (36):

(36) *Шедшим пешком удавалось настигать слонов только перед наступлением ночи* (Ефремов И. На краю Ойкумены. 1945–1946).

Заключение

Непространственные значения предложно-падежных конструкций часто формируются за счет метафорических переносов. Различные аспекты пространственных отношений, с которыми ассоциируются предложно-падежные конструкции, выступают в качестве доменов-источников таких метафорических переносов.

Предложно-падежные конструкции *против* – с род. и *перед* – с твор. ассоциируются с пространственными отношениями соположения, близости, соответственно, обе эти конструкции используются в выражениях со значением сравнения, поскольку для концептуализации сравнения важна пространственная близость сравниваемых объектов.

Важным аспектом пространственных отношений, описываемых в выражениях с *против* – с род. является ориентация траектора в сторону, противоположную направлению ориентира. Это проявляется в том, что непространственное значение *против* – с род. возникает в основном за счет метафор, где ориентация *против* является частью домена-источника, а именно ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, СОПРОТИВЛЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ.

Для пространственных отношений – траектор перед ориентиром – характерен такой аспект, как открытость, и поэтому доступность траектора (в частности, для зрительного восприятия). В свою очередь, ОТКРЫТОСТЬ является доменом-источником НЕЗАЩИЩЕННОСТИ И УЯЗВИМОСТИ. С метафорами, построенными на домене-источнике открытость, связано большинство употреблений *перед* – с твор. в непространственных значениях.

Сходства и различия в пространственных отношениях, с которыми ассоциируются предложно-падежные конструкции, объясняют сходства и различия в их употреблении в непространственных значениях.

Литература

1. *Барина И.В.* Семантика предлогов, выражающих временные отношения, в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
2. *Крейдлин Г.Е.* Метафора семантических пространств и значений предлога // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 19–27.
3. *Маяр Т.Н., Селиверстова О.Н.* Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. Munchen : Verlag Otto Sagner, 1998.
4. *Пекар В.И.* Семантика предлогов вертикальной соположенности в когнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Уфа : БГПУ, 2000.
5. *Рахилина Е.В., Плунгян В.А.* Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом под: Прямые (пространственные) и переносные и (временные) употребления // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2014. Vol. 59, № 1. С. 22–56.
6. *Boers F.* Spatial prepositions and metaphor: a cognitive semantic journey along the up-down and front-back dimensions. Tübingen : Narr, 1996.
7. *Brugman C.* The story of over: Polysemy, semantics and the structure of the lexicon. N.Y. : Garland Press, 1988.
8. *Cuyckens H., Radden G.* Perspectives on Prepositions. Tübingen : Niemeyer, 2002.
9. *Lindner S.* What goes up doesn't necessarily come down: The ins and outs of opposite // Chicago Linguistic Society. 1982. № 8. P. 305–323.
10. *Radden G.* Figurative use of prepositions // R. Dirven (ed.) A User's Grammar of English: Word, Sentence, Text, Interaction. Frankfurt, 1989. P. 551–576.
11. *Tyler A., Evans V.* The semantics of English prepositions: Spatial scenes, embodied meaning and cognition. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
12. *Vandeloise C.* Methodology and analyses of the preposition in // Cognitive Linguistics. 1994. № 5: 2. P. 157–184.

13. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1987.
14. Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1987.
15. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 15.04.2018).
16. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar // Theoretical Prerequisites. 1. Stanford : Stanford University Press, 1987.
17. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006.
18. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М. : Рус. яз., 2000. URL: <http://efremova-online.ru/>
19. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1903–1909. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 15.04.2018).
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986–1987. URL: <https://vasmer.lexicography.online/> (дата обращения: 15.04.2018).
21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1980.
22. Срезневский И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М. : Знак, 2003.
23. Шанский Н., Иванов В., Шанская Т. Краткий этимологический словарь русского языка. М. : Просвещение, 1971.
24. Булыгина Т., Шмелев А. Грамматика позора // Логический анализ языка: Языки этики. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 216–234.
25. Богатова Г.А. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1990.

Towards the Study of the Prepositions *Protiv* and *Pered*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 37–52. DOI: 10.17223/19986645/61/3

Marika A. Kalyuga, Macquarie University (Sydney, Australia). E-mail: m.kalyuga@gmail.com / marika.kalyuga@mq.edu.au

Keywords: semantics, prepositions, *pered*, *protiv*, metaphor, cognitive approach.

This article analyses two Russian prepositional phrases, *pered* + INSTR and *protiv* + GEN. It follows the cognitive linguistic approach, which facilitates the explanation of how different, and seemingly arbitrary, uses of prepositions or prepositional phrases (combinations of prepositions and cases) are related and linked through conceptual metaphors. The aim of the study is to examine the conceptual metaphors that clarify the use of *pered* + INSTR and *protiv* + GEN. Special attention is given to peculiarities of verbs that collocate with these prepositional phrases. Most meanings of primary prepositions are generally assumed to be derived from spatial meanings through metaphoric extensions. Accordingly, the article begins with the examination of the spatial meanings of *pered* + INSTR and *protiv* + GEN and continues with the study of their non-spatial meanings, which appear as a result of metaphorical transfers. The analysis of the data indicates that prepositional phrases associated with the same spatial image share the same semantic extensions. *Pered* + INSTR and *protiv* + GEN have some similarities in their spatial meanings: when they are combined with verbs for static position, both prepositional phrases can refer to a Location near and in front of the Landmark. As both *pered* + INSTR and *protiv* + GEN can be employed in expressions describing two entities, one of which is near and in front of the other, they are also employed in expressions indicating comparison or contrast (entities are easier to compare and contrast if they are located close to each other). However, prepositional phrases associated with different spatial images can also develop different non-spatial meanings. *Protiv* + GEN is used in expressions in which two moving entities are orientated against each other, while in expressions with *pered*

+ INSTR two moving entities are facing the same direction and one entity precedes the other in sequence or succession. As a result, *protiv* + GEN is commonly used with verbs for a hostile encounter to mark a Victim or an entity confronted. The spatial meaning ORIENTATION IN DIFFERENT DIRECTIONS is linked metaphorically to NON-COOPERATION or REBELLION. On the contrary, as *pered* + INSTR is employed in spatial expressions for sequence or succession, it is also used in corresponding time expressions to mark a period of time preceding a particular time or event. Moreover, *pered* + INSTR is associated with such functional elements as perceptual accessibility, which explains why this prepositional phrase can be seen in expressions for revealing or disclosing or in expressions for demonstrating worship or obedient behaviour. BEING VISIBLE or UNCOVERED is also a common source domain for BEING UNPROTECTED and VULNERABLE. That is why words for various emotional states and feelings that are associated with being UNPROTECTED and VULNERABLE (fear, shame and disgrace) govern *pered* + INSTR. The article demonstrates that the similarity and difference in spatial relations with which *pered* + INSTR and *protiv* + GEN are associated explain the similarity and difference in their non-spatial use.

References

1. Barinova, I.V. (1999) *Semantika predlogov, vyrazhayushchikh vremennye otnosheniya, v sovremennom angliyskom yazyke* [The semantics of prepositions expressing temporal relations in modern English]. Philology Cand. Diss. Moscow.
2. Kreydlin, G.E. (1994) Metafora semanticheskikh prostranstv i znacheniy predloga [Metaphor of semantic spaces and meanings of the preposition]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 19–27.
3. Malyar, T.N. & Seliverstova, O.N. (1998) *Prostranstvenno-distsionnye predlogi i narechiya v russkom i angliyskom yazykakh* [Space and distance prepositions and adverbs in Russian and English]. Munchen: Verlag Otto Sagner.
4. Pekar, V.I. (2000) *Semantika predlogov vertikal'noy sopolozhennosti v kognitivnom aspekte* [The semantics of the prepositions of vertical alignment in the cognitive aspect]. Philology Cand. Diss. Ufa: Bashkir State Pedagogical University.
5. Rakhilina, E.V. & Plungyan, V.A. (2014) Semantiko-sintaksicheskie svoystva russkikh konstruktsiy s predlogom pod: Pryamy (prostranstvennye) i perenosnye i (vremennyye) upotrebleniya [Semantic and syntactic properties of Russian constructions with the preposition 'pod': Direct (spatial) and figurative and (temporal) uses]. *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*. 59 (1). pp. 22–56.
6. Boers, F. (1996) *Spatial prepositions and metaphor: a cognitive semantic journey along the up-down and front-back dimensions*. Tübingen: Narr.
7. Brugman, C. (1988) *The story of over: Polysemy, semantics and the structure of the lexicon*. N.Y.: Garland Press.
8. Cuyckens, H. & Radden, G. (2002) *Perspectives on Prepositions*. Tübingen: Niemeyer.
9. Lindner, S. (1982) What goes up doesn't necessarily come down: The ins and outs of opposite. *Chicago Linguistic Society*. 8. pp. 305–323.
10. Radden, G. (1989) Figurative use of prepositions. In: Dirven, R. (ed.) *A User's Grammar of English: Word, Sentence, Text, Interaction*. Frankfurt: Peter Lang. pp. 551–576.
11. Tyler, A. & Evans, V. (2003) *The semantics of English prepositions: Spatial scenes, embodied meaning and cognition*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Vandeloise, C. (1994) Methodology and analyses of the preposition in. *Cognitive Linguistics*. 5: 2. pp. 157–184.
13. Lakoff, G. (1987) *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
14. Johnson, M. (1987) *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

15. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: www.ruscorpora.ru. (Accessed: 15.04.2018). (In Russian).
16. Langacker, R. (1987) *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press.
17. Evans, V. & Green, M. (2006) *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
18. Efremova, T.F. (2000) *Novyy tolkovo-slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [New explanatory and derivational dictionary of Russian]. Moscow: Rus. yaz. [Online] Available from: <http://efremova-online.ru/>.
19. Dahl, V. (1903–1909) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of living great Russian language]. [Online] Available from: <http://slovardalja.net/>. (Accessed: 15.04.2018).
20. Vasmer, M. (1986–1987) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Translated from German. Moscow: Progress. [Online] Available from: <https://vasmer.lexicography.online/>. (Accessed: 15.04.2018).
21. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
22. Sreznevskiy, I. (2003) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language by written monuments]. Moscow: Znak.
23. Shanskiy, N., Ivanov, V. & Shanskaya, T. (1971) *Kratkiy etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [A concise etymological dictionary of Russian]. Moscow: Prosveshchenie.
24. Bulygina, T. & Shmelev, A. (2000) *Grammatika pozora* [Grammar of shame]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskij analiz yazyka: Yazyki etiki* [Logical analysis of language: Languages of ethics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 216–234.
25. Bogatova, G.A. (1990) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Moscow: Nauka.

УДК 811.161.1 + 81'282.2 + 81:39

DOI: 10.17223/19986645/61/4

В.С. Кучко

ЛУК В СЕВЕРНОРУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Анализируется севернорусская лексика, относящаяся к луку и практике его выращивания и употребления: комментируются семантико-мотивационные особенности слов, которые называют части лука, особенности его роста, единицы его хранения, блюда из лука и др. Показано, что рассматриваемая лексика в говорах Русского Севера соотносится с богатым этнографическим и фольклорным материалом, связанным с предписаниями, касающимися покупки, передачи, посадки, разведения лука и пр.

Ключевые слова: севернорусские говоры, диалектная лексика, лексика огородничества, лексика сельского хозяйства, этнолингвистика, семантико-мотивационная реконструкция.

Настоящая статья нацелена на выявление идеографического своеобразия севернорусской лексики, относящейся к выращиванию и употреблению лука. Материалом для нее послужили главным образом полевые записи Топонимической экспедиции УрФУ (ТЭ УрФУ), а также данные диалектных словарей этой территории. Статья имеет трехчастную структуру. В первой, вводной, части представлены сведения о фольклорной и этнографической составляющей традиции выращивания лука на Русском Севере, что обеспечивает контекст для рассмотрения языковых «луковых» данных. Во второй, основной, части собственно языковой материал подается по тематическому принципу, причем лексемы или словообразовательные гнезда, как правило, сопровождаются комментариями о своем семантико-мотивационном своеобразии. Краткое заключение носит обобщающий характер и содержит предположения о причинах разработанности рассматриваемой группы смыслов в севернорусских областях.

На территории Русского Севера ТЭ УрФУ обнаружила следы богатой лингвокультурной традиции, связанной с выращиванием лука. Ее «эпицентром» можно считать центральные и восточные районы Вологодской области (в особенности Тотемский и Никольский, где «луковый» материал собирался целенаправленно). Рассматриваемую традицию составляют: «луковая» лексика – слова, называющие виды и части этого растения, особенности его произрастания, способы хранения, употребления и др.; этногра-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351). Автор благодарит К.В. Осипову, которая указала на ряд языковых фактов, ценных для разработки темы статьи.

фические сведения – о времени посадки и уборки лука, элементах магических практик, способствующих хорошему урожаю лука и под.; фольклорные тексты магических приговоров, сопровождающих посадку лука.

Этнографической составляющей обсуждаемой традиции посвящена статья [1]. В ней собраны различные предписания, которые соблюдают носители традиции, главным образом, во время двух ключевых для успешного культивирования лука событий: *п е р е д а ч и* своего лука для посадки другому лицу (и, с другой стороны, принятия семенного лука у кого-либо) и самой *п о с а д к и* луковиц в землю, ср. замечание информанта, акцентирующее на них внимание (приводим здесь и дальше только те «этнографические» контексты, которые отсутствуют в упомянутой публикации): «Лук сажают с хитрём <с ухищрениями>, а отдают кому только с наговором, иначе у тебя не будет расти» (Ник.)¹. Отдача своего лука и его принятие оказываются одинаково опасным моментом как для дающего, так и для принимающего, поэтому оба они соблюдают определенные правила (к примеру, дающий передает лук не через горловину мешка, а разорвав его дно; акт передачи нельзя осуществлять через забор; получивший возвращается к себе в дом определенным образом; лук нужно отдавать только в своей таре: «С ведром соседка за луком пришла, а я ей не дала в её ведро, она бы у меня лук забрала. Только в своём ведре отдавай» (Ник.) и мн. др.). При посадке внимание нужно обращать на день недели, время суток, поведение тех, кто сажает лук, и пр., ср., к примеру, способы поддержания хорошего лукового урожая – своеобразный обман враждебных сил, достигаемый неправильным (обратным) направлением посадки («Лук сажали, надо 4–5 луковиц посадить вверх корнями <...>. Гнить не будет, расти будет хороший» (Ник.)) или кражей саженцев («Если лук плохо стал расти, возьми 2–3 луковицы от хозяйек из разных деревень. И не любые деревни, а такие, чтоб не видели друг друга. Чтобы луковицы друг друга не обурочили <не сглазили>. Из трёх огородов возьми – и лучок станет расти» (Ник.)).

С невербальными действиями, направленными на получение и сохранение урожая лука, тесно связаны вербальные: его посадка нередко сопровождалась приговорами. Некоторые из них универсальны – произносятся не только при посадке лука, но и любой другой культуры. В частности, к ним относятся краткие магические тексты, реализующие формулу «чтобы всем хватило», по определению В.В. Усачевой [4. С. 90]. Они в различных вариациях распространены на широкой славянской территории и строятся на перечислении тех, кто, как предполагает субъект речи (осуществляющий посадку), заинтересован в результатах посева. При этом просьба о том, чтобы каждый из названных был обеспечен своей долей, призвана увеличить овощной или зерновой достаток хозяина. На вологодской территории в подобных приговорах представлена апелляция к Богу, выраженная

¹ Приводимые контексты, которые являются материалами ТЭ УрФУ, даются без ссылки на источник; во всех случаях подразумевается [2] для архангельских и вологодских данных и [3] для костромских.

обращением и глаголом 2 л. ед. ч. (*народи, Господи / нарости, Господи*), и перечислительный ряд обозначений адресатов-потребителей, среди которых обязательно упоминаются *нищие* и *пищие*, а остальные компоненты формулы варьируют, ср. некоторые примеры: «Когда начинаешь что-то садить, опускаешь плод или семечку в землю и говоришь 3 раза: “Народи, господи, для пищих, для нищих, для всех крещеных людей. Аминь”» (Тот.); «На нищего, на пищега, на злящего, на завидящего и на всех крещеных нарости, Господи» (Тот.) и мн. др. Подробно о прагматических установках произносящего формулы этого типа, их лексическом составе и мотивах включения тех или иных компонентов в состав приговора см. в [5].

Значительная часть записанных на севернорусской территории приговоров и текстов заговорного типа, по словам информантов, может быть применена только к посадке лука. Ниже приведены примеры, собранные ТЭ УрФУ в Вологодской области, а также экспедициями МГУ в Архангельской области. Среди них встречаются:

– краткие апотропеические приговоры: «“Расти, лучок, людям на зависть, а мне на славу”. Сказать три раза. Крещу в огороде» (Ник.); «Лук сажу, так местечко обведу и скажу: “Лучок сажу сама себе на радость, а людям – на завидость”» [6. № 1270];

– приговор с апелляцией к «участникам» процесса посадки: «При посадке лука приговаривают: “Лучок, прими земельку, и земелька, прими лучок”» [Там же. № 1271];

– краткие тексты заговорного типа, направленные на защиту лука от птиц, разрабатывающие мотив слепоты и построенные с помощью параллелизма «Как я / курица / N не видит... так никто / курица не увидит...»: «Три раза переговоришь: “Как я, раб божий, не вижу своих рук, так не видел бы никто моих садов”. Говоришь, чтобы птита не съели его» (Тот.); «Сажу лук под вечер поздно, когда солнышко садится, и приговаривай: “Как курицы не видят, сидят на седалах, так и лук не видят мой”. А они на седала усядутся, уж ничего не видят» [Там же. № 1262]; «Беру луковицу, за пазуху ее да из подола вытащу и скажу: “Как курица этой луковицы не видит, так чтоб мой лук не видела, не клевала”»; «В огороде, когда лук садишь, первую луковку откнёшь: “Как курица свою жопу не видит, и так штебы огород не видела”. Три раза»; «Чтобы куры лук не воровали, нужно, когда первую луковицу сажают, сказать: “Как курица свою жопу не видит, так и лука не видь” [Там же. № 1254–1256]; «Когда сажают лук, надо сажать его из заднего подола, чтобы курица не видела, и приговаривают: “Как подол мой никто не видит, так бы никто не видел мой лучок, не выгребал”. И сразу начинают сажать. Так делали, чтобы курочка лучок не выгребала» [Там же. № 1258];

– приговор, по форме подобный приведенным выше, предназначенный для защиты хозяина от кражи лука: «Лук сажу, в задний подол три луковки кладу: “Как за подол за мой никто не держится, не хватает, так и за мой лук никто не держится, не хватает. От ин до веку. Аминь”. Чтоб не воровали. Сама про себя это проговариваю» [Там же. № 1259];

– краткие тексты заговорного типа, построенные на сравнении свойств будущего лука с полезными свойствами других растений или предметов и сопровождаемые ритуальным действием: «Подруга у меня лук садила и крапиву рядом с луком посадила – и говорила: “Как крапива везде растет, так и лук бы везде рос”» [6. № 1272]; «Чтобы лук хорошо рос, не завязанный березовый веник нужно опустить в воду и побрызгать лук. “Расти, мой лучок. Травка – с оглоблю, а луковка – с трубу. Аминь”. Три раза» [Там же. № 1273]; «Когда садишь, взять от колоса трубицу, три раза продеть луковицу (не пару!): “Как трубица крепка, ницего с ней не делается, так бы и с луком моим ницего не делалось”» [Там же. № 1283];

– приговор, подобный приведенным выше, не подразумевающий наличия акционального компонента ритуала: «Чтобы лук рос, говорили слова: “Пойду на луг, нарву дикий лук. Посажу в огороде. Расти, лук, не низкий, а высокий, не мелкий, а крупный”» (Ник.);

– краткий заговорный текст, направленный против насекомых-вредителей: «Сажаю тебя, лук, заговариваю червя, заговариваю моль. Отступитесь от моего лука, от моей грядки. Не грызть вам лука моего, не грызть вам травы моей, уйдите в землю на тридевять метров» (Тот.).

Учитывая столь разработанную фольклорно-этнографическую составляющую «луковой» традиции, логично предположить, что в говорах Русского Севера будут представлены и разнообразные лексические факты, «обслуживающие» эту область огородничества. Дальше в статье будет рассмотрено идеографическое своеобразие этой лексики. Некоторые слова (а именно те, которые особенно интересны с мотивационной точки зрения, являются «темными» по происхождению, представляют любопытный семантический сдвиг и под.) будут сопровождаться семантико-мотивационным комментарием.

* * *

Обращение к диалектным словарям и картотекам показывает, что в севернорусских говорах разработана обширная понятийная сетка, которая охватывает почти весь цикл «жизни» лука от его разведения до употребления в пищу.

Подробно представлена «анатомия» лука. Она может отражать антропоцентричный взгляд номинатора: помимо общенародной *головки* лука (ср. еще влг. *голова́* [2]), фиксируется арх. *волосы*, влг. *волосья* ‘корни лука’ [7. Т. 2. С. 158, 159], костр. *плечики* ‘о верхней части луковицы’, фигурирующее также в выражении *плечики показать* ‘о луковиче: показаться над поверхностью земли’ [3], влг. *носочек* ‘зеленое перо лука’ [8. Вып. 21. С. 294]. Обозначаются: ■ зеленые перья лука – арх., новг. *перьё* [Там же. Вып. 26. С. 298], костр. *пёрьешки* [Там же. С. 299], влг. *травина*, *травинка* [9. С. 536], влг. *тетива́* [2], арх., карел. *осота́* [2; 8. Вып. 24. С. 46], арх. *бачина́* [7. Т. 1. С. 81], арх. *осотка́* [2], новг. *бот* [8. Вып. 3. С. 128], влг. *ботма́* [7. Т. 1. С. 171]; ■ нижняя (мясистая) часть лукового пера – костр. *чив*, *чиво*, *чивок*, *чивышко*: «У лука перо отрежешь – останется чив, как

трубочка, как папиросу дохнешь – и будешь здоровым», «У луковицы чиво с палец толщиной, а потом перо» [3]; ■ семенная коробочка лука – влг. *бульбочка* [2], влг. арх. *бот* [8. Вып. 3. С. 128], арх. *боб* [7. Т. 1. С. 121], влг. *кокóвка*, *кокóвочка* [Там же. Т. 5. С. 223], влг. *колоколéц* [2]; ■ стрелка лука – арх., влг. *бот* [7. Т. 1. С. 166], арх., влг. *бóтень* [Там же. С. 170], влг. *ботёнье* [Там же. С. 171], влг. *бóтик* [Там же], арх., влг. *ботові́к* [8. Вып. 3. С. 137], влг. *ботові́на* [2; 7. Т. 1. С. 172], арх., влг. *ботовні́к* [7. Т. 1. С. 172], влг. *боб*, *бобóк*: «Лук с бобками-то и луковиц даёт мало, и небольшие оне» [9. С. 26]; костр. *чив* [3]; ■ головка лука – влг. *кокóвка*, *кокóвочка* [7. Т. 5. С. 222, 223], костр. *ма́ковица* [3; 8. Вып. 17. С. 311].

Большинство представленных слов многозначны. Те из «луковых» значений, которые связаны с зеленой, травяной частью, часто находятся в ряду других «растительных» значений, ср. арх. *перьё* ‘листья камыша и других трав’ [8. Вып. 26. С. 298], арх. и др. *перо* ‘отдельное сочленение стебля злаковых растений’ [Там же]; влг. *тетива* ‘стебелек шишки хмеля’, костр. и др. *тетива* ‘ботва огородных растений’ [8. Вып. 44. С. 104]; арх., влг., новг. *осота* называет различные полевые и луговые растения [8. Вып. 24. С. 46] (происходя от той же основы, что и общенарод. *острый* [10. Вып. 36. С. 79], названия растений, как правило, отражают признак колючести и способность порезать человека, тогда как значение ‘перо лука’ появилось в гнезде благодаря внешнему виду надземной части лука – острой стрелки); арх., влг. *бачина* ‘палка; ствол, сук, ветка дерева, лежащие на земле’ [7. Т. 1. С. 81]; *бот* арх. ‘ботва’, арх., влг. ‘растение рогоз широколистный’ [Там же. С. 166]; костр. *чивы́*, *чівы́шки* ‘остатки стеблей растений, срезанных, скошенных, съеденных и под.’, *чивьё* ‘ботва растений’ [3].

Интересно, что слова с корнем *чив-* в растительных значениях, по-видимому, записаны только ТЭ УрФУ. Несомненно их родство с севернорусскими диалектными словами вроде арх. *чивьё* ‘рукоятка какого-л. сосуда или орудия’, олон. *чівье* ‘ручка ложки’, арх. *чивця́* ‘трубочка из бересты для нанизывания ниток’ [10. Вып. 3. С. 193] и прочими в основном «орудийными» лексемами, реализующими признак трубчатой, вытянутой формы (< *сѣв-, сюда же, к примеру, рус. общенарод. *цевка*). Близкородственные языки, однако, демонстрируют примеры, когда, как и в случае с луковым пером, этот признак «прилагается» к форме растений, ср. блр. диал. *цаві́на* ‘стебель однолетнего растения (картофеля, помидоров, щавеля)’ [Там же. С. 191], укр. диал. *цівка* ‘ствол дерева’ [Там же. С. 192].

Значения ‘головка / семенная коробочка лука’ нередко появляются среди предметных значений чего-л. круглого и небольшого (в том числе относящегося к растительному миру), ср. *боб* влг. ‘надземный плод картофеля’, арх. ‘комоч в каше’ [7. Т. 1. С. 121], арх., влг. *бóбка* ‘головка цветка или травы; головка на перьях лука, чеснока; бутон; любая часть цветка, имеющая шарообразную форму’ [Там же. С. 122], *коковка* арх., влг. ‘узел волос; утолщение, бугорок, выступ, небольшой предмет в виде шишечки’, влг. ‘небольшой моток пряжи’ [Там же. Т. 5. С. 222–223], диал. шир. распр. *маковица* ‘головка мака’ [8. Вып. 17. С. 311].

При этом встречаются корни, эксплуатируемые сразу в нескольких «анатомических разделах», ср. наиболее яркий пример – гнездо корня *бот-*, в целом обладающее широко разработанной растительной семантикой и этимологически связанное с общей идеей разрастания (см. [11. Вып. 4. С. 114], где в качестве соответствия приводится в том числе греч. *φυτόν* «растение»).

Разные стороны «поведения» лука во время его роста тоже замечаются диалектоносителями. Внимание привлекают:

– состояние лукового пера, ср. арх. *опырёть* ‘стать перистым, с зелеными сочными перьями (о луке)’: «Опырел лук-то, хорош стал» [8. Вып. 23. С. 323], арх. *ботовой* ‘дающий стрелку (о луке)’ [2], арх. *ботовік* ‘лук, пошедший в дудку’ [Там же], костр. *баковичный* ‘со стрелками (о луке)’: «Если не в сухом месте хранила зиму лук, дак он бывает баковичный» [3], костр. *баковичник* ‘цветущий лук’ [Там же], костр. *стрелковаться* ‘идти в стрелку (о луке)’ [Там же];

– способность или неспособность луковицы образовывать целое гнездо, ср. влг. *одінка* ‘луковица, которая не делится на несколько отдельных луковок’: «Одинка – луковица, которая не расщедрилась» [8. Вып. 23. С. 29], яросл. *ватажный лук* ‘из нескольких головок’ [Там же. Вып. 4. С. 69], слова корня *грезд-* / *грядз-* / *дрезд-* / *дрозд-* – влг. *гряддиться* ‘расти гнездами (о луке и т. п.)’: «Лук гряддится – пора таскать» [7. Т. 3. С. 148], арх. *дрездиться* ‘разрастаясь от одного семени, разрастаться, давать много колосьев, стеблей, плодов’: «Рожь эко дрездится: с одного стебелька десяток ещё стебельков. Лук, картоха тожо дрездится» [Там же. С. 267], влг. *дроздиться*: «Лук дроздится в гнездо» [Там же. С. 272], костр. *разгряддиться* ‘образовать много луковиц (о луке)’: «Разгряддился хорошо лук, вон гряддок богатый какой», костр. *дроздиться* ‘давать обильный урожай (о луке)’: «У лука много маковиц <луковиц> бывает, и по четыре, и по пять, и по десять, и по двенадцать. Лук дроздится ведь, растёт» [3] (ср. арх., влг. *грядз*, *гряддок* ‘гнездо плодов (как правило, о луке, картофеле)’, влг. *грядда* ‘то же’ [7. Т. 3. С. 147, 148], влг. *дрозд* ‘то же’ [Там же. С. 272], костр. *гряддок* ‘то же’, костр. *дрёзд*, *дрездок*, *дрозд*, *дроздик* ‘то же’ [3]);

– необычайный рост луковых перьев, ср. костр. *благовать* ‘бурно разрастаться (о луке)’: «Ой, у меня благуёт, вот нынче лук благовал, такого пера не бывало, особенно эти чивы-то» [Там же]; влг. *дурить* и производные *надурить*, *задурить* ‘то же’: «Лук дурит – в ботву растёт» [2]; влг. *напйтить* ‘то же’ [Там же]; влг. *зашалеть* ‘то же’: «Зашалела нынче вся грядка» [Там же]; влг. *сдичать*: «Сейгод лук сдичал быстро» [Там же]. Последние два глагола из этого перечня имеют, судя по полученным контекстам, узкую «луковую» семантику ‘бурно разрастись, пойти в дудку (о луке)’, тогда как остальные могут характеризовать бурный рост разных растений, особенно зеленой их части, ср. костр. «Помидоры благуют – растут сильно» [3], влг. «Трава нынче дурит», «Лук дурит, картошка дурит, посе-вы тоже дурят», «Вон как у меня петрушка дурит, до потолка дак» [2], арх. «Трава-то сейгод дурит, эка большашша», «Картошка дурит, росьтёд

быстро» [12. Т. 12. С. 376], влг. «Вот сколько напятило! Хороший урожай картошки или луку – naroslo mnogo» [2]. Подробно о гнездах этих глаголов активного роста растений см. [5].

Обозначаются **способы хранения** лука (обычно связанные с мерой измерения сохраняемого). Лук после сбора обыкновенно хранится в связках, где луковицы сплетены между собой своими перьями, за которые их удобно подвешивать для сушки, что отражается в влг. *коси́ца* ‘связка лука для просушки’ [2], арх., костр. *коса* ‘единица хранения лука’ [2, 3], влг. сок. *моту́шка* ‘способ укладки лука на хранение сплетением его в венки’ [2], арх. *вьюнок* ‘связка лука, чеснока для хранения’ [7. Т. 2. С. 281], влг. тот. *плетёнье* ‘то же’ [2], новг., костр. *плетёнь* ‘то же’: «Лук таскаем, на гряды он лежит день, потом убираем и в плетни плетнем» (новг.), «На подволоке пролежит до заморозков [лук]. А потом в плетни сплетаешь, вешали на стену. Сделаешь такую верёвочку и начинаешь. Луковицу с этой стороны, с другой» (костр.) [3; 8. Вып. 27. С. 124], влг. *плетени́ца* ‘то же’: «Плетеницы заплетают из зелёной ботвы на луке» [2].

К гнезду корня *плет-* принадлежат также арх., влг. *плени́ца* ‘связка лука, чеснока’: «Кто врассыпную хранит, кто пленицами связывает, а все одно лук гниёт сейгод» (влг.) [2; 8. Вып. 27. С. 111], влг. *плёнка* ‘то же’ [Там же] (ср. арх. *плёнка* ‘связка калачей’ [8. Вып. 27. С. 111]), влг. *плёночка* ‘то же’ [Там же. С. 112]. Эти формы (и другие подобные случаи, явно реализующие семантику плетения, вроде диал. шир. распр. *плени́ца*, *плёнка* ‘сеть для ловли птиц’, ‘плот’ и др. [Там же. С. 111]) – результат упрощения группы согласных на стыке корня и суффикса, при этом в формах *плёнка*, *плёночка* произошел переход *e > o* (об этом см. [13. Т. 3. С. 278], где *плени́ца* ‘коса’ и *плёнка* ‘силос на птиц’ возводится к *плету*, причем *плени́ца* объясняется из **плетьница*; см. еще [14. С. 592], где этому упрощению, вопреки М. Фасмеру, присваивается не собственно русский, а праславянский характер ввиду наличия близких по форме и значению инославянских соответствий (к примеру, словен. *pléna* ‘часть кровли’); а также [15], где собраны севернорусские диалектные слова гнезда *плести* включая фонетически менее прозрачные случаи с корнями *плен-*, *плён-*, *плот-*).

Подобные луковые связки называются еще **батманами**: слово практически повсеместно фиксируется в Вологодской области и отмечается также в архангельских и ярославских говорах, ср. арх., влг. *батма́н* ‘связка лука для хранения зимой’: «Батманы сплетают из лука, вешают на стенку хранить-то», «У лука пёрышки зелёные сплетёшь – батман получится, на стену развешат и хранят», «Батманами лук вешали, штук по десять луковиц», «Вон оторви от батмана луковицу», «Сегодня лук-от в батманы вяжу» [2; 9. С. 16; 16. Вып. 1. С. 24; 7. Т. 1. С. 73], яросл. *батма́н* ‘лук с перьями, сплетенными в виде косы’: «Свяжите лук в батманы» [17. Вып. 1. С. 41].

Слово *батман* интересно своим семантическим развитием, в котором значение ‘связка лука’ является одним из этапов. Будучи тюркским заимствованием (ср. тат. *batman* ‘вес в 4 фунта’, диал. ‘посудина, вмещающая сыпучие вещества весом в один батман’, башк. *batman* ‘старая мера сыпу-

чих товаров', диал. 'узкая длинная кадка', др.-тюрк. *batman* 'мера веса (от 180 до 300 кг)' и др. [11. Вып. 2. С. 272]), первоначально *батман* обозначал различные меры веса, ср. у В.И. Даля: «крымский батман и закавказский 26 пудов; крымский же яблочный 25 пуд.; крымский капустный 6 око, или 18 фунтов; в Средней Азии 12 пуд.; но бохарский и оренбургский 8 п., и их идет два на верблюда; тверской 1 п.; казанский хлебный, осьминник, 4 меры или пудовки; казанский же весовой, также саратовский, тамбовский и почти по всей Волге 10 ф.» [18. Т. 1. С. 136]. Из статьи следует, что на центрально-русской территории батман, как правило, равнялся 10 фунтам (т.е. примерно 4 кг). Батманами измерялись соль, мука, хлеб, мед, зерно, сало (см. [8. Вып. 1. С. 143–144]), а также лук и чеснок. Г.Я. Романова приходит к закономерному выводу, что, «видимо, вес подготовленной для продажи и хранения связки чеснока и лука был равен батману» [19. С. 67], отсюда новое, на русской почве образованное значение 'связка лука или чеснока', ср. наиболее раннюю фиксацию *батман* 'связка лука или чеснока соответствующего веса': «Отвезено... плетеного луку въ батманахъ два пуда, да плетеного луку мѣроу три чети» (1676 г.) [20. Т. 1. С. 79], а также описания «устройства» подобной связки: арх. *батман* 'связка лука или чесноку в 120 головок, сплетенных между собою лыком так, что 30 головок составляют длину, а 4 ширину связки' [21. С. 5] и практически аналогичное влг. *батман* 'вязка лука или чесноку, состоящая из 120 луковиц, сплетенных лыками, так что 4 луковицы составляют ширину батмана, а 30 длину» [22. С. 17]. Закрепившись в «луковом» значении, которое в вологодских говорах стало основным, слово уже на его базе приобрело на Русском Севере разветвленную новую семантику, утратившую непосредственную связь с первоначальным значением меры веса. Актуализировалась, во-первых, узкая тематическая сфера, в которой используется слово, – его употребление по отношению к луку, результатом чего стало влг. *батман* 'стрелка лука': «Да и лук весь батманами пошёл», «Батман у зимняка вырастет – хранить его нельзя, надо кушать» [7. Т. 1. С. 74] (в данном случае вероятно также притяжение *батман* к *бот* в этом же значении). Во-вторых, актуализировалась сема сплетенности, что породило такие значения, как арх. *батман* 'венки из цветов': «Из цветов батман вяжут, на голову надевают» [2]; влг. *батман* 'соломенный коврик': «Батман из соломы плели» [7. Т. 1. С. 74]; 'связка' [2]; а также 'связка рябиновых веток с плодами для сушки на зиму': «Ветку на ветку цепляли, рябиновый батман делали, сушили» [2; 7. Т. 1. С. 73–74], ср. более подробное описание: арх. *батман* 'приспособление для хранения рябины зимой, представляющее собой большую палку с закрученными вокруг нее ветками с ягодами': «Батманы – ветки рябины зовут, зимой љдят ых» [12. Вып. 1. С. 124]. Наконец, от последнего значения образуется арх. *батман* 'плоды рябины': «Поживи у нас подоле, дак батман созреет» [7. Т. 1. С. 74]¹.

¹ Словари фиксируют фонетические варианты слова – как в более раннем «луковом» значении, так и в более новом «рябинном»: *басман* 'связка лука или чеснока':

Еще одно вологодское обозначение связки лука, в которой луковички сплетены между собой, встречается в двух формах – *медведко* и *медведок*: «У меня раз лука многоросло, а старушка одна попросила. Я медведко красного лука сняла, ей отдала»; «Медведок на верёвку крутят, луковички идут по кругу»; «Луку навесили медведок на верёвку» [2]; «Лук-от хочу весь в медведки сделать, эдак быстрее высохнет»; «Медведки над печью висят» [16. Вып. 4. С. 77].

Диалектные лексемы *медведко* (*медведка*) и *медведок* представляют собой обширный набор омонимов, причем многие из значений выражаются всеми названными формами. Разные значения весьма далеко отстоят друг от друга – ср., к примеру, общенар. *медведка* ‘насекомое отряда прямокрылых, с покрытым короткими бархатистыми волосками телом, живущее в земле и являющееся вредителем сельскохозяйственных культур’, уфим. *медведка* ‘спаржа аптечная *Asparagus officinalis* L.’ [8. Вып. 18. С. 64], влг. *медведка* (-о) ‘рычаг, используемый для валки леса’ [2], без указ. места *медведок*, *медведка* ‘слепец, слепыш, подземный головастый зверок *Spalax typhlus*, вовсе безглазый’ [18. Т. 2. С. 814] и мн. др. Несмотря на значительные семантические расстояния, можно предполагать, что все обсуждаемые синхронные омонимы являются семантико-словообразовательными дериватами слова *медведь*. В частности, мотивационные признаки, положенные в основу «растительных» номинаций (названий спаржи, дягиля, грибов), среди других многочисленных «медвежьих» названий растений перечислены В.Б. Колосовой в [23]. Наиболее полно омонимичные *медведки* в общенародном языке и диалектах рассмотрены И.А. Шелковой в [24], где прослежена история форм как в «природных» значениях (они фигурируют в памятниках письменности с XVII в., «обрастая» семантическими дериватами СлРЯ XI–XVII в.), так и в «технических» – первое подобное значение фиксируется в словаре XVIII в. – *медведка* ‘низкая телега, дроги на катках для перевозки тяжестей’. И.А. Шелкова считает, что во всех рассмотренных в статье случаях можно говорить о метафорическом переносе на базе разных признаков: по внешнему сходству с медведем возникло *медведка* ‘молодой бобренок’ и диал. (арх., влг., алтайск.) *медведок* (*медведко*, *земляной медведок*) ‘крот’ [Там же. С. 74–75]; приспособления и предметы, обозначаемые этими формами, либо обладают большими размерами, либо предназначаются для работы с тяжестями, что согласуется «с представлением о медведе как большом, сильном и неуклюжем существе» [Там же. С. 76] и пр.

За рамками этого обзора осталось «луковое» значение, причины появления которого проясняются, если поместить его в следующий «расти-

«Куплено святому владыкъ четверикъ лука да 4 басмана чеснока» (1682 г.) [20. Т. 1. С. 77], влг. (вож., хар.) *бакман* ‘связка лука или чеснока’: «Бакман есь луку», «Лука-от в бакманах хорошо сохранился», арх. (шенк.) *бахман* ‘приспособление для хранения рябины зимой, представляющее собой большую палку с закрученными вокруг нее ветками с ягодами’: «Бахман – ребину весили на бахманах. 3 бахмана понакладут, решато и принесут в ызбу» [12. Вып. 1. С. 132].

тельный» лексический ряд: *медведь* ‘мох кукушкин лен’ [18. Т. 2. С. 812], твер. *медведяник* (удар.?) ‘мох’ [8. Вып. 18. С. 66], карел. *медвѣжник* ‘мох с длинным прямым стеблем, используемый в качестве прокладки для утепления сельских деревянных строений’ [Там же. С. 69], влг. *медвѣжник* ‘боровой мох’ [2], влг. *медвѣдок* ‘мох, обложенный вокруг ствола елки’ [Там же], влг. *медвѣдок* ‘сено, не вошедшее в основной стог, которое приметывается к нему’ [Там же]. Спутанная косматая связка луковиц, сплетенных перьями, вполне могла быть названа по сходству с медвежьей шкурой, как это произошло в случаях с названиями мхов и клочка сена.

В архангельских и вологодских говорах отмечается еще одно «растительное» значение, упоминаемое в [23, 24] с указанием на трудность обнаружения его мотивации: арх. *медвѣдко* ‘гроздь рябиновых ягод’, ‘грозди рябины, насаженные на палочку и вывешенные на мороз’ [8. Вып. 18. С. 65], влг. *медвѣдко* ‘палка с привязанными к ней веревочками гроздьями рябины, вывешиваемая на мороз, чтобы ягоды утратили горечь’ [16. Вып. 4. С. 77]. Наличие в архангельских говорах параллельного семантического перехода *батман* ‘связка лука’ > *батман* ‘палка с навязанной на нее рябиной’, рассмотренного выше, где значение ‘связка лука’ является, судя по всему, более старым, позволяет объяснить и «рябиновое» арх. *медвѣдко* как вторичное образование по отношению к лексеме со значением ‘связка лука’.

Весьма популярны **блюда** из лука.

И перо лука, и репчатый лук служат начинкой для пирогов: арх., влг. *лу́ковик*, *лу́ковник* ‘пирог с луком’: «Лук крошат и запекают – это луковик»; «В луковики зелёный лук нарежут да начинят»; «Луковники пекли: луку назагибашь в серёдку, посолишь», влг. *лу́ковишник*, *лу́ковник*, *лу́ковничек* ‘то же’ [2], влг. *луковáтик* ‘то же’ [9. С. 247].

На широкой севернорусской территории готовят в печи похлебку из лука с квасом, имеющую разные названия: арх., влг. *лу́ковница*: «В квас луку репчатого накрошат и в печь поставят, луковницей называется», «Луковницу всё или, молосного-то нельзя» [2], костр. *лу́ковик*: «В квасу варили лук-от, в печь ставили, вот и луковик» [3]¹, влг. *кислұ́ха*, влг. *чипұ́ля*, *целұ́ля*: «Чипұ́ля – это когда лук начистят и в квасе сварят. В постные дни варили ее, не в скоромные» [2], *цибу́ля*, *ципұ́ля*, *чибу́ля*: «Луку нарежут, воды польют – ципуля получится», «Навари, мама, мне цибули», «Раньше, как пост, так одну чибулю ели» [16. Вып. 12. С. 9], влг. *сбурдомáга* ‘тюря, похлебка из кваса, лука и хлеба’ [8. Вып. 36. С. 194].

Луковая похлебка могла быть более простой – не на квасе, а на воде, ср. влг. *рощекóвда* ‘тюря, толченый зеленый лук и кусочки хлеба, размочен-

¹ Ср. его подробный рецепт: «На квасе варили – у нас называли луковик. Очищаешь лук, режешь его не шылко крупно (выбирали меукой), клали в горшок, заливали квасом, плотно закрывали, ставили в русскую печьку, вечером вынимали и или. Хорошо упаривауся, слаткой аш зделаецця. Раньше в деревне не как сцяс – наешься в пос» [25. С. 129].

ные в квасе или воде, обычная пища в Петров пост' [8. Вып. 35. С. 211], влг. *рощекóлда* (*росщекóлда*, *росщёкóлда*) 'похлебка с луком и картошкой' [2], влг. *расщекóлда* 'кушанье, род похлебки из картошки и лука, приготовленной на воде' [16. Вып. 9. С. 44]; влг. *звáрец*: «Луку накрошат в чугу́н, в печи вари́ли, кипятком залива́ли, да я́год для вкуса кинут, бруся́нки – вот и зва́рец», «Луку накрошат в бульон, хлеба́ют из общих ча́шек – вот это бу́дет зва́рец» [7. Т. 4. С. 250], влг. *взвáрец* 'варенный в воде и упревший в печи репчатый лук' [8. Вып. 4. С. 247], влг. *извáрец* 'то же' [Там же. Вып. 12. С. 101]; влг. *накипéлка* 'простейшая похлебка из хлеба с луком': «Накипелку скоро готови́ли: воды из-под самовара на́льют, хлеба накро́шат, масла на́льют, лук бро́сят», «Накипелка у бедных: из самовара крутой кипятко́к, хле́б, соль, лукови́ца» [3]; влг. *баламы́га* 'суп на воде из хлеба и лука': «Хле́б на воде да лукови́ца – баламы́гу налади́ла» [7. Т. 1. С. 50].

Многие перечисленные названия вполне прозрачны и отражают или основной – луковый – компонент в составе блюда (*луковик*, *луковник* и под.), или его вкус (*кислу́ха*), или способ приготовления – варку или заливание кипятком (*звáрец* < **взварец*; *накипелка*).

Некоторые из них (*баламы́га*, *сбурдома́га*) характеризуют невысокое качество блюда и относятся – в разных фонетических вариантах и на разных территориях – не только к «луковым» похлебкам, но и другим столь же незамысловатым или даже некачественным кушаньям, ср. влг., костр., вят. *баламы́ка* 'напиток из жидкого разведенного толокна или овсяной муки; тянучка' [8. Вып. 2. С. 72], свердл. *бардома́га* 'недоброкачественная жидкая пища или напиток: неудавшееся кушанье; гу́ща (осадо́к) в квасе, бра́ге, пиве и т. п.' [Там же. С. 114], диал. шир. распр. *бурдома́га* и *бурдыма́га* 'плохо приготовленное жидкое кушанье или напиток; бурда', свердл. *бурдома́га* 'пойло для скота', куйбыш. *бурдама́ха* 'плохая, прокисшая похлебка; прокисшее молоко' [Там же. Вып. 3. С. 283] и др.

В влг. *расщекóлда* (*рощекóлда* и под.) отразился, как указывают Е.Л. Березович и К.В. Осипова, признак «бульканья» пустой, жидкой похлебки: название этого блюда поддерживает разработанную семантическую модель 'жидкий суп' ↔ 'пустые разговоры', 'тот, кто ведет пустые разговоры, болтун', ср. влг. *расщекóлдывать* 'говорить бойко, тараторить, рассуждать торопливо и резко', влг., иркут. *расщекóлда* 'человек, любящий балагурить, шутить, острить, болтать; трещотка', см. эти примеры и прочие случаи реализации модели в [26. С. 223].

Основой для появления влг. *ч(ц)ип(б)у́ля* 'луковая похлебка' кажется справедливым считать заимствованное в русские (в том числе севернорусские) говоры из польск. *cebula* 'лук' слово *цибу́ля*, зафиксированное в нескольких источниках, ср. юж., зап., твер., костр. *цыбу́ля* 'лук, зеленый и репчатый' [18. Т. 4. С. 1264], костр. *цибу́ля* 'лук' [27. С. 252], влг. *цибу́ля* 'лукови́ца': «Дарю цибу́ли, чтоб не давали друг дру́жке ду́ли. Цибу́ли – то лук, лук подарю» [2], а также близкие по значению рассматриваемым «кулинарным» словам арх. *цыбу́ля* 'луковицы, отваренные в квасу' [22. С. 548] и влг. *цыбу́ля* 'то же' [28. С. 512]. Заимствованию, как кажется, с большой

долей вероятности способствовало восточнославянское, а именно украинское, посредничество, ср. укр. *цибуля* ‘лук’. Тогда как частотность чередования *ц/ч* на Русском Севере не вызывает сомнений, открытым остается вопрос об оглушении *б* в вариантах *ципуля* / *чипуля*. Можно предположить влияние со стороны глаголов типа арх. *ципáть* ‘щипать’ [21. С. 186], диал. шир. распр. *чепáть*, *чипáть* ‘трогать’ [18. Т. 4. С. 1305], *чáпáть* ‘трогать, брать, хватать’ [Там же. С. 1285] и под. Эти глаголы вполне могут самостоятельно мотивировать в том числе названия блюд, ср. влг. *чапу́шка* ‘лепешка из толокна’: «Цапушка из овсяна толокна да простокиши, растяпашь – вот и цапушка» [29. Т. 6. С. 757], арх. *чапу́шник* ‘закрытый пирог с начинкой из картофеля’ [Там же], вят. *чипанка* ‘овощной суп’ [30. Вып. 12. С. 68]. Однако привязка влг. *ч(ц)ип(б)у́ля* исключительно к луковому блюду, наличие среди вариантов формы со звонким *б* и присутствие в изучаемых говорах заимствованного *цибуля* заставляют думать об участии последнего в появлении первого.

Мысль о том, что форма *ч(ц)ипу́ля* могла бы возникнуть вне всякой связи со словом *цибуля* ‘лук’, на первый взгляд укрепляет следующий контекст, извлеченный из текста, записанного в Нейском районе Костромской области в 1979 г.: «А колда взошли в избу-то – на столе валялась засохшая цэпуля хлеба да закишшая опара ешшо стояла» [25. С. 156]. Сомнения в реальности формы *цэпуля* связаны с распространенным в том числе на костромской территории словом *цецуля* (*чечуля*) ‘кусок’, ‘кусок хлеба’, ср. костр., твер. *цецуля* ‘большой кусок или ломоть хлеба’ [27. С. 252], влг., олон., перм., симб., тамб., тул. *чечуля* ‘большой ломоть хлеба’ [Там же. С. 257], влг. *цецуля*, *цецюля*, *цицюля*, *цецюлька* ‘большой кусок, ломоть’ [22. С. 556], влг. *чечуля* ‘отдельная часть, кусок чего-л.’: «Экую цецюлю мяса в суп положил!» [16. Вып. 12. С. 40]. Таким образом, встреченное в тексте слово вполне могло стать результатом неправильного прочтения слова *цецуля* ‘ломоть хлеба’ при печатном наборе.

* * *

Идеографический обзор показывает, что рассматриваемая традиция выращивания лука заметным образом проявляет себя и на лексическом уровне, создавая языковые единицы и «приспосабливая» для описания процессов произрастания, хранения и употребления лука корпус слов с растительной, орудийной, пищевой и другой семантикой. Показательно, однако, что рассматриваемая семантическая область не только принимает лексемы других смысловых областей: «луковые» слова сами могут использоваться как источник метафор. В частности, только они из всех «огородных» названий попали в астронимию Вологодчины, ср. названия Плеяд – *Луковка*, *Гряздóк*, *Грэздень*: «Луковка видкая была, от нее как белые ниточки тянутся, волосья ее. У нее волосьев много, крепко в небе сидит», «Бабка говорила, будто бросил кто луковку в небо, а она разгрядилась звёзочкам» [31. С. 88–89, 93].

За повышенным вниманием к луку на территории Русского Севера может стоять целый комплекс обстоятельств. Среди них есть те, которые актуальны далеко не только в рассматриваемых пространственных границах. Во-первых, очевидно, что местная практика существует на фоне традиционно активного культурного (обрядового, медицинского и пр.) и бытового использования лука у всех славян, обусловленного его высокими лечебными, апотропейческими и другими свойствами, см. [32]. Во-вторых, популярности блюд из лука на широкой территории способствует обилие постов в церковном календаре (ср. выше повторяющиеся упоминания постов в контекстах к названиям блюд из лука).

Главной же локальной причиной такого всплеска, отразившегося в обилии этнографических, фольклорных и лексических материалов о луке, как представляется, послужили крайне скудные – по климатическим причинам – возможности для выращивания других «витаминных» овощей или фруктов, к тому же способных храниться на протяжении затяжного зимнего периода. В изучаемой зоне, как многократно свидетельствуют информанты, и лук тоже оказывается довольно трудно выращивать, ср. «Лук самый странный, самый урочливый <подверженный сглазу>, его сажали поэтому тайком» (Ник.); «С луком очень трудно управляться. Один другому даст лука, а у другого он не вырастет» (Тот.); «Не на всех растёт лук, если ты посадила, и он у тебя не вырос, значит на тебя он не растёт, а если вырос, значит, на тебя он растёт» (Тот.); «Лук дак надо умиючи сажать» (Тот.); «Лук могут обурочить <сглазить>, к ему всё пристаёт, очень капризное растение. Надо знать, как его сажать» (Ник.) и мн. др. Это увеличивает количество требуемых от хозяина предосторожностей, что также способствует «разрастанию» деталей описываемой традиции.

Безусловно, следует продолжать полевые наблюдения над описанной практикой, собирать по возможности в разных севернорусских районах данные о способах посадки, методах выращивания лука, запретах и приметах, с ним связанных, спрашивать информантов о приговорах и заговорах, направленных на сбор хорошего лукового урожая, выяснять, какие еще культуры подвергаются столь же пристальному вниманию сажающих, заполнять «луковую» идеографическую сетку (включающую идеограммы «части лука», «гнездо лука», «разросшийся лук», «блюда из лука» и мн. др.) новыми лексемами. Эту просьбу хочется адресовать всем полевым-исследователям Русского Севера и прилегающих к нему территорий.

Литература

1. Кучко В.С., Леонтьева М.О. Лук в лингвокультурной традиции Восточной Вологодчины // Живая старина. 2018. № 2. С. 8–10.
2. Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
3. Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
4. Усачева В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М. : Институт славяноведения РАН, 2008. 368 с.

5. Березович Е.Л., Кучко В.С. «На нищего, на пищевого...»: паремиология и лексика Русского Севера об обильном урожае: Этнолингвистические заметки // Традиционная культура. 2018. № 4. С. 11–19.
6. Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В.П. Аникина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. 480 с.
7. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. Т. 1.
8. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М. ; Л./СПб. : Наука, 1965. Вып. 1.
9. Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / науч. ред. Л.Ю. Зорина. Вологда : ВоГУ, 2017. 604 с.
10. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–2016. Вып. 1–40.
11. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007. Вып. 1.
12. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецевой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. Т. 1.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Астрель–АСТ, 2007. Т. 1–4.
14. Варбо́т Ж.Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. 648 с.
15. Галинова Н.В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
16. Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007. Вып. 1–12.
17. Ярославский областной словарь: в 10 вып. / науч. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб. ; М., 1903–1909. Т. 1–4.
19. Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. 304 с.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. С.Г. Бархударов и др. М. : Наука, 1975. Вып. 1.
21. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 198 с.
22. Словарь областного вологодского наречия: По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.И. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2006. 677 с.
23. Колосова В.Б. «Медвежи» растения в русских говорах // Русская речь. 2012. № 5. С. 94–97.
24. Шелкова И.А. Медведка – огородный вредитель? // Русская речь. 2014. № 3. С. 72–78.
25. Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. комплекс : в 2 т. Т. 1. Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. 224 с.
26. Березович Е.Л., Осипова К.В. «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014. № 1 (20). С. 218–239.
27. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А.Х. Востоков. СПб., 1852. 275 с.
28. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния, ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. 623 с.
29. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

30. Областной словарь вятских говоров / ВятГГУ ; под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров : Коннектика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996. Вып. 1.
31. Рут М.Э. Словарь астрономов: звездное небо по-русски. М. : АСТ-Пресс, 2010. 288 с.
32. Усачева В.В. Лук // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 140–143.

Onion in the North Russian Linguistic and Cultural Tradition

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 53–69. DOI: 10.17223/19986645/61/4

Valeria S. Kuchko, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kuchko@inbox.ru

Keywords: Northern Russian dialects, dialect vocabulary, gardening vocabulary, agriculture vocabulary, ethnolinguistics, semantic-motivational reconstruction.

The article is devoted to the North Russian (especially Vologda and Arkhangelsk) vocabulary related to the practice of growing onions: these are words that name species and parts of this plant, peculiarities of its growth, methods and units of its storage, dishes that are prepared from it. The abundance of “onion” vocabulary in the dialects of the Russian North is not accidental and relates to the extensive ethnographic and folklore materials collected by the Toponymic Expedition of the Ural Federal University mainly in the central and eastern districts of the Vologda region: they are ethnographic information about the time to plant and harvest onions, elements of magical practices that promote good crop of onions, etc.; “onion” folk beliefs; folklore small magic texts accompanying the planting of onions. Together with lexical data, they make up a rich linguistic and cultural tradition associated with the cultivation of onions in the Russian North. This article considers the ideographic originality of the “onion” vocabulary. In particular, the dialects present onion “anatomy” – words naming parts of the vegetable (e.g., Arkhangelsk *volos’ya* ‘onion roots’, Arkhangelsk *osota* ‘onion leaves’, Kostroma *chiv* ‘the lower part of the onion leaf’, etc.). The features of onion “behavior” during its growth is characterized: its ability to expand while growing, to grow into a hard stem, to form several bulbs, etc. (cf. Vologda *gryazdit’sya* ‘grow by nests (about onions)’, Vologda *napyatit* ‘expand while growing (about onions)’, Arkhangelsk *botovik* ‘onion that grows as a hard stem’, etc.). Units of storage are designated: usually it is a bunch, in which bulbs are woven together with their leaves, for which they are convenient to hang (cf. Vologda *pleten’e*, Vologda *batman*, Vologda *medvedko* ‘bunch of onions for drying’, etc.). Dishes from onions that are very popular are named (cf. *lukovatik* ‘onion pie’, Vologda *kislukha*, Vologda *chipulya*, Vologda *zvarets* ‘onion soup with kvass’, etc.). Some words (namely those that are particularly interesting from a motivational point of view, or “dark” in origin, or represent a curious semantic shift and so on) are accompanied in the article by a semantic-motivational commentary: their belonging to a particular etymological word-formation family is indicated, semantic connections with other words of the family are shown, the history of their origin in the language is presented, assumptions about their motivation are made. Some reasons for the increased attention to the onion in the Russian North are suggested. Among them are those that are relevant not only in the considered spatial boundaries. The main local reason for this tradition reflected in the ethnographic, folklore and lexical materials about the onion seems to be the fact that there are extremely scarce – for climatic reasons – opportunities for growing other “vitamin-rich” vegetables or fruits that can be stored during the long winter period. A wish to linguists regarding the field recording of the information about the tradition of growing onions is expressed in the form of lexical, ethnographic and folklore data.

References

1. Kuchko, V.S. & Leont'eva, M.O. (2018) Luk v lingvokul'turnoy traditsii Vostochnoy Vologodchiny [Onion in the linguocultural tradition of the Eastern Vologda region]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 8–10.
2. Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University. (n.d.) *Kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa* [Card index of the Dictionary of Dialects of the Russian North]. Yekaterinburg: Ural Federal University
3. Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University. (n.d.) *Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspeditsii UrFU* [Lexical card index of the Toponymic Expedition of Ural Federal University]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
4. Usacheva, V.V. (2008) *Magiya slova i deystviya v narodnoy kul'ture slavyan* [The magic of words and actions in the folk culture of the Slavs]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS.
5. Berezovich, E.L. & Kuchko, V.S. (2018) “Na nishchego, na pishchego . . .”: Russian North Paremiology and Vocabulary of Abundant Harvest. *Ethno-Linguistic Notes. Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 4. pp. 11–19. (In Russian).
6. Anikin, V.P. (ed.) (1998) *Russkie zagovory i zaklinaniya. Materialy fol'klornykh ekspeditsiy 1953–1993 gg.* [Russian arcane rites and spells. Materials of folklore expeditions of 1953–93]. Moscow: Moscow State University.
7. Matveev, A.K. (ed.) (2001) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1. Yekaterinburg: Ural State University.
8. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad/St. Petersburg: Nauka.
9. Zorina, L. Yu. (ed.) (2017) *Slovar' vologodskogo rezhskogo govora (po materialam dialektologicheskikh ekspeditsiy v Syamzhenskiy rayon Vologodskoy oblasti)* [Dictionary of the Vologda Rezhskoe dialect (based on materials of dialectological expeditions to the Syamzhenskiy district of the Vologda region)]. Vologda: Vologda State University.
10. Trubachev, O.N. & Zhuravlev, A.F. (eds) (1974–2016) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund]. Is. 1–40. Moscow: Nauka.
11. Anikin, A.E. (2007–) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
12. Getsova, O.G. (ed.) (1980–) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow: Moscow State University.
13. Vasmer, M. (2007) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Astrel'–AST.
14. Varbot, Zh.Zh. (2012) *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Studies in Russian and Slavic etymology]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
15. Galinova, N.V. (2000) *Etimologo-slovoobrazovatel'nye gnezda praslavyanskikh korney so znacheniyami ‘gnut’, ‘vertet’, ‘vit’ v govorakh Russkogo Severa* [Etymological and derivational word families of pre-Slavic roots with the meanings ‘bend’, ‘twirl’, ‘twist’ in the dialects of the Russian North]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
16. Panikarovskaya, T.G. (ed.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute/University.
17. Mel'nichenko, G.G. (ed.) (1981–1991) *Yaroslavskiy oblastnoy slovar': v 10 vyp.* [Yaroslavl Regional Dictionary: in 10 issues]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical Institute.
18. Dahl, V.I. (1903–1909) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 3rd ed. St. Petersburg; Moscow.
19. Romanova, G.Ya. (2017) *Ob'yasnitel'nyy slovar' starinnykh russkikh mer* [Explanatory dictionary of ancient Russian measures]. Moscow: Un-t Dmitriya Pozharskogo.

20. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975–) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Moscow: Nauka.
21. Podvysotskiy, A.I. (1885) *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg.
22. Levichkin, A.I. & Myznikov, S.A. (eds) (2006) *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya. Po rukopisi P. A. Dilaktorskogo 1902 g.* [Dictionary of the regional Vologda dialect. By to the manuscript of P.A. Dilaktorskiy, 1902]. St. Petersburg: Nauka.
23. Kolosova, V.B. (2012) “Medvezh'i” rasteniya v russkikh govorakh [Medved-stemmed plants in Russian dialects]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 94–97.
24. Shelkova, I.A. (2014) Medvedka – ogorodnyy vreditel'? [Gryllotalpa gryllotalpa: A garden pest?]. *Russkaya rech'*. 3. pp. 72–78.
25. Gantsovskaya, N.S. (2018) *Kostromskie govory: ucheb. kompleks v 2 t.* [Kostroma dialects: textbook in 2 vols]. Vol. 1. Kostroma: Izd-vo Kostroma State University.
26. Berezovich, E.L. & Osipova, K.V. (2014) “Chto edim, tak i zhist' zhivem”: pustoy sup i nekrepiy chay v zerkale yazyka [“We live the way we eat”: Thin soup and weak tea in the mirror of the language]. *Antropologicheskoy forum – Forum for Anthropology and Culture*. 1 (20). pp. 218–239.
27. Vostokov, A.Kh. (ed.) (1852) *Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya, izdannyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy akademii nauk* [The experience of the Regional Great Russian Dictionary, published by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg.
28. Tenishev, V.N. (2007) *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravny: Materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazya V. N. Tenisheva* [Russian peasants. Life. Routine. Manners: Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev]. Vol. 5. Pt. 1. St. Petersburg.
29. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey: v 6 t.* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas: in 6 vols]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
30. Dolgushev, V.G. & Smetanina, Z.V. (eds) (1996–) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka dialects]. Kirov: Konnektika; Vyatka State University of Humanities; Raduga-PRESS.
31. Rut, M.E. (2010) *Slovar' astronomov: zvezdnoe nebo po-russki* [Astronym Dictionary: starry sky in Russian]. Moscow: AST-Press.
32. Usacheva, V.V. (2004) Luk [Onion]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 140–143.

УДК 81'373.612.2'33'001.4'
DOI: 10.17223/19986645/61/5

Н.А. Мишанкина

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕРЕМЕЩЕНИИ В ПРОСТРАНСТВЕ КАК ИСХОДНАЯ ПОНЯТИЙНАЯ ОБЛАСТЬ В РУССКОМ МЕТАФОРИЧЕСКОМ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИИ

Рассматривается система фреймовых структур и, соответственно, языковых единиц, репрезентирующих представления о перемещении в пространстве, и их роль в формировании семантики метафорических терминов. Описание концептуальных структур осуществлено в аспекте универсальности / уникальности, выявлено соотношение универсальных и уникальных структур, определены специфика их вовлеченности в процессы терминообразования, параметры трансформации при метафорической концептуализации.

Ключевые слова: метафора, терминосистема, фрейм, глаголы перемещения объекта, глаголы поступательного движения субъекта.

Проблема исследования

Вопрос о значимости семантической деривации в процессах терминообразования был поставлен еще в рамках лексико-семантического подхода к исследованию терминосистем. Эта идея получила развитие в работах Л.А. Аваковой, О.И. Блиновой, В.П. Даниленко, Н.В. Клепиковской, Н.З. Котеловой, В.М. Лейчика, С.Е. Никитиной, В.Н. Прохоровой, Е.Н. Толикиной, Е.В. Мариновой, С.П. Хижняка, А.В. Суперанской и др.

На настоящем этапе развития наука о терминосистемах обращается к изучению знаниевой структуры термина и определяет себя как когнитивное терминоведение. Е.И. Голованова отмечает, что этот термин был введен С.В. Гриневым и практически сразу был принят научным сообществом в силу его методологической значимости [1]. Общим для работ этого направления оказывается внимание к когнитивной специфике терминологического слова: «Отличие принципов и методов когнитивного изучения языка, в данном случае терминов и других единиц профессиональной коммуникации, от традиционного подхода обусловлено выдвиганием на передний план проблем соотношения языковых структур с ментальными структурами, отражающими особенности человеческого опыта и деятельности, вопросов представления в языке различных типов знания – обыденного и научного, ассоциативно-образного и рационально-логического» [Там же. С. 5]. Принципы единства и целостности когнитивной деятельности, лежащие в основе когнитивного подхода к исследованию языковых структур, дают возможность снять ограничение, связанное с функциональной «локализацией» термина, увидеть генетическую близость процессов концептуализации и гносеологии в обыденном познании и научной дея-

тельности и, соответственно, глубинную, когнитивную связь терминосистем и национального языка.

По мнению Е.И. Головановой, термин в современном терминоведении понимается как единица, сформированная на пересечении профессиональной когниции и профессиональной коммуникации, и это определяет его наиболее важную функцию – гносеологически *ориентирующую*¹, или когнитивную [1. С. 49]. Опираясь на идеи Д.С. Лотте [2. С. 12], исследователь в качестве наиболее «правильно ориентирующих терминов» определяет термины с ясной внутренней формой. Идея «внутренней формы термина», как значимая для функциональной специфики термина, уже высказывалась ранее в трудах известных лингвистов и даже выступала объектом исследования, но не получила последовательного развития [3–7]. В работе Т.С. Коготковой «Национальные истоки русской терминологии» [8] показано, что в терминологических и отраслевых стандартах функционируют термины, произошедшие из русских диалектов. Этот вопрос поднимает также М.Н. Володина в работе «Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации» [9]. Обозначенный подход начинает активно развиваться позднее, в рамках направления, изучающего взаимодействие национальных языковых картин мира и профессиональных дискурсов, в том числе в аспекте терминосистем [10–13].

Несмотря на то, что международная научная коммуникация предъявляет требования к унификации терминосистем, следует обратить внимание на то, что само выдвижение подобных требований указывает на вторичность процесса унификации по отношению к первичной национально-культурной специфике терминосистем: терминосистемы формируются в рамках национальных языков в соответствии с прагматическими установками, во-первых, на восполнение дефицита номинаций в профессиональной деятельности, во-вторых, на прозрачность гносеологических структур и эффективность использования ресурсов памяти. Эти установки определяют появление в рамках национальной науки особых терминоэлементов и моделей терминообразования, свойственных только данному языку и обладающих высокой степенью информативности для его носителей. Ключевой идеей можно назвать мысль о том, что термин, «являясь единицей языкового и профессионально-научного знания... становится выразителем процессов, принадлежащих языковому сознанию, когда общезыковая информация трансформируется в информацию терминологическую» [14. С. 314].

Полагаем, что термины, образованные на основе семантической деривации, имеют особую когнитивную ценность, так как не только аккумулируют структуры профессионального знания, но и связывают их с гносеологическими структурами, представленными в национальном языке, упрочняя таким образом «ориентиры» в знаниевом пространстве научной профессиональной области. Именно метафорический термин дает основание говорить об общности гносеологических механизмов обыденного и науч-

¹ Термин «ориентирующая функция» был введен в научный обиход Д.С. Лотте [2].

ного познания. Эта проблема – поиск базовых метафорических механизмов – становится одной из обсуждаемых в современном терминоведении, в этом аспекте изучаются метафорические модели различных научных областей: медицины [15–19], экономики [20, 21], информатики [22, 23], нефтегазового дела [24, 13], лингвистики [25, 26], педагогики [27], геологии [28, 29], психологии [30–31] и др. Попытка описания «сквозных» метафорических единиц, задействованных в оформлении научного знания, представлена в работе [32] на материале терминосистем 10 научных областей.

Цель настоящей статьи – описание системы фреймовых структур и, соответственно, языковых единиц, репрезентирующих представления о перемещении в пространстве, и их роли в формировании семантики метафорических терминов. При этом мы ставим своей задачей описание не только концептуальных структур, активно вовлеченных в процессы терминообразования и регулярно задействованных в семантической деривации, но и тех, которые образуют единичные термины, специфичные для определенных научных областей.

Методология, метод и материал исследования

Методология исследования является комплексной: в качестве общего базового подхода к изучению терминосистем выступает когнитивное терминоведение, которое ставит своей целью изучение концептуальных моделей, лежащих в основе семантики терминологической единицы. Анализ метафорической терминологии осуществлялся с опорой на теорию концептуальной метафоры [33] и метафорического моделирования – подхода, разработанного российскими исследователями-метафорологами, развивающего названную теорию и дополнившего ее достижениями лексической семантики [34, 35]. В рамках этого подхода была представлена наиболее эффективная методика описания метафорических моделей, включающая в качестве опорного компонента для реконструкции фреймовой структуры, выступающей основой метафорической концептуализации, исходное значение лексической единицы. В работе З.И. Резановой представлено целостное описание методов исследования вариантов реализации концептуальной метафоры в различных языковых структурах: от языковой, лексической до текстовой [35. С. 25–73]. Эта методика апробирована и для анализа метафорической терминологии [13, 23, 25, 27–32, 36, 37]. В рамках данной работы для описания фреймовой структуры опорой выступает также исходное (первичное) значение лексической единицы.

Материалом исследования послужила выборка метафорических терминов 10 научных областей (биология, геология, информатика, медицина, психология, социология, физика, химия, филология, философия) общим объемом 343 термина, образованных на основе лексем с семантикой перемещения в пространстве, включенных в Базу данных русской метафорической терминологии [32, 36, 37].

Ранее нами уже была рассмотрена проблема, связанная с установлением отношений производности между термином и единицей общенационального языка. Задача описания лингвокогнитивных гносеологических структур, получающих отражение в языковых единицах, а затем и в метафорическом термине, привела к необходимости полностью включить в поле анализа «систему лексических единиц, внешняя и внутренняя форма которых соотносима с единой концептуальной фреймовой структурой, репрезентируемой исходной производящей единицей» [37]. О необходимости такого объединения для реконструкции исходной фреймовой структуры пишет А.П. Чудинов: «В соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики язык – это единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, морфологию и синтаксис. Поэтому при анализе концептуальной метафоры <...> в равной степени рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям. Иначе говоря, понятийное сближение воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия» [34. С. 38]. Отметим, что толковые словари современного русского языка зачастую отражают эту общность следующим образом: «ВЫГОНКА; ВЫГОНЯТЬ; ВЫГОНЯТЬСЯ см. **Выгнать**» [38].

Фреймовая структура опорной лексемы [32] обозначена нами как **исходная** для образования целого ряда терминов, при этом термины могут представлять собой самые различные дериваты, но их внутренняя форма соотносится с исходной структурой. Например, исходная фреймовая структура, репрезентированная глаголом *ходить*, через различные слоты реализуется в следующих терминах: *восходящий ток, восходы, всхожесть семян, слизевые ходы, смоляные ходы, вода восходящая, выход газа, выход нефти, источник восходящий, волны проходящие, выход продукта, источник нисходящий, переходные синдромы, нерасхождение хромосом, ход носовой, квантовый выход, радиационно-химический выход, фазовые переходы, безызлучательный квантовый переход, выход люминисценции, гетеро-переход, гомопереход, квантовый переход, виртуальные переходы, междолинные переходы, работа выхода, вход, входная страница, выход, чёрный ход, входной документ, переходный возраст, моторный выход, демографический переход, уход с поля, индивидуальный подход* и под. Таким образом, при рассмотрении метафорической терминологии был сформирован список исходных опорных глаголов, репрезентирующих исходные фреймовые структуры (ФС), послужившие основой в процессах терминообразования [32]. В случаях, когда они не были представлены в толковом словаре, вопрос решался путем обращения к «Словообразовательному словарю» [39]. Часть этих единиц со значением перемещения в пространстве (41 глагол) послужила материалом данной работы. Классификация глаголов с семантикой перемещения в пространстве проводилась на основе данных «Толкового словаря русских глаголов» [40].

Результаты исследования

Анализ показал, что из 5 060 метафорических терминов на основе ФС, связанных с перемещением в пространстве, образовано 343 (6,7%). В качестве мотивирующей основы выступает 41 глагол: глаголы перемещения объекта (25), глаголы поступательного движения субъекта (17). Однако, несмотря на явное количественное преобладание глаголов перемещения объекта, не для всех предметных областей оно справедливо. На рис. 1 представлено количественное соотношение в предметных областях глаголов исследуемых групп.

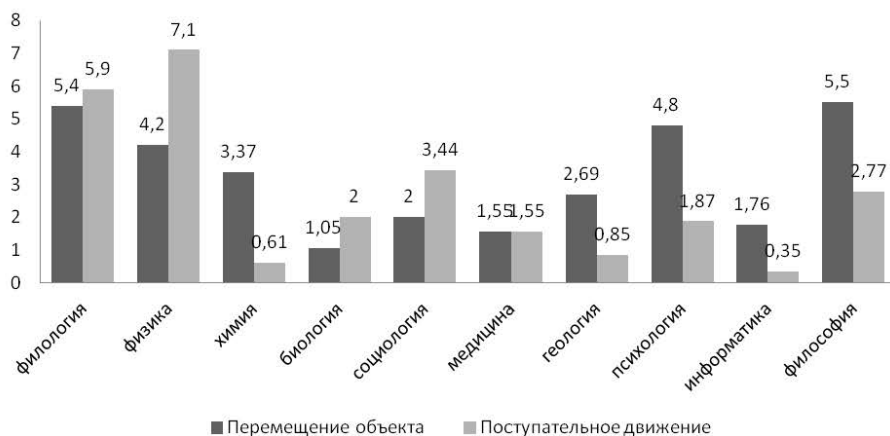

Рис. 1. Соотношение терминов, образованных на основе глаголов перемещения объекта и поступательного движения в предметных областях (в % к объему метафорического фрагмента предметной области¹)

Как можно убедиться, ФС глаголов перемещения объекта активнее задействованы в химии, геологии, психологии, информатике, философии. Представления о поступательном движении чаще выступают в качестве исходной ФС в процессах метафорического терминообразования в филологии, физике, биологии и социологии. В медицине их количество равно. Далее мы перейдем к более подробному анализу терминов, образованных на основе исходных ФС указанных групп и их распространению в исследуемых предметных областях. На рис. 2 и 3 представлены данные об их количественном и качественном составе.

Общее количество терминов, образованных на основе ФС перемещения объектов, – 162. В табл. 1 представлены данные о том, как задействованы исходные ФС этой группы при образовании терминов в исследуемых областях.

¹ Данные об объеме метафорических фрагментов см. в [32. С. 75].

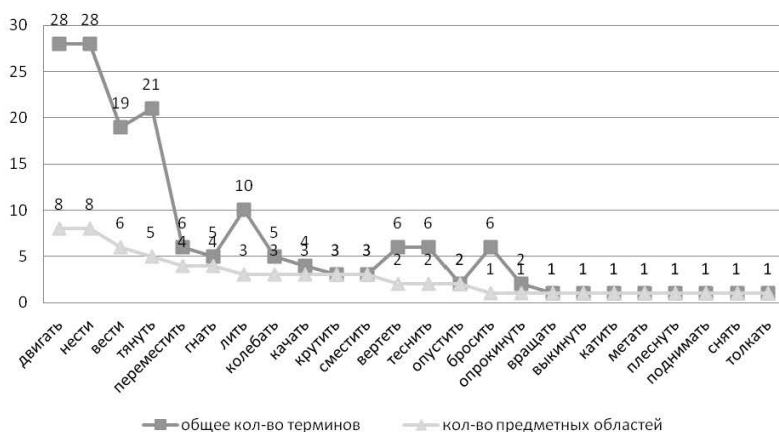

Рис. 2. Фреймовые структуры, репрезентированные глаголами перемещения объекта, задействованные в терминообразовании

Таблица 1

Распределение по предметным областям терминов, образованных на основе фреймовых структур, репрезентированных глаголами перемещения объекта

Глаголы	Филология	Физика	Химия	Биология	Социология	Медицина	Геология	Психология	Информатика	Философия
двигать	15	6	1	1	2	1		1		1
нести	6	4	4			3	3	5	2	1
вести	5	2		5		2	2	3		
тянуть	16	1		1			2			1
переместить		1	3					1	1	
гнать			2	1	1		1			
лить	8				1			1		
колебать	1	3	1							
качать		2			1				1	
крутить					1		1		1	
сместить	1				1			1		
вертеть					3					3
теснить							1	5		
опустить	1							1		
бросить							6			
опрокинуть							2			
вращать		1								
выкинуть	1									
катить	1									
метать							1			
плеснуть		1								
поднимать										1
снять										1
толкать						1				
Всего	55	21	11	8	10	7	19	18	5	8

К универсальным могут быть отнесены 4 исходные ФС, чаще всего привлекаемые в процессы терминообразования, репрезентированные глаголами: *двигать*, *нести*, *вести* и *тянуть*. Как можно убедиться, больше всего терминов на основе этих структур образуется в области филологии. Наиболее последовательно привлекается ФС, обозначенная глаголом *двигать* («Перемещать, толкая или таща»¹), где значимыми слотами являются: субъект действия — живое существо; объект действия — обычно некоторый предмет, лишенный способности двигаться самостоятельно; способ действия / инструмент — физический контакт субъекта и объекта, усилия субъекта по перемещению объекта без отрыва от опоры; направление действия; результат действия — изменение местоположения объекта. Отметим, что в вышеприведённой глагольной форме терминологические единицы практически не встречаются. Как правило, метафорические термины с этим корнем — имена существительные и прилагательные: *сдвиг*, *движение*, *передвижение*, *подвижность*, *подвижный*, *неподвижный* и т.п. В лингвистике это обычно термины, обозначающие какое-либо изменение звуковой формы языковой единицы: *движение гласных*². Более глобальные трансформации, влекущие структурные изменения языковой системы, маркируются термином *сдвиг* или *передвижение*: *сдвиг*³; *передвижение согласных*⁴. И напротив, постоянный признак обозначается через указание на отсутствие динамики: *неподвижное ударение*⁵. При вовлечении этой ФС в процессы метафорической концептуализации оказывается незадействованным слот «субъект действия» и «направление». Чаще всего в качестве опорного выступает слот «результат действия», а именно некоторое изменение, но не пространственного местоположения, а состояния объекта: отдельного феномена или целостной системы. Аналогичным образом семантика изменения состояния реализуется и при терминообразовании в других научных областях: *сдвиг фаз*⁶ (физ.); *культурный сдвиг* (*дрейф*)⁷ (соц.); *движущий отбор*⁸ (биол.).

¹ Здесь и далее значения опорных единиц приводятся по Большому толковому словарю русского языка [41].

² Чередование гласных.

³ Изменение части дифференциальных признаков, замена данного фонетического свойства фонемы другим, но подобным, переход смычных в фрикативные.

⁴ Особенность развития индоевропейских смычных в ряде языков заключавшаяся в задержке вибрации голосовых связок, приведшей к переходу звонких, взрывных в глухие, а глухих взрывных в щелевые (фрикативные).

⁵ Фиксированное, устойчивое, постоянное, связанное.

⁶ Разность фаз переменных физических величин, изменяющихся по синусоидальному закону с одинаковой частотой.

⁷ Непредвиденные изменения культуры, происходящие в результате постепенного накопления небольших перемен, приводящих со временем к появлению новых культурных форм и исчезновению старых.

⁸ Направленный отбор, одна из форм естественного отбора, благоприятствующая лишь одному направлению изменчивости и не благоприятствующая всем остальным.

Исходная ФС, репрезентированная глаголом *нести* («Взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать в определённом направлении, доставлять куда-л.»), содержит аналогичные слоты, но в этой ФС меняется содержание слота «способ действия / инструмент». Чаще всего при образовании термина актуализируются слоты «направление действия» (за счёт семантики префикса) и «объект»: *конус выноса*¹ (геол.); *внесение*² (филол.); *перенос* значения (филол.); *перенос*³ (псих.); *цепь переноса электронов*⁴ (мед.); *электроперенос*⁵ (хим.); *перенос способов решения*⁶ (филос.). В некоторых случаях задействован слот «субъект действия»: *грунтонос*⁷ (геол.); *теплоноситель*⁸ (хим.); *носитель тока*⁹, *несущее колебание*¹⁰ (физ.); *электронный носитель*¹¹ (инф.); *афферентная (приносящая) артериола*¹² (мед.). Однако последовательно незадействованным остается «способ действия / инструмент» (руки).

При образовании терминов на основе глагола *вести* («Идя вместе, направлять движение, помогать или заставлять идти с собой; сопровождать») актуализируются такие слоты ФС, как «направление» (за счёт семантики префиксов), «субъект действия»: *выводковые корзинки*¹³, *проводящие пучки*¹⁴ (биол.); *нерв отводящий*¹⁵ (мед.); *вводящие слова*¹⁶, *пере-*

¹ Аккумулятивная форма в виде полуконуса, возникающая на месте резкого выполаживания продольного профиля реки (ручья), в результате чего поток теряет силу и переносимые им наносы отлагаются.

² Вставка в предложение слова, грамматически с ним не связанного.

³ Влияние ранее сформированного стереотипного действия (навыка) на овладение новым действием.

⁴ Ряд ферментов и белков, присутствующих в живых клетках, по которым передаются электроны.

⁵ Передвижение компонентов расплавов с электронной или дырочной проводимостью.

⁶ Использование известных способов для решения новых проблемных ситуаций.

⁷ Прибор для взятия с забоя скважины, из горных выработок или со дна озера образцов рыхлых и мягких геологических пород с сохранением их природного сложения и влажности.

⁸ Жидкое или газообразное вещество, применяемое для нагрева реагирующих компонентов в аппаратах химической промышленности.

⁹ Электрически заряженная частица в веществе, обуславливающая его электрическую проводимость.

¹⁰ Колебание, предназначенное для передачи моделирующего сигнала с заключенной в нем информацией.

¹¹ Средство хранения оцифрованной информации.

¹² Сосуд, по которому кровь поступает в почечный клубочек.

¹³ Органы вегетативного размножения печеночного мха маршанции, расположенные на верхней стороне таллома.

¹⁴ Совокупность в органе растений всех проводящих тканей и прилегающих к ним механических тканей.

¹⁵ VI пара черепных нервов, тонкий; выходит из мозга между мостом и пирамидами продолговатого мозга, проходит в полости пищеварительной пазухи и через верхнюю глазничную щель входит в глазницу, где иннервирует латеральную прямую мышцу глаза.

¹⁶ Слова, предшествующие приводимой в высказывании прямой речи.

*вод*¹ (филол.); *волновод*² (геол.); *ведущее магнитное поле*³ (физ.); *мотив ведущий*⁴ (псих.); *ведущее слово*⁵ (филол.). И лишь в редких случаях «объект действия»: *давления пластовые приведенные*⁶ (геол.). Незадействованными остаются слоты «способ действия / инструмент» и «результат действия».

Глагол *тянуть* («Взяв, ухватив край, конец чего-л., перемещать, тащить к себе силой, усилием») также репрезентирует ФС, включающую представление о субъекте и объекте действия, его продолжительности, направлении действия и способах осуществления. Актуализируется слот «направление действия», который варьируется в соответствии с семантикой префикса: например, лингвистический термин *оттяжка удара*⁷ показывает, что изменяется стандартная локализация. Целый ряд метафорических терминов с этой корневой морфемой актуализируют признак «движение по направлению к себе»: *притягательные местоимения*⁸ (филол.) или «движение из вместилища»: *вытяжка нефти*⁹ (геол.). Однако значима и собственно корневая семантика: актуализирован слот «результат действия», показывающий, что после окончания действия объект вернется на прежнее место (ср., например, *оттяжка* и *передвижка удара*). В терминообразовании могут быть задействованы представления об инструменте, с помощью которого может осуществляться это действие: *половые тязи*¹⁰ (биол.). В следующей группе терминов актуализируется другой элемент ФС, который связан с состоянием объекта, испытывающего на себе указанное действие. Отвлеченное существительное, образованное от этой корневой морфемы, обозначает состояние объекта: *тяготение*¹¹ (филол.). (Ср. *тяготеть* – искон. суф. производное от *тягота*, суф. образования от *тяга* «продвижение (влечение, стремление в определённом направлении) под действием притягивающей, тянущей (влекущей) силы [42]). В другом случае речь идет об увеличении и уменьшении размеров, изменении структуры нежесткого объекта под воздействием / по оконча-

¹ Передача содержания текста средствами другого языка.

² Зона пониженной скорости распространения сейсмических волн, совпадающая с астеносферой.

³ Магн. поле в окрестности орбиты частицы в циклич. ускорителе заряженных частиц, обеспечивающее движение частицы по искривлённой траектории.

⁴ Главный, основной мотив, побуждающий к некоей деятельности в случае ее полимотивированности.

⁵ Слово, выступающее в качестве модели для аналогического словообразования.

⁶ Замеренные пластовые давления, приведенные (пересчитанные) для удобства сравнения к определенной горизонтальной плоскости.

⁷ Перенос удара с конца к началу слова.

⁸ Разряд личных местоимений, указывающих на признаки предметов по их принадлежности к участникам речи.

⁹ Извлечение нефти из нефтеносной полости с помощью бесцветных растворителей: бензина, бензола, хлороформа.

¹⁰ Плотные клеточные ленты, расположенные в лучах морских лилий.

¹¹ Согласование предикативного определения с подлежащим.

нии воздействия «тяги»: *растяжение*¹, *стяжение гласных*² (филол.); *поверхностное натяжение*³ (физ.). Такой признак, как «продолжительность» действия, отразился в семантике терминов *протяжённый согласный*⁴ (филол.) и *протяженность*⁵ (филос.).

Следующую группу глаголов нельзя назвать регулярно задействованными в терминообразовании, но на их основе образуются термины в 2–4 предметных областях. Отметим, что ФС этой группы во многом аналогичны предыдущим, можно говорить о стабильных слотах: субъект и объект действия, способ действия / инструмент; направление действия; результат действия – изменение местоположения объекта. На основе самой общей семантики, репрезентированной глаголами *переместить* («Передвинуть, переставить с одного места на другое; изменить местоположение кого-л., чего-л.; перевести куда-л.»), *сместить* («Сдвинуть с места, изменить местоположение чего-л.»), образуется целый ряд терминов-существительных со значением «изменение»: *перемещение*⁶ (физ.); *перемещение интенсивности*⁷, *смещение*⁸ (псих.); *выборки смещение*⁹ (соц.); *смещение*¹⁰ (филол.). В этом случае, так же как и в случае с ФС, репрезентируемой глаголом *двигать*, актуализируется слот «результат» – изменение состояния объекта.

Семантика терминов, образованных на основе ФС глаголов перемещения по горизонтали *знать* («Заставлять двигаться в каком-л. направлении, понуждать к передвижению») и *теснить* («Придвигаясь вплотную, толкать, заставлять отходить, отодвигаться куда-л.»), базируется на слотах «результат действия» и «объект действия», реализуя признак «изменение объекта»: *фракционная перегонка*¹¹ (хим.); *нефтяные погоны*¹², *вытесне-*

¹ То же, что продление (о звучании речи).

² Слияние двух смежных гласных, приводящее к возникновению одного простого гласного.

³ Характеристика сил межмолекулярного взаимодействия в жидкости, численно равная работе, которую нужно совершить для того, чтобы при постоянной температуре увеличить на единицу площадь поверхности жидкости и ее насыщенного пара.

⁴ Общее название для сонорных и фрикативных согласных, объединяемых тем, что их можно «тянуть» в отличие от смычных.

⁵ Возможность прибавления к каждому данному объекту некоторого другого объекта.

⁶ Вектор, характеризующий изменение положения материальной точки относительно выбранной системы отсчета за некоторый промежуток времени.

⁷ Во время сна важные представления и мысли лишаются господствующего значения, а на первый план выступают другие, по видимости того не заслуживающие.

⁸ Искажение скрытого содержания сновидения путем перемещения акцентов с главного на второстепенное, незначительное или безразличное.

⁹ Всякое отклонение структуры выборки от реальной структуры генеральной совокупности.

¹⁰ Изменение формы зависимой части высказывания вследствие изменений в части господствующей.

¹¹ Разделение жидких смесей на отдельные фракции, кипящие в определенных температурных пределах, путем перегонки и последующей конденсации.

¹² Один или несколько компонентов нефти (соединений), которые испаряются при определенной температуре и извлекаются из сырой нефти в процессе дистилляции.

ние нефти¹ (геол.); **выгонка растений**² (биол.); **вытеснение**³, **оттеснение**⁴ (псих.).

На основе ФС, репрезентированной глаголом *опустить* («Наклонить вниз или переместить в более низкое положение»), образовано только 2 термина: *голос опущенный*⁵ (псих.); *опущение*⁶ (филол.). При этом реализуются разные аспекты исходной ФС: в первом случае актуализирован слот «направление», «объект» и «результат действия» – изменение местоположения по вертикали вниз. В восприятии звука архетип «верх – низ» [33] достаточно устойчив и реализуется в целом ряде метафорических единиц (высокий / низкий, возвысить / понизить). Соответственно, *голос опущенный* – это голос, звучащий в более низком регистре. Семантика термина *опущение* также базируется на слотах «направление действия», «результат действия», но в этом случае проявляется гештальтная⁷ составляющая ФС, имплицитно включающая множество неактуализированных признаков, которые могут быть актуализированы именно в процессах метафорической концептуализации [45. С. 123]. Семантика данного термина связана с признаком, базирующимся на опыте визуального восприятия: объекты, находящиеся на высоте, видны лучше, нежели те, что находятся внизу. Зачастую перемещение объекта вниз полностью выводит его из поля зрения, делает «не существующим» для восприятия. Таким образом, в последнем случае в процессе терминообразования задействован имплицитный слот ФС, никак не репрезентированный словарным значением глагола: перемещение вниз выступает как удаление из воспринимаемого пространства. Отметим, что данная ФС задействована в этом аспекте не только в терминообразовании⁸.

¹ Замещение нефти, содержащейся в породе-коллекторе, другим агентом (водой, газом и др.) с целью повышения нефтеотдачи, когда пласт больше не способен ее отдавать самостоятельно.

² Ускоренное выращивание растений в теплицах и парниках из клубней, луковиц, корней.

³ Один из механизмов психологической защиты, характеризующийся недопущением, исключением из сознания неосознанного импульса, возбуждающего напряжение и тревогу.

⁴ Процесс ослабления самоцензуры и образования компромисса.

⁵ Голос с преобладанием более низких обертонов.

⁶ Отсутствие какого-л. из членов предложения, воспринимаемое как «нулевое» его выражение.

⁷ Термин «гештальт» введен М. Вертгеймером и обозначает единицу целостного восприятия, первичный образ, который затем членится на детали [43]. О гештальтной организации фреймовых структур пишет М. Мински, описывая специфику фрейма, он говорит о понятии «умолчания»: «Когда вы, например, смотрите на сидящего человека, то даже если стул, на котором он сидит, полностью скрыт от вашего взгляда, вы все равно «видите» этот стул. Если специально не привлечь ваше внимание к этому факту, вы никогда и не заметите фактическое отсутствие стула в поле зрения» [44. С. 289–290].

⁸ Приведем пример из НКРЯ: «Это был первый шаг на пути моего последующего падения. **Опусти подробности** того, что произошло на этой даче. Все достаточно ясно и без лишних слов» [Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)].

ФС, репрезентированная глаголом *лечь* («Заставлять вытекать, течь какую-л. жидкость»), аналогична предыдущим, но в качестве объекта действия выступает жидкое вещество, что и определяет семантику терминов, образованных на ее основе. Это, как правило, обозначение процессов объединения объектов в более крупные образования. Например, *слияние*¹, *слитные согласные*², *слияние языков*³. В социологии на основе значения этой единицы образован термин *перелив капитала*⁴.

Следующая группа ФС репрезентирует виды неоднократных перемещений объекта, они являются попарно синонимичными: *колебать* («Приводить в мерное движение, заставлять раскачиваться взад и вперед, из стороны в сторону или сверху вниз»), *качать* («Приводить в колебательное движение из стороны в сторону или сверху вниз»), *крутить* («Приводить в круговое, вращательное движение; вращать, вертеть»), *вертеть* («Приводить в круговое движение; вращать, крутить»). Анализ семантики терминов, в основе которых лежат эти ФС, показал, что наиболее последовательно актуализируется слот «результат действия» – изменение объекта или системы: *связанные колебания*⁵ (физ.); *колеблющееся ударение*⁶ (фил.); *переворот государственный*⁷ (соц.); *иконический поворот*⁸ (филос.). ФС, репрезентированная лексемой *качать*, также привлекается для создания терминов, связанных с обозначением процессов изменения состояния систем: *накачка*⁹ (физ.).

Третью группу терминов, образованных на основе семантики перемещения объекта, представляют отдельные терминологические единицы, поэтому можно говорить об уникальности этих ФС для той или иной предметной области. Назовем их репрезентанты: *бросить* («Резким движением, взмахом руки заставить переместиться по воздуху, упасть куда-л.») – *взброс*¹⁰, *сброс*¹ (геол.); *кинуть* («Выбросить») – *выкидка*² (фил.); *ме-*

¹ Тесное синтаксическое объединение отдельных элементов высказывания.

² Аффрикаты и аспираты, понимаемые, соотв., как слияние взрывного согласного с фрикативным того же места образования и как слияние взрывного согласного с последующим придыханием.

³ То же, что интеграция.

⁴ Непосредственное изъятие финансового капитала из отдельных стран, отраслей, отдельных фирм и помещение его либо в более выгодные для инвестиций, либо более надежные для вложений страны, отрасли, фирмы, проекты.

⁵ Свободные колебания связанных систем, состоящих из взаимодействующих одиночных (парциальных) колебат. систем.

⁶ Сочетание подвижного и неподвижного ударения в одной и той же парадигме.

⁷ Внезапный переход от одной системы власти к другой.

⁸ Сдвиг в социально-культурной ситуации, при котором онтологическая проблематика переводится в план анализа визуальных образов.

⁹ Процесс создания неравновесного состояния вещества под воздействием электромагнитных полей, при соударениях с заряж. или нейтр. частицами, при резком охлаждении предварительно нагретых газовых масс.

¹⁰ Одна из форм разрывных тектонических смещений горных пород, возникающая при их горизонтальном сжатии.

тать («Кидать, бросать с целью попасть в кого-, что-л.») – ледник **переметный**³ (геол.); *плеснуть* («С шумом взметнуть вверх (воду) или ударить по воде, о воду») – **гамма-всплески**⁴ (физ.); *толкать* («Коротким резким движением, толчком отодвигать, отстранять») – **сердечный толчок**⁵ (мед.); *катить* («Вращая, заставляя двигаться какой-л. округлый предмет в одном направлении») – **раскатистый звук**⁶ (филол.); *поднять* («Переместить что-л. вверх») – **эротический подъем**⁷ (филос.); *снять* («Достать, взять, убрать, отделить находящееся сверху, на поверхности чего-л. или где-л.») – **снятие**⁸ (филос.); *опрокинуть* («Свалить, повалить набок или поставить, перевернуть (кверху дном)») – **складка опрокинутая**⁹ (геол.). Можно говорить о том, что в значении терминов достаточно последовательно отражены исходные ФС, включающие следующие стандартные слоты: субъект и объект действия, способ действия / инструмент; направление действия; результат действия – изменение местоположения объекта. Различаются семантические структуры терминов конкретным содержанием слотов: за счет семантики приставок конкретизируется направление перемещения, варьируется тип объекта действия (физический объект или вещество) и способ действия. При этом в семантике термина могут быть актуализированы имплицитные признаки, входящие во фрейм: удаление объекта (**выкидка, снятие**), восприятие действия одушевленным объектом (**толчок**).

Подводя итоги анализа вовлеченности ФС данной группы в процессы терминообразования, следует отметить, что более последовательно задействуются типовые слоты, непосредственно связанные с перемещением в пространстве: «направление» и «результат». Слот «направление» актуализируется по преимуществу за счет семантики префиксов, слот «результат» реализован семантикой корневой морфемы, оба маркируют изменение состояния объекта или некоторой системы. Слот «объект действия» актуали-

¹ Разрывное нарушение, при котором сместитель падает в сторону опущенного крыла (висячее крыло опущено относительно лежащего).

² Утрата словом (морфемой, словосочетанием) звука или слога в результате ассимиляции или диссимиляции.

³ Сложный ледник с общей фирновой областью, состоящий из двух языков, сползающих в противоположных направлениях по склонам хребта.

⁴ Интенсивные импульсные потоки гамма-квантов с энергией от десятка до тысяч кэВ, распространяющиеся в межзвездном пространстве Галактики.

⁵ Вызванное сокращением сердца сотрясение передней стенки грудной клетки, распространяющееся в подложечную область.

⁶ То же, что дрожащий.

⁷ По В. Соловьеву, реальное преодоление различий между человеком и Богом посредством любовных отношений.

⁸ Термин, применяющийся в философии Гегеля, означает одновременное уничтожение и сохранение чего-либо. Каждое данное состояние «снимается» высшим, чем и объясняется связь ступеней развития.

⁹ Складка с наклонной осевой поверхностью и крыльями, падающими в одну сторону под разными углами.

зируется реже, при этом, естественно, меняется его содержание: физический объект / вещество → абстрактный объект. Слоты «субъект действия» и «способ действия / инструмент» практически не задействованы в процессах формирования семантики термина. Вместе с тем при образовании единичных терминов могут актуализироваться имплицитные слоты.

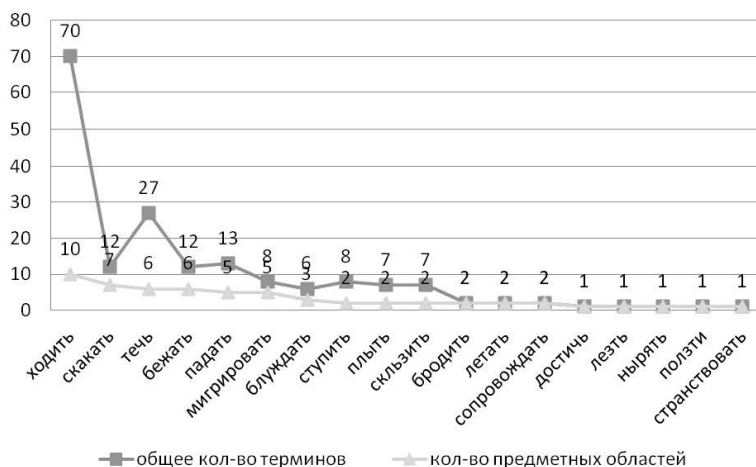

Рис. 3. Фреймовые структуры, репрезентированные глаголами поступательного движения, задействованные в терминообразовании

Общее количество терминов, образованных на основе ФС, связанных с представлениями о поступательном движении, – 181. К универсальным могут быть отнесены 6 исходных ФС, репрезентированных лексемами: *ходить*, *скакать*, *течь*, *бежать*, *падать*, *мигрировать*. Распределение образованных от них терминов по предметным областям отражено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение по предметным областям терминов, образованных на основе фреймовых структур, репрезентированных глаголами поступательного движения

Глаголы	Филология	Физика	Химия	Биология	Социология	Медицина	Геология	Психология	Информатика	Философия
ходить	32	7	3	5	10	3	3	2	2	3
скакать	1	4	1			2	1	2		1
течь	2	17			5	1	1	1		
бежать	1	2		4	1			3		1
падать	8	2			1			1		1
мигрировать		1		3	1	2	1			
блуждать				3		2				1
ступить	7						1			

Глаголы	Фило-логия	Фи-зика	Химия	Био-логия	Со-циология	Меди-цина	Гео-логия	Пси-хология	Ин-фор-матика	Фило-софия
плыть		2			5					
скользить	4				3					
бродить	1		1							
летать	1						1			
сопровождать	1								1	
достичь	1									
лезть				1						
нырять							1			
ползти					1					
странствовать	1									
Всего	60	35	2	16	17	7	6	7	1	4

В отношении исходных ФС глаголов этой группы также можно говорить о типизированной организации: субъект действия – живое существо, способ действия – движение субъекта в пространстве; направление действия; результат действия – изменение местоположения субъекта.

Самой активной и регулярно задействованной в терминообразовании всех исследованных предметных областей является ФС, репрезентированная лексемой *ходить* («Обладать способностью, быть в состоянии двигаться, ступая ногами, делая шаги (о человеке, животном)»), на ее основе образовано 39% терминов данной группы. Их анализ показывает, что в рамках этого типа действия дифференцируется движение по вертикали и горизонтали, при этом семантика глагольных приставок конкретизирует перемещения в соответствии с фазами и направлениями, актуализирует слот «направление». В процессах моделирования задействована кинестетическая образ-схема [46] «источник – путь – цель»: начало движения (*исходное значение*¹ (филол.); *взвешивание исходных данных*² (соц.); *уход с поля*³ (псих.)) – движение по определенному пути и определенными способами (*слизевые ходы*⁴ (биол.); *ход носовой*⁵ (мед.); *чёрный ход*⁶ (инф.); *переход*⁷

¹ Исконное значение вещественной части слова, его этимон.

² Математический способ повышения или понижения значения ответов конкретной группы респондентов.

³ В психологической теории поля (К. Левин) – добровольный отказ индивида от привычного соц. взаимодействия (поля деятельности) во избежание психического конфликта.

⁴ Каналообразные выделительные органы растений, заполняющиеся слизью.

⁵ Часть полости носа, расположенная между носовыми раковинами.

⁶ Функция в программе или отдельная программа, обеспечивающая доступ в информационную систему в обход существующих средств защиты.

⁷ Изменение положения речевых органов, обусловливаемое последовательной сменной артикуляций или же сменой состояний покоя и работы (образования звука).

(филол.); демографический **переход**¹ (соц.); **переходные синдромы**² (мед.); квантовый **переход**³ (физ.); **переход** количественных изменений в качественные⁴ (филос.); волны **проходящие**⁵ (физ.)) – конечный пункт (личный **подход**⁶ (соц.); системный **подход**⁷ (филос.)). Однако слот «направление движения» может быть актуализован и за счет корневых компонентов, например: **возвратно-переходный**⁸ (филол.). Кроме того, префикс *вы-* зачастую маркирует нетривиальную ситуацию, когда конечный и исходный пункты маршрута могут совпасть: **выход от отрасли**⁹ (соц.); **выход газа**¹⁰ (геол.); **выход**¹¹ (инф.); квантовый **выход**¹² (физ.); моторный **выход**¹³ (псих.). Еще один параметр движения связан с ориентацией относительно других движущихся объектов: **схождение звуковое**¹⁴ (филол.); **нерасхождение хромосом**¹⁵ (биол.).

Представление о движении по вертикали, в отличие от движения в горизонтальной плоскости, задействовано при терминообразовании не во всех исследуемых областях, и в ходе семантической деривации актуализи-

¹ Исторический процесс перехода от экстенсивного типа воспроизводства населения с высокими уровнями смертности и рождаемости к интенсивному типу воспроизводства населения с низкими уровнями смертности и рождаемости.

² Симптоматомы, наблюдающиеся в течении острых экзогенного типа реакций и имеющие важное прогностическое значение.

³ Характерный для квантовой системы (атома, молекулы, кристалла, атомного ядра, элементарной частицы) скачкообразный переход из одного состояния в другое, происходящий под влиянием какого-либо взаимодействия, присущего частицам данной системы.

⁴ Один из основных законов диалектики, объясняющий, как, каким образом происходит движение и развитие.

⁵ Сейсмические волны, распространяющиеся из одной среды в другую через границу раздела.

⁶ В социальной педагогике индивидуальный подход к воспитаннику как к самосознательному субъекту воспитательного взаимодействия.

⁷ Направление методологии познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем, т. е. элементов, объединяемых определенной структурой.

⁸ Обозначающий действие, которое переходит на его субъект.

⁹ Прекращение выпуска товара, сопровождающееся юридическими процедурами и ликвидацией производственных мощностей или перепрофилированием производства.

¹⁰ Выделение природного газа непосредственно из грунта (сухой выход газа) или через воду в виде пузырей.

¹¹ Устройство, сигнал, программа передающие информацию из системы во внешнюю среду.

¹² Отношение числа молекул, участвующих в фотохимическом или фотофизическом процессе, к числу поглощенных фотонов.

¹³ Собирательное обозначение характеристик двигательного аппарата человека и движений оператора в ответ на воспринимаемые сигналы.

¹⁴ То же, что конвергенция – сближение или совпадение двух и более лингвистических сущностей.

¹⁵ Явление при делении клеток: в результате обе гомологичные хромосомы или сестринские хроматиды отходят к одному полюсу, образуя анеуплоидные клетки.

руются разные его признаки: 1) направление движения вещества: *восходящий ток*¹ (биол.); *вода восходящая*² (геол.); 2) степень интенсивности проявления признака: *восходящая градация*³, *восходяще-нисходящий*⁴ (филол.); 3) степень возрастания сложности: *восхождение от абстрактного к конкретному*⁵, *эротическое восхождение*⁶ (филос.). В процессах терминообразования на основе ФС этого типа регулярно актуализируется слот «субъект действия», это, как правило, некоторый абстрактный объект. В последних случаях актуализируется работа архетипа «верх–низ» [34].

Термины, образованные от глагола *скакать* («Передвигаться скачками, прыжками (о животных, птицах)») отмечены в 7 научных областях, но их общее количество значительно меньше – 12. Эта ФС реализуется по преимуществу посредством словообразовательного деривата, обозначающего однократное действие, и маркирует внезапное изменение признака или состояния: *скачок роста*⁷ (мед.); *бальмеровский скачок*⁸ (физ.); *скачок*⁹ (филол.); *скачок*¹⁰ (филос.). В этом случае актуализирован слот «результат действия». Однако встречаются единичные термины, основанные на других, имплицитных слотах исходной ФС: *скачка идей*¹¹ (псих.) – «невозможность нормального восприятия параметров пространства из-за резкого изменения положения»; *голос соскакивающий*¹² (мед.) – «движение вниз как более быстрое, обусловленное гравитацией»; *проскок электрона*¹³

¹ Водный раствор минеральных веществ, поглощаемый из почвы корнями растений и движущийся по ксилеме стебля к листьям (вверх).

² Перемещается в г. п. под давлением, превышающим атмосферное давление у верхней поверхности водоносного горизонта (или трещиноватой зоны).

³ Фигура речи, состоящая в таком расположении частей высказывания, что каждая последующая часть оказывается более насыщенной, более выразительной или впечатляющей, чем предыдущая.

⁴ Обладающий наибольшей интенсивностью в средней части мелодической или акцентуационной кривой.

⁵ Метод, состоящий в движении мысли ко все более полному, всестороннему и целостному теоретическому воспроизведению предмета.

⁶ Философское учение В. Соловьева, обосновывающее идею, что половая любовь способна восстановить целостность человека и мира и ввести его в бессмертие.

⁷ Быстрое физическое развитие.

⁸ Резкое изменение интенсивности непрерывного излучения мн. астрофиз. объектов на малом интервале длин волн вблизи границы Бальмера.

⁹ Мутация в фонологическом развитии языка, представляемая как мгновенный переход (превращение) от одной фонемы к другой, а не как постепенный переход через последовательность (ряда) промежуточных фаз.

¹⁰ Коренное, качественное изменение предмета или явления, превращение старого качества в новое в результате количественных изменений.

¹¹ Резкое ускорение мыслительной деятельности с нарушением ее логического строя, последовательности.

¹² Голос, изменяющийся при разговоре из грудного в фальцет по причине нарушения дыхания из-за неправильной работы мышц-антагонистов грудной клетки.

¹³ Отступление от общей для большинства элементов последовательности заполнения электронных оболочек.

(хим.) – «значительный интервал между контактами с опорной поверхностью при осуществлении действия».

Представление о движении *течь* («Литься непрерывной струей, потоком; струиться (о жидкости)») задействовано при образовании 27 терминов 6 научных областей. Более половины терминов функционируют в области физики. Самые распространенные – семантические варианты лексемы *течение*, обозначающие в самом общем виде 1) движение вещества: *акустические течения*¹ (физ.); *течения подкоровые*² (геол.); 2) процесс: *острое течение* заболевания³ (мед.); *течение литературное*⁴ (филол.). Термин, образованный на основе устаревшей лексемы *ток*, встречается только в физике: *электрический ток*⁵, *алгебра токов*⁶. Однако в терминосистемах представлены и другие единицы, репрезентирующие этот тип движения: *текущий интеллект*⁷; *строка текущая*⁸; *кадров текущность*⁹; *утечка умов*¹⁰. Во всех случаях, как можно предположить, актуализируется признак «недискретность», связанный с тем, что это движение жидкого вещества. При терминообразовании актуализируются такие слоты исходной ФС: «субъект действия» – жидкое вещество, «способ действия» – перемещение без отрыва от опорной поверхности, «направление действия» – удаление из пространства восприятия.

ФС, представленная глаголом *бежать* («Быстро продвигаться в определённом направлении, попеременно отталкиваясь ногами от земли»), также задействована при образовании терминов в 6 областях науки (12), но чаще всего в биологии и психологии. Собственно семантика перемещения в пространстве (слот «результат действия» – изменение местоположения) реализуется в терминах *бегущие слои*¹¹ (физ.); *беглые гласные*¹². В биологии это различные терминологические единицы на основе существительного *побег*: *по-*

¹ Регулярные течения среды в звук. поле большой интенсивности.

² Перемещения вещества в подкоровых частях Земли, происходящие, по мнению авторов некоторых геотект. гипотез, в результате физ. и хим. процессов, развивающихся в мантии и коре.

³ Развитие заболевания с выраженными характерными для него симптомами.

⁴ Литературное движение с единой эстетической программой, воплощённой в художественных произведениях.

⁵ Упорядоченное движение электрических зарядов.

⁶ Система перестановочных соотношений между компонентами разл. локальных токов в один и тот же момент времени.

⁷ Абстрактная форма интеллекта, включающая логические рассуждения и способность находить решение новых проблем.

⁸ Несовпадение интонационно-фразового членения в стихе с метрическим членением.

⁹ Стихийный процесс прихода и ухода работников предприятия.

¹⁰ Эмиграция из страны высокообразованных специалистов и высококвалифицированных рабочих.

¹¹ Непрерывно перемещающиеся вдоль положит. столба тлеющего разряда или дугового разряда тёмные и светлые слои (страты).

¹² Подвижные гласные.

*бег*¹, водяные *побеги* (волчки)². Термины психологии в словообразовательном отношении более разнообразны, но последовательно реализуют признак «перемещение в другое пространство»: *мысли убегающие*³; *избегание*⁴; *бегство*⁵. Этот же признак реализован в термине *бегство от свободы*⁶ (филос.).

Представление о непроизвольном перемещении вниз – *падать* («Валиться вниз на землю под действием собственной тяжести (обычно от спелости, ветхости, гниения и т.п.)») – реализуется по преимуществу в образовании терминов в филологии. Как правило, актуализируются такие его признаки: 1) исчезновение из поля зрения – *падение*⁷ (филол.); *симптомы выпадения*⁸ (псих.); 2) перемещение в более «низкое» положение – *падающий дифтонг*⁹ (филол.); *катодное падение*¹⁰ (физ.); *падение курсов*¹¹ (соц.); *грехопадение*¹² (филос.).

Глагол *мигрировать* («Перемещаться, переселяться; совершать миграцию»), репрезентирует ФС, включающую слот «способ действия» — осознанное поступательное движение, который в семантике термина, как правило, не актуализирован. Наиболее последовательно реализуется базовый слот этой структуры: «результат действия» — изменение местоположения, однако происходит смена субъекта действия: *пассивные миграции*¹³ (биол.); *мигрирующая нефть*¹⁴ (геол.); *мигрирующий тромбофлебит*¹⁵ (мед.); *миграция энергии*¹⁶ (физ.); *капитала миграция*¹⁷ (соц.).

¹ Стебель с расположенными на нем листьями.

² Побеги, развивающиеся на старых толстых ветвях или в основании стволов деревьев из спящих почек.

³ Проявление нарушения целенаправленности мыслительной деятельности, скачки идей. Наблюдается при маниакальных состояниях.

⁴ Способ разрешения конфликта, при котором человек (группа) не отстаивает свои права, не сотрудничает ни с кем для выработки приемлемого решения проблемы или просто уклоняется от разрешения конфликта.

⁵ Вид психологической защиты.

⁶ Понятие и концепция гуманистического психоанализа Э. Фромма, фиксирующие и объясняющие причины и механизмы действия динамических факторов психики человека, побуждающих его к добровольному отказу от свободы и самого себя.

⁷ Утрата звука или звуков слова в процессе исторического развития языка.

⁸ Негативные психопатологические симптомы, отражающие обеднение психики, ее оскудение и упрощение (утрата интересов, мыслительной активности, эмоциональное оскудение и т.д.).

⁹ То же, что дифтонг нисходящий.

¹⁰ Перепад потенциала в прикатодном слое пространственного заряда (ленгмюровской оболочке).

¹¹ Резкое понижение курсов на бирже вслед за повышением.

¹² В религиозной философии: своеволие, поступок вопреки воле бога.

¹³ Перенос животных водными или воздушными течениями.

¹⁴ Нефть, способная передвигаться в пластах.

¹⁵ Негнойное поражение поверхностных вен, когда процесс затихает на одних и возникает на других новых участках.

¹⁶ Многократный безызлучательный перенос энергии электронного возбуждения.

¹⁷ Передвижение капитала из одной экономической отрасли в другую, из одной страны в другую, как правило, с целью получения большей прибыли.

Следующая группа опорных единиц не относится к универсальным, так как на их основе образуются термины только в 2–3 научных областях: *блуждать*, *стунать*, *плыть*, *скользить*, *бродить*, *летать*, *сопровождать*. В их семантике также прослеживается типизированная ФС, но варьируются слоты «способ действия» и «субъект». Эти единицы могут быть объединены в подгруппы по сходности содержания слота «способ действия»: 1) «нецеленаправленное произвольное движение»: *блуждать* («Ходить без определенной цели и направления; бродить»), *бродить* («Движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время»); 2) «способ и среда осуществления движения»: *стунать* («Делать шаг, шагнуть; стать ногой куда-л.»), *плыть* («Передвигаться по поверхности или в глубине воды (о рыбах и животных, живущих в воде)»), *скользить* («Двигаться, катясь по гладкой, скользкой поверхности»), *летать* («Передвигаться, перемещаться по воздуху»); 3) «целенаправленное совместное движение»: *сопровождать* («Идти, ехать вместе с кем-л. в качестве спутника или провожатого»).

Первый признак актуализируется при образовании терминов, номинирующих объекты, «произвольно изменяющие местоположение»: *блуждающие* клетки¹ (биол.); *нерв блуждающий*² (мед.); *брожение*³ (хим.); *бродячие* сюжеты⁴ (филол.). При образовании терминов на основе второго признака можно говорить об актуализации слота «направление», связанного с семантикой префикса: *вступление* волны⁵ (геол.); *вступительный* вид⁶; *отступ*⁷; *лирическое отступление*⁸; *отступающее* ударение⁹; *приступ*¹⁰ (филол.). А также «среда осуществления действия: на основе корня *скольз-* образованы термины *скольжение*¹¹; *скользящий* дифтонг¹² (филол.); *принцип скользящего планирования*¹³; *скользящая* цена¹⁴ (соц.). Ба-

¹ Лейкоциты.

² Десятая пара черепномозговых нервов, начинающихся в продолговатом мозгу и иннервирующих органы грудной и брюшной полостей.

³ Процесс разложения органических веществ, главным образом углеводов, под влиянием микроорганизмов (бактерий, дрожжей) или ферментов.

⁴ Сюжеты, имеющие сходство в фольклоре и литературе разных народов.

⁵ В геофизике первое отклонение колеблющейся частицы от положения равновесия.

⁶ Вид, обозначающий начало действия (процесса) или его становление.

⁷ Последняя фаза артикуляции звука, когда речевые органы выходят из занятого ими положения.

⁸ Внесюжетный элемент произведения: непосредственное авторское рассуждение.

⁹ Ударение в заимствованных словах, перенесенное с конца на начало слова в соответствии с акцентуационными законами заимствующего языка.

¹⁰ Первая фаза артикуляции, когда органы речи переходят от того или иного предшествующего положения к положению, необходимому для артикуляции данного звука.

¹¹ Произношение, свойственное неслоговой части дифтонга.

¹² То же, что дифтонг ложный.

¹³ Планирование, основой которого является повышение степени динамичности компаний, их приспособляемости к меняющейся конъюнктуре.

¹⁴ Цена, устанавливаемая в торговых сделках на изделия за длительным сроком изготовления, рассчитываемая на основе принципа скольжения.

зовый признак концептуализации – «незафиксированность» положения относительно опорной поверхности. Эта же локальная «незакрепленность», только выраженная через представление о движении в водной среде реализуется через систему терминов, образованных на основе глагола *плыть*: курс *плавающий*¹; чистое *плавание* валютных курсов² (соц.); *плавающий потенциал*³ (физ.). Представление о возможной быстрой смене положения в пространстве лежит в основе терминов, образованных от корня *лет-*: *летучие слова*⁴ (филол.).

ФС, репрезентированная глаголом *сопровождать*, послужила основой при образовании двух терминов: *сопровождение программ*⁵ (инф.); *сопроводительная связь*⁶ (филол.), при этом актуализируются такие слоты, как «субъект действия» – движение как минимум двух субъектов, один из которых является инициатором движения, «направление действия» – направление соответствует направлению движения инициатора.

Третью группу единиц, реализующих семантику поступательного движения, представляют уникальные термины. При образовании большей их части актуализируется слот «способ действия»: *лезть* («Хватаясь руками или цепляясь ногами, взбираться вверх или опускаться вниз») – *лазящие растения*⁷ (биол.); *ползти* («Передвигаться по поверхности всем телом (о пресмыкающихся) или на ножках (о насекомых)») – *поддержка ползучая*⁸ (соц.); *нырять* («Погружаться в воду с головой») – *складка ныряющая*⁹ (геол.). Два термина актуализируют признак «результат движения»: *достичь* («Дойти, доехать до какого-л. места, предела») – *достигаемое наклонение*¹⁰ (филол.); *странствовать* («Путешествовать») – *странствующие сюжеты*¹¹ (филол.).

Таким образом, можно говорить, что при терминообразовании на основе ФС этого типа последовательно актуализируются слоты: «субъект дей-

¹ Условия, при которых курс валюты может колебаться, выходя за установленные в соответствии с международным соглашением рамки без дискреционных интервенций.

² Государственная политика, разрешающая свободное колебание курса валюты данной страны и не предусматривающая проведения прямых интервенций на валютных рынках.

³ Потенциал тела, помещенного в плазму.

⁴ То же, что крылатые слова.

⁵ Работы, связанные с обслуживанием программ в процессе их эксплуатации.

⁶ Связь элементов сложного предложения, выражаемая союзом в сочетании с ритмико-интонационными средствами; содержанием этого вида связи является сообщение о разного рода обстоятельствах, сопровождающих данное действие.

⁷ Растения, стебли которых поднимаются вверх при помощи корней, усиков и других органов, цепляясь за опору, но не обвивая ее.

⁸ Метод, с помощью которого возможно устойчивое повышение или понижение валютных курсов.

⁹ Складка с изогнутыми в виде свода крыльями и осевой поверхностью.

¹⁰ То же, что сунин.

¹¹ Сюжеты, повторяющиеся в поэтическом творчестве разных народов и в различные эпохи.

ствия»; направление действия; результат действия – изменение местоположения субъекта. Но изменяется их содержание: живое существо → абстрактный объект, направление → отношение объектов описания; изменение местоположения → изменение состояния объекта или системы.

Заключение

Представления о поступательном движении и перемещении объекта в пространстве задействованы в процессах терминообразования неравно. Для филологии, физики, биологии и социологии более актуальны концептуальные структуры поступательного движения, чаще всего они задействованы в физике. Для химии, геологии, психологии, информатики и философии важнее фреймовые модели перемещения объекта, чаще всего они привлекаются в философии. В медицине ФС обеих групп привлекаются равно.

Чаще в процессы терминообразования вовлекаются представления о поступательном движении (181 термин), чем о перемещении объекта (162 термина), но при этом ФС перемещения объекта более разнообразны (25 единиц), чем ФС поступательного движения (17 единиц). Можно говорить о большей универсальности ФС поступательного движения в аспекте терминообразования, так как соотношение универсальные / уникальные в данной группе 6 : 5 (*ходить, скакать, течь, бежать, падать, мигрировать : достичь, лезть, нырять, ползти, странствовать*). Представления о перемещении объекта дают другую пропорцию – 4 : 10 (*двигать, нести, вести и тянуть : бросить, опрокинуть, вращать, выкинуть, катить, метать, плеснуть, поднимать, снять, толкать*).

Наиболее универсальной и частотной при метафорическом терминообразовании является ФС, репрезентированная глаголом *ходить*. Практически вдвое менее частотны, хотя и универсальны, ФС *двигать, нести, течь*.

В процессах метафорической концептуализации при образовании терминов исходная ФС задействована не полностью. Наиболее последовательно реализуются слоты «направление действия» и «результат действия», но они проецируются на иные понятийные структуры, поэтому в содержательном аспекте значительно варьируются. Слот «направление действия», не конкретизированный изначально в ФС глагола, последовательно уточняется семантикой префиксов.

При использовании ФС, связанных с перемещением объекта, как правило, оказываются незадействованными слоты «субъект действия» и «способ действия». При использовании структур поступательного движения в пространстве регулярно происходит замена субъекта действия. В случае использования глаголов, репрезентирующих представление о перемещении по вертикали, актуализируются не только архетипические структуры «верх – низ», но и представление о предполагаемом результате действия – исчезновении из поля зрения, которое в терминосистемах трансформиру-

ется просто в «исчезновение». При образовании единичных терминов могут актуализироваться имплицитные слоты исходной ФС.

Литература

1. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М. : Флинта-наука, 2011.
2. Лотте Д.С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов. М. ; Л., 1941.
3. Блинова О.И. Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. М., 1981. С. 28–37.
4. Скорыходько Э.Ф. Мотивированность термина: Количественная оценка и некоторые закономерности // Научно-техническая терминология. 1989. № 12. С. 17–22.
5. Алексеева Л.М. Мотивированность как атрибут термина // Терминоведение. 1997. Вып. 1–3. С. 19–27.
6. Лапина Э.А. Метафора в терминологии микроэлектроники (на материале английского языка) // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 134–145.
7. Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. 250 с.
8. Коготкова Т.С. Национальные истоки русской терминологии. М. : Наука, 1991. 120 с.
9. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М. : Изд-во МГУ, 1993. 112 с.
10. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : Изд-во МГУ, 1999. 248 с.
11. Ходакова А.Г. Системная семантика термина : дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2010. 254 с.
12. Прибытова Л.В. Профессиональный язык шахтеров Кемеровской области (терминология и жаргон) : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005. 221 с.
13. Mishankina N.A., Deeva A.I. Lingvocognitive Specificity of Metaphorical Modeling in Russian Oil and Gas Terminology // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 215. P. 293–300.
14. Володина М.В. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 345 с.
15. Мишланова С.Л. Метафора в поле термина (на материале медицинских текстов) // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина) : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1998. С. 76–83.
16. Мишланова С.Л. Когнитивный аспект метафоризации в медицинском дискурсе // Научно-техническая терминология. М., 2003. Вып. 1. С. 35–45.
17. Дьяченко А.П. Метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине : слов.-справ. Минск : Новое знание, 2003. 428 с.
18. Уткина Т.И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 23 с.
19. Дудецкая С.Г. Метафоризация как способ терминообразования (на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 23 с.
20. Бородулина Н.Ю. Метафорические модели языковой репрезентации экономических понятий: на материале русского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. 219 с.
21. Карпухина Н.М. Лексико-семантические процессы в русской терминологии товарно-денежного обращения : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 393 с.

22. Галкина О.В. Метафора как инструмент познания: На материале терминов-метафор компьютерного интерфейса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 18 с.
23. Панасенко Е.А. Метафорическое моделирование понятия «технология» в научном дискурсе (на материале текстов в сфере IT, био- и нанотехнологий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2016.
24. Сулейманова А.К. Семантическая деривация в терминологии нефтяного дела // Нефтегазовое дело. 2004. Т. 2. С. 247–255.
25. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
26. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. 2-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 146 с.
27. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования // Политическая лингвистика. 2007. Вып. (1) 21. С. 69–75.
28. Овсянникова В.В. Базовая языковая метафора «Природа — это дом» в естественно-научных текстах (на материале текстов по общей геологии) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 41–43.
29. Овсянникова В.В. Антропоморфные метафоры в геологическом дискурсе // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 48–58.
30. Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование психики человека на основе представления о весе объекта (на материале дискурса социальной психологии) // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. Языкознание. 2016. № 3.2. С. 289–294.
31. Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование социализации человека в академическом дискурсе социальной психологии (на основе представления о местоположении в пространстве) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 41–49.
32. Мишанкина Н.А. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности (на материале метафорических фрагментов естественных, технических и гуманитарных терминосистем) / Н.А. Мишанкина, Е.А. Панасенко, А.Р. Рахимова, Ж.А. Рожнева ; под ред. Н.А. Мишанкиной. М. : ФЛИНТА, 2018. 272 с.
33. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
34. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
35. Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж, 2003. Ч. 1.
36. Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А. База данных метафорической терминологии: концептуальное проектирование // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 86–99.
37. Мишанкина Н.А., Рожнева Ж.А. База данных русской метафорической терминологии: модель описания термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 34–43. DOI: 10.17223/15617793/441/5
38. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985–1988. 696 с.
39. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1990.
40. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : Аст-пресс, 1999. 704 с.
41. Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
42. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз., 2001. Т. 2.

43. Вертгеймер М. Законы организации в перцептуальных формах. URL: http://www.metaphor.nsu.ru/wertheimer_main.htm (дата обращения: 31.07.2019).

44. Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: (Когнитивные аспекты языка). М., 1988. С. 281–309.

45. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010.

46. Johnson M. The Body In The Mind: The Bodily Basis Of Meaning, Imagination, And Reason. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1987.

Representations of Motion in Space as a Source Conceptual Domain in the Russian Metaphor Terminology Formation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 70–97. DOI: 10.17223/19986645/61/5

Natalia A. Mishankina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru

Keywords: metaphorical conceptualization, epistemological function of metaphor, scientific terminology, term system, metaphoric term, frame structure, verbs of motion of object, verbs of translational motion of subject.

The article focuses on the investigation of the degree to which representations of motion in space, expressed by verbs of the subject's translational motion and the object's motion, are involved in the metaphor terminology formation in the Russian language. The aim of the article is to describe the system of frame structures and, accordingly, the language units representing the ideas of motion in space, and the system's role in the formation of the semantics of metaphoric terms. The general core approach used in the study is represented by cognitive terminology studies, which aim to investigate the conceptual models that are considered as bases for the semantics of terminological units. The analysis of the metaphor terminology was carried out on the basis of the Conceptual Metaphor Theory and the metaphor modeling approach developed by the Russian metaphor researchers, which contributed to further development of the above mentioned theory by adding achievements gained in lexical semantics. The material for the study was a selection of metaphoric terms from ten scientific areas (343) derived from verbs meaning motion in space. The analysis has shown that the motivating basis for metaphoric terms based on representation of motion in space are represented by 41 verbs: the object's motion (25), the subject's translational motion (17). The representations are not equally distributed. For Philology, Physics, Biology and Sociology, the conceptual structures of translational motion are more relevant. For Chemistry, Geology, Psychology, Computer Science and Philosophy, the models of the object's motion are more relevant. The formation of terminology is more often represented by the concept of translational motion (181 terms) than by the object's motion (162 terms), but the frame structure of the object's motion is more diverse (25) than the structure of translational motion (17). It is possible to speak about the higher degree of universality for the frame structures of translational motion, since the ratio of universal/unique in this group is 6/5 (to walk, to jump, to flow, to run, to fall, to migrate/to reach, to climb, to dive, to crawl, to wander). Representations for the object's motion provide a different proportion: 4/10 (to move, to carry, to lead and to pull/to throw, to turn over, to rotate, to throw away, to roll, to throw, to splash, to lift, to remove (to take off), to push). The most universal and the most frequent in the metaphoric term formation is the frame structure represented by the reference lexeme *to walk (to go)*. In the processes of metaphor conceptualization for term formation, the original frame structure is not completely involved. The slots "change" or "process" are more consistently realized. While applying the frame structures connected with the object's motion, the slots "the subject of an action" and "the mode of an action" are not generally used. When applying the structures of translational motion in space, the subject of an action is regularly replaced. In general, the basic frame structures for motivating units are consistently reflected in the meaning of the terms.

References

1. Golovanova, E.I. (2011) *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction to cognitive terminology studies]. Moscow: Flinta-nauka.
2. Lotte, D.S. (1941) *Nekotorye printsipial'nye voprosy otbora i postroeniya nauchno-tekhnicheskikh terminov* [Some fundamental issues of the selection and construction of scientific and technical terms]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
3. Blinova, O.I. (1981) Termin i ego motivirovannost' [Term and its motivation]. In: *Terminologiya i kul'tura rechi* [Terminology and culture of speech]. Moscow: Nauka. pp. 28–37.
4. Skorokhod'ko, E.F. (1989) Motivirovannost' termina: Kolichestvennaya otsenka i nekotorye zakonomernosti [Motivation of the term: Quantitative assessment and some patterns]. *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya*. 12. pp. 17–22.
5. Alekseeva, L.M. (1997) Motivirovannost' kak atribut termina [Motivation as an attribute of the term]. *Terminovedenie*. 1–3. pp. 19–27.
6. Lapinya, E.A. (1988) Metafora v terminologii mikroelektroniki (na materiale angliyskogo yazyka) [Metaphor in the terminology of microelectronics (based on English)]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow: Nauka. pp. 134–145.
7. Alekseeva, L.M. (1998) *Termin i metafora* [Term and metaphor]. Perm: Perm State University.
8. Kogotkova, T.S. (1991) *Natsional'nye istoki russkoy terminologii* [National sources of Russian terminology]. Moscow: Nauka.
9. Volodina, M.N. (1993) *Natsional'noe i internatsional'noe v protsesse terminologicheskoy nominatsii* [National and international in terminological nomination]. Moscow: Moscow State University.
10. Kornilov, O.A. (1999) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow: Moscow State University.
11. Khodakova, A.G. (2010) *Sistemnaya semantika termina* [System semantics of the term]. Philology Cand. Diss. Tula.
12. Pribytova, L.V. (2005) *Professional'nyy yazyk shakhterov Kemerovskoy oblasti (terminologiya i zhargon)* [The professional language of the miners of Kemerovo Oblast (terminology and jargon)]. Philology Cand. Diss. Kemerovo.
13. Mishankina, N.A. & Deeva, A.I. (2015) Lingvocognitive Specificity of Metaphorical Modeling in Russian Oil and Gas Terminology. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 293–300. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.637
14. Volodina, M.V. (1998) *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina i terminologicheskaya nominatsiya* [The cognitive-informational nature of the term and terminological nomination]. Philology Dr. Diss. Moscow.
15. Mishlanova, S.L. (1998) Metafora v pole termina (na materiale meditsinskikh tekstov) [Metaphor in the field of the term (based on medical texts)]. In: *Faticheskoe pole yazyka (pamyati professora L.N. Murzina)* [Fatic field of the language (in memory of Professor L.N. Murzin)]. Perm: Perm State University. pp. 76–83.
16. Mishlanova, S.L. (2003) Kognitivnyy aspekt metaforizatsii v meditsinskom diskurse [The cognitive aspect of metaphorization in medical discourse]. *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya*. 1. pp. 35–45.
17. D'yachenko, A.P. (2003) *Metaforiy i terminologicheskiy ustoychivyye vyrazheniya v meditsine: slov.-sprav.* [Metaphors and terminologically stable expressions in medicine: A reference dictionary]. Minsk: Novoe znanie.
18. Utkina, T.I. (2006) *Metafora v nauchno-populyarnom meditsinskom diskurse (semioticheskiy, kognitivno-kommunikativnyy, pragmaticheskiy aspekty)* [Metaphor in popular science medical discourse (semiotic, cognitive-communicative, pragmatic aspects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.

19. Dudetskaya, S.G. (2007) *Metaforizatsiya kak sposob terminoobrazovaniya (na materiale angliyskoy terminologii cherepno-chelyustno-litsevoy khirurgii i stomatologii)* [Metaphorization as a way of term formation (based on the English terminology of craniofacial surgery and dentistry)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Samara.

20. Borodulina, N.Yu. (2002) *Metaforicheskie modeli yazykovoy reprezentatsii ekonomicheskikh ponyatiy: na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov* [Metaphorical models of the linguistic representation of economic concepts: on the material of Russian and French]. Philology Cand. Diss.

21. Karpukhina, N.M. (2007) *Leksiko-semanticheskie protsessy v russkoy terminologii tovarno-denezhnogo obrashcheniya* [Lexical and semantic processes in the Russian terminology of commodity and money flow]. Philology Dr. Diss. Moscow.

22. Galkina, O.V. (2004) *Metafora kak instrument poznaniya: Na materiale terminov-metafor komp'yuternogo interfeysa* [Metaphor as a tool of knowledge: On the material of term metaphors of a computer interface]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.

23. Panasenko, E.A. (2016) *Metaforicheskoe modelirovanie ponyatiya "tekhnologiya" v nauchnom diskurse (na materiale tekstov v sfere IT, bio- i nanotekhnologii)* [Metaphorical modeling of the concept "technology" in scientific discourse (based on texts in IT, bio- and nanotechnologies)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.

24. Suleymanova, A.K. (2004) Semanticheskaya derivatsiya v terminologii neftyanogo dela [Semantic derivation in the terminology of the oil business]. *Neftegazovoe delo*. 2. pp. 247–255.

25. Rezanova, Z.I. (2007) Metaphor in a linguistic text: types of functioning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1. pp. 18–29. (In Russian).

26. Nikitina, S.E. (2010) *Semanticheskiy analiz yazyka nauki: na materiale lingvistiki* [Semantic analysis of the language of science: on the basis of linguistics]. 2nd ed. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".

27. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2007) Metaphor in discourse of pedagogics & education: modern study abroad. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. (1) 21. pp. 69–75. (In Russian).

28. Ovsyannikova, V.V. (2009) The basic linguistic metaphor "Nature is A House" in natural science texts in the example of general geology texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 318. pp. 41–43. (In Russian).

29. Ovsyannikova, V.V. (2010) Antropomorfnye metafory v geologicheskoy diskurse [Anthropomorphic metaphors in geological discourse]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (9). pp. 48–58.

30. Rakhimova, A.R. (2016) Metaphorical modeling of human psyche based on concepts of object weight (based on the discourse of social psychology). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya. Pedagogika. Filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 3.2. pp. 289–294. (In Russian).

31. Rakhimova, A.R. (2017) Metaphorical modeling of human socialization in the academic discourse of social psychology: location in space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 41–49. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/6

32. Mishankina, N.A. et al. (eds) (2018) *Russkie terminosistemy v aspekte semanticheskoy izbiratel'nosti (na materiale metaforicheskikh fragmentov estestvennykh, tekhnicheskikh i gumanitarnykh terminosistem)* [Russian term systems in the aspect of semantic selectivity (based on the material of metaphorical fragments of natural, technical and humanitarian term systems)]. Moscow: FLINTA.

33. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.

34. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

35. Rezanova, Z.I., Mishankina, N.A. & Katunin, D.A. (2003) *Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: klyuchevye kontsepty* [Metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: key concepts]. Pt. 1. Voronezh: Voronezh State University.
36. Mishankina, N.A. & Panasenko, E.A. (2016) The metaphorical terminology database: conceptual design. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 86–99. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.07
37. Mishankina, N.A. & Rozhneva, Zh.A. (2019) The Database of Russian Metaphorical Terminology: A Term Description Model. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 441. pp. 34–43. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/441/5
38. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Rus. yaz.
39. Tikhonov, A.N. (1990) *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* [Word-formation dictionary of the Russian language: in 2 vols]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.
40. Babenko, L.G. (ed.) (1999) *Tolkovyy slovar' russkikh glagolov: ideograficheskoe opisaniye. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: ideographic description. English equivalents. Synonyms Antonyms]. Moscow: Ast-press.
41. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A great explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
42. Chernykh, P.Ya. (2001) *Istoriko-etimologicheskyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols]. 4th ed. Vol. 2. Moscow: Rus. yaz.
43. Wertheimer, M. (1923) *Zakony organizatsii v pertseptual'nykh formakh* [Laws of organization in perceptual form]. Translated from English. [Online] Available from: http://www.metaphor.nsu.ru/wertheimer_main.htm. (Accessed: 31.07.2019).
44. Minsky, M. (1988) *Ostroumie i logika kollektivnogo bessoznatel'nogo* [JOKES and the Logic of the Cognitive Unconscious]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 23. pp. 281–309.
45. Mishankina, N.A. (2010) *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: A paradox or a norm?]. Tomsk: Tomsk State University.
46. Johnson, M. (1987) *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago: University of Chicago Press.

УДК 81-2

DOI: 10.17223/19986645/61/6

И.С. Урманчеева

ВОПЛОЩЕНИЕ ИНВАРИАНТНОГО СМЫСЛА ОБРАЗНЫМИ СИСТЕМАМИ ДИАЛЕКТА И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧОРСКИХ И ОБЩЕРУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

Сопоставлению подвергаются печорские и общерусские фразеологические единицы, облекающие инварианты нравственно-ценностных суждений в разную образную форму. Выбор того или иного образа, устойчиво закрепившегося в системе литературного языка или диалекта, не может быть случайным. Сравнение образного основания диалектных и общерусских оборотов позволяет обнаружить не только сходство, свидетельствующее о весьма близких мировоззренческих установках, но и особенности региональной картины мира.

Ключевые слова: говоры Низовой Печоры, печорская фразеология, фразеологическая вариантность, фразеологическая синонимия, образность, коды культуры.

Фразеологизмы используются для непрямого, образного означивания мира. Но фразеологические единицы (ФЕ) являются знаками особого рода, отличными как от словесных знаков, так и от знаковой функции сочетания слов [1. С. 131]. Фразеологизмы способны указывать на мир «чужим» денотатом, выполняющим роль образной гештальт-структуры [Там же. С. 132]. Описание фразеологизмов невозможно без обращения к двум аспектам: содержательному и формальному – и предполагает изучение инвариантов смысла и образных форм, в которые этот смысл кодируется языковым сознанием [2. С. 256–257].

Для реконструкции русской языковой картины мира, как правило, привлекаются общенародные языковые единицы, обычно прошедшие сито литературного языка. Но это искусственное ограничение, искусственное сужение границ исследования. Для полноты описания языковой картины мира в нее нужно добавить красок русских говоров.

Инварианты смысла облекаются в литературном языке и диалектах не всегда совпадающими образными оболочками. Описание образов, воплощающих одинаковый смысл в устойчивых выражениях, функционирующих в разных формах национального языка – литературной и диалектной, – может позволить приблизиться к пониманию и общезыковой и региональной картины мира.

По мнению О.А. Корнилова, морально-ценностные суждения, подвергаемые образному лексическому оформлению в предикативных фразеологических единицах, «могут не только отражать универсальность общечеловеческого жизненного опыта безотносительно к этническим особенно-

стям, но и отражать национально-специфические акценты осмысления бытия» [2. С. 257]. Вероятно, фразеологизмы и поговорки способны передавать не только национальную, но и региональную специфику. Поэтому в статье сопоставим общеупотребительные устойчивые обороты с фразеологическими единицами говоров Низовой Печоры – говоров старообрядческого населения, проживающего в Усть-Цилемском районе Республики Коми в окружении иноэтничного¹ (коми-зырянского, коми-пермяцкого) населения [4. С. 17–18]. Диалектоноситель иначе «ословливает» окружающий мир, рисует иную картину бытия, чем носители литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта и развивая их [5. С. 25].

Итак, проследим, как один и тот же смысл получает неидентичное образное оформление, причем рассмотрим разные случаи формального и образного несоответствия: от минимального (фразеологические варианты²) до максимального несовпадения (междиалектные фразеологические синонимы). Полагаем, что именно вариантные или синонимичные общерусские устойчивые выражения могут выступить своеобразным «фоном» для экспликации особенностей диалектной образной системы. Все печорские фразеологизмы приводятся по «Фразеологическому словарю русских говоров Нижней Печоры» (составитель Н.А. Ставшина) [9].

1. Лексическое варьирование в печорских и общерусских устойчивых выражениях неизбежно влечет изменение образной основы без изменения смысла, чему способствует идентичность синтаксических конструкций и лексико-грамматического состава оборотов.

Несовпадение «действующих лиц» в печорском фразеологизме *как собака да **росомаха** жить* и общерус. *как **кошка** с собакой* влечет существенное несоответствие сценариев-ситуаций. В общерусской фразе разыграна бытовая сцена, основанная на стереотипном представлении о неуживчивости *кошек* и *собак*, сформированном эмпирическим опытом наблюдения за их повадками. Одной из образных основ печорского оборота является сцена охоты – традиционного занятия северного жителя: «...население Усть-Цилемской и Ижемской слобод жило исключительно промыслами: охотой и рыбной ловлей» [10. С. 65]. *Росомаха*³ – млекопитающее семейства куньих – обитает в тайге и лесотундре Евразии и имеет промысловое значение [11. Т. 15. С. 248], в Республике Коми распростра-

¹ Контакты русских и коми и даже некоторые этносмешения не нарушали компактного очагового расселения русских. Такой изолированности, в свою очередь, способствовало проникновение в их среду старообрядцев [3. С. 24].

² Фонетическая, грамматическая, лексическая, семантическая, конструктивная вариантность фразеологических единиц подробно рассмотрена в других работах автора (см., например: [6–8] и др.). В настоящем исследовании остановимся лишь на некоторых примерах, не упоминавшихся в предыдущих работах.

³ Выбор зоонима *росомаха* не в последнюю очередь обусловлен внутренними языковыми механизмами возникновения устойчивого выражения, в частности его ритмико-рифмической организацией (ср. «*Иванушко-то как **собака** и **росомаха** живут жэ жэной*»: в компоненте *росомаха* взрывной *к* заменяет фрикативный *х*).

нена повсеместно. *Росомаха*, в отличие от кошки, животное не домашнее, одна из возможных ситуаций встречи *собаки* и *росомахи* – охота, причем самая вероятная и распространенная, что подтверждают диалектоносители: «*Росомак не одну сотню бат добывал; росомаку собака подынет на дерево*». Образ (гештальт¹) *охоты* – неотъемлемый фрагмент региональной картины мира печорского диалектоносителя.

Межэтнические контакты нашли отражение в печорской поговорке *шаньгу маслом не испортишь* (ср. общерус. *кашу маслом не испортишь*). Этнографизм *шаньга* – ‘лепешка, выпекаемая из ячменной, ржаной, пшеничной муки, из пресного или кислого теста, с незагнутыми краями и открытой начинкой (из картошки, крупы, ягод, творогу и т.п.)’ [13. Т. 2. С. 437] – появился в говорах Низовой Печоры в результате межэтнических контактов русских с местным коми-зырянским населением. Это слово широко представлено в севернорусских и сибирских говорах, но, по одной из версий, в русский язык оно попало из коми языка [14. С. 317–319].

Лексико-конструктивные варианты тоже успешно воплощают идентичный смысл. Например, семантика ‘женская хитрость, ловкость, изворотливость, смекалка’ реализуется устойчивыми оборотами (печор.) *баба пока с кровати падает, семь раз мужика обманет* и (общерус.) *пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает* [15. С. 35]. Конструктивная вариатность поддерживается идентичностью синтаксической модели, квазисинонимией компонентов *кровать* – *печь* (место для сна, отдыха), *падать* – *лететь*, мифологическим символизмом квантитативов *семь* – *семьдесят семь* (гиперболизированное удвоение семерки). Мнимое образное несоответствие заключается в описании одинаково парадоксальных действий *семь раз мужика обманет* – *семьдесят семь дум передумает*, отводящем женщине роль антагониста мужчины и ловкого, изворотливого существа.

В говорах Низовой Печоры большей частотностью употребления по сравнению с литературным языком обладает пословица *отольются медведю коровьи слёзы*. Так, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова со ссылкой на И.М. Снегирева, В.И. Даля, М.И. Михельсона, М.А. Рыбникова фиксирует только два варианта этой паремии *отольются кошке мышкины слёзки* / *отольются волку овечьи слёзы* [Там же. С. 242–243]. Сохранившаяся в печорских говорах пословица *отольются медведю коровьи слёзы* упоминается в «Собрании 2491 древних российских пословиц» А.А. Барсова (Москва, 1770 г.), в «Словаре русского языка XVIII в.», в словаре В.И. Даля «Пословицы русского народа» [16] и др. Она завершает градационный ряд общеизвестных оборотов, основанный на изоморфной репрезентации образов жертвы и обидчика: *мышка* – *кошка*, *овца* – *волк*, *корова* – *медведь*. В подобных парадигмах пословиц наблюдается

¹ *Гештальт* – комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании и объединяющая динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления [12. С. 119].

уже не столько варьирование, сколько чередование «действующих лиц» при едином сюжете с единой моралью [17. С. 292].

Необходимо отметить, что четкие границы между вариантами фразеологических единиц и отдельными фразеологизмами, передающими идентичный смысл, установить невозможно, особенно если они принадлежат к разным формам национального языка, таким как литературный язык и диалект. Часто речь идет о переходных, пограничных случаях, о гибридных единицах. Так, некоторые фраземы строятся по тождественным синтаксическим схемам и имеют совпадение в двух и более компонентах.

Например, употребляющаяся в говорах Низовой Печоры пословица *не смейся, квас, над гуцей, сам не закисни (скисни, загусни)* по синтаксической структуре в точности соответствует общерусской паремии *не смейся, горох, над бобами, сам будешь валяться под ногами* [15. С. 221]. Идентичность синтаксической конструкции поддерживается множественными лексическими совпадениями. Тем не менее различия в использовании «действующих лиц», в ритмико-рифмической организации, в оформлении второй части двучленных пословиц позволяют рассматривать их только как промежуточные (гибридные) явления [18. С. 186] между фразеологической вариантностью и фразеологической дублетностью. Образ, который репрезентирует инвариант смысла 'не злорадствуй, чтобы не повторить печальную участь', в печорском выражении не носит узкорегionalного характера, хотя и передает простой, крестьянский колорит за счет использования русской лингвокультуры *квас*, тогда как образ *гороха* и особенно *бобов* интернационален. Кроме того, в печорском обороте реализуется гастрономический код культуры¹ в отличие от растительного в литературной пословице.

Гармонизация устойчивого выражения – одна из причин несоответствия образного основания. Так, смысл 'имя / название не должно детерминировать поступки' в говорах Низовой Печоры передается пословицей *хоть как назови, только в ступе не толки*, ритмически и рифмически организованной, в отличие от общеизвестного выражения *хоть горшком назови, только в печку не ставь*, имеющего, правда, менее распространенные рифмованные варианты *хоть горшком назови, только в печку не стави*; *хоть горшком называй, только в печку не сажай* [16. С. 208].

Инвариантный смысл 'большое количество денег' передается по-разному диалектными и общерусскими фразеологизмами: *денег чёрт не унесёт* [9. Т. 1. С. 203] – *денег куры не клюют* [20. С. 334]. Печорский образ подчеркивает нечистую, бесовскую природу денег, максимизирует негативное отношение к богатству. Библейско-мифологические образы реализуют в говорах Низовой Печоры семантику генетического, семейного родства: *от лешего ангел не родится*. Общерусская образная система ис-

¹ Под кодами культуры понимаются «вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же культурного содержания, соединяющегося в целом в картину мира, в мировоззрении данного социума» [19. С. 170].

пользует для этого природные, растительные образы: *от осины яблочко не родится* [16. С. 629], которые можно назвать универсальными для передачи данного смысла (ср. печор. *от берёзы ива не вырастет*).

Диалектные фраземы нередко прибегают к более грубым, простым, «деревенским» образам. Такая особенность диалектной категоризации мира с неперменным наличием в ней субъективных элементов, пейоративности, «пессимизма» [5. С. 41] давно замечена учеными. Так, в печорском варианте устойчивого оборота *баба не лапоть – с ноги не пнёшь* используются слова *баба, пнуть*, которые в литературном языке оцениваются как просторечные [21. Т. 1. С. 53; Т. 2. С. 123]. Общерусские выражения *жена не сапог – с ноги не скинешь, жена не рукавица – с руки не стряхнёшь, за пояс не заткнёшь* [15. С. 116] включают нейтральные лексемы *жена, стряхнуть* и разговорный компонент *скинуть*. Обувные образы ввиду своей культурной связи с телесным низом, ногами, в антропологической классификации занимающими нижний ярус, сами оказываются более низкими по сравнению с образами рук, рукавиц, пояса, относящихся к среднему ярусу. Русская безэквивалентная лексема *лапоть*, имеющая коннотации простоты, бедности, лучше передает крестьянский дух деревни (*лапти* ассоциируются с бедными и простыми людьми по сравнению с *сапогами*, в которых щеголяли богатые и знатные [22. С. 375]).

Региональный колорит образов проявляется в использовании диалектных лексем для репрезентации инвариантного смысла. Так, семантика ‘разность, непохожесть’ выражается общерусскими устойчивыми фразами *у всякой птички свои замашки, всяк по-своему с ума сходит, у всякой избушки свои поскрипушки, всякий молодец на свой образец* [15. С. 80]. В говорах Низовой Печоры этот же смысл воплощается фразеологической единицей *всяк на свой копыл*, где *копыл* (обл.) – ‘деревянная колодка для изготовления обуви’ [13. Т. 1. С. 332]. Не последнюю роль в выборе лексемы играет эвфоническая организация оборота, поэтому общераспространенной поговорке *всяк сверчок знай свой шесток* в говорах Низовой Печоры соответствует *всякий старец знай свой ставец*, где *ставец* (устар. и обл.) – ‘деревянная точеная чашка’ [9. Т. 1. С. 154]. Эвфемистическому зооморфному коду культуры в печорских говорах противопоставляется антропный, к назидательному смыслу прибавляются циничные нотки, не завуалированные анималистическими образами.

Совпадение фразеологических единиц в двух и более компонентах не всегда сопровождается идентичностью синтаксических моделей. Так, инвариантный смысл ‘кого-либо невозможно обмануть, провести, переубедить’ в литературном языке передается просторечным фразеологизмом *на кривой не объедешь* [20. С. 430], а в говорах Низовой Печоры устойчивыми выражениями *ни на простом, ни на вороном коне не объедешь / и на добром коне не объедешь / и на худой кобыле не объедешь*. Лаконизму эллиптически неполной общерусской поговорки¹ соответствуют пространность и степенность диалектной.

¹ О пропуске компонента *лошадь* см. [22. С. 358].

Разное образное воплощение одного содержания может сопровождаться различием субъектно-объектных отношений внутри предикативной единицы. Печорский устойчивый оборот *пуганый волком (медведем) и пня боится* соответствует общеизвестному выражению *пуганая ворона куста боится*. Зооморфные образы играют в сюжете разные роли: в общерусском выражении на первый план выходит образ *вороны*, а сама причина испуга представляется неважной. В диалектной пословице, бытующей в суровом северном лесном краю, важно подчеркнуть негативные последствия от встречи с местными хищниками – *волком и медведем*.

Иные отношения между компонентами наблюдаются в печорском устойчивом обороте *свой воз не в тягость* по сравнению с общерусским *своя ноша не тянет*. Компонент *воз* возвращает нас к крестьянскому прошлому, к деревенскому быту.

Широкие вариативные возможности демонстрируют слова-компоненты имена собственные. Выбор конкретного имени, как правило, не влияет на создаваемый образ. Единственное условие – комичность звучания такого имени, фонетическая экспрессия, диминутивная фамильярная, пренебрежительная или уничижительная форма. Общерусской пословице *бог не Микитка, он всё видит* [16. С. 60] находим образные соответствия в говорах Низовой Печоры: *бог не Тимошка, видит немножко (в окошко) / бог не Ванька Ефремихин (Ефремов) / бог не Яшка, видит, кому тяжко*.

2. Далее рассмотрим фразеологические единицы, в которых инвариантный смысл, передаваемый разными образными системами, опирается на общий семантический стержень – один общий для ФЕ значимый компонент.

Воплощение идеи ‘чужое лучше’ осуществляется разными образами, но опирается на семантический стержень *чужой*: общерус. в *чужих* руках ломать велик [15. С. 63], *чужой* хлеб вкуснее, на *чужом* дворе и курица с гуся, в *чужом* огороде огурцы вкусней [23] и печор. в *чужой* лодке цука всегда большая.

Реалии крестьянского быта способствуют воплощению идеи ‘находчивый, словоохотливый, остроумный человек’ в печорском обороте *под лавкой слово не ищет*, имеющем общий семантический стержень с литературным фразеологизмом *за словом в карман не лезет*.

Образную вариантность демонстрируют фразеологические единицы, выражающие идею ‘большое скопление людей, теснота’ и опирающиеся на общий адвербиальный локативный компонент *негде*: печор. *негде* ногу поставить / *негде* корове хвоста отбросить / *негде* курице клюнуть (ср. общерус. яблоку *негде* упасть / шагу *негде* ступить / плюнуть *негде* / иголку *негде* воткнуть /дохнуть *негде* / пальцем *негде* ткнуть [24. С. 373]). Образные системы литературного языка и диалекта реализуют идентичные коды культуры: акциональный и соматический (*негде* ногу поставить, шагу *негде* ступить, плюнуть *негде*, дохнуть *негде*, пальцем *негде* ткнуть), зооморфный (*негде* корове хвоста отбросить, *негде* курице клюнуть).

Символичность гастрономического образа хлеб находит отражение в печорском фразеологизме, воплощающем инвариантный смысл ‘самостоятельно обеспечивать себя’: на *своём* хлебе / на *своих* харчах. С общерус-

ским фразеологизмом его объединяет стержневой компонент *свой: жить своим трудом* [20. С. 230].

3. Лексико-семантический стержневой компонент не единственная скрепа образных систем, воплощающих идентичную идею. Такой скрепой может быть синтаксическая модель – антитетическая, градуальная, ритмико-рифмическая. Сходство конструкций обеспечивается, как правило, незначимыми (служебными) компонентами.

Например, широко варьируемая в литературном языке модель, реализуемая в оборотах *ни кола ни двора, ни кола ни двора ни куриного пера, ни ложки ни плошки, ни былинки ни травинки*, в говорах Низовой Печоры имеет образные соответствия: *ни дому ни лому, ни кошки ни ложки, ни коня ни двора*. Конструктивное сходство наблюдается не только в синтаксической модели с повторяющимися сочинительными союзами, но и в ритмико-рифмической организации, причем в ущерб семантической однородности компонентов (*дом – лом, кошка – ложка, конь – двор*).

Такая же семантическая разнородность компонентов при идентичности синтаксической модели наблюдается в печорском выражении **не крестом, так пестом**. Семантически разнородными подобные лексемы предстают вне конкретной ситуации и широкого культурного контекста. Но поскольку «субъект речи усматривает в словах-компонентах фразеологизма закодированный культурный смысл» [25. С. 96], лексемы *крест* и *пест* (печор.) ‘крестообразная, чаще металлическая сетка на деревянной ручке’ [13. Т. 2. С. 33] диалектоносителями символически интерпретируются как инструменты противоположных мер в достижении желаемого результата через образы морально-духовного или физического воздействия на человека. В общерусском обороте сюжетной основой является описание процесса стирки белья при помощи *катка* и *рубеля* [22. С. 458] для выражения идеи ‘достижение желаемого любыми средствами’: **не мытьём, так катаньем**.

Образы, воплощающие инвариантный смысл, нередко имеют количественные отличия (ср. вышеприведенные *отольются кошке мышкины слёзки – отольются волку овечьи слёзы – отольются медведю коровьи слёзы*). Такая же градуальная гипонимия компонентов создает образную основу печорского оборота **не по годам – по месяцам расти** и общерус. **не по дням, а по часам** с обязательным изоморфизмом частей, в данном случае – временных отрезков: *годы – месяцы, дни – часы*.

Идентичность синтаксических моделей и служебных элементов не является залогом сходства образного оформления в подсистемах диалекта и литературного языка. Для выражения идеи ‘свершившегося не исправить’ литературный язык использует гештальт-структуру спора, столкновения: **после драки кулаками не машут**, а диалект опирается на сюжет традиционного занятия северного лесного жителя, связанного с деревообработкой: **после стружки топором не чеиут**. Лесная тематика в печорских говорах создает образную основу, репрезентирующую инвариантный смысл ‘совершить ошибку повторно’: *полезть на ту же ёлочку* (ср. общерус. *наступить на те же грабли*).

Единственной скрепой, объединяющей образные системы, воплощающие одну идею, может, при различии синтаксических конструкций, оставаться служебный компонент – невероятно важный, как, например, отрицательная частица *не*. Так, в печорском фразеологизме *не даровой поп крестил* благодаря частице *не* возникает эффект отрицания чего-то бесплатно, дешевого, а значит, ненужного, неподходящего или простого, незамысловатого, не сложно устроенного. Эта же идея воплощается другими образами в литературном языке: *не лыком шит*, *не соломой крыт*, *не лаптем щи хлебать*, *не левой ногой сморкаться*, *не обсевок в поле* [24. С. 244].

Такой же смысловой скрепой является частица *не* в печорском и общерусском оборотах *на красоте не блины пекчи* [9. Т. 2. С. 23] – *с лица не воду пить* [15. С. 282], конденсирующих идею незначимости внешних, эстетически оцениваемых данных по сравнению с другими свойствами и способностями избранника. Инвариантная ценностная установка о противопоставлении внешних и внутренних качеств человека с явным перевесом личностных положительных характеристик воплощается также в печорской пословице *красоту не лизать <дурака не обтесать>*.

Даже соединительный союз может быть смысловой скрепой, выражающей идею комплементарности, исчерпывающего характера образа: печор. *главная еда – хлеб да вода* – общерус. *щи да каша – пища наша, щи да каша – мать наша* [Там же. С. 367]. Лингвокультурная ценность гастрономических образов различна: *щи* и *каша* подчеркивают национальную специфику, тогда как *хлеб* и *вода* воплощают универсальный и вненациональный символ пищи в целом и простой крестьянской еды в частности.

4. Далее сопоставим диалектные и литературные фразеологические единицы, образные основы которых самостоятельны, не опираются на стержневые лексические компоненты. Тем не менее даже в таких оборотах можно обнаружить сходство, например, структурной модели без лексико-семантических соответствий. Так, печорский оборот *отряхня ногу*, воплощающий идею ‘небрежно, нехотя (делать что-то)’, строится по такой же регулярной модели (‘деепричастие + существительное’), что и общеизвестная фраза *спустя рукава*, однако использует соматизм более низкого в ценностной иерархии яруса: в трехчастной композиции внешнего и внутреннего атласа тела *нога* относится к нижней части человека [25. С. 117–118], а, как известно, в мифологической модели мира *верх* и *низ* – одно из основных противопоставлений [26. С. 660–661].

Воплощение общей семантической идеи, не поддержанное ни сходством синтаксических конструкций, ни общими лексическими знаменательными или служебными компонентами, может опираться на тематическую близость слов. Так, идея ‘неспособный человек, ничего не умеющий делать’ воплощается в говорах Низовой Печоры глагольными компонентами со значением профессиональной деятельности: *не ковать не молоть*. В литературном языке для этой цели используются тематически однородные субстантивные компоненты: *ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец; ни в дудочку ни в сопелочку* [24. С. 262]. Фразеосхема опирается не на языковые

антонимы, а на лингвокультурные оппозитивы, создающие диатезу – прием утверждения среднего признака путем отрицания противоположных признаков [27. С. 426–427]: *ковать* и *молоть* (образы *кузнеца* и *мельника*) – основные занятия сельского жителя, не занятого в земледелии и животноводстве¹.

Предметно-вещный код культуры по-разному передает инвариантный смысл ‘нельзя оценивать человека / вещь по внешнему виду’ в говорах и литературном языке: печор. *не смотри на шубу, а смотри под шубу* и общерус. *по одежке встречают, по уму провожают*; *не та шинель, что пуговицами блестит, а та, что греет* [15. С. 253].

Завуалированный культурный код, маркирующий образное основание в подсистеме литературного языка, может отчетливо проявляться в диалекте. Так, литературный фразеологизм *шиворот-навыворот* реализует предметно-вещный код культуры неявно, скрыто, в то время как печорский оборот *те же штаны, только пуговицами назад* воплощает этот культурный код всей образной основой. Субидее ‘наизнанку’ соответствует субидея ‘наоборот, задом наперед’, и они, в свою очередь, формируют общую идею ‘противоположно тому, как должно быть’ (ср.: *Всё равно, Федя, ты наличники неланно доспел, те же штаны, только пуговицами назад* [9. Т. 2. С. 325]). Отметим, что этот смысл в литературном языке воплощается не только предметно-вещными образами: *вверх ногами, вверх тормашками* [24. С. 52].

Образные системы диалекта и литературного языка, выражающие инвариантный смысл, обнаруживают значительные черты сходства, поскольку их формирование осуществлялось в разных подсистемах одного национального русского языка. Тем не менее некоторые особенности образной системы северного диалекта, воплощенные в идиоматике и паремиологии, можно обнаружить и охарактеризовать.

Сходство. И общерусские и диалектные устойчивые выражения реализуют такие коды культуры, как гастрономический, растительный, зооморфный, предметно-вещный. Гастрономический код культуры проявляется в использовании названий традиционных русских кушаний, выполняющих роль русских лингвокультурем, – *квас, блины, щи, каша* [30].

Сюжетные роли и в диалектных и в литературных устойчивых выражениях играют традиционные для русской природы и крестьянского хозяйства дикие и домашние животные: *курица, гусь, корова, кошка, волк, медведь, конь, сверчок, ворона*. Растительный код культуры также равномерно реализуется в образных системах литературного языка и диалекта, диапазон фитонимов – от универсальных, общемировых до исконно русских: *яблоко, горох, бобы, огурец, ива, береза, елочка*. И в той и в другой подсистемах ис-

¹ Такое противопоставление носит весьма устойчивый характер и подтверждается диалектными данными других регионов, например псковской идиомой *ковать и молоть* ‘пустословить, рассказывать небылицы’ [28. Т. 14. С. 274], волгоградским оборотом *ни куёт ни мелет* ‘о неумелом и малозначительном человеке’ [29. С. 293].

пользуются наименования остатков растений: *пень, солома, обсевок* – для указания на что-то незначительное, простое, ничтожное, презренное (*пуганый волком и пня боится, не соломой крыт, не обсевок в поле*).

Существенную роль в репрезентации инвариантного смысла в русских общеупотребительных и диалектных фразеологических единицах играют наименования предметов крестьянского, сельского быта, многие из которых относятся к русским лингвокультурамам: *лавка, воз, ступа, лыко, лапоть, грабли, горшок, печь*. Подобные лексемы являются участниками традиционных сцен русской жизни, реальных или гипотетических бытовых ситуаций, гештальт-структур: *под лавкой слова не ищет, свой воз не в тягость, не лыком шит, не лаптем щи хлебать, наступить на те же грабли, хоть горшком назови, только в печь не ставь*.

Все описанные культурные коды коррелируют с традиционными занятиями сельского жителя – животноводством, хлебоуборочными и другими земледельческими работами, традиционными ремеслами и повседневными домашними занятиями.

Обнаруженное сходство свидетельствует о том, что русские, говорящие на разных диалектах (или на диалекте и литературном языке), имеют весьма близкое представление о мире, о чем свидетельствуют фразеологические единицы, отличающиеся по компонентному составу, но имеющие идентичный смысл.

Особенности. Фразеологическая система диалекта тесно связана с бытом, религиозными отправлениями, материальной и духовной национальной культурой, правилами общежития и обычаями языкового социума [31. С. 63–64].

Старообрядческая культура¹ не могла не повлиять на фразеологию. При сопоставлении образных систем литературного языка и печорских говоров, реализующих идентичный смысл, становится заметным преобладание в печорских фразеологизмах образов библейско-мифологической, религиозной тематики: *не крестом, так пестом; денег чёрт не унесёт; от лешего ангел не родится; бог не Тимошка, видит немножко; бог не Ванька Ефремихин; бог не Яшка, видит, кому тяжело*. Укрепившийся в Усть-Цилемской округе раскол так называемого поморского согласия беспоповского толка [32. С. 59] не мог не сформировать иронического, фамильярного отношения к служителям церкви (*не даровой поп крестил*), что подтверждается метаязыковым комментарием носителей печорского диалекта: *У нас-то в Усь-Цильме крестят бабки. Они на крещение ходят и только обедают, денег не берут. А попов у нас не любят – они за любой обряд денег берут. Редко, какой поп даром крестит* [9. Т. 1. С. 195].

Результатом межъязыковых контактов жителей Печорского края с иноэтническим населением стали заимствования из финно-угорских языков,

¹ Печорский край пополнился новой миграционной волной «беглецов веры» в конце XVII – начале XVIII в., а Усть-Цильма стала «старообрядческим гнездом» на Печоре [32. С. 58–59].

обозначающие специфические для данного региона реалии, которые настолько плотно вошли в повседневную жизнь, что это нашло отражение в образах, устойчиво закрепившихся в диалекте (*шаньгу маслом не испортишь*).

Нижняя Печора – это северный лесной край. Деревянные изделия, процесс деревообработки, северные лесные реалии упоминаются в устойчивых выражениях печорских говоров (*после стругжки топором не чешут; ползеть на ту же ёлочку; пуганый медведем и пня боится*). Даже компоненты-диалектизмы восходят к наименованиям деревянных предметов (*всяк на свой копыл, всякий старец знай свой ставец*).

Печорские говоры распространены в районах по рекам Печоре, Цильме, Пижме, где было развито не только личное, но и промысловое рыболовство [10. С. 92]. Сюжеты рыбной ловли, а также охоты находят отражение в устойчивых выражениях этого края (*в чужой лодке щука всегда больше, как собака да росомаха жить*).

Северный суровый климат обусловил обращение к таким образам, которые ему соответствуют: *не смотри на шубу, а смотри под шубу* (ср. использование гиперонима в общерусском обороте: *по одежке встречают, а по уму провожают*).

Печорские фразеологические единицы, совпадающие с общерусскими по смыслу, но облекающие инвариантную идею в иную образную оболочку, гораздо меньше реализуют соматический код культуры. Ср. общерус. *в чужих руках ломоть велик; не левой ногой сморкаться; не смейся, горох, над бобами, сам будешь валяться под ногами; пальцем негде ткнуть; после драки кулаками не машут*. Рассматриваемый инвариантный смысл в сопоставляемых печорских фразеологизмах в меньшей степени соотносится с соматическим кодом культуры.

Совершенно очевидно, что морально-нравственные установки, ценностные приоритеты людей, использующих в своей речи любую разновидность национального языка – литературную или диалектную, в ключевых своих чертах совпадают. Идиоматика и паремиология насчитывают большое, но все же ограниченное число тем и сюжетов. Интерес представляет воплощение морально-ценностных суждений в образную оболочку, поскольку образ фразеологизма (тропеическое основание внутренней формы) является «проводником» в пространство культуры [19. С. 146]. Сам выбор лексем, «действующих лиц», сюжетов, культурных кодов может быть интерпретирован с позиций языковой картины мира, в том числе и региональной.

Климатические условия северного лесного края, особенности быта, хозяйства и традиционных занятий печорцев, самобытная культура и нравственные устои старообрядцев запечатлелись в образной системе, воплотившей универсальные семантические идеи.

Литература

1. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: [учеб. пособие]. 3-е изд., испр. М. : КДУ, 2011. 350 с.
3. На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. / отв. ред. В.А. Александров. М. : Наука, 1989. 352 с.
4. Ли А.Д. Русские говоры Коми Республики. Сыктывкар : Изд-во Коми пед. ин-та, 1992. 106 с.
5. Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.
6. Урманчеева И.С. Печорские фразеологизмы на фоне общерусских инвариантов // Язык и культура. Новосибирск. 2014. № 14. С. 7–12.
7. Урманчеева И.С. Лексическое варьирование печорских фразеологизмов в сопоставлении с общерусскими // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 4. С. 75–82.
8. Урманчеева И.С. Ритмико-рифмическая организация как проявление конструктивной вариатности печорских и общерусских фразеологизмов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 125–134.
9. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н.А. Ставшина. СПб. : Наука, 2008. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 420 с.
10. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми XIX – нач. XX в. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 394 с.
11. Новая иллюстрированная энциклопедия. М. : Большая Российская энциклопедия, 2004. 256 с.: ил.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток – Запад, 2010. 314, [6]с.
13. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2003. Т. 1. 553 с.; Т. 2. 470 с.
14. Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 2007. 395 с.
15. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 9-е изд., стер. М. : Рус. яз., 2002. 544 с.
16. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
17. Аледфиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология [учеб. пособие]. М. : Флинта : Наука, 2009. 344 с.
18. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология. М. : Высш. шк., 2006. 408 с.
19. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 456 с.
20. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878, [2] с.
21. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. А–Й. 1985. 696 с.; 1986. Т. 2: К–О. 736 с.
22. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина ; под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 926, [2] с.
23. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. 736 с. (Настольные словари русского языка).
24. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка: ок. 730 синоним. рядов / под ред. В.П. Жукова. М. : Рус. яз., 1987. 448 с.
25. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007. 288 с.

26. *Мифология*: энцикл. / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 2008. 736 с.
27. *Введенская Л.А.* Стилистические фигуры, основанные на антонимах // Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. М. : Астрель : АСТ, 2008. 445, [3] с.
28. *Псковский областной словарь с историческими данными*. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. Вып. 14. 388 с.
29. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
30. *Россия*: Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 736 с.: ил. (Фундаментальные словари).
31. *Черданцева Т.З.* Идиоматика и культура (постановка вопроса) // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 58–70.
32. *Гунин Г.П.* По Нижней Печоре. М. : Искусство, 1979. 162 с.

Expression of the Invariant Meaning by Figurative Systems of the Dialect and the Literary Language (On the Example of Pechora and All-Russian Phraseological Units)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 98–112. DOI: 10.17223/19986645/61/6

Irina S. Urmanchieva, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: isurman@rambler.ru

Keywords: dialects of Lower Pechora, Pechora phraseology, phraseological alternativeness, phraseological synonymy, figurativeness, culture codes.

The aim of the article is to compare the Pechora and All-Russian phraseological units (phraseological units and paroemias proper), in which invariants of moral and axiological judgments are subjected to a non-identical figurative fixation. The article analyzes phrasemes used in the territory of the distribution of the Pechora dialects (speech of native Russian residents of settlements located along the Pechora River and its tributaries Pizhma, Tsilma and Neritsa) in comparison with all-Russian phraseological units. The usage and general distribution of the phrases were established according to the phraseological and paroemiological dictionaries of the Russian language. Pechora phraseological units are given according to the *Phraseological Dictionary of Russian Dialects of the Lower Pechora* compiled by N.A. Stavshina. The study used mainly the method of contrastive (comparative) analysis. The images of the phraseological units, which are guides to the cultural space, were interpreted as part of the linguocultural method in phraseology developed by V.N. Teliya, M.L. Kovshova, D.B. Gudkov, and others. To explicate the differences between the Pechora and all-Russian phrasemes, the method of linguistic (synchronous) description and elements of an etymological analysis were used. In the course of the study of phraseological units that translate identical meanings by the figurative systems of the dialect and the literary language, a different degree of the formal and figurative differences in the phrasemes is revealed: from the minimum (lexical and constructive variants that become intermediate, hybrid units) to the maximum (phraseological synonyms). The expression of the invariant meaning by the phraseological units of the dialect and the literary language is based on the similarity of syntactic models, the lexical and grammatical composition of the units, and is also supported by notional or functional semantic connectors, by the thematic relatedness of words and, finally, by words' correlation with one culture code. The following conclusions were made. (1) All-Russian and dialect phraseological units represent gastronomic, vegetative, zoomorphic and material cultural codes that correlate with the traditional occupations of a rural resident: animal husbandry and farming, daily household chores. A significant role in the representation of the invariant meaning in the all-Russian and dialect phraseological units is played by figurative components: names of objects of peasant, rural life, names of domestic and wild animals, plants. This is the similarity of the figurative systems of the dialects of the Lower Pechora and the literary language. (2) The figurative basis of the Pechora phraseological units that express the invariant meaning and have

figurative and semantic correspondences in the literary language was formed under the influence of Old Believer traditions, climatic conditions of the Pechora region, and reflected the interethnic contacts of the Russian and Finno-Ugric population, traditional occupations and crafts of the northern forest resident, everyday realities and rural lifestyle.

References

1. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
2. Kornilov, O.A. (2011) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities]. 3rd ed. Moscow: KDU.
3. Aleksandrov, V.A. (ed.) (1989) *Na putyakh iz Zemli Permskoy v Sibir': ocherki etnografii severnoural'skogo krest'yanstva XVII–XX vv.* [On the paths from the land of Perm to Siberia: Essays on the ethnography of the northern Urals peasantry of the 17th – 20th centuries]. Moscow: Nauka.
4. Li, A.D. (1992) *Russkie govory Komi Respubliki* [Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi State Pedagogical University.
5. Radchenko, O.A. & Zakutkina, N.A. (2004) Dialektная картина мира как идioletнический феномен [The dialect picture of the world as an idio-ethnic phenomenon]. *Voprosy yazykoznanija*. 6. pp. 25–48.
6. Urmancheeva, I.S. (2014) Pechorskije frazeologizmy na fone obshcherusskikh invariantov [Pechora phraseological units against the background of all-Russian invariants]. *Yazyk i kul'tura*. Novosibirsk. 14. pp. 7–12.
7. Urmancheeva, I.S. (2016) Lexical variation of Pechora idioms comparing to all-Russian ones. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 4. pp. 75–82. (In Russian).
8. Urmancheeva, I.S. (2017) Rhythm and rhyme organisation as manifestation of constructural variability of Pechora and all-Russian phraseological units. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 125–134. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/8
9. Stavshina, N.A. (2008) *Frazeologicheskij slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory: v 2 t.* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 volumes]. St. Petersburg: Nauka.
10. Belitser, V.N. (1958) *Ocherki po etnografii narodov komi XIX – nach. XX v.* [Essays on the ethnography of the Komi peoples in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: USSR AS.
11. Gorkin, A.P. (ed.) (2004) *Novaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [The new illustrated encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
12. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2010) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad.
13. Ivashko, L.A. (ed.) (2003) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory: v 2 t.* [Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 volumes]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University.
14. Myznikov, S.A. (2007) *Atlas substratnoy i zaimstvovannoy leksiki russkikh govorov Severo-Zapada* [The atlas of substrate and borrowed vocabulary of Russian dialects of the North-West]. 2nd ed. St. Petersburg: Nauka.
15. Zhukov, V.P. (2002) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. 9th ed. Moscow: Rus. yaz.
16. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [A large dictionary of Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.
17. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2009) *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and paremiology]. Moscow: Flinta: Nauka.

18. Zhukov, V.P. & Zhukov, A.V. (2006) *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow: Vyssh. shk.
19. Kovshova, M.L. (2012) *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguoculturological method in phraseology: Codes of culture]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
20. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. 3rd ed. Moscow: Astrel': AST.
21. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1986) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Vols 1–2. 3rd ed. Moscow: Rus. yaz.
22. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2007) *Russkaya frazeologiya: Istoriko-etimologicheskiy slovar': ok. 6000 frazeologizmov* [Russian phraseology: Historical and etymological dictionary: c. 6000 phraseological units]. 3rd ed. Moscow: Astrel': AST: Khranitel'.
23. Zimin, V.I. (2017) *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [The Thesaurus Dictionary of Russian Proverbs, Sayings and Apt Expressions]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
24. Zhukov, V.P., Sidorenko, M.I. & Shklyarov, V.T. (1987) *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka: ok. 730 sinonim. ryadov* [Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language: c. 730 synonymic rows]. Moscow: Rus. yaz.
25. Gudkov, D.B. & Kovshova, M.L. (2007) *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovar'yu* [The corporal code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow: Gnozis.
26. Meletinskiy, E.M. (ed.) (2008) *Mifologiya: entsikl.* [Mythology: An encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya: Drofa.
27. Vvedenskaya, L.A. (2008) *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Russian language]. Moscow: Astrel': AST.
28. Lutovinova, I.S. (ed.) (2004) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Is. 14. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
29. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A large dictionary of Russian sayings]. Moscow: OLMA Media Grupp.
30. Prokhorov, Yu.E. (ed.) (2009) *Rossiya: Bol'shoy lingvostranovedcheskiy slovar'* [Russia: The Big Linguistic Country Study Dictionary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
31. Cherdantseva, T.Z. (1996) *Idiomatika i kul'tura (postanovka voprosa)* [Idiomatics and culture (formulation of the question)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 58–70.
32. Gunin, G.P. (1979) *Po Nizhney Pechore* [Along the Lower Pechora]. Moscow: Iskustvo.

УДК 81'371

DOI: 10.17223/19986645/61/7

К.С. Шиляев, Е.А. Шлотгауэр

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОБЗОРАХ ВИН И КОНЬЯКОВ¹

Описаны концептуальные метафоры и синестетические метонимии в русскоязычных профессиональных обзорах вин и коньяков и осуществлен их сравнительный анализ. Выявлен набор метафорических дескрипторов цвета, аромата и вкуса вина и коньяка, сокращенных с помощью механизма концептуальной метонимии. Определены ключевая роль концептуальных метафор и метонимий в тексте обзора алкогольного напитка на русском языке, а также общий и специфичный набор описательных средств в обзоре вин и коньяков. Проверена гипотеза о типичных направлениях концептуального переноса в явлении синестетической метафоры.

Ключевые слова: концептуальная метафора, синестетическая метафора, синестетическая метонимия, винный дискурс, вино, коньяк.

Исследования винного дискурса (в данной работе под винным дискурсом мы понимаем тематический дискурс, касающийся также иных алкогольных напитков) набирают популярность как за рубежом [1–3], так и в отечественной лингвистике, преимущественно когнитивного направления ([4–6] и др.). Комплексный характер процесса дегустации вина и тот факт, что он задействует практически все модальности человеческого восприятия, кроме слуха, обуславливает его специфическую метафорогенность, которая является отражением не только многократно отмеченной проблемы скудости средств непосредственного выражения перцепции в области вкуса и аромата, но и сложности вычленения отдельных модальностей в целостном воплощенном опыте человека.

Отечественные исследователи обращали внимание как на особенности русского языка винных описаний [4], так и на концепт «вино» в иностранных языках, особенно романской [5, 6] и германской [7] групп. Однако комплексное монографическое описание языка вина на срезе жанров и дискурсов, аналогичное [2], все еще ждет своего исследователя. Эмпирической проверки и наработки материала требует проверка гипотезы об универсальности языка описания вина: что в нем обусловлено общностью человеческого телесного опыта и сходными аспектами виноделия в разных странах, а что спецификой языка и культуры конкретной страны.

Исследования русскоязычных описаний относительно редки (наиболее крупным, по нашим данным, является уже указанное выше исследование

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-313-00096.

Н.С. Стариченко, задействовавшее 100 описаний из интернет-источников). Кроме того, нам не известны исследования, систематически сравнивающие описания вина и иных алкогольных напитков (или других продуктов питания) на русском языке; предварительные попытки такого исследования на английском материале можно увидеть в [2. Р. 245–255].

Настоящее исследование имеет целью выделить и охарактеризовать существенную часть языка русскоязычных описаний свойств вина и коньяка с позиции когнитивной лингвистики (теории концептуальной метафоры), а также провести сравнительный анализ используемых языковых средств в аспекте зависимости от продукта (вино vs коньяк). Результаты качественного и количественного анализа метафорических дескрипторов и их метонимических сокращений используются для проверки гипотезы о наиболее частотных направлениях синестетической метафоризации: иерархии эвиденциальности, в которой наиболее вероятными являются переносы со зрения и слуха (К. Паради и др.), и иерархии перцепции, согласно которой более частотными являются метафоры, имеющие в основе тактильные ощущения (С. Ульманн и др.).

1. Концептуальная метафора и метонимия как средства описания свойств вина

Исследование опирается на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, дополненную современными положениями об особенностях языка описания вин, в частности понятия синестетической метонимии, введенного в научный обиход К. Паради и М. Ээг-Олофссоном [3].

С точки зрения теории концептуальной метафоры метафора является не только языковым феноменом, но представляет собой когнитивный механизм мышления, раскрыть особенности функционирования которого помогает анализ его вербальных проявлений. В настоящее время в теории концептуальной метафоры накоплен значительный материал, собранный и проанализированный в невербальной сфере (в том числе и в экспериментальной парадигме), который во многом снимает проблему кругового характера доказательности теории концептуальной метафоры [8, 9] (см. также предисловие А.Н. Баранова в русском издании [10]). В настоящем исследовании используется текстовый материал, но благодаря введению синестетических аспектов концептуальной метафоры и метонимии выводы могут иметь актуальность для исследования воплощенной когниции (*embodied cognition*) в целом.

Основой метафоризации является взаимодействие двух когнитивных структур: сферы-источника (*source domain*) и сферы-цели (*target domain*). В процессе метафоризации актуализируются релевантные элементы концептуальной сферы-источника и переносятся на сферу-цель. Сфера-цель, как правило, концептуализирует более абстрактное и более субъективное явление [11] и в результате метафоризации получает часть структуры от более конкретного и легко объективируемого концепта сферы-источника. Данное явление получило название «метафорическая проекция» (*metaphorical mapping*). В настоящий момент в рамках теории концептуальной метафоры

описаны как наиболее частотные системы переносов [12], так и их вариативность в зависимости от культуры и дискурсов [13–16].

Помимо теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон заложили основы когнитивного подхода к метонимии, в дальнейшем разработанного в ставшей классической работе З. Ковечеша и Г. Раддена [17]. Исследователи выделили когнитивное понимание метонимии, которое опирается на три постулата: 1) метонимия – это концептуальный феномен; 2) метонимия – это когнитивный процесс; 3) метонимия действует в рамках идеализированных когнитивных моделей, одной из составляющих которых является фрейм.

Как и метафора, метонимия представляет собой когнитивный механизм, лежащий в основе не только собственно ее языковых проявлений, но и смежных явлений [18. Р. 8]. Большинство теоретиков рассматривают метонимию как референциальный сдвиг в пределах одной когнитивной сферы (иначе, в рамках одного фрейма), тогда как метафора является проекцией с одной концептуальной сферы на другую. Разница между концептуальной метафорой и концептуальной метонимией заключается в том, что метафора действует по схеме «X понимается в терминах Y», а метонимия – «X означает Y». Отличительная черта метонимии – ее мотивированность физическими и причинными ассоциациями.

Концептуальная природа метонимии наиболее видна в структуре категорий. Один член категории может замещать всю категорию, создавая тем самым прототипический эффект. В качестве когнитивного процесса метонимия понимается как процесс замещения, но она не просто замещает один концепт другим, а заставляет их взаимодействовать и формирует новое сложное значение. Концептуальная метонимия представляет собой путь доступа к конкретной цели в пределах одного домена. Примеры наиболее частых переносов: часть вместо целого; целое вместо части; производитель вместо продукта; место вместо события и т.д. [17. Р. 30–44].

Концептуальная метафора и метонимия могут играть в дискурсе виноделов и потребителей вина и коньяка одну из главных ролей в описании различных видов перцепции. Исследователи регулярно отмечают кросс-модальное использование лексических единиц, обусловленное синестезией.

Понятие синестезии определяется как процесс переноса качеств одной модальности на другую, так и его результат. Данный термин был заимствован лингвистикой из психологии: А.Р. Лурия определяет синестезию как «совместную работу ощущений, при которой качества ощущений одного вида (например, слуховых) переносятся на другой вид ощущений (например, зрительных)» [19].

Синестезия является свойством человека и проявляется спонтанно на подсознательном уровне. Психологические исследования подтверждают, что хотя «психика человека умеет дифференцированно воспринимать свойства и отношения вещей, она не может отказаться от слитного восприятия разнородных по своим источникам образов» [20].

Лингвистическая интерпретация процесса синестезии выявляется в способности языка номинировать мыслительные структуры [21]. Традиционно

для явления синестезии в языке принят термин «синестетическая метафора» (Е.Н. Колодкина, А.И. Бардовская, Ю.Н. Молодкина и др.). В работе Ю.Н. Молодкиной подчеркивается роль синестезии в формировании интермодальной общности ощущений, влияние синестетического восприятия на целостность чувственного отражения объективной реальности в сознании людей. Исследователь ссылается на понятие риторической синестезии как метафорического механизма пробуждения сенсорного опыта одной модальности через ощущения другой. Синестетические соответствия реализуются в пяти модальностях (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание), интегрируя восприятие различных модальностей [22].

А.И. Бардовская придерживается психофизиологического подхода в изучении синестезии, которая, по ее мнению, проявляется через синестетическую метафору. Ссылаясь на работы С. Ульмманна и Б.Л. Уорфа, автор отмечает развитие синестетической метафоры от явления отклонения от нормы к принятию статуса лингвистической универсалии. Специфика синестетической метафоры заключается в том, что это явление характеризует не только язык, но также функционирование и развитие мышления человека. В разных языках обнаруживается сходство в выражении синестезии [23]. С. Ульмманн определял синестезию с точки зрения лингвистики как «особый вид переноса наименования на основе ассоциации между значениями» [24], при этом «два значения соотносятся с ощущениями, расположенными на двух различных уровнях чувствительности». А.И. Бардовская уточняет, что анализу подвергается не одно слово, а сочетание слов [25]. Наиболее типичная модель в русском языке – сочетание прилагательного и существительного (*холодный свет, кислое лицо*).

В данной работе мы учитываем также точку зрения Кариты Паради и Матса Эг-Олофссона [3], которые считают, что явление синестезии выражается посредством синестетической *метонимии*.

В работе, посвященной масштабному корпусному анализу винных дескрипторов в английском языке, авторы полемизируют с распространенным взглядом на когнитивно-лингвистическую природу винных дескрипторов: слово-дескриптор имеет одно наиболее базовое (в смысле [26. Р. 35–36]) значение, и все другие толкования должны рассматриваться как образные и производные от него с помощью метафорического переноса (синестетической метафоры). Например, *сладкий аромат* в таком случае рассматривается как перенос со вкусовой модальности (*имеющий приятный вкус, свойственный сахару, меду* и т.п.¹) на запах. То же касается и номинальных дескрипторов (*в аромате чувствуется спелая слива*): синестетический перенос со сливы на вино помогает коммуникаторам достигнуть понимания при описании вина.

К. Паради и М. Эг-Олофссон предлагают считать данные дескрипторы проявлением моносемичной синестетической метонимии. При таком

¹ Определения лексем в данной работе даны по Словарю русского языка в 4 т. (МАС) [27]; в некоторых случаях привлекается Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова (БТС) [28], что отмечается отдельно.

взгляде СЛАДКИЙ рассматривается как концепт, охватывающий все сферы чувственного опыта, что не отрицает большую или меньшую выделенность некоторых перцептивных зон по умолчанию. При конкретной актуализации данного концепта в винном дискурсе актуализируется та или иная сенсорная зона, т.е. часть концепта. Слова, обозначающие объекты (*гранат, дерево, вишня* и т.п.) рассматриваются как моносемичные и фиксирующие целостное чувственное восприятие; при описании вина они используются с фокусировкой на то, как они выглядят, пахнут или каковы на вкус. Слова *не приобретают нового значения*, однако с помощью концептуальной метонимии ЦЕЛОЕ ВМЕСТО ЧАСТИ (WHOLE FOR PART) происходит фокусировка восприятия на ту или иную модальность в комплексном психологическом образе, вызываемом дескриптором. Более подробно данный подход описан в работах [3, 29–31].

Такой подход согласуется с данными о работе головного мозга и зон, отвечающих за восприятие. Сенсорные органы активируются и реагируют на стимул совместно и одновременно: вне условий специально поставленных экспериментов сложно попробовать что-либо на вкус, не понюхав это или не ощутив текстуры пробуемого предмета. Описывая явление синестезии, советский психолог Б.Г. Ананьев отмечает, что «скорее всего мы не имеем дело с «чистыми», изолированными друг от друга ощущениями, а имеем ощущения, которые органически включены в восприятие в качестве его неразрывных составных частей» [32].

Таким образом, понятие синестетической метонимии представляется нам согласующимся с мнением психологов и более точно отражающим взгляды на различие двух концептуальных феноменов – метафоры и метонимии – в современной когнитивной лингвистике. Использование этого термина, на наш взгляд, соответствует общей установке когнитивной лингвистики, сформулированной ее основателями (cognitive commitment и generalization commitment [33]), и современным работам в сфере образного языка в винном дискурсе.

Синтезом традиционного подхода к синестетической метафоре и подхода К. Паради и др., описанного выше, можно считать рассмотрение часто встречающегося приема сокращения метафорического дескриптора (*во вкусе данных вин отчетливо чувствуется мёд*): в основе такого употребления лежит трансформация по метонимическому принципу (активация одной сенсорной зоны концептуальной сферы МЁД) с последующим переносом на концептуальную сферу ВИНО.

Винный дискурс определяется как особый вид институционального дискурса – профессиональный дискурс виноделов и потребителей, т.е. общение специалистов между собой или с теми, кто к ним обращается для получения консультации либо профессиональной помощи [34]. Винный дискурс реализуется в текстах с языковыми отличительными чертами, стилистической спецификой и спецификой тематики.

Тематика данного дискурса затрагивает описания процессов виноградарства и виноделия, технологию приготовления вина и коньяка, а также

дегустацию напитков. Участниками дискурса являются виноделы и потребители. Понятие *винодел* включает в себя несколько профессий, связанных с созданием вина и коньяка: винодел-технолог, создающий вино и коньяк; купажист, смешивающий виноматериалы в определённых пропорциях, пытаясь добиться необходимого букета; инженер-технолог, контролирующий производственный процесс с точки зрения выполнения всех предписанных нормативов; дегустатор-профессионал, дающий перцептивную оценку винной продукции, соответствующую эталону и качеству, которая должна быть зафиксирована средствами языка. Потребителями выступают как ценители напитка, так и человек, пишущий обзор.

Как отмечают исследователи [2. Р. 213–229], винный дискурс может бытовать и в форме квазипрофессионального в бытовых условиях: когда люди, употребляющие спиртные напитки в неформальных условиях, обсуждают их качества, нередко как подвид фатической коммуникации. Несмотря на то, что одним из значимых участников нередко является наивный потребитель, в случае возникновения затруднений или конфликтов в описании вкусовых и иных характеристик приоритет отдается описаниям людей, наделённых экспертным статусом.

Жанр обзора вина относится к тематическому обзору [35]. Его особенность состоит в том, что критики одновременно и описывают и оценивают вино. Обычно в середине обзора имеет место описание процедуры дегустации вина. В это понятие входит восприятие вина через запах, вкус, ощущение текстуры и его внешний вид (подробно см. [36. С. 133–156]), что соответствует четырем перцептивным зонам: вкусовой, визуальной, обонятельной и тактильной. Наибольшую трудность составляет перекодирование полученных ощущений в слова – данная способность отличает профессионала-винодела от любителя.

Рассмотренные текстовые фрагменты не носят выраженного рекламного характера, что также свидетельствует о профессиональной направленности материала и позволяет ожидать более объективного описания (о чем говорит, например, указание на дефекты того или иного сорта или урожая).

2. Концептуальная метафора в обзорах вина и коньяка

В аспекте выявления текстовых реализаций концептуальной метафоры и метонимии были проанализированы материалы книг В.Л. Чеботарева и С.В. Чеботаревой «Вина Испании» [37], Н.А. Мехузла «Вина Грузии» [38], И.Е. Гусева «Коньяк, виски, текила, абсент...» [39]. В результате направленной выборки были выделены и проанализированы описания результатов дегустации и характера вин, коньяков или групп вин и коньяков: 162 описания коньяка объемом 50–60 слов, 38 описаний грузинских вин объемом 80–105 слов, 71 описание испанских вин объемом 30–50 слов. Описания в целом могут демонстрировать значительное варьирование в объеме (группы описаний объемом 6–20 слов, 30–50 слов, 70–100 слов), однако в нем необходимой остается ароматическо-вкусовая характеристика, которая выступает непосредственным предметом анализа. В приведенных далее контекстах полужирным шрифтом выделена лексема, реализую-

ющая концептуальную метафору в тексте описания. В тех случаях, когда контекст содержит более одной метафоры, мы выделяли только ту, которая иллюстрирует указанный аспект.

В текстах обзоров актуализируются следующие концептуальные метафоры.

Вино – это человек.

В рамках антропоморфной метафоры вино приписывается обладание различными качествами и свойствами, присущими человеку.

1. Индивидуальность: *красные грузинские вина имеют неповторимое своеобразие и индивидуальность*. В русском языке индивидуальность означает совокупность характерных своеобразных черт, отличающих какого-либо человека от другого.

2. Элегантность: *в результате получают элегантные розовые вина с ярким клубничным цветом, интенсивным фруктовым ароматом, удивительно свежим вкусом и приятным послевкусием*. Лексема *элегантный* имеет следующую дефиницию: *изящно, со вкусом одетый, держащийся с изяществом*. Данное прилагательное применяют для описания изысканной манеры человека действовать и одеваться. В винодельческой терминологии элегантное вино – это высококачественное, гармонично сбалансированное вино с легким вкусом и ароматом, обладающее неповторимыми достоинствами. Следовательно, вино в совокупности цвета, вкуса и аромата обладает элегантностью, подобно человеку.

3. Деликатность: *деликатные и ароматные розовые вина Сазиго («Кастисо»)*. Лексема *деликатный* определяется следующим образом: *вежливый, предупредительный, мягкий в обращении*. Можно предположить, что в данном случае концептуальная метафора актуализирует синестетическую метонимию мягкости, часто используемую для описания вкуса вина: оно оставляет приятные впечатления, не раздражает ротовую полость потребителя или дегустатора.

4. Грубость: *молодые вина имеют ясно выраженные пасленовые тона и характеризуются грубостью, которая при выдержке исчезает*.

Грубым вином называют вино невысокого качества, часто из-за излишней кислотности и плохой винификации. Данное употребление может быть условно помечено как метафоричное благодаря наличию у прилагательного *грубый* значения *отличающийся отсутствием необходимого такта; резкий*. Альтернативным толкованием может быть рассмотрение лексемы *грубый* как моносемичного прилагательного, использованного в рамках концептуальной метонимии: *грубый* как целостный сенсорный образ, из которого актуализируется область вкуса. Такое толкование поддерживается большинством словарей, указывающих среди значений именно сенсорные, в том числе МАС, Толковый словарь русского языка Ефремовой, Толковый словарь Ушакова. Впрочем, в зависимости от непосредственного контекста лексемы *грубый* она может быть актуализирована и как антропоморфная метафора, если учитывать их обилие в описаниях качества вина.

5. Полнота тела: вина из Риоха Альта **полнотелые** с высоким уровнем кислотности и средним содержанием алкоголя, прекрасно подходят для выдержки в бочке. Несмотря на жаркий климат Кахетии, в микроразоне Напареули из сорта Ркацители получают более легкие, **стройные** вина. Данное прилагательное имеет следующую дефиницию: *имеющий полное тело*. В виноделии термин используется для определения насыщенности текстуры, спиртов, вкусовых качеств вина. Чем более полнотелое вино, тем оно «тяжелее»: обладает большей вязкостью, плотностью и густотой. *Стройные* вина отличаются легкостью, содержат низкий процент спирта.

6. Способность к самостоятельному действию: *в недавнем прошлом их охотно покупали бочками европейские виноделы для улучшения цвета и качества своих вин, но в конце XX века они **начали прокладывать собственную дорогу к покупателям***. Словосочетание *прокладывать дорогу к кому-л.* означает *создавать благоприятные условия для успеха кого-л., для достижения чего-л.* В данном примере вину метафорически присваивается способ активного действия, создающий персонифицированный образ.

Следующие две группы могут быть условно отнесены к группе антропоморфных метафор, так как реализуют более общую концептуальную метафору «вино – это живое существо». В словарных дефинициях выделенных лексем отмечается возможность атрибуции этих свойств как к человеку, так и к животному. С учетом принципов антропоцентричности и воплощенной когниции (осмысление абстрактного опыта с помощью метафорических переносов с телесного опыта человека) мы относим к данной группе метафорические описания следующих качеств вина.

7. Этапы взросления: *Martin, сочетающее в себе свежесть **молодого** вина и элегантность вин крианса – образец винодельческого искусства. К особенностям вин из Лвасирхва нужно отнести **склонность к быстрому старению** при выдержке*. В многочисленных контекстах такого рода вину передаются этапы взросления и старения, присущие человеку или животному.

8. Сила: *удивительные качества **сильных** ароматных вин ярко-вишневого или гранатового цвета, прекрасно дополняющих простые и сытные мясные блюда, были знакомы...* Лексема **сильный** в русском языке означает *обладающий большой физической силой (о человеке, животном)*. В данном случае на качество вина переносится физическое качество человека. Сильное вино – полное, богатое танинами и кислотой, с высоким содержанием спирта и интенсивным ароматом.

Вкус – это человек.

Данное подразделение в рамках метафоры ВИНО – ЭТО ЧЕЛОВЕК было выделено на основании большого количества самостоятельных метафор, имеющих в своем составе слово *вкус*. Поскольку вкус является концептуальной частью вина, данная концептуальная метафора использует метонимию ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО, что ведет к уточнению сферы-цели.

Вкус представлен следующими метафорическими характеристиками:

1. Богатство: *современные вина из Темпранильо радуют свежестью, **богатым вкусом** и приятным послевкусием. Богатый* имеет следующую

дефиницию: *обладающий большим имуществом; зажиточный*. Богатый человек – тот, кто обладает изобилием различных материальных ценностей; богатый вкус, в свою очередь, – вкус, наполненный различными оттенками. Происходит перенос свойства обладание изобилием чего-либо с концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК на ВКУС ВИНА.

2. Мужественность: *Во вкусе – свежее, умеренно терпкое, иногда с небольшой горчинкой, **мужественное**, с долгим приятным послевкусием*. В русском языке *мужественный* определяется как обладающий мужеством; стойкий. *Мужество*, в свою очередь, означает *присутствие духа в опасности, в беде и т.п.; храбрость, бесстрашие*. В данном случае на вино переносится черта характера человека. Мужественный вкус – крепкий, наполненный, ассоциативно напоминает о характерной черте в человеке.

Две другие группы, подобно тому как это было в описании концептуальной метафоры ВИНО – ЭТО ЧЕЛОВЕК, могут быть условно отнесены к антропоморфной метафоре, будучи, строго говоря, реализацией более общей концептуальной метафоры ВКУС – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО.

3. Агрессивность: *эти богатые бархатистые вина с **неагрессивными танинами** оставляют долгое и очень приятное послевкусие*. Танин – это содержащееся в коре и листьях некоторых растений вещество с сильным вяжущим свойством, используемое в медицине и технике. Так как танины описываются именно с точки зрения вкусовой перцепции, мы относим их к сфере-цели ВКУС. Согласно БТС агрессивный означает *склонный к нападению* (о человеке, животном). В винодельческой терминологии агрессивное вино – вино с чрезмерной танинностью, которая раздражает слизистую: вино метафорически «нападает» на слизистую, раздражая ее.

4. Сила: *вино цвета спелого граната, с **сильными** танинами, свежим и не очень интенсивным ароматом, в котором легко улавливаются бальзамические и травяные ноты, эвкалипт, сухофрукты, кофе, горький шоколад*. В рамках метафорического переноса танины наделяются физической силой подобно человеку. «Сила» проявляется в воздействии танина на вкусовую перцепцию человека.

Тексты обзоров коньяков в книге И.Е. Гусева «Коньяк, виски, текила, абсент...» также были проанализированы на предмет концептуальных метафор. В результате выявлены следующие концептуальные метафоры, во многом схожие с описаниями вин.

Коньяк – это человек.

1. *Коньяк отличается редким для категории коньяков V.S.O.P. сочетанием **богатства**, теплоты, зрелости и одновременно тонкости вкуса*.

2. *Его **элегантность** и естественность способны доставить удовольствие любому гурману*.

3. *Мягкий и **полнотельный**¹ напиток с выраженными ароматами коврижки и свежего хлеба*.

¹ Данная форма наряду с формой *полнотелый* отмечается в русскоязычном винном дискурсе.

Вкус – это человек.

1. **Богатый** насыщенный вкус этого коньяка имеет отчетливые тона сладкого шоколада.

2. Стойкое продолжительное послевкусие отличается **элегантными** нотками.

3. Умеренно **полнотельный** по вкусу.

Аромат – это человек.

1. Обладает исключительно **богатым** и сложным ароматом.

2. Обладает устойчивым **элегантным** и в высшей степени сбалансированным ароматом апельсина, абрикоса, ириса и жасмина.

3. Аромат исключительно **богатый** и **неагрессивный**, с тонами ванили.

Все лексемы, использованные в метафорическом значении при описании коньяка, представлены в описании вина. Лексем, присущих именно описанию коньяка, не было выявлено.

3. Концептуальная метонимия как средство описания вина и коньяка

В исследованных материалах нами было отмечено явление синестезии, которое передается с помощью следующих типов метафоры (с частым использованием метонимии для «сворачивания» дескриптора).

А. Образная метафора (табл. 1–3). Примером таких метафор является использование различных объектов при описании вкуса, аромата или цвета напитка (*аромат грецкого ореха, кедра и ванили*). В табл. 1 представлены дескрипторы, использованные авторами для описания цвета вина и коньяка. Категории были выделены путем группировки в лексико-семантические поля и включают прилагательные, существительные и их сочетания, использованные авторами обзоров. Категории тесно перекликаются с категориями, выделенными сходным образом в англоязычном материале в [2. С. 45], и отличаются от так называемых aroma wheels, составленных экспертами-виноделами дедуктивным путем.

Таблица 1

Синестетические метафоры в описании цвета вина и коньяка

Категория	Описание цвета вина	Описание цвета коньяка
Металлы и минералы	золотистый (19), янтарный (11), рубин (5)	золотистый (29), янтарный (29), медный (8), золотисто-янтарный (8), старое золото, темное золото
Дерево	красное дерево (4)	красное дерево (5), махагоновый, розовое дерево
Ягоды	гранат (21), вишневый (7), клубничный (2), малиновый	
Прочее	соломенный (9), кирпичный, черепица, луковая шелуха	огненный (4), апельсиновый (2), соломенный (2), кирпичный, золотистый бархат, карамельный, солнечный

Сравнение синестетических дескрипторов как в количественном, так и в качественном аспекте позволяет отметить одно существенное различие: в описании коньяков отсутствует метафорический перенос цвета с ягоды на алкогольный напиток в силу различий технологии изготовления. Дескрипторы коньяка в целом близки дескрипторам белого вина.

В табл. 2 представлены синестетические метафоры, употребленные авторами обзоров вин и коньяков для описания аромата.

Т а б л и ц а 2

Синестетические метафоры в описании аромата вина и коньяка

Категория	Описание аромата вина	Описание аромата коньяка
Фрукты	фруктовый (22), персик (2), сухофрукты (2), груша (2), айва (2), банан, ананас, мандарин, тропические фрукты в сиропе, фрукты в ликере, апельсиновая корка, яблоко	фруктовый (25), сухофрукты (11), абрикос (7), слива (7), апельсин (5), засахаренные фрукты (3), персик (3), спелые фрукты (3), экзотические фрукты (3), цитрусовые (3), засахаренный апельсин (2), курага, манго, бананы, розовый грейпфрут, лайм, чернослив
Ягоды	черная смородина (4), малина (2), ежевика, лесные ягоды (2), пасленовые, красные ягоды, барбарисовый, малиново-барбарисовый, земляничный, мускатный, вишневая косточка (2)	виноград (6), сушеный виноград (2), вишня (2), красные ягоды, ягоды, нагретый солнцем виноград, изюм
Специи и травы	травяные (6), специи, ваниль, тимьян, розмарин, анис, табачный лист, эвкалипт	ваниль (30), специи (17), табак (8), корица (6), шафран (3), перец (3), мускатный орех (2), гвоздика (2), сладкие пряности, лакрица, боярышник, травы
Цветы	цветочный (6), горная фиалка (3), чайная роза (2), завядшая чайная роза (2), лепестки розы, фиалка, полевые цветы, темно-красная бархатистая роза	цветочный (33), ирис (7), фиалка (6), жасмин (6), роза (3), лилия (2), глициния (2), нарцисс (2), гиацинт, экзотические цветы, старые розы, ландыш, горные цветы, белые цветы, тропические цветы
Деревья	дуб (3), дерево (2), акация, пальма Теа	дубовый (18), древесный (13), древесина кедра (2), сандаловое дерево (2), виноградная лоза (2), кедр, эвкалипт, цветущий в июне виноград
Сладости	мед (7), шоколад (3), конфитюр, сливочно-шоколадный, медово-цветочный	мед (15), шоколад (4), фруктовое пирожное, сладости, карамель, карамелизированный, персиковое варенье, фруктовый пирог, коврижка, сливочный шоколад

Категория	Описание аромата вина	Описание аромата коньяка	
Напитки	кофе (2), какао, вишневая наливка, жареный кофе	портвейн (5), выдержанное вино (2), сухое вино, старый порто, какао, кофе, чайный	
Орехи	кокос	лесной орех (10), орехи (7), грецкий орех (6), миндаль (4), каштан	
Кожа	кожа (3), сафьяновый	кожа (9), старая кожа (2)	
Прочие пищевые продукты	бальзамический (4), оливки, грибы, мацони, маринад, свежеспеченная хлебная корочка, поджаренный хлеб	свежеиспечённый хлеб (2), жареный хлеб, грибы (3), шампиньон, трюфель, бекон	
Несовпадающие группы			
Описание аромата вина		Описание аромата коньяка	
Минералы	минеральный (2), вулканическая лава	Лес	подлесок (7), лесной (2), сухая листва (2), листья липы
Ароматические вещества	мускус, ментол	Сигары	сигары (4), коробка с сигарами (3), дым
		Прочее	воск, смола

Метафорических дескрипторов в описании коньяка обнаружено (с поправкой на количество текстов) больше. Как отмечают А.А. Гендин и др., «стадии дегустации коньяка те же, что и при органолептической экспертизе вина», однако главную роль при оценке коньяка играет аромат. Спирт обжигает небо, притупляет вкусовые и обонятельные ощущения, поэтому дегустатору требуется приглушить запах и вкус спирта и подчеркнуть прочие ароматы [40. С. 92].

В описании аромата коньяка, в отличие от цвета, появляются ягодные дескрипторы, которые ограничены практически целиком метафорическим переносом с винограда, в то время как дескрипторы аромата вина демонстрируют большое разнообразие красных ягод. Значительную роль в двух типах описаний играют фруктовые дескрипторы – как обобщающий термин *фруктовый*, так и наименование конкретных фруктов. В описаниях коньяка встречается больше наименований сухофруктов и citrusовых, что также коррелирует с преобладанием переносов со сладостей, винограда и частым употреблением дескриптора *ваниль*: коньяк нередко оставляет у дегустатора сладкое послевкусие.

Другие особенности дескрипторов коньяка связаны с выдержкой: более частое, по сравнению с описаниями вина, употребление дескрипторов из категории *дерево, лес, орехи и кожа* помогает передать терпкость и насыщенность напитка дубильными веществами.

Для обеих групп обзоров характерно сравнение аромата напитка с пищевыми продуктами, в котором особая роль принадлежит хлебу и грибам. В обеих группах выделены четко разграничиваемые некрупные тематические группы, присущие только одному из напитков. В случае коньяка данная группа обусловлена специфическим вкусом некоторых выдержанных коньяков и ситуацией употребления напитка; во вкусе вина дегустаторы отмечают характер влияния почвы (вулканическая, богатая минералами) или наличие примесей.

В табл. 3 представлены метафорические переносы, служащие для описания вкуса напитков. Они выделены на основании сочетаемости в тексте с лексемами и словосочетаниями *вкус*, *вкусовое ощущение* и т.п., однако во многом пересекаются с предыдущим аспектом описания в силу сложности разграничения перцепции в ротовой полости [41].

Т а б л и ц а 3

Синестетические метафоры описании вкуса вина и коньяка

Категория	Описание вкуса вина	Описание вкуса коньяка
Фрукты	фруктовый (2), грейпфрут	фруктовый (10), экзотические фрукты (2), спелые фрукты (3), персик (2), слива (2), груша, сухофрукты, консервированные мандарины, лимон, ананас, сушеный пер- сик, чернослив, засахаренные апельсины, слива, засахаренные фрукты, душистые плоды
Деревья	дуб, дерево	дубовый (9), дерево (2), кедровое дерево
Ягоды	вишневая косточка (2), виноградная ягода, черная смородина, ягодный	смородина (2), вишня, карамелизованная вишня, ягода, виноград, ягоды
Орехи	миндальный (3), лес- ные орехи (2)	ореховый (5), лесной орех (5), миндаль (2), кокосовый орех, грецкий орех, под- жаренный орех
Специи и травы	лавровый лист	ваниль (16), шафран (2), специи (2), ла- кричник (2), табак (2), корица, имбирь, острый перец, травы, мята
Прочее	маслянистость (7)	трюфель, мускус
Несовпадающие группы		
Описание <i>вкуса</i> коньяка		
Кожа		кожа (2)
Цветы		цветы (6), ирис, дикие розы, фиалка
Сладости		мед (9), шоколад (5), карамель
Напитки		кофе, чай, старое вино, какао

Концептуальные сферы метафорического переноса, регулярно включающего метонимическую актуализацию конкретной зоны вкуса, в описаниях вкуса в целом совпадают с таковыми в описаниях аромата. В описаниях коньяка пропорции и характер дескрипторов вкуса во многом сходны с описаниями аромата, что вновь свидетельствует о сложности разделения ощущений вкуса и запаха.

Относительно небольшое количество дескрипторов вкуса вина может быть обусловлено традиционным фокусом обзоров вин на аромате. Отдельным пунктом идет характеристика *маслянистость* – также характерный термин виноделия.

В целом в аспекте количества употреблений и уникальности лексем синестетическая метафора, как и синестетическая метонимия ЦЕЛОЕ ВМЕСТО ЧАСТИ (например, грейпфрут вместо аромата грейпфрута), представлена

менее разнообразно при описании визуальной и вкусовой составляющих вина и коньяка и наиболее популярна при описании обонятельной. Данное наблюдение подтверждает предположение, что в русском языке область описания обонятельного восприятия наименее разнообразна лексически, что приводит к использованию дополнительных средств выражения. Другой причиной данного явления служит то, что дегустаторы, как правило, дают описание цвета напитка коротким предложением (*вино цвета спелого граната*), обращая все свое внимание на аромат и вкус. Описание запаха длиннее, используется тщательно подобранная лексика, что подчеркивает значимость аромата на фоне других составляющих. В описании напитка могут отсутствовать или быть сокращены некоторые части, однако часть описания аромата остается.

В текстах обзоров коньяка, по сравнению с обзором вина, помимо описания обонятельной перцепции синестетическая метафора активно используется при описании вкуса.

Б. Метафора свойств объекта. В данном случае лексемы, традиционные при описании одной модальности, используются при описании другой (*тонкий аромат, крепкий вкус*).

В исследованном материале мы обнаружили лексемы, которые используются метафорически для описания свойств как вина, так и коньяка, а также для описания только одного напитка. Обнаруженные кроссмодальные лексемы были сгруппированы по принципу использования при описании того или иного напитка.

1. Лексемы, используемые метафорически для описания вина и коньяка:

1.1. ОСЯЗАНИЕ + ЗРЕНИЕ → ВКУС

Вино: *виноматериалы, приготовленные по европейскому способу, характеризуются тонкой золотистой окраской, своеобразным сортовым букетом, свежестью, полнотой, **мягкостью** и гармоничностью вкуса.*

Коньяк: *вкус – **мягкий**, округлый, сладковатый, с ореховыми тонами.*

В данном фрагменте задействована тактильная модальность, так как мягкость определяется на ощупь. Тем не менее, имея тактильный опыт, который сопряжен с опытом визуальным, заключение о мягкости можно сделать, опираясь на зрение.

Вино: *Во вкусе – полное, округлое, исключительно гармоничное, с мягкой терпкостью, придающей вину **бархатистость** и долгое незабываемое послевкусие.*

Коньяк: *прекрасный, зрелый коньяк с великолепным **бархатистым** вкусом.*

Бархатистый – напоминающий бархат (обычно блеском, мягкостью, насыщенностью цвета). В данном случае напиток нежно обволакивает слизистые ротовой полости, напоминая бархат своей мягкостью на ощупь и актуализируя тактильное восприятие.

Вино: *столовые вина после выдержки отличаются исключительно **тонким** и нежным вкусом и характерным букетом, часто напоминающим запах фиалки.*

Коньяк: *восхитительное **тонкое** послевкусие.*

В БТС дается следующее определение данной лексеме: тонкий – *небольшой в объёме, охвате, в поперечном сечении.* В данном случае объем может быть оценен в первую очередь визуально и дополнен тактильным подтверждением, носящим факультативный статус.

1.2. ОСЯЗАНИЕ + ЗРЕНИЕ → ОБОНЯНИЕ

Вино: *природно-полусладкое вино из сорта Чхавери (с одноименным названием) розового цвета, нежное, с ярким и **тонким** сортовым ароматом.*

Коньяк: *ароматы сложные и **тонкие**, но необычайно стойкие.*

Примеры показывают, что лексема тонкий может использоваться не только для описания вкуса, но и запаха.

1.3. ЗРЕНИЕ → ОБОНЯНИЕ

Вино: *при выдержке, обычно не менее трех лет, вино развивает **яркий** букет и приобретает нежный, гармоничный, тонкий бархатистый вкус.*

Коньяк: *вкус коньяка **яркий** и одновременно гармоничный.*

Лексема яркий имеет следующую дефиницию: *очень сильный, сияющий, ослепительный; излучающий сильный свет.* Данный пример иллюстрирует перенос с визуального опыта.

1.4. ЗРЕНИЕ → ВКУС

Вино: *природно-полусладкое вино из сорта Чхавери (с одноименным названием) розового цвета, нежное, с **ярким** и тонким сортовым ароматом.*

Коньяк: *обладает превосходным **ярким** цветочно-фруктовым букетом.*

Как и в случае с лексемой тонкий, лексема яркий может использоваться при описании как аромата, так и вкуса.

Вино: *бархатистый крепкий вкус с гаммой различных оттенков, в котором выделяются **округлые** танины, очень хорошо сбалансирован.*

Коньяк: *это необыкновенно гармоничный напиток с **округлым**, продолжительным послевкусием.*

Для установления формы объекта достаточным условием является его визуальная оценка.

2. Лексемы, используемые метонимически для описания вина:

2.1. ОСЯЗАНИЕ + ЗРЕНИЕ → ВКУС

Бархатистый **крепкий** вкус с гаммой различных оттенков, в котором выделяются округлые танины, очень хорошо сбалансирован.

В русском языке крепкий – это *такой, который трудно сломать, разбить, порвать и т.п.* Сделать заключение, крепок ли объект, можно путем осязания и непосредственного применения к нему силы, но если какой-либо объект уже входит в область опыта конкретного человека, то сделать такое заключение он способен на основе визуального восприятия.

2.2. ЗРЕНИЕ → ОБОНЯНИЕ

Вино выдерживают не менее трех лет, благодаря чему оно развивает сложный букет, что в совокупности с **красивым** сортовым ароматом и

полным, исключительно гармоничным, нежным вкусом оставляет долгое и сложное послевкусие.

Красивый – приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т.п. Данная эстетическая категория оценки осуществляется, как правило, за счёт визуального контакта с объектом.

2.3. ЗРЕНИЕ → ВКУС

*Во вкусе – свежее, легкое, удивительно гармоничное, с долгим запоминающимся **красивым** послевкусием.*

Лексическая единица *красивый* обладает свойством кроссmodalности и употребляется в области вкуса и в области обоняния.

3. Лексемы, используемые метафорически для описания коньяка:

3.1. ОСЯЗАНИЕ + ЗРЕНИЕ → ВКУС

*Великолепное **сухое** послевкусие.*

В БТС дается следующее определение данной лексеме: *сухой – не покрытый или не пропитанный водой, влагой; не мокрый, не сырой*. Понять, сухой ли предмет, человек способен посредством зрения, но, чтобы удостовериться, необходимо использовать осязание.

*Оставляет во рту ощущение **гладкости** и округлости, со вкусом плодов в стадии их наивысшей зрелости.*

Гладкий – без выступов, впадин и шероховатостей; ровный. Понять, является ли предмет гладким, мы можем посредством прикосновения к нему. Тактильный опыт сопряжен с опытом визуальным, поскольку тактильные ощущения связываются с визуальным образом. В данную группу можно также отнести метонимическое, а не метафорическое толкование лексемы *грубый*.

3.2. ОСЯЗАНИЕ → ВКУС

*Вкус мягкий, изристый, глубокий и **теплый**, с нотками пряностей.*

Теплый – дающий, источающий тепло. Теплота предмета ощущается только при прикосновении к нему.

В исследованных обзорах наиболее частым источником синестетической метафоры свойств для описания вина, как и для описания коньяка, является область зрения, нередко совмещенная с тактильной перцепцией, тогда как мишенью чаще всего выступает область вкуса. Полученные результаты подтверждают результаты исследования К. Паради и М. Эг-Олофссона на материале английского языка, в которых данный эффект объясняется относительной надежностью каждой модальности восприятия в так называемой «иерархии эвиденциальности» (reliability hierarchy of evidentiality), отражающей оценку говорящими надежности информации, полученной с помощью чувственного восприятия, в процессе коммуникации. Визуальное восприятие благодаря более объективной и устойчивой природе воспринимаемых зрением феноменов окружающего мира позволяет коммуникантам легко договориться о значении конкретных слов и выражений, т.е. обладает более высокой интерсубъектной валидностью. Менее надежными в этом смысле являются слух, осязание, вкус и запах (в такой

последовательности) в силу вариативности их субъективного восприятия разными людьми [42, 43].

Широкое присутствие осязания встраивается в результаты психологических исследований, оперирующих понятием «иерархия перцепции», т.е. наиболее вероятной последовательностью переносов с одной модальности на другую, изначально предложенной С. Ульманном для синестетической метафоры. В настоящее время она чаще всего приводится в следующем виде: осязание < вкус < запах < слух / зрение («touch < taste < smell < sound / sight»; см. [31. Р. 99–101]), что означает, что именно осязание является наиболее частой перцептивной сферой-донором, ср. *мягкий цвет*. Тем не менее с учетом того, что выделенные нами тактильные дескрипторы могут быть оценены и визуально, проведенное исследование может быть интерпретировано в поддержку концепции К. Паради и М. Ээг-Олофссона.

В то же время результаты исследования [4] отчетливо коррелируют с «иерархией перцепции». Для проверки обеих теорий необходимо расширение материала и уточнение, в том числе уточнение методологии в аспекте семантического анализа, особенно с учетом теории моносемичности слов, выражающих перцептивные образы [29; 30; 31. Р. 79–97].

При сравнении метафорического слоя текстов описаний вина и коньяка было выявлено регулярное использование антропоморфных концептуальных метафор, имеющих применительно к вину онтологический характер: метафорические проекции уточняют и структурируют признаки вина, создавая чаще положительную оценку на основании уважения к старости, индивидуальности, приятным внешним и внутренним качествам человека, физическим данным. Данные закономерности справедливы для описаний как вин, так и коньяков.

Образные синестетические метафоры в текстах обзоров используются чаще всего для концептуализации сферы обоняния, что подтверждает ее наименьшую лексическую разработанность. В результате анализа были выявлены значительные зоны пересечения в области как образных синестетических метафор, так и метафор свойств объекта. Различия обусловлены природой описываемых объектов и особенностями дискурса индивидуального автора. Для уточнения результатов данного исследования необходимо составление корпуса обзоров разных лет с привлечением не только книжных, но и журнальных и интернет-источников на русском языке, которые в первом приближении могут быть обработаны в аспекте наиболее частотных коллокаций, как в [3]. Продуктивными также могут стать межъязыковые сравнения с целью оценки соотношения универсального / своеобразного в винном дискурсе на разных языках.

Литература

1. Caballero R. Manner-of-motion verbs in wine description // Journal of Pragmatics. 2007. Vol. 39, № 12. P. 2095–2114.
2. Lehrer A. Wine and conversation. Oxford : Oxford University Press, 2009. 317 с.
3. Paradis C., Eeg-Olofsson M. Describing sensory experience: The genre of wine reviews // Metaphor and Symbol. 2013. Vol. 28, № 1. P. 22–40.

4. Стариченко Н.С. Сенсорные характеристики вина как объект синестетической метафоры в интернет-пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 35–43.
5. Логинова П.Г. Лингвокультурный концепт «вино» и его отражение в языках романской группы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 2. С. 244–250.
6. Логинова П.Г. Лингвокультурный концепт «вино» в языковом сознании французов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 2. С. 31–45.
7. Матвеева Т.М. Внутренняя организация терминосистемы профессиональной дегустации вина (на материале немецкого языка) // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2017. № 2 (27). С. 93–99.
8. Thibodeau P.H., Hendricks R.K., Boroditsky L. How linguistic metaphor scaffolds reasoning // Trends in cognitive sciences. 2017. Vol. 21, № 11. P. 852–863.
9. Ruiz de Mendoza Ibáñez F. J., Perez Hernandez L. The contemporary theory of metaphor: Myths, developments and challenges // Metaphor and symbol. 2011. Vol. 26, № 3. P. 161–185.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
11. Grady J. Metaphor // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford : Oxford UP, 2007. P. 188–213.
12. Lakoff G. Master metaphor list. University of California, 1994. URL: <http://araw.mede.uic.edu/~alansz/metaphor/METAPHORLIST.pdf> (дата обращения: 05.06.2019).
13. Kovecses Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge University Press, 2005. 334 p.
14. Semino E. Metaphor in discourse. Cambridge University Press, 2008. 260 p.
15. Резанова З.И. Картины русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина и др. ; ред. З.И. Резанова. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
16. Антонова Т.Г. Конфликт на Украине «глазами Европы»: метафорическое моделирование образа в британском издании «Гардиан» // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 12–22.
17. Radden G., Kövecses Z. Towards a theory of metonymy // Metonymy in language and thought. 1999. Vol. 4. P. 17–60.
18. Littlemore J. Metonymy. Cambridge University Press, 2015. 258 p.
19. Лурия А.Р. Ощущения и восприятие. М. : Изд-во МГУ, 1975. 112 с.
20. Чибисова Е.А. Функционирование синестетических метафор в рекламном и поэтическом текстах // Изв. СПбГЭУ. 2011. № 6. С. 125–128.
21. Ромашина О.Ю. Специфика объективации синестетических конструкторов в английском языке // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12 (107). С. 139–144.
22. Молодкина Ю.Н. Синестетическая метафора запаха (корпусное исследование) : автореф. дис. канд. филол. наук. Курск, 2010. 20 с.
23. Бардовская А.И. Средства номинации синестетических соощущений (на материале русских и английских художественных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 19 с.
24. Ullmann S. The Principles of Semantics. Glasgow, 1957. 230 p.
25. Бардовская А.И. Цветово-звуковые метафоры русского языка (данные Национального корпуса русского языка) // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 4 (24). С. 37–61.
26. Steen G. et al. A method for linguistic metaphor identification: from MIP to MIPVU. John Benjamins B.V., 2010. 253 p.

27. *Словарь русского языка* : в 4 т. / гл. ред. М.С. Шевелева. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1–4.
28. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Компьютерная версия ABBYY Lingvo x5, 2010.
29. *Paradis C.* Metonymization: Key mechanism in language change // R. Benczes, A. Barcelona, & F. Ruiz de Mendoza Ibáñez. What is metonymy? An attempt at building a consensus view on the delimitation of the notion of metonymy in cognitive linguistics. Amsterdam : John Benjamins, 2011. P. 61–88.
30. *Paradis C.* Where does metonymy stop? Senses, facets and active zones // *Metaphor and Symbol*. 2004. № 19. P. 245–264.
31. *Winter B.* Sensory Linguistics: Language, perception and metaphor. John Benjamins Publishing Company, 2019. 289 p.
32. *Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 455 с.
33. *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought*. Cambridge, 1993. P. 202–251.
34. *Бейлинсон Л.С.* Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2009. № 1. С. 145–149.
35. *Киселев А.Г.* Теория и практика массовой информации: Подготовка и создание медиатекста. СПб. : Питер, 2011. 399 с.
36. *Дуборасова Т.Ю.* Сенсорный анализ пищевых продуктов: Дегустация вин : учеб. пособие. М. : Дашков и К°, 2009. 184 с.
37. *Чеботарева В.Л., Чеботарева С.В.* Вина Испании. М. : Изд-во Жигульского, 2003. С. 125–128.
38. *Мехуэла Н.А.* Вина Грузии. М. : Изд-во Жигульского, 2003. 296 с.
39. *Гусев И.Е.* Коньяк, виски, текила, абсент... Минск : Харвест, 2004. 320 с.
40. *Гендин А.А., Купцов А.В., Сердюк И.А.* Коньяк: практический путеводитель. М. : Изд-во Жигульского, 2001. 240 с.
41. *Spence C.* Multisensory flavor perception // *Cell*. 2015. Vol. 161, № 1. P. 24–35.
42. *Caballero R., Paradis C.* Making sense of sensory perceptions across languages and cultures // *Functions of language*. 2015. Vol. 22, № 1. P. 1–19.
43. *Lievers F.S.* Synaesthesia: A corpus-based study of cross-modal directionality // *Functions of Language*. 2015. Vol. 22, № 1. P. 69–95.

Conceptual Metaphor and Metonymy in Russian Wine and Cognac Reviews

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 113–134. DOI: 10.17223/19986645/61/7

Konstantin S. Shilyaev, Elena A. Shlotgauer, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shilyaevc@gmail.com / lenmad666@gmail.com

Keywords: conceptual metaphor, synesthetic metaphor, synesthetic metonymy, wine discourse, wine, cognac.

The article deals with the use of conceptual metaphor and metonymy in Russian wine and cognac reviews. A review of relevant works in Russian and English reveals that, while there is no lack of interest in the wine language topic, a systematic approach to wine descriptors in Russian from the conceptual metaphor standpoint is not present. The research uses the framework of the conceptual metaphor theory, augmented with the recent approaches to sensory words as either monosemous or synesthetic metonymies. The authors collect and analyze more than 200 professional wine reviews and cognac reviews, paying special attention to the descriptive part, which can range from six to 100 words, most reviews falling in between the 30–50-word range. An array of color, taste and aroma descriptors was extracted from the texts. The descriptors, which are treated as synesthetic conceptual metonymies, were then compared and contrasted in order to discover the specific nature of the influence of the beve-

rage type, as well as to test the hypothesis concerning the dominant principle of synesthetic metaphor mappings: hierarchy of evidentiality vs. hierarchy of perception. The analysis reveals several important points about the Russian language of wine and cognac reviews. The lexical categories for wine and cognac descriptors closely resemble one another and the corresponding descriptor categories in the English language. Among the conceptual spheres which are used metonymically to describe aroma are *fruit, berries, sweets, herbs and spices, flowers, wood, nuts, other beverages and food*. Most categories make frequent use of generic terms, such as *fruity, flowery and woody*. These groups and the majority of the descriptors for aroma coincide with those for taste; however, the use of the word *taste* was much more common for cognac reviews. In general, cognac reviews make greater use of the *herbs and spices* group (*vanilla* being the most common), as well as the descriptors from the *sweets* category and sweet fruit and berries; *flower* and *nut* descriptors were also more common for cognac, which corresponds to the mouthfeel caused by the extracted substances during the maturation process. The adjectives, nouns and phrases metonymically used for talking about wine color fall into the following groups: *metals and minerals, wood, berries and miscellaneous*. Another group of synesthetic adjectives involved transfer from one perceptual modality to another, such as *fine, rough, bright*, and were found to be virtually identical in the description of both beverages. The metaphor ‘wine is human’ plays one of the key roles in the description of both alcoholic beverages. Such well-established wine terms as *elegant, delicate, full-bodied, strong*, among others, were found to be common for both groups of reviews. In sum, the results obtained in Russian wine discourse closely resemble those of other researchers in other languages, both in the quantity and quality of the descriptors and the nature of the synesthetic mappings. Although inclining towards the hierarchy of evidentiality hypothesis, they fail to provide decisive evidence for either of the two competing theories. That said, the results from cognac reviews are completely new and, to our knowledge, have not been explored in the English language.

References

1. Caballero, R. (2007) Manner-of-motion verbs in wine description. *Journal of Pragmatics*. 39 (12). pp. 2095–2114.
2. Lehrer, A. (2009) *Wine and conversation*. Oxford: Oxford University Press.
3. Paradis, C. & Eeg-Olofsson, M. (2013) Describing sensory experience: The genre of wine reviews. *Metaphor and Symbol*. 28 (1). pp. 22–40.
4. Starichenko, N.S. (2017) Sensory characteristics of wine as a subject of synesthetic metaphor in the Internet. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin MSRU. Series: Linguistics*. 4. pp. 35–43. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-35-43
5. Loginova, P.G. (2016) Cultural concept “wine” and its representation in linguistic consciousness of native speakers of Romance languages. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Tver State University Bulletin. Series: Philology*. 2. pp. 244–250. (In Russian).
6. Loginova, P.G. (2016) Perception of Cultural Concept “Wine” in French Evaluational World View. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*. 20 (2). pp. 31–45. (In Russian).
7. Matveeva, T.M. (2017) Vnutrennyaya organizatsiya terminosistemy professional'noy degustatsii vina (na materiale nemetskogo yazyka) [The internal organization of the term system of professional wine tasting (based on German)]. *Professional'nyy proekt: idei, tekhnologii, rezul'taty*. 2 (27). pp. 93–99.
8. Thibodeau, P.H., Hendricks, R.K. & Boroditsky, L. (2017) How linguistic metaphor scaffolds reasoning. *Trends in Cognitive Sciences*. 21 (11). pp. 852–863.
9. Ruiz de Mendoza Ibáñez, F.J. & Perez Hernandez, L. (2011) The contemporary theory of metaphor: Myths, developments and challenges. *Metaphor and Symbol*. 26 (3). pp. 161–185.

10. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metaforý, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
11. Grady, J. (2007) Metaphor. In: Geeraerts, D. & Cuyckens, H. (eds) *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, R. 188–213.
12. Lakoff, G. (1994) *Master metaphor list*. University of California, [Online] Available from: <http://araw.mede.uic.edu/~alansz/metaphor/METAPHORLIST.pdf>. (Accessed: 05.06.2019).
13. Kovecses, Z. (2005) *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Semino, E. (2008) *Metaphor in discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Rezanova, Z.I. et al. (eds) (2011) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian world: Modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S.
16. Antonova, T.G. (2017) Conflict in Ukraine seen by Europe: metaphorical modelling of the image in the British mass medium The Guardian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 12–22. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/419/2
17. Radden, G. & Kövecses, Z. (1999) Towards a theory of metonymy. *Metonymy in Language and Thought*. 4. pp. 17–60.
18. Littlemore, J. (2015) *Metonymy*. Cambridge University Press.
19. Luriya, A.R. (1975) *Oshchushcheniya i vospriyatie* [Sensations and perception]. Moscow: Moscow State University.
20. Chibisova, E.A. (2011) The functioning of synaesthetic metaphors in advertising and poetic texts. *Izvestiya SPbGEU*. 6. pp. 125–128. (In Russian).
21. Romashina, O.Yu. (2011) Synesthetic structures' objectivation in modern English. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki – Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*. 12 (107). pp. 139–144. (In Russian).
22. Molodkina, Yu.N. (2010) *Sinesteticheskaya metafora zapakha (korpusnoe issledovanie)* [Synaesthetic odor metaphor (A corpus study)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kursk.
23. Bardovskaya, A.I. (2005) *Sredstva nominatsii sinesteticheskikh sooshchushcheniy (na materiale russkikh i angliyskikh khudozhestvennykh tekstov)* [Means of nomination of synesthetic messages (based on Russian and English literary texts)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
24. Ullmann, S. (1957) *The Principles of Semantics*. Glasgow: Jackson Basil Blackwell.
25. Bardovskaya, A.I. (2013) Color-sound metaphors in Russian (data of the Russian National Corpus). *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 4 (24). pp. 37–61. (In Russian).
26. Steen, G. et al. (2010) *A method for linguistic metaphor identification: from MIP to MIPVU*. John Benjamins B.V.
27. Sheveleva, M.S. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Rus. yaz.
28. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2010) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Computer version, ABBYY Lingvo x5.
29. Paradis, C. (2011) Metonymization: Key mechanism in language change. In: Benczes, R., Barcelona, A. & Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. *What is metonymy? An attempt at building a consensus view on the delimitation of the notion of metonymy in cognitive linguistics*. Amsterdam: John Benjamins. pp. 61–88.
30. Paradis, C. (2004) Where does metonymy stop? Senses, facets and active zones. *Metaphor and Symbol*. 19. pp. 245–264.
31. Winter, B. (2019) *Sensory Linguistics: Language, perception and metaphor*. John Benjamins Publishing Company.
32. Anan'ev, B.G. (1961) *Psikhologiya chuvstvennogo poznaniya* [Psychology of sensory knowledge]. Leningrad: Leningrad State University.
33. Lakoff, G. (1993) The Contemporary Theory of Metaphor. In: Ortony, A. (ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 202–251.

34. Beylinson, L.S. (2009) Professional discourse as the subject of linguistic investigation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 1. pp. 145–149.
35. Kiselev, A.G. (2011) *Teoriya i praktika massovoy informatsii: Podgotovka i sozдание mediateksta* [Theory and practice of mass information: Preparation and creation of a media text]. St. Petersburg: Piter, 399 s.
36. Duborasova, T.Yu. (2009) *Sensornyy analiz pishchevykh produktov: Degustatsiya vin* [Sensory Analysis of Food: Wine Tasting]. Moscow: Dashkov i K°.
37. Chebotarev, V.L. & Chebotareva, S.V. (2003) *Vina Ispanii* [Wines of Spain]. Moscow: Izd-vo Zhigul'skogo. pp. 125–128.
38. Mekhuzla, N.A. (2003) *Vina Gruzii* [Wines of Georgia]. Moscow: Izd-vo Zhigul'skogo.
39. Gusev, I.E. (2004) *Kon'yak, viski, tekila, absent...* [Cognac, whiskey, tequila, absinthe...]. Minsk: Kharvest.
40. Gendin, A.A., Kuptsov, A.V. & Serdyuk, I.A. (2001) *Kon'yak: prakticheskiy putevoditel'* [Cognac: A practical guide]. Moscow: Izd-vo Zhigul'skogo.
41. Spence, C. (2015) Multisensory flavor perception. *Cell*. 161 (1). pp. 24–35.
42. Caballero, R. & Paradis, C. (2015) Making sense of sensory perceptions across languages and cultures. *Functions of Language*. 22 (1). pp. 1–19.
43. Lievers, F.S. (2015) Synaesthesia: A corpus-based study of cross-modal directionality. *Functions of Language*. 22 (1). pp. 69–95.

УДК 81'33

DOI: 10.17223/19986645/61/8

Ю.А. Эмер, К.А. Акентьева

ЖАНРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ «ПОЗДРАВЛЕНИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Представлены результаты трансформации жанра «поздравление» согласно запросам политического дискурса. Авторы описывают механизмы, при помощи которых ядерный жанр праздничного дискурса подстраивается под принимающий дискурс и становится инструментом для сохранения и укрепления политической власти, что приводит к трансформации цели, композиционной структуры и языкового воплощения жанра.

Ключевые слова: политический дискурс, жанр, праздник.

В современной лингвистике активно обсуждаются вопросы полидискурсивности, или взаимодействия дискурсов в процессе коммуникации, особенности функционирования отдельных жанров в принимающих дискурсах. Так, описаны особенности функционирования научного и образовательного дискурсов в медиадискурсе (Е.Н. Вершинина [1]), взаимодействие популярного, научного и рекламного дискурсов (Е.А. Костяшина [2]), функционирование фольклорных жанров в праздничном дискурсе (Ю.А. Эмер [3]). Есть ряд работ, посвященных описанию жанра «поздравление» в политическом дискурсе. В центре внимания исследователей находятся композиционно-тематическая организация жанра (В.В. Кашпур [4]) и речевые стратегии, тактики и приемы (А.В. Колегаева, М. Бедь [5]).

Цель данной статьи – описать жанровую трансформацию «поздравления» согласно запросам политического дискурса. Материалом исследования стали 130 текстов поздравлений политиков с 2002 по 2017 г. из личных архивов авторов.

Праздник, как общественный институт, отражают социокультурную, общественно-политическую ситуацию, фиксирует ценностные приоритеты общества. Он востребован институтом политики, поскольку выполняет ряд важных функций, основными из которых являются следующие:

1. Праздник противопоставлен монотонным, умеренным, однообразным будням, моделируя идеальную, гармоничную праздничную картину мира. Он «разрушает» повседневность с ее правилами, иерархически закрепленными социальными отношениями, позволяя человеку выйти из привычного режима, испытать эмоционально-психологический подъем, восполнить недостаток впечатлений¹. Атмосфера свободы от принятых норм, социаль-

¹ Необходимость санкционировать праздники не раз подчеркивалась в трудах мыслителей. Так, Конфуций считал, что правителям необходимо устраивать праздники, по-

ного контроля способствует активному общению, которое отсутствует в будничной жизни.

2. Праздник транслирует и закрепляет значимые для общества ценности, является аксиологическим индикатором, оценивающим степень оправданности, целесообразности человеческой деятельности [7]. Сам факт сакрализации, формы празднования аксиологически нагружены.

3. Праздник выступает способом темпорализации культуры, он определяет «исчисление, понимание и ощущение времени людьми одной культурной традиции, противодействует тенденции времени к линейности и необратимости...» [Там же. С. 10]. Праздничный календарь упорядочивает жизнь социума и отдельного человека, выделяя важные, идеологически аксиологически нагруженные события (см. подробнее [8]).

4. Праздник является способом коммуникации. Он, как форма социальной памяти, осуществляет связь между прошлым и будущим, моделируя событие, демонстрируя определенный взгляд социума / власти, транслируя отношение к нему последующим поколениям в символично-ритуальной форме, в том числе и текстовой.

Таким образом, перечисленные функции праздника оказываются востребованными институтом власти для конструирования, поддержания идентичности социума, легитимации государственного строя, моделирования будущего. В данном случае праздник выступает одним из основных инструментов государственной политики, который позволяет смоделировать институционально «нормативную» картину мира: «...праздник отбирает необходимые современные ценности и, проецируя их на прошлое, воспроизводит на этой основе необходимую цепь исторических событий, легитимируя тем самым режим» [9. С. 54].

Нарратив праздника получает воплощение в невербальных и вербальных практиках, имеющих разножанровую форму: интервью, комментарии, поздравление, открытки и др.

Ядерным жанром праздничного дискурса является «поздравление», он относится к ритуальным, этикетным жанрам и обслуживает коммуникативную ситуацию поздравления. Реализуя интенции праздничного дискурса, жанр нацелен на моделирование идеальной гармоничной картины мира, создание эмоционально приподнятого настроения у адресата. Ведущий признак жанра – интенциональный аспект «поздравить». Этикетные нормы и ритуальность жанра обуславливают стандартизированную структуру поздравления: обращение, поздравление, пожелание. Содержание поздравления обусловлено социокультурными традициями данной социальной группы, этикетными нормами, личностными особенностями говорящего.

В силу вышеназванных особенностей жанр «поздравления» оказывается востребованным разными дискурсами, в первую очередь политическим. Основной причиной, на наш взгляд, является общность некоторых устано-

сколько «нельзя держать лук постоянно натянутым, не расслабляя его [время от времени], как и нельзя держать постоянно расслабленным, не натягивая его» [6. С. 41–42].

вок праздничного и политического дискурса: моделирование идеальной картины мира, отражающей ценностные установки социума.

При функционировании «поздравления» в политическом дискурсе жанр трансформируется и подстраивается под запросы «принимающего» дискурса, соответственно, мы можем говорить о «политическом поздравлении», адресантом которого является политик, реализующий свои политические задачи в рамках периферийного для политического дискурса жанре «поздравление». Политический дискурс оказывается мотиватором изменений коммуникативной цели поздравления, композиционной структуры жанра и используемых в нем языковых средств. «Поздравление», функционирующее в политическом дискурсе, становится одним из инструментов перераспределения, стабилизации, сохранения или овладения политической властью. Таким образом, данный жанр в политическом дискурсе, прежде всего, направлен на трансляцию программы политика/партии. При этом каждый из адресантов апеллирует к ценностным установкам, заложенным в том или ином празднике. Так, в текстах, посвященных Дню Победы, вне зависимости от принадлежности адресанта к политической партии отмечаются мужество, доблесть, сила духа ветеранов, значимость усилий воевавших:

1. *Уважаемые ветераны и жители Ульяновской области! Примите самые сердечные поздравления с Днем Великой Победы! 9 мая по праву относится к самым ярким, величественным и торжественным страницам истории нашего государства. Безгранична наша благодарность тем, кто жизнью своей заплатил за мир, свободу и независимость Родины, кто вынес на плечах все тяготы военной поры в тылу, проявил беспримерное мужество и героизм. Низкий поклон победителям, с честью выполнившим долг перед Отечеством, перед народом и историей. В этот светлый праздник Ульяновское РО ЛДПР желает всем доброго здоровья, долгой и спокойной жизни, любви и внимания близких людей. С праздником Великой Победы! (ЛДПР)*

2. *Дорогие соотечественники! Мои товарищи и друзья! Поздравляю Вас с праздником Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Труден был путь наших отцов и дедов. Но они верили в победу с первого до последнего дня войны – даже тогда, когда надежда, казалось, иссякала. На руинах Брестской крепости, в блокадном Ленинграде, в осажденном Севастополе, в снегах Подмоскovie, в степях под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге они были тверды в своем стремлении разгромить врага. <...> Наша Победа и сегодня не дает спокойно спать тем, кто снова претендует на мировое господство. Они боятся ее, и, говоря словами Лермонтова, «не могут щадить нашей славы». А потому святая обязанность каждого из нас – защитить память о Великой Отечественной. В едином строю «Бессмертного полка» мы встанем на пути русофобии и антисоветизма. Мы не отдадим память о мае 1945-го! Успехов, здоровья и благополучия Вам, дорогие ветераны и дети войны! (КПРФ)*

В обоих текстах адресанты, являющиеся представителями разных политических партий (ЛДПР и КПРФ), используют поздравление как инструмент для общения с электоратом и трансляции своей политической программы, тем самым демонстрируя свою институциональную позицию. Так, в первом тексте автор озвучивает наименование регионального отделения партии (*Ульяновское РО ЛДПР*), а во втором – политическую идеологию партии, ее установки, ориентированность на национальную память (*защитить память о Великой Отечественной, мы встанем на пути русофобии и антисоветизма, мы не отдадим память о мае 1945-го*).

При этом оба автора, независимо от принадлежности к той или иной политической партии, не могут не учитывать ценностные установки, которые задает праздник, в рамках которого реализуется ситуация общения с электоратом. В обоих текстах представлена апелляция к праздничной идее Дня Победы, к идеологии данного праздника. Адресанты используют клишированные выражения (*свобода и независимость Родины, вынес все тяготы военной поры, верили в победу с первого до последнего дня войны и др.*), идеализируют образ советских солдат-победителей (*верили, героизм, мужество, победителям, с честью, были тверды и др.*), чтобы подчеркнуть ценность самого факта победы, значимость усилий солдат, воевавших ради независимости Родины.

Функционирование поздравления в политическом дискурсе, выполнение жанром «задач» политического дискурса приводит к трансформации цели речевого жанра. Если коммуникативная цель «поздравления» как ядерного жанра праздничного дискурса – это усиление положительного эмоционального состояния, в котором находится адресат, то цель политического поздравления – продвижение, актуализация некоторой идеи автора-политика для привлечения сторонников, сохранения власти, пропаганды взглядов и программы партии или самого автора, что отвечает задачам политического дискурса. При этом «первичная» цель поздравления становится второстепенной:

1. *Дорогая Олечка! Поздравляю тебя с нашим праздником! Девочковых радостей, красоты, настроения, тихого женского счастья (из личной коллекции авторов, 2011 г.).*

2. *Дорогие женщины! Любимые матери, жены, сестры и дочери! Примите самые искренние поздравления с замечательным весенним праздником – Международным женским днем! Вы всегда были и останетесь символом жизни на земле, красоты и очарования, источником вдохновения. Мужчины всего мира не устанут поклоняться вам. Вы – основа крепкой и дружной семьи. Вы вдохновляете нас на созидание, поддерживаете в трудные минуты, вселяете уверенность, делаете жизнь возвышеннее, спокойнее, добрее и счастливее. Применительно ко дню сегодняшнему, можно смело утверждать: единственное, что не подвластно кризису, – это ваши очарование, выдержка, умение стойко переносить жизненные невзгоды, ваши понимание и мудрость, ваше умение любить. В последние годы органами государственной власти страны и области сделано многое*

для поддержки женщин-матерей. Увеличиваются размеры пособий и выплат по рождению и воспитанию детей. Заработал «материнский капитал». Мы видим, как улучшается демографическая ситуация в Томской области, год от года растет уровень рождаемости... От всей души желаем вам и вашим близким счастья, благополучия, здоровья! Пусть любовь и верность украшают вашу жизнь, пусть в ней будет как можно больше светлых дней! Губернатор Томской области Виктор Кресс. Председатель Государственной Думы Томской области Борис Мальцев (из личной коллекции авторов, 2009 г.).

В первом тексте преобладает фатическая функция. Основная задача автора поздравления – поддержать контакт с адресатом, создать у него эмоционально-приподнятое настроение. Употребление лексемы *дорогая*, диминутивов *Олечка*, *девочковых* помогает адресанту отразить расположение к адресату, подчеркнуть доверительность сложившихся между ними отношений. Лексемы *радости*, *счастье*, *красота*, *настроение* используются, с одной стороны, как «обязательные» для данного этикетного жанра. С другой – сочетание *девочковых*, *тихого женского* с клишированными лексемами позволяет автору передать личностное отношение к адресату, смоделировать гармоничную картину мира, характерную для жанра, и создать праздничную атмосферу.

Второй текст, созданный по канонам поздравления, в первую очередь направлен на информирование адресата о текущей деятельности власти: *увеличиваются размеры пособий и выплат, заработал «материнский капитал», улучшается демографическая ситуация*. Использование глаголов с семантикой роста, динамики действия способствует отражению активной, деятельностной позиции политиков в отношении адресата. При этом наличие типичных для жанра «поздравление» обращений, характеризующих адресата (*дорогие женщины, любимые матери, жены, сестры, дочери*), оценка адресата (*символом жизни на земле, красоты и очарования, источником вдохновения*), а также лексем *счастья, благополучия, здоровья* и др., определяющих общечеловеческие ценности, позволяет адресанту сохранить первоначальные установки жанра «поздравление» – создание эмоционально положительного настроения.

Жанр «поздравление» имеет стандартизированную структуру: обращение, поздравление, пожелание, при этом «упаковка» политической важной информации в этикетную форму приводит не только к трансформации цели, но и к изменению структуры: появляется информационная часть о деятельности политика.

В традиционном поздравлении наличие «обращения» вариативно, что обусловлено коммуникативной ситуацией, характером взаимоотношений адресата и адресанта, каналом коммуникации и т.д. В политическом поздравлении обращение выполняет фатическую функцию и его наличие обязательно, так как в этой композиционной части обозначается адресат поздравления и его институциональная позиция.

Выбирая номинацию для адресата, политик руководствуется как минимум двумя условиями: идеологическими установками праздника и соб-

ственными политическими задачами. Праздничная идея определяет адресата, «ограничивает» целевую аудиторию поздравления, например: 8 марта – женщины, 4 ноября – соотечественники, День Победы – участники Великой Отечественной войны и т.д. Затем, учитывая праздничные ценностные установки, политик выбирает обращение из доступного спектра номинаций в соответствии с собственными задачами, чтобы указать место адресата в гармоничной картине мира, моделируемой автором, например: 8 марта – *женщины, матери, коллеги* и т.д.; 4 ноября – *соотечественники, друзья и т.д.*; День Победы – *ветераны, труженики тыла, земляки, друзья и т.д.* При этом в зависимости от праздничной установки и решаемых политических задач автор может либо подчеркнуть институциональную позицию (*граждане, россияне* и др.) при обращении к патриотическим чувствам адресата, либо перевести коммуникативную ситуацию в межличностное общение (*друзья*), чтобы продемонстрировать единство с электоратом, уменьшить дистанцию между ним и адресатом.

Так, идеологическая установка официального праздника Дня народного единства, находящегося на стадии становления (нет связи между историческим событием и установками современного человека, незакрепленность идеи, несформированность ритуала, символики и атрибутов празднования) определяется как объединение российского народа. Задача политиков – «продвинуть» праздничную идею нового праздника и закрепить ее в сознании россиян, в связи с чем в поздравлениях активно используются лексические единицы с семей «единый» – *россияне, соотечественники, земляки*. В некоторых случаях авторы используют обращение *друзья*, тем самым снимая институциональность общения и создавая эффект межличностных отношений с электоратом.

23 февраля является гендерно обусловленным праздником, его идеология с течением времени претерпела ряд изменений: от Дня Красной Армии до «мужского» праздника. Сейчас идея праздника состоит в том, чтобы подчеркнуть мужское начало, которое в российской культуре преимущественно было связано с принадлежностью к военному сословию. В связи с тем, что сегодня праздничная идея 23 февраля довольно расплывчата, политик с большей свободой может выбирать номинации. Так, он может подчеркнуть институциональный статус адресата, указав на его место в моделируемой гармоничной картине мира и сделав поздравление более «адресным» – *военнослужащие, ветераны*, может подчеркнуть важность региональной принадлежности адресата – *якутяне* или межличностного общения – *друзья*.

Обращения в политических поздравлениях, как правило, употребляются вместе с ограниченным числом оценочных прилагательных – *дорогие* и *уважаемые*. Используя прилагательное *уважаемые*, политик выбирает дистанцированную институциональную позицию, он идеализирует адресата и его заслуги, демонстрирует уважение к адресату и определяет его место в моделируемой картине мира. Прилагательное *дорогие*, напротив, позволяет уменьшить дистанцию между адресантом и адресатом, апеллирует

в первую очередь к эмоциональной сфере адресата, помогает подчеркнуть ценность адресата и продемонстрировать отношение к нему.

Добавим, что разнообразие используемых политиком оценочных прилагательных наблюдается в поздравлениях с Международным днем 8 Марта. Образ женщины занимает особое место в связи с праздничной идеологией и актуализируемыми ценностными установками, характерными для российского общества, — это актуализация женского начала, которое наиболее ярко выражено в образах матери и хранительницы домашнего очага. В связи с этим помимо прилагательных *уважаемые* и *дорогие* авторы используют лексемы *любимые*, *милые*, *славные* и др., что позволяет по-иному выстроить институциональность общения, акцентируя внимание на «нужных» обществу чертах адресата.

Как в традиционном поздравлении, так и в политическом наличие композиционной части «поздравление» обязательно, поскольку именно интенциональный аспект «поздравить» является ведущим признаком рассматриваемого жанра. В ней обозначается наименование праздника, что актуализирует для адресата праздничную идею, характерные для нее ценности и культурный код, при этом автор стремится перевести институциональную ситуацию общения в межличностную, используя единицы *искренне*, *сердечно*, *от души*. Так, текст *«Искренне поздравляю вас с наступающим Новым 2015 годом»* способствует актуализации идеи о переходе от старого к новому, смене жизненного цикла, его общенациональном характере, а также культурных атрибутов (елка, куранты, шампанское, фейерверки и т.д.). При этом именование праздника задает рамку тексту поздравления, праздничная идея становится критерием для выбора фактов в последующей информационной части, а также ценностей, транслируемых в пожелании.

Праздничная идея может быть подробно раскрыта в следующей после наименования праздника его характеристике. Это позволяет еще ярче акцентировать внимание адресата на праздничной идее, а также ассоциируемых с ней ценностях, значимых для данного общества. При этом автор-политик имеет возможность расставить акценты в соответствии с собственными целями и задачами, выбрать факты, помогающие ему продемонстрировать результаты своей деятельности.

Для каждого из нас новогодний праздник ценен, прежде всего, радостью общения с близкими людьми, возможностью выразить им наши теплые чувства.

В данном тексте автор обращается к значимым для адресата ценностям и к привычному алгоритму празднования (*общения с близкими людьми, выразить им наши теплые чувства*), он подчеркивает «семейный характер» праздника (*близкие люди*), а также использует лексемы с положительной окраской (*радость, общение, близкие и т.д.*). Это позволяет автору создавать эмоционально положительный настрой у адресата, а также «маскировать» политические цели, упаковывая их в этикетный жанр.

При раскрытии идеи праздника автор часто идеализирует адресата, что, как правило, характерно для праздников — 8 Марта, 23 февраля и др., име-

ющих сегментированного адресата. Автор четко определяет объект поздравления и идеализирует его в соответствии с социокультурными стереотипами данного социума (мужчина – храбрый защитник, женщина – заботливая мать и т.д.), однако в связи с политическими целями и задачами может выбрать, какой образ он будет формировать в сознании адресата: женщина – домохозяйка, мать, коллега; мужчина – военнослужащий, земляк, друг и др. Тем самым адресант поддерживает контакт с электоратом, формирует в сознании адресатов гармоничную картину мира с указанием их положения, присущих им характеристик и функций. *Этот праздник, овеянный мужеством и доблестью российского воинства, объединяет все поколения россиян. В этот день мы чтим тех, кто стоит на страже интересов государства, мирной жизни граждан, безопасности нашей Родины. С чувством глубокой признательности и уважения обращаемся к ветеранам-фронтовикам, испытавшим все тяготы военных невзгод и до конца оставшихся верными присяге и воинскому долгу. Священные традиции защитников Отечества достойно продолжает нынешнее поколение воинов России.*

23 февраля – это праздник с четко определенной целевой аудиторией – военнослужащие / мужчины. Идея праздника состоит в актуализации мужского начала, которое в российской культуре, как правило, ассоциируется с военными. Автор-политик «рисует» перед адресатом свое видение идеальной картины мира, учитывая праздничную идею, роль мужчин в обществе, их заслуги и демонстрирует свои политические взгляды, мнение о службе в российской армии, важность преемственности (*ветераны-фронтовики служили и нынешнее поколение служит*). Идеализированный образ мужчины-военного, защищающего Родину, создается за счет использования лексем, связанных с ценностями, принятыми в данном обществе по отношению к образу мужчины (*мужеством, доблестью, чтим, глубокой признательности, уважения, священные традиции*), клишированных выражений (*доблесть российского воинства, на страже, безопасность Родины* и др.), позитивных характеристик адресата (*ветеранам-фронтовикам, защитников Отечества, поколение воинов*), заслуг и достижений военнослужащих (*на страже интересов государства, мирной жизни, безопасности Родины, тяготы военных невзгод, верными присяге и долгу*).

Интересно, что поздравительная текстовая часть может быть расположена как после обращения, так и в конце текста. Таким образом создается кольцевая композиция, которая обеспечивает возвращение внимания адресата к праздничной идее, ценностям и установкам и позволяет воспринимать текст именно как поздравление, «маскируя» решаемые автором политические задачи.

Как мы отмечали выше, для политического поздравления характерно наличие «информационной части», она появляется в связи с тем, что автор, используя этикетный жанр, стремится реализовать политические цели и задачи, что приводит к изменению структуры поздравления. Именно в этой части адресант предстает как активный деятель, творец, который работает над созданием «идеального мира» для электората.

В информационной части автор выражает свои установки через озвученный тезис политической программы адресату, усилия которого направлены на заботу об электорате и создание комфортных условий жизни, что обуславливает использование лексем, характерных для политического дискурса (*экономическая ситуация, бюджет, геополитика*). При этом актуальную повестку для тезиса политик отбирает, исходя из праздничной идеи: 8 Марта – забота о благополучии женщин (*чтобы вы, дорогие женщины, чувствовали поддержку и уверенно смотрели в завтрашний день*); Новый год – подведение итогов прошедшего года (*а пока мне хотелось бы сказать несколько слов об основных событиях года уходящего. 2010-й оказался для жителей республики во многом не рядовым*); 23 февраля – подчеркивание мужественности мужчин, создание образа мужчины-воина и защитника (*в сегодняшнем мире стране нужна сильная боеспособная армия*) и т.д. Затем автор «расшифровывает» политический тезис следующими способами:

1. Политический тезис и последующая его интерпретация через апелляцию к общечеловеческим ценностям. В данном случае цели политического дискурса и этикетного жанра – моделирование гармоничной картины мира – совпадают. Жанр, задавая рамки моделирования позитивного эмоционального отношения, позволяет автору использовать характерные для поздравления лексемы как политически нагруженные, что направлено на решение политических задач. Так, традиционное пожелание успеха, здоровья, счастья, благополучия используется адресантом для характеристики собственной деятельности. Идеальная картина мира, формирующаяся в праздничном дискурсе, превращается в политически актуальную. При этом такие глаголы активного действия, как «создать», «реализовать» и др., указывают на «рукотворность» создания гармоничной картины мира, активную позицию адресата: *Главное – создать людям условия для хорошей и комфортной жизни. Чтобы был достаток в семье, были здоровы родные и близкие, успешно шли дела у друзей и коллег. Счастье детей и внуков украшает нашу жизнь, дарит спокойствие и уверенность в будущем. Согласитесь – ради этого стоит напряженно работать!* (глава Республики Башкортостан Рустэм Хамитов, 2014 год, поздравление с Новым годом).

В данном тексте представлен один из тезисов политической программы Р. Хамитова – создание условий для хорошей и комфортной жизни для жителей региона, которые являются адресатом поздравления и электоратом политика. Политик расшифровывает тезис через эмоционально близкие адресату концепты, создавая текстовую иллюзию конкретики и активной деятельности. Апелляция к традиционным общечеловеческим ценностям, к эмоциям адресата, к знакомым и понятным им ситуациям позволяет скрыть политические намерения автора, его институциональную позицию и получить эффект межличностной коммуникации.

Приоритетность политической задачи автор подчеркивает при помощи прилагательного с семей «самый важный, основной, центральный» – *глав-*

ное. Лексемы *хорошей* и *комфортной* демонстрируют итоговую цель политической программы автора. При этом глагол активного действия *создать* подчеркивает главенствующую деятельностную позицию политика в реализации «хорошей и комфортной жизни» адресата, указывает на то, что формирование гармоничной картины мира происходит с его непосредственным участием. Последующее перечисление общечеловеческих потребностей и желаний (*достаток, здоровы, успешно, счастье, спокойствие, уверенность*), близких адресату групп (*семья, родные и близкие, друзья и коллеги, дети и внуки*), клишированные выражения (*уверенность у будущем, достаток в семье и т.д.*) поясняет понимание автором *хорошей и комфортной жизни*, заложенное в его политической программе. При этом данные средства успешно «маскируют» политический посыл текста, способствуют созданию и поддержанию эмоционально-приподнятого настроения адресата и, как следствие, формируют гармоничную картину мира.

Лексема *согласитесь* выступает как призыв автора электората к диалогу, возвращая политическое звучание поздравлению, а также способствует реализации фатической, контактоподдерживающей функций.

2. Политический тезис и его разъяснение через примеры деятельности политика по улучшению жизни общества. В данном случае для информационной части характерны презентация достижений адресанта, акцент на его активной деятельности по воплощению в жизнь гармоничной, идеальной для данного социума картины мира, которая смоделирована в сознании электората. Автор отбирает коррелирующие с праздничной идеей факты и результаты своей деятельности, ориентируясь на характерные для данного праздника ценностные установки, и демонстрирует, что его эффективная и действенная работа на данной должности позволила достигнуть высоких результатов, обеспечить экономическое и социальное развитие, создать благополучные условия жизни в регионе. Политик становится «демиургом», который создает идеальное, комфортное будущее.

При этом презентация деятельности автора по большей части характерна для поздравлений с Новым годом, когда политики, по аналогии с президентским обращением, подводят итоги уходящего года (*за год в республике родилось более 55 тысяч ребятишек, экономика начала динамично развиваться и работать на нужды людей, наши закрома – полны, а у бюджета нет дефицита* и т.д.) и разъясняют планы на будущий (*мы будем создавать и укреплять достигнутые результаты* и т.д.). Однако адресанты могут использовать эту стратегию и при поздравлении с другими праздниками (8 Марта, 23 февраля и т.д.). Политик выбирает конкретную задачу, которая была решена и соответствует праздничной идее. Так, для 23 февраля характерен тезис о развитии патриотизма и сохранении спокойствия граждан: *патриотизм, уважение к героическому прошлому и культуре своего народа, гордость за свою Родину стали приоритетными направлениями и в деле воспитания молодого поколения*, он разъясняется через конкретные примеры деятельности политика по реализации данной задачи: *В Республике Саха (Якутия) насчитывается более трехсот детских и молодеж-*

ных военно-патриотических клубов. Они работают в тесном взаимодействии с воинскими частями и ветеранами, военкоматами и органами внутренних дел.

Как правило, данный способ характерен для новогодних поздравлений. Например, *подводя итоги уходящего года, мы можем уверенно сказать, что, несмотря на сложную экономическую ситуацию, принимаемые меры позволили сохранить устойчивые темпы динамического роста всех сфер жизнедеятельности республики.*

Одним из основных наших достижений, безусловно, является снижение уровня безработицы. За счет эффективного использования бюджетных средств и активного привлечения инвестиций нам удалось за год более чем на 30 тысяч человек сократить численность безработных (Рамзан Кадыров, президент Чеченской Республики, поздравление с Новым годом, 2017 год).

Данный текст выстроен по аналогии с новогодними обращениями президента России, основные идеи связаны с подведением итогов уходящего года, трансляцией планов на будущий год.

Автор активно использует общеполитическую лексику – *принимаемые меры позволили сохранить устойчивые темпы динамического роста всех сфер жизнедеятельности республики.* Выстраивая позитивную картину мира, он доказывает ключевой тезис на конкретном примере – это снижение уровня безработицы. Автор использует политические клише (*эффективное использование, бюджетные средства, активное привлечение, инвестиции и др.*) и подкрепляет свои аргументы статистическими данными, чтобы убедить адресата, вызвать доверие к своим словам, что является одной из речевых стратегий политического дискурса.

Активное использование политиком местоимения *мы* позволяет, с одной стороны, снять дистанцию между адресантом и адресатом, с другой – подчеркнуть командный характер работы, позиционируя себя как лидера новой формации, создающего в регионе комфортную для адресата обстановку. По отношению к его достижениям используются лексемы с положительной коннотацией: *устойчивые темпы, динамический рост, основных достижений, эффективного, активного привлечения и т.д.*

Отметим, что *безработица* и *безработный* – это лексемы с отрицательной коннотацией, однако для их нейтрализации автор использует единицы *снижение* и *сократить*, что придает выражению позитивную окраску и позволяет продемонстрировать эффективность работы автора как политика.

Политический тезис может расшифровываться как через трансляцию автором общечеловеческих ценностей, так и через иллюстрацию его достижений, при этом политик может использовать обе эти стратегии в рамках одного поздравления. По большей части это характерно для новогодних поздравлений, когда автор подводит итоги уходящего года, демонстрируя свои достижения, подчеркивает заслуги адресата, акцентируя внимание на общей работе, а также обращается к общечеловеческим ценностям, моделируя идеализированную картину мира. Автор становится ее творцом, он воплощает ее в жизнь и подчеркивает, что это происходит

благодаря его институциональной позиции. При этом обращение к ценностям адресата, его эмоциональному настрою и жизненному опыту помогает снизить политический пафос, показать автора как «политика с человеческим лицом», оставаясь в рамках этикетного жанра.

Пожелание – обязательная часть как для традиционного поздравления, так и для политического, поскольку интенция «пожелать» является одним из признаков этикетного жанра «поздравление». Оно расположено после композиционной части поздравления в традиционном тексте и после информационной части в политическом, что позволяет политику вернуться в рамки этикетного жанра, отойти от институциональной позиции и привнести эмоциональный аспект в общение. Пожелание обусловлено праздничной идеей (*чтобы всегда видеть улыбки на устах наших женщин; желаю вам мирного неба над головой и т.д.*) и характерными для данного социума ценностями (*я хочу пожелать вам здоровья, счастья, успехов, любви*).

В пожелании традиционного поздравления используются лексические единицы, именующие общечеловеческие ценности (*счастье, здоровье, любовь, благополучие и т.д.*), единицы, характерные для идеализации адресата (*прекрасная мать, мужественный воин и т.д.*) и описывающие праздничную идею (8 Марта – мать, домохозяйка, 23 февраля – благородный мужчина-военнослужащий, Новый год – начало нового временного отрезка, жизнь «с чистого листа» и т.д.). В политическом пожелании данные черты, позволяющие «нарисовать» идеальную, гармоничную картину мира, сохраняются, однако автор, решая свои задачи, может актуализировать в пожелании свои политические тезисы: *семья – главная ценность, поддержка женщин, успехов в труде* и т.д. Все это позволяет политику продемонстрировать свое видение идеального мира через представления о гармоничном мире у данного социума.

Таким образом, поздравление, функционируя в политическом дискурсе, с одной стороны, подстраивается под принимающий дискурс и становится инструментом для решения политических задач, что приводит к трансформации цели, композиционной структуры и языкового воплощения жанра поздравления. С другой стороны, жанр сохраняет свои особенности, и праздничная идея становится критерием для выбора диктумной информации и языковых средств в политическом поздравлении.

Литература

1. Вершинина Е.Н. Когнитивно-дискурсивная репрезентация имиджа вуза в специализированном периодическом издании : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 238 с.
2. Костяшина Е.А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 233 с.
3. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: Когниции и дискурсы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.
4. Каипур В.В. Жанр «поздравление» в русском политическом дискурсе: к проблеме лингвокогнитивного моделирования // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 11–14.

5. Колегаева А.В., Бедь М. Функционирование речевого жанра «поздравление» в политическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 2 (34). С. 140–143.

6. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989. 272 с.

7. Гужова И.В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 18 с.

8. Щербинин А.И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия политического времени в России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2(3). С. 52–69.

9. Щербинин А.И. Политический праздник: концепт и коммуникация // Политическая концептология. 2014. № 3. С. 45–59.

Genre Transformation of “Congratulation” in Political Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/61/8

Yulia A. Emer, Ksenia A. Akenteva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: julika71@mail.ru / akenteva_ksenia@mail.ru

Keywords: discourse, political discourse, genre, festival.

The article presents the results of the genre transformation of the nuclear genre of festive discourse “congratulation” according to the requests of political discourse. The study material was 130 texts of congratulations of politicians (New Year, March 8, May 9, February 23, and others) from 2002 to 2017 from the personal archives of the authors. “Congratulation” is a nuclear genre of festive discourse. It belongs to ritual, etiquette genres and serves the communicative situation of congratulations. Realizing the intentions of festive discourse, the genre is aimed at modeling a perfect harmonious picture of the world, reflecting the values of society, and, in connection with this, “congratulation” turns out to be a popular political discourse. It is revealed that the functioning of congratulations in political discourse leads to the fact that the genre of “congratulation” adapts to the receiving discourse and becomes an instrument for solving the author’s political tasks, preserving and strengthening his or her political power. In this regard, the authors talk about a political congratulation, the addresser of which is a politician who realizes his or her tasks within “congratulation”, the genre peripheral for political discourse. First of all, this leads to the transformation of the purpose of the genre. Thus, the “primary” purpose of the traditional congratulation – the intensification of the positive emotional state of the addressee – becomes secondary. The promotion, actualization of some ideas of the author-politician to attract supporters, maintain power, propagate the views and the program of the party or the author, which meets the objectives of political discourse, comes to the fore. The functioning of “congratulations” in political discourse also leads to a transformation of the structure of the genre. The etiquette norms and the ritual of the genre determine the standardized structure of “congratulations”: address, congratulations, wishes. In political congratulations, an informational part about the activities of the politician appears, in which the politician is presented as an active figure, a demiurge of the “ideal world” for the electorate. This compositional part appears due to the fact that the author, using the etiquette genre, seeks to realize his or her own political aims and objectives. The article also demonstrates that, despite the transformation of “congratulations” in accordance with the demands of political discourse, the considered etiquette genre retains its own characteristics, and it is the festive idea that becomes the criterion for choosing dictum information and language means in each compositional part of political congratulation.

References

1. Vershinina, E.N. (2015) *Kognitivno-diskursivnaya reprezentatsiya imidzha vuza v spetsializirovannom periodicheskom izdanii* [Cognitive-discursive representation of the image of the university in a specialized periodical]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
2. Kostyashina, E.A. (2009) *Diskursivnoe vzaimodeystvie v tekstovom prostranstve nauchno-populyarnogo meditsinskogo zhurnala* [Discursive interaction in the text space of a popular science medical journal]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesennyy fol'klor: Kognitsii i diskursy* [Contemporary Song Folklore: Cognition and Discourse]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Kashpur, V.V. (2007) Zhanr "pozdravlenie" v russkom politicheskom diskurse: k probleme lingvokognitivnogo modelirovaniya [The "congratulation" genre in Russian political discourse: on the problem of linguocognitive modeling]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 11–14.
5. Kolegaeva, A.V. & Bed', M. (2008) Funktsionirovanie rechevogo zhanra "pozdravlenie" v politicheskom diskurse [The functioning of the speech genre "congratulation" in political discourse]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kemerovo State University*. 2 (34). pp. 140–143.
6. Abaev, N.V. (1989) *Chan'-buddizm i kul'turno-psikhologicheskie traditsii v srednevekovom Kitae* [Chan Buddhism and cultural-psychological traditions in medieval China]. Novosibirsk: Nauka.
7. Guzhova, I.V. (2006) *Prazdnik kak fenomen kul'tury v kontekste tselostnogo podkhoda* [Holiday as a cultural phenomenon in the context of a holistic approach]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
8. Shcherbinin, A.I. (2008) "Red-Letter-Day" as forming of matrix of political time perception in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(3). pp. 52–69. (In Russian).
9. Shcherbinin, A.I. (2014) Political holiday: concept and communication. *Politicheskaya kontseptologiya – Political Conceptology*. 3. pp. 45–59. (In Russian).

УДК 81'37, 81'38

DOI: 10.17223/19986645/61/9

Е.А. Юрина, Ж.Г. Темирова

КОНЦЕПТ «ЧЕСТЬ» И ЕГО ОБРАЗНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В КОНТАМИНИРОВАННОЙ КАРТИНЕ МИРА ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Р. СЕЙСЕНБАЕВА «ЧЕСТЬ»)*

Рассматривается концепт «Честь» как элемент русской языковой картины мира и ключевое понятие художественной контаминированной картины мира на примере рассказа «Честь» (1968) казахского писателя-билингва Роллана Сейсенбаева. Выявляются понятийная и образная составляющие художественного концепта «Честь», реализованные в повествовательной структуре рассказа. Моделируется система ключевых смыслов и типовых образных представлений, составляющих понятийный, образный и аксиологический слои анализируемого концепта в русской языковой и контаминированной (казахско-русской) художественной картинах мира.

Ключевые слова: концепт «Честь», концептосфера, образность, аксиология, языковая картина мира, контаминированная художественная картина мира, билингвизм.

Введение

В коммуникативном пространстве современного глобального мира повышается ценность полиязычной личности говорящего, что усиливает научный интерес к исследованию феномена билингвизма [1–3]. В этом контексте активно изучаются казахско-русский и русско-казахский билингвизм ([4, 5] и др.), а также особенности словесного художественного творчества казахских писателей-билингвов: рассматривается влияние двуязычия на формирование художественной картины мира, выявляется система концептов и образов, реконструирующих концептосферу казахского этноса ([6–9] и др.). Одним из ярких представителей современной казахской литературы является прозаик и драматург Роллан Сейсенбаев (1946 г.р.), одинаково талантливо пишущий как на казахском, так и на русском языке. Произведения Р. Сейсенбаева в разные годы выступали в качестве объекта филологических и собственно лингвистических исследований, в которых изучались жанрово-стилевое своеобразие творчества писателя [10], языковые и стилистические способы раскрытия характера персонажей [11], образность и мифологизм

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018/2020 гг.), реализуемого в Томском государственном университете.

сейсенбаевской прозы [12, 13]. Лингвистические аспекты анализа языка и стиля писателя рассматривались до настоящего времени только на материале произведений, написанных на казахском языке [11].

Русскоязычные произведения Р. Сейсенбаева, в числе которых романы «Если хочешь жить» (1986), «Заблудившийся крик» (1986), «Лестница в никуда» (1987), «Трон сатаны» (1988), «Отчаяние, или Мертвые бродят в песках» (1991), рассказы «Честь» (1968), «Тоска по отцу, или День, когда рухнул мир» (1990) и др., были высоко оценены критикой и заняли достойное место в ряду классических произведений мировой художественной литературы ([14–16] и др.). В этой связи особую актуальность приобретает изучение русскоязычного творчества казахского писателя-билингва с позиций когнитивной лингвистики, лингвостилистики и лингвокультурологии.

В русскоязычной прозе Р. Сейсенбаева находит выражение особая языковая картина мира автора, которую А.Б. Туманова предлагает обозначить терминами «контаминированная» или «негомогенная» [8. С. 13–14]. По определению исследователя, в контаминированной художественной картине мира «отображается реальная казахская действительность, национальный менталитет, национальная культура казахского народа, языковая ментальность представителя казахского этноса, переданная с помощью русского (второго родного) языка, выступающего неотъемлемым компонентом другой культуры, в частности языковой культуры русского народа» [Там же]. Контаминированная художественная картина мира, представленная в творчестве русскоязычных казахских писателей, служит уникальным материалом для филологического исследования. В ней отражается сложный процесс взаимодействия концептуальных, образных, символических кодов, вербализируемых средствами первого и второго языков, которыми в равной степени хорошо владеет и творчески выражает свои представления о мире билингвальная личность автора. Одним из направлений изучения контаминированной языковой картины мира является анализ различных способов лексической и текстовой репрезентации художественных концептов, ее составляющих.

В настоящей статье впервые предпринята попытка изучить прозу Р. Сейсенбаева с позиций когнитивной семантики и стилистики в аспекте художественного билингвизма. Объектом анализа является концептосфера рассказа «Честь», ключевой элемент которой составляет одноименный концепт, представленный множеством прямых, образных и символических репрезентаций на уровне лексической (слова, словосочетания) и повествовательной (тематически связанные фрагменты текста, его логико-смысловое развертывание, типы речи) структуры текста. Имя данного концепта вынесено в заглавие рассказа, а его смысловое наполнение реализуется на уровне идейно-художественного содержания через систему персонажей, событийно-фабульную структуру, хронотоп, авторскую идею художественного произведения. Предметом изучения являются понятийные, образно-символические и аксиологические компоненты концепта, выраженного лексемой *честь*, а также языковые средства и способы его тек-

стовой объективации с учетом специфики контаминированной казахско-русской художественной картины мира.

Цель статьи заключается в выявлении универсального ядра и этноспецифических компонентов концепта «Честь», эстетически объективированного средствами русского языка казахским писателем в прозаическом произведении малой формы в качестве ключевого компонента художественной картины мира. В работе применялись методы дефиниционного, компонентного, контекстуального, концептуального, лингвистического анализа, а также метод полевого моделирования. Особое внимание уделялось изучению образных средств русского языка, задействованных в метафорической и символической интерпретации исследуемого концепта в его общезыковом (русском) и художественном – эстетически переосмысленном, контаминированном (казахско-русском) вариантах.

Основные термины и методика исследования

В определении понятия «концепт» и методологии его анализа мы опираемся на сложившуюся в русистике авторитетную традицию, представленную в трудах когнитивного (А.П. Бабушкин, В.И. Карасик, В.В. Колесов, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин и др.) и лингвокультурологического (С.Г. Воркачев, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов и др.) направлений ([17–25] и др.). Эти работы создали надежный теоретический фундамент для многочисленных исследований отдельных концептов по данным национальных языков и разных типов дискурса, включая художественный, а также для сопоставительного анализа концептов в разных языках и культурах [26–29]. Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным мы понимаем концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [21. С. 34]. Мы также разделяем идею о дробности и многомерности концепта, в содержании которого выделяются понятийные, ассоциативно-образные и эмоционально-оценочные признаки («слои», «компоненты») ([18. С. 71; 19. С. 19–20; 25. С. 412] и др.).

Концепты как дискретные элементы когнитивной картины мира объективируются посредством знаков языка, используемых в текстах как продуктах речевой деятельности. Они могут быть выявлены и описаны путем анализа и интерпретации множества своих языковых и текстовых репрезентаций. По выражению М.В. Пименовой, концепт «рассеян в языковых знаках, его объективирующих», а для восстановления структуры концепта «необходимо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт, – лексические единицы, фразеологию, паремиологический

фонд, включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталоны, свойственные определённому языку» [20. С. 52].

Эффективным инструментом лингвокогнитивного анализа концепта является метод полевого моделирования, в рамках которого по данным лексико-графических источников, корпусных исследований, контент-анализа текста и текстовых формаций того или иного типа дискурса выявляется многокомпонентная и «послойная» содержательная структура концепта, которая моделирует его фреймовую организацию (выявляются минимальные кванты знания, их иерархические и логико-пропозициональные связи), понятийную, ассоциативно-образную и оценочную составляющие (логический, метафорический и аксиологический планы), распределение компонентов содержания от ядра (ключевого базового смысла) к периферии (более частным, дифференцированным, факультативным смыслам, находящимся в зонах пересечения с другими концептами). Средства языковой репрезентации анализируемого концепта могут быть представлены в виде общеязыкового лексико-фразеологического поля, а также текстового и/или дискурсивного полей, которые, в свою очередь, демонстрируют фрагменты языковой, текстовой (авторской) и дискурсивной картин мира ([18. С. 109; 21. С. 54; 30. С. 59–88] и др.).

В данной статье в соответствии с поставленной целью выявляется структура анализируемого концепта на основании данных современного русского языка с опорой на словарные толкования слов и устойчивых выражений, относящихся к семантическому полю «Честь», а также с учетом актуальных смыслов их типовых употреблений в речи, которые демонстрируют данные Национального корпуса русского языка [31]. В своих изысканиях мы опираемся на ранее полученные результаты исследования концепта «Честь» в исторической перспективе его формирования и развития [32–36], в сопоставлении с данными других языков, высвечивающих его этнокультурную специфику [26–29, 34]. Этот этап анализа представляется необходимым, так как русский язык, наряду с казахским, является родным языком Роллана Сейсенбаева, и именно на нём автор выражает художественную концепцию родовой чести воина-кочевника в раннем рассказе «Честь» (1968), который впоследствии вошел составной частью в текст романа «Трон Сатаны» (1988), что указывает на программный характер этого произведения для всего творчества писателя.

Путем сплошной выборки из текста рассказа отбирались лексические репрезентации анализируемого концепта, рассматривались прямые, метафорические, аллегорические текстовые репрезентации; с опорой на методы контекстного, когнитивно-стилистического и лингвопоэтического анализа выявлялись смысловые доминанты концепта «Честь», актуализированные в контаминированной авторской картине мира. Сопоставление соотносительных фрагментов русской языковой и художественной картин мира показало аспекты творческой интерпретации и эстетической трансформации концепта «Честь» в произведении писателя-билингва, на этом основании рассмотрены структура художественного концепта «Честь», его универсальные и этноспецифические черты.

Согласно определениям, предложенным в работах по когнитивной лингвостилистике, художественный концепт – это единица сознания поэта или писателя, которая репрезентируется в отдельном художественном произведении или во всем творчестве в целом и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений [37, 38]. В ряде работ отмечается, что репрезентируемые в литературном произведении концепты отражают не только индивидуально-авторскую, но и национальную (этническую) картину мира, исторически сложившуюся в сознании представителей этноса, частью которого осознает себя автор. Так, Л.В. Миллер определяет художественный концепт как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определённого этнокультурного сообщества как универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [39. С. 41]. Художественный концепт – это результат процесса авторского познания, понимания мира, осмысления и творческого воплощения писателем своих замыслов; он наделен образностью, ассоциативностью, эмотивностью, эстетичностью, т.е. всем тем, что определяет специфику литературы как вида искусства. Объективируясь в тексте, художественные концепты моделируют некое условное художественное пространство, отражающее человеческое бытие во всем его многообразии, и в своей совокупности составляющей концептосферу литературного текста.

Основным способом объективации того или иного концепта в тексте является использование ключевого слова-репрезентанта, наиболее полно номинирующего концепт и составляющего его понятийное ядро [21. С. 177]. Ключевое слово-репрезентант играет особую роль в художественном тексте: многократно повторяясь, оно формирует ключевые смыслы концепта, актуализирует идейную проблематику, фокусирует лейтмотивы художественного текста. Лексема *честь*, будучи высокочастотной в тексте одноименного рассказа, вынесена в наиболее сильную позицию – заглавие, что непосредственно указывает на ключевую роль концепта в художественной картине мира анализируемого произведения.

Концепт «Честь» в русской языковой картине мира

Исследованию концепта «Честь» посвящено немало научных работ, в которых изучается его реализация в современной русской [40, 41] и древнерусской [32] картинах мира; выявляется специфика объективации концепта через сопоставление с другими национальными языковыми картинами мира [26–29, 34]; рассматривается концепт «Честь» в художественном дискурсе [42, 43]. На основании ранее проведенных исследований, а также данных энциклопедических и толковых словарей определим общее содержание исследуемого концепта.

Понятие *чести* носит отвлеченный характер и относится к морально-этическим категориям, регулирующим социальное поведение личности. Оно связано с оценкой таких нравственных качеств человека, как достоинство, порядочность, преданность, ответственность, правдивость, благородство, совесть. По определению «Современного философского словаря», честь – это «понятие морального сознания и категория этики, раскрывающее ценностное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества. В представлениях о чести находит отражение общественное положение как самого человека, так и социальной группы, к которой он принадлежит» [44. С. 799]. Таким образом, это комплексное понятие, в котором, на наш взгляд, выделяется три значимых и взаимосвязанных аспекта. Во-первых, понятие чести связано с моральным сознанием и внутренней самооценкой. В этом отношении *честь* составляет неотъемлемую часть личности, является изначально присущим человеку и отрефлексированным в процессе социализации чувством собственной значимости, собственного достоинства. Во-вторых, *честь* выступает как нормативно-этическая социальная категория, определяющая правила хорошего поведения человека в обществе, соответствующего исторически сложившимся представлениям о долге и должном и заключающегося в способности поставить общественные интересы выше личных. В этом отношении представление о чести распространяется на определенные социальные группы – *дворянская честь*, *воинская честь*, *профессиональная честь*, *девичья честь* и т.п. В-третьих, реализация личности в обществе всегда предполагает внешнюю оценку достоинств и недостатков, соответствия и несоответствия предписанному «кодексу чести». В этом отношении *честь* непосредственно связана с отношением общества к личности, признанием ее поведения как должного, праведного, достойного уважения и почитания. Эти три аспекта отражаются в толкованиях лексико-семантических вариантов лексемы *честь* в различных словарях и формируют основные (ядерные) компоненты понятийной структуры концепта.

В современном русском языке концепт «Честь» представлен лексико-фразеологическим полем, заглавной единицей (доминантой) которого является лексема *честь*; её дериватами *честолюбие*, *честолюбивый*, *честолюбец*, *честловать*, *честлование*, *почести*; однокоренными словами *честный*, *честность*, *честно*, *честной*, этимологически родственными словами с близкими значениями *читать*, *почитать*, *почтить*, *почет*, *почетный*, *почтение*, *почтенный*, *почтительно*, *почтительность*, *почтительный*, *достопочтенный*, *досточтимый*; синонимичными словами, имеющими в значении сходные семантические компоненты, *достоинство*, *достойный*, *достохвальный*, *досточтимый*, *ответственность*, *обязанность*, *совесть*, *уважение*, *уважать*, *уважительно*, *уважительность*, *уважительный*, *репутация*, *респектабельность*, *респектабельный*; устойчивыми словосочетаниями *гражданская честь*, *профессиональная честь*, *воинская честь*, *мужская честь*, *девичья честь*, *кодекс чести*, *дело чести*, *человек чести*, *жить идеалами чести*, *оказать*

честь, удостоиться чести, защищать честь, защита чести и достоинства, честь и совесть и др.; идиомами с заглавным компонентом *ни чести, ни совести, по труду и честь, честь по чести, честь и хвала*, воинск. *отдать честь, честь имею* и др.; пословицами и поговорками *Честь дороже жизни; Всякому своя честь дорога; За честь голова гибнет; За совесть, за честь хоть голову снести; Лучшие умереть с честью, чем жить с позором; Хоть плетью высеки, только чести не лишай; Береги платье снову, а честь смолоду* и др.

Лексическая доминанта поля *честь* репрезентирует его смысловое ядро, коррелирующее с понятийной структурой исследуемого концепта. Этимологические словари указывают на общеславянское происхождение русского слова *честь* (ср.: укр. *честь*, белор. *чесьць*, болг. *чест*, сербохорв. *čašt*, словен. *čāst*, чеш. *čest*, слвц. *česť*, польск. *cześć* и др.) [45. С. 350], что косвенно подтверждает гипотезу о формировании концепта в ранний период становления феодального общества (VII–IX вв.), и на его связь со словами *честный, честной, чтить, потчевать*.

В семантической структуре лексической доминанты и этимологически мотивирующих прилагательных *честный* и *честной* отчетливо прослеживаются три вышеуказанных аспекта означаемого понятия: *честь** 1) ‘совокупность высших морально-этических принципов личности’ *дело чести* // ‘достоинство (личное, профессиональное, военное и т.п.)’ *воинская честь* // ‘хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя’ *беречь честь* // ‘целомудрие, непорочность (о женщине)’ *девичья честь*; 2) ‘почет, уважение’; 3) ‘высокое звание, должность, чин, почесть’; 4) ‘то, что дает право на почет, уважение, признание, является почетным’ кому-л. *принадлежит честь быть основателем чего-л.*; 5) ‘о том, кем, чем гордятся, кому или чему отдают дань уважения, восхищения’ *он честь нашего завода; честный* 1) ‘правдивый, прямой, добросовестный’ *честный человек* // ‘не способный украсть, присвоить себе чужое’ // ‘выражающий правдивость’ *честное слово*; 2) ‘такой, который основан на правилах, понятиях чести, добропорядочности, соответствует им’ *честная жизнь* // ‘не допускающий обмана, жульничества’ *честная торговля*; 3) ‘не запятанный чем-л. предосудительным, не опороченный чем-л.’ *честное имя; честной* устар. 1) ‘почитаемый по святости и связи с религией’ *честной крест*; 2) ‘устраиваемый по принятому обычаю, по правилам религии’ *честная свадьба*; 3) ‘заслуживающий уважения, почетный’ *честной народ*. Семантика глаголов актуализирует аспект общественного признания этих этически значимых ценностей, дань уважения и почтения носителю нравственных качеств: *чтить* ‘чувствовать и проявлять к кому-л. глубокое уважение, почтение; почитать’, *потчевать* ‘предлагать пищу гостю во время совместной трапезы, угощать’.

* Семантическая структура лексем и формулировки толкований лексических значений здесь и далее приводятся в соответствии со Словарём русского языка в 4 томах под ред. А.П. Евгеньевой [46]; также при выборке и анализе материала учитывались данные других словарей современного русского языка ([47–50] и др.).

На основании анализа словарных дефиниций единиц лексико-фразеологического поля и логического анализа содержания понятия с точки зрения соответствующей ему пропозиционально-фреймовой структуры определим состав и иерархию компонентов понятийного уровня концепта «Честь», их распределение от ядра к периферии.

Понятийное ядро концепта «Честь» можно определить как **‘высокие положительные качества личности, проявленные на благо общества и вызывающие уважение’**. Пропозиционально-фреймовая структура концепта содержит три слота, которым соответствуют три субфрейма: 1) ‘личность обладает высокими положительными качествами (достоинствами, добродетелями)’; 2) ‘качества личности соответствуют представлениям об общественном благо (этическим нормам)’; 3) ‘общество уважает (почитает) личность’.

Рис. 1. Пропозиционально-фреймовая структура концепта «Честь»

Первый слот «Личность» соотносится с высокими моральными принципами, достоинствами и добродетелями, формирующими чувство собственной значимости и самоуважение. Его эксплицируют значения лексем **честь, честность, честный**, указанные в словарях под первым номером (см. выше), формирующие ядерную зону. В околоядерную зону входят маркирующие этот аспект семантики ближайшие синонимы **совесть** ‘чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения’, **достоинство** ‘сознание своих человеческих прав, своей моральной ценности и уважение их в себе’ // ‘внешнее проявление уважения к себе, сознания своей значимости’ и **самоуважение**. «Новый объяснительный словарь синонимов» так толкует семан-

тику слова *достоинство*: «свойство человека Y, состоящее в том, что он сознает свою ценность в качестве X-а и ведет себя так, чтобы другие люди тоже признавали эту ценность» [48. С. 292]. Ближнюю периферию составляют синонимичные слова, детализирующие различные проявления достоинства личности и её нравственные принципы: *доблесть* ‘готовность преодолеть все препятствия для достижения какой-л. высокой цели, самоотверженность в какой-л. деятельности’, *благородство* ‘высокие нравственные качества; величие, возвышенность’, *репутация* ‘положительное, благоприятное мнение, сложившееся о ком-, чем-л.’ и др. Дальнюю периферию составляют слова и выражения, частично пересекающиеся в смысловом отношении (*принципиальность, гордость*), и антонимичные единицы, маркирующие «антиценности» (*тищеславие, высокомерие, заносчивость, гордыня* и т.п.).

Второй слот «Социальная норма» связан с семантикой социальных стереотипов, норм и предписаний, соответствие которым определяет *честь* как достойное поведение личности и социальной группы на благо обществу. Ядерное пространство поля формирует значение лексемы *честь* ‘хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя’, ‘целомудрие, непорочность (о женщине)’. К околядерному пространству относится близкое по содержанию понятие общественного (профессионального, гражданского) долга: *долг* ‘нравственные обязанности человека, выполняемые из побуждений совести’, а также слова, называющие качества, определяющие достойное поведение и обеспечивающие хорошую репутацию: *честный* 1) ‘такой, который основан на правилах, понятиях чести, добропорядочности, соответствует им’; 2) ‘не запятанный чем-л. предосудительным, не опороченный чем-л.’, *порядочность, порядочный* ‘честный, не способный на низкие поступки’, *ответственный* ‘отличающийся высокоразвитым чувством долга, ответственности, добросовестно относящийся к своим обязанностям’. Ближнюю периферию составляют слова с близким значением *самоотверженность, праведность, непорочность*. Дальняя периферия: *целомудренность, целомудрие, безгрешность, невинность* и др. Антиценности: *безнравственность, подлость, коварство, безответственность, разгильдяйство* и т.п.

Третий слот «Общественное признание» отражает аспект внешней оценки проявления *чести* в форме знаков почета, признания достоинств личности, уважения и почитания. Семантика почета, почестей и уважения представлена в значениях ядерной лексемы *честь* 2) ‘почет, уважение’; 3) ‘высокое звание, должность, чин, почесть’; 5) ‘о том, кем, чем гордятся, кому или чему отдают дань уважения, восхищения’. Околядерное множество составляют *честной* 1) ‘почитаемый по святости и связи с религией’ *честной крест*; 3) ‘заслуживающий уважения, почетный’ *честной народ, чествовать* 1) ‘публично, в торжественной обстановке приветствовать, поздравлять, оказывать почести’ // устар. ‘оказывать честь, уважение кому-л.’, *читать* ‘чувствовать и проявлять к кому-л. глубокое уважение, почтение; почитать’, *почитать* ‘относиться к кому-, чему-л. с уважением, почтением; чтить’, *почет*

‘уважение, оказываемое кому-л. обществом, окружающими людьми’, **почетный** 1) ‘пользующийся почетом’; 2) ‘являющийся знаком почета’; 3) ‘доставляющий почет, делающий честь кому-л.’, **уважение** ‘чувство, основанное на признании чьих-л. достоинств, заслуг, качеств; почтение’. Этот аспект содержания концепта насчитывает самое большое количество лексических репрезентантов из числа однокоренных и родственных слов заглавной лексемы. Ближайшая периферия представлена словами со сходной семантикой **почести** ‘внешнее выражение уважения, почтения, какие-л. церемониальные действия в знак уважения, признания заслуг’, **почтение** ‘глубокое уважение’, **почтенный** ‘достойный почтения, уважения’ // ‘внушающий почтение’ и др. **слава** ‘почетная известность, как свидетельство всеобщего признания чьих-л. заслуг, таланта, доблести и т.п.’, **хвала** ‘прославление, восхваление’ и др. Дальняя периферия: **преклонение**, **благоговение**, **популярность** и др., антонимы – **презрение**, **осуждение**, **позор** и т.п.

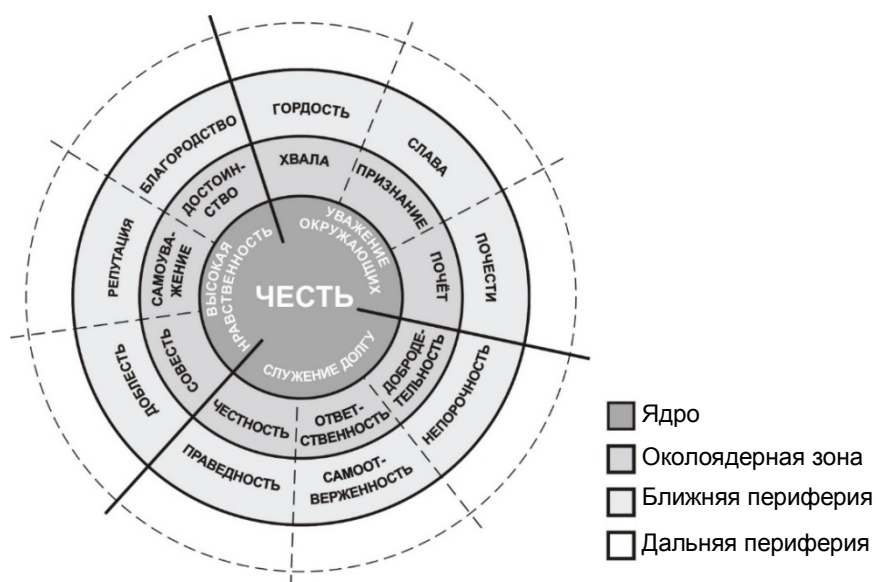

Рис. 2. Ядерно-периферийная структура семантического поля «Честь»

Ассоциативно-образный план концепта «Честь» связан с метафорическим способом его осмысления и вербализации, символическим выражением в знаках культуры (образах, символах, жестах, ритуалах) ([51, 52] и др.). *Честь* концептуализируется посредством онтологической метафоры как очень ценный предмет (драгоценность, сокровище), которым нужно *дорожить*; *беречь*, *хранить*, *ценить*, *высоко нести* его, а в случае опасности *бороться*, *сражаться*, *биться*, *стоять*, *умереть*, *погибнуть*, *пасть*, *сложить голову*, *отдать жизнь* за него. Как нравственно-этическая ценностная категория *честь* метафорически характеризуется через признаки «чистоты» (*Наши героини на экране были кристально чисты и нравственны.*

Л. Гурченко) и «высоты» (*Он не мог не понимать, сколь высокая ему оказана честь*. Н. Дежнев). Утрата чести интерпретируется как «загрязнение» и «падение вниз»: *запятнать репутацию, уронить честь, упасть лицом в грязь* (*Он написал несколько прекрасных книг и умудрился даже в трудные времена ничем не запятнать свою честь*. Ю. Буйда), а также как нарушение целостности, деформация объекта (*В этих камерах оставляли воспоминания о поруганной и растоптанной чести*. В. Шаламов).

Ориентационная метафора «верх – низ», в соответствии с которой концептуализируются положительный и отрицательный полюса нравственных качеств и социального статуса, выражает представление о чести через образы высокого положения человека, стремления вверх как нравственного совершенствования и продвижения по социально-иерархической лестнице; тогда как падение вниз символизирует отступление от нравственных норм, утрату чести и достоинства. Эта когнитивная модель также находит выражение в телесном, акциональном и фетишном кодах культуры, где указанная антиномия символически выражается противопоставлением «головы / рук – ног», ритуальными действиями «возвышения – низложения», атрибутами власти и почестей (*поднять на пьедестал, носить на руках, увенчать голову, воздвигнуть памятник, быть на коне, сложить к ногам, лавры победителя, корона славы*). Чувство собственного достоинства, отношение уважения и почета выражается через образы горделивой осанки (*поднять голову, расправить грудь и плечи*), почтение символизируют жесты преклонения (*склонить голову, преклонить колена*).

Аксиологическая составляющая является ключевой для концепта «Честь» и относится к однозначно положительному полюсу ценностной шкалы нравственных качеств, противопоставляющих «добродетель» (всё должное, праведное, нравственное) «пороку» (всему порицаемому, осуждаемому, безнравственному). Наличие чести предполагает нравственное поведение, соответствующее норме и долгу, а её отсутствие свидетельствует об отступлении от морально-нравственных норм и принципов. Нельзя быть человеком чести лишь отчасти: честь либо есть, либо ее нет. Таким образом, само понятие чести является аксиологической категорией и этической ценностью.

Следует отметить, что понятие чести внутренне противоречиво и относительно. Есть некоторые противоречия между внутренним («сознание собственного достоинства человека, который ощущает свою индивидуальность» [53. С. 165]) и внешним («слава среди окружающих, доблесть, понимаемая не как особенность, а как одинаковость, сходство с другими» [Там же]) аспектами чести. Противоречиво отношение между глубинным нравственным (вневременным, общечеловеческим) и относительным социальным (культурно-историческим) представлениями о чести: последнее всегда обусловлено типом социальной структуры, хозяйственно-экономическим укладом, общественно-политической ситуацией, распространенными в обществе религиозными и идеологическими убеждениями. С одной стороны, честь отражает представление об идеале нравственного

человека как представителя общества, но с другой – стремление к идеалу может носить субъективно-эгоцентрический характер (честолюбие, тщеславие, гордыня) или быть связанным с директивным, манипулятивным, подавляющим воздействием на личность (навязывание социальных стереотипов, лишаящее свободы воли), а также с поверхностным, формальным соблюдением правил, почтением социального статуса, а не личных заслуг. Например, в словаре В.И. Даля *честь* определяется не только как «внутреннее достоинство человека, его доблесть, честность, благородство души, чистая совесть», но и как «условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое» [54. С. 599–600]. Поэтому важными факторами регулирования общественных отношений являются соответствие истинному положению дел и правильный баланс в соотношении всех трех компонентов, определяющих смысл концепта «Честь»: наличие нравственных качеств у личности, их добросовестная реализация в выполнении общественного долга и высокая положительная оценка со стороны социального окружения. Несбалансированные ситуации – почет и почести на основании высокого формального статуса безнравственной личности, унижение достоинства честного и порядочного человека, отсутствие поощрения и негативная оценка в адрес доблестного гражданина, жажда славы и почестей без стремления к общественному благу и т.п. – являются источником агрессии, приводят к личностным и социальным кризисам и конфликтам. Такие ситуации оцениваются как нечестные, несправедливые и аморальные, связанные с отклонением от гласного или негласного «кодекса чести», требующие защиты чести и достоинства, восстановления социальной справедливости.

Исследователи отмечают, что формирование понятия чести относится к феодальному периоду развития общества в виде представления о родовой и сословной чести как морального требования, предписывающего человеку образ жизни и действий, не унижающий достоинства определенного сословия или рода [44. С. 800]. Честь присуща в феодальном мире «той части общества, которая признавалась имеющей социальную ценность», она есть «атрибут младшего феодала», получающего определенные материальные знаки чести от своего вассала [55. С. 112]. Этот этап общественного сознания в осмыслении концепта *честь* отразился в хрониках и литературе Средневековья [33–36], в древнерусской литературе [32] и во многом соответствует художественной картине мира анализируемого рассказа.

На наш взгляд, содержание концепта «Честь» как элемента концептосферы, транслируемой лексико-фразеологическими средствами русского языка, отражает универсальную общечеловеческую модель регулирования личных интересов и общественного блага в цивилизованном сообществе, передает общезначимые морально-этические принципы нравственного поведения. В то же время реализация этой модели и принципов в конкретном социуме варьируется в зависимости от наличествующих историко-культурных условий и социально-политических обстоятельств. Например, в рассказе Р. Сейсенбаева «Честь» описываются события казахско-

джунгарской войны 1643–1756 гг., средствами русского языка в литературно-художественной форме реконструируются менталитет казахов-кочевников начала XVIII в., передается авторская рефлексия современного представителя казахского этноса. Художественный концепт «Честь» в этом случае отражает, наряду с универсальным ядром, специфические черты, присущие исторической эпохе, традиционной этнической казахской культуре и психологии в их авторской интерпретации.

Концепт «Честь» в художественной картине мира Р. Сейсенбаева

Сюжет рассказа «Честь» связан с событиями завершающего периода казахско-джунгарской войны, когда в результате векового противостояния Казахского и Джунгарского ханств постоянно происходили вооруженные столкновения, а борьбе с внешними врагами мешали внутренние конфликты между родовой знатью казахских жузов и отдельных родов. Главные персонажи рассказа – представители воинственного, но малочисленного рода Уак, относящегося к Среднему жузу и проживающего в устье Иртыша. В центре основанной на реальных событиях сюжетной линии эпизоды из жизни легендарного батыра Кушикбая, доблесть, ратные подвиги и благородство которого увековечены в народных преданиях и литературе. В его честь назван перевал, установлен монумент на месте захоронения в 50 км от г. Семей (до 2007 г. Семипалатинск).

Исследуемый концепт «Честь» регулярно эксплицируется в тексте рассказа, начиная с заглавия и заканчивая авторским риторическим монологом в финале. Ключевое слово-репрезентант *честь* пронизывает все повествование и встречается 18 раз в следующих вариантах сочетаемости с контекстным окружением: *поруганная честь* (3 раза), *честь народа* (2), *символ мужества и чести*, *достойный этой чести*, *Музыка Чести*, *положить жизнь за честь*, *своя честь*, *жажда чести*, *честь не продается*, *возвратил мою честь*, *оскорбленная честь*, *знаменитый кюй** «ЧЕСТЬ». Прилагательное *честный* встречается 6 раз: *честный поединок* (4), *радость честной битвы*, *честная смерть*. Частотны близкие по значению лексемы, репрезентирующие определенные смысловые компоненты концепта: *достоинство* (3), *доблесть* (2) *храбрость* (2), *храбрый* (2), *уважение* (2), *уважать* (4), *известный* (4), *знаменитый* (3), *гордиться* (3), *легендарный*, *лучший*, *бесстрашный*, *слава*, *мужество*, *невинность*, а также слова, выражающие семантику утраты чести и достоинства: *унижение* (7), *позор* (4), *бесчестие* (3), *надругаться* (3), *оскорбленный*, *поруганный*, *обида*, *худая слава*.

Ключевые смыслы концепта обнаруживаются на уровне лексической и повествовательной структуры рассказа: в системе образов и речи персонажей, в авторских повествованиях, описаниях сюжетных ситуаций. Что есть честь для батыра-кочевника, с рождения привыкшего к седлу, для предста-

* Кюй – традиционная казахская инструментальная пьеса, исполняемая на домбре или других народных музыкальных инструментах.

вителя родовой знати, мудрого аксакала, народного сказителя-музыканта, восточной женщины и простых жителей аула? В тексте рассказа автор объективирует исследуемый концепт через призму сознания этих представителей казахского этноса.

На первый план выходит понятие **родовой чести**, носителем которой является человек не столько как индивид, сколько как представитель определенной социальной группы этноса. Личное достоинство определяется способностью хранить и защищать честь своего народа (в рассказе это казахи и джунгары), племени (род уаков), семейного клана (аулы Тобета и Кушикбая), большой и малой родины (долина Сарыарки, Камышовое озеро, горы Чингистау, Джунгарские ворота). Все главные персонажи рассказа являются выразителями кодекса родовой чести в его определенном социально-статусном ролевом варианте и представляют собой образы-архетипы **воина** – защитника родины и родовой чести (казахские батыры из рода уаков Кушикбай, Тобет, Естыбек, джунгарский батыр Анархой); **мудреца-учителя** – хранителя народной мудрости и нравственных принципов (аксакал из рода уаков); **матери** – прародительницы и хранительницы родовой памяти (Айганым); **невесты** – продолжательницы рода, воплощающей красоту и чистоту родной земли (пленная джунгарка Нургуль); **музыканта** – творца народной культуры и выразителя души народа (друг Кушикбая домбрист Арыстан, пленный джунгарский музыкант, играющий на сырнай*). На этих прототипических носителей чести народа указывает Айганым в своем обращении к соплеменникам: *«Неужели он [народ] познает мудрость своих мудрецов, доблесть своих батыров, мелодию своих музыкантов лишь тогда, когда разбредется по белу свету либо весь исчезнет с лица земли? Неужели память нашего народа окажется короче овечьего хвоста?»*. На них указывает автор в заключительном лирическом монологе: *«Я стою в степи у высокого заброшенного кургана. Чья это могила? Мудреца? Батыра? Музыканта? Молчит усталая степь»*.

Понятие родовой чести и воинской доблести тесно связано с образом родины, представленной в художественной картине мира образом Великой Степи (*степь, желтая степь, черная степь, вечная степь*), которая является домом для кочевых народов, в котором располагаются аулы, юрты, пастбища, в котором не прекращаются кровопролитные войны соседей и междоусобные распри. *«Уай, желтая степь, неужели твой народ, род уаков, самый несчастный в Сарыарке?»* – обращается к степи Айганым в скорбном плаче о погибшем сыне. *«Да будет проклята жизнь табуника – говорит пленный джунгар. – Ведь лошади – это главное богатство в степи, и вся вражда между джунгарами и казахами из-за того, что они то и дело угоняют друг у друга табуны. А другого добра, почитай, и нет у них»*. В заключительном лирическом монологе автор восклицает: *«О, история моей*

* Сырнай – народный духовой музыкальный инструмент, сделанный из глины или дерева, наподобие дудочки.

древней земли – твоя судьба подобна мучительным родовым схваткам, и я хочу понять секрет твоей вечной жизни, **земля моя, степь моя!**».

Важным аспектом родовой чести являются коллективная память рода, память о предках, почитание старейшин рода и уважение всех старших по возрасту. Боевой клич уаков был обращен к имени предков в разгар кровавого боя: «*Уа, духи предков!*». На уважении к старшим, почитании старейшин рода – аксакалов издревле держался миропорядок в казахской степи. Показателен в этом отношении образ белобородого аксакала, носителя народной мудрости и нравственных принципов. В кульминационный момент, когда Кушикбай, став жертвой коварства и подлости Тобета, забыл о своих высоких принципах, поддался чувству мести и захотел убить своего обидчика, аксакал остановил его, сказав: «*Я понимаю, что тебя привела сюда **поруванная честь** и невыносимая обида. Но ведь **честь** и **обида** – это не одно и то же. Легко быть обидчивым, трудно быть милостивым... умоляю тебя **прахом наших предков**, оставь нам пустую голову этой худой собаки. ...А мы сами его накажем, как знаем! От имени всего рода прошу! Ведь **оба вы из рода уаков!***». Несмотря на жажду мести и негодование, Кушикбай прислушался к словам старца, не поддавшись эгоистическим чувствам: «*Да разве я осмелюсь насмехаться над сединами старца? Разве не исполню волю аксакала?*» – и благодарил его: «*Спасибо, что ты остановил меня. Ты не только этого шакала спас, ты и **мне возвратил мою честь!***».

Одним из способов проявления почтения к старшим является использование традиционных для казахов речевых этикетных формул приветствия, обращения, извинения, прощания и т.п. Так, Кушикбай, не разделяющий взглядов и убеждений старшего батыра Тобета, уважает его возраст и при обращении к его имени добавляет «*ага*», что в переводе означает ‘старший брат, дядя или старший вообще’. Заступаясь за пленных джунгар, Кушикбай просит: «*Освободи их, Тобет-ага*». Наталкиваясь на непонимание старшего батыра, он умоляет: «*Я прошу тебя об этом, как младший, я **унижаюсь перед тобой**, а ты показываешь мне спину*». Только после безуспешных уговоров и выслушанных оскорблений в свой адрес Кушикбай решается доказать свою правоту Тобету в честном поединке. Одержав победу, Кушикбай вновь использует вежливую форму обращения, подчеркивая тем самым уважительное отношение к старшему: «*Тобет-ага, – медленно сказал Кушикбай, – вставай, я прощаю тебе твои слова. **Возьми свою саблю**. Я знаю, что тебя губит тоска по убитому брату*». Следование национальным традициям продемонстрировано автором и в способе, которым Кушикбай останавливает издевательства над пленными джунгарами. Он произносит фразу: «*Дат, Тобет-ага!*». По древней традиции произнесение слова **дат** давало обвиняемому возможность требовать правосудия от правителя. Тот в свою очередь должен приостановить наказание, чтобы выслушать обвиняемого [56].

Важный аспект родовой чести связан с высоким социальным статусом главных персонажей, предполагающим защиту коллективных интересов,

самоотверженность в выполнении общественного долга. Статус подчеркивается говорящими именами: **Айганым** в буквальном переводе – «лунная госпожа», **Тобет** – 1) «вершина горы»; 2) «овчарка-волкодав». Умение поставить общие интересы выше личных, руководствоваться нравственными принципами, преодолевать эгоизм, не идти на поводу низменных чувств – обиды, трусости, жажды мести, гордыни и тщеславия – необходимые качества, определяющие честь правителя рода. Положительный вариант чести правителя представлен образами Айганым и Кушикбая.

В образе Айганым подчеркивается ее особый статус среди соплеменников. Она, сохранив достоинство, повела за собой народ после гибели сына, так как по правилам адата, издревле регламентирующего правовые и семейные отношения у казахов, «статус женщины как матери-вдовы повышался до социально значимого в рамках всего рода, что позволяло ей стать главой всей семейно-родственной группы или даже рода своего покойного супруга» [57. С. 92]. Показателем всеобщего почтения к героине является данное ей право обратиться к Аллаху с молитвой. По казахским традициям право произнести *бата* (молитву) дается только самому старейшему и уважаемому человеку. В качестве важного способа объективации концепта «Честь» автор использует описание невербального языка – жестов, мимики, поведения героини и ответных реакций окружающих. Так, узнав о гибели своего единственного сына, мать батыра с честью выносит это испытание, вызывая восхищение у сородичей и подавая им пример стойкости и мужества: *«Стареющее лицо ее глубоко изрезали скорбные морщины, но голову она держала высоко, и воспаленные от слез глаза ее были печальны и строги»*.

Основные для авторской картины мира смыслы концепта «Честь» в его позитивной реализации несут жизненная философия и поступки главного героя – батыра Кушикбая. Для него честь – это самоотверженность в защите своего народа, утверждение единства в пределах рода и этноса, обостренное осознание личной ответственности за общее дело, уважение к достойному противнику, милосердие к слабым и беззащитным, стремление к мирному сосуществованию соседних народов на принципах соблюдения закона и справедливости. Будучи истинным сыном казахского народа, Кушикбай призывает сородичей к объединению, выступает против родовых распрей, стремится остановить жестокое кровопролитие в войне с джунгарами. Обращаясь к своему идейному противнику Тобету, он говорит: *«Разве ты забыл, что раньше сыны степей устраивали поединки не ради забавы или жестокости, а в знак уважения друг к другу. Битва была символом мужества и чести. Значит, и нам нужно быть достойным этой чести. И не путай свою личную обиду с честью народа»*. Он признает только *«честный поединок»* и мечтает о *«честной смерти»* в правом бою. Герой задается риторическим вопросом: *«...разве не о чести моего народа думал я в первую очередь, когда пытался помириться с джунгарами?»* Он готов был *«положить жизнь за честь народа»*.

Образ батыра Тобета демонстрирует негативные аспекты представления о чести как обостренно личностном чувстве собственной значимости,

утверждаемом через власть, физическую силу, социальное превосходство, жажду мести. Будучи доблестным воином и предводителем войска уаков, он одержим идеей отомстить за смерть брата. Тобет считает, что *«кровь может быть отомщена только кровью!»*. В основе его понимания чести лежит древний обычай кочевников – **барымта** – акт мести за причиненную обиду, который представляет собой насильственный вооруженный набег для захвата имущества и отгона скота. Участие в барымте было честью для кочевника, позволяло укрепить авторитет и пользоваться уважением у сородичей: *«Эй казах, эй, азамат, разве ты забыл **обычай предков, обычай мести**: голову за голову, кровь за кровь? И если ты ещё мужчина, если ты ещё дышишь, бери в руки свое заржавленное копье, и с наступлением лета мы тронемся в путь – так говорили они на всех долгих сходках»*. Воспринимая власть как безграничные возможности, Тобет восклицает: *«Я главный батыр»*; *«Мое слово – это закон для войска. Прикажу спалить аул – спалят, прикажу рубить – порубят»*.

Однако Кушикбай, выражая ключевую мысль автора, провозглашает идеи нравственности и справедливости как новый «кодекс чести» воина великой степи, который основан не на приоритете силы, а на принципах разума и гуманизма: *«Чем больше шарлатанов, тем хуже для истины, чем больше лжепророков, тем быстрее гибнет народ. И если глупый батыр возглавляет народ, то люди станут подобными зверям, а сердце зверя – это не сердце человека»*. Защита чести народа, собственного достоинства и идеалов справедливости требует от воина боевого духа, силы и мужества: *«Но что делать, когда такова жизнь, когда все в этой степи от дикого зверя до разумного человека подчиняется только одному – силе! Силе, порождающей все и вся, силе, двигающей народы, силе, заставляющей стоять на коленях и храброго, и трусливого»*. Кушикбай осуждает и не приемлет насилия, унижения слабого и незащищенного, однако признает праведный бой и честный поединок с достойным противником-воином: *«Если ты ищешь кровной мести, то кровь твоего брата на совести джунгарского батыра Анархоя. А я вчера его убил и омыл твою месть кровью, которой ты так жаждал. Но я убил его в **честном поединке**»*.

Большое место на страницах рассказа занимают сцены поединков (бой Анархоя с Естыбеком, Кушикбая с Анархоем, Кушикбая с Тобетом). В ситуации поединка объективируется такая важная составляющая исследуемого концепта, как воинская доблесть – честь батыра, джигита. В сюжетной ситуации поединка огромное значение имеет вербальная и невербальная коммуникация сражающихся, выражающая всю степень их боевой решимости и негодования по отношению друг к другу: *«– Поединок, Тобет! И не быть мне больше человеком, если я сегодня не повешу твою подлую голову на твоей юрте»*; *«Копыта аргамаков рыли каменистую землю. Кони взметнулись. С треском схлестнулись пики. На мгновение встретились два искрометных взгляда, и батыры отпрянули друг от друга»*. Исход поединка предполагает не только победу, но и поражение, и связанные с ней оскорбленное достоинство, чувство обиды и ме-

сти, ситуации унижения чести, утраты социального статуса: *«Победа! Победа!» [думает Тобет]. А теперь он низложен, и сердце его кровоточит от стыда и обиды».*

Особенно остро переживается поражение в ситуации бессилия перед противником, которую показывает автор на примере пленных джунгар и жителей аула Кушикбая (*кровавые слёзы аула Уак*), ставших жертвой подлости и коварства Тобета. Событийная основа выводит на первый план мотив *«поруганной чести»*, *«горечи унижения и страха бесчестия»*, связанный с поражением, предательством, чувством обиды и жаждой мести. В этих ситуациях актуализируются смыслы, противоположные понятию чести: стыд (*сердце его кровоточит от стыда и обиды*), позор (*убили с позором, еще и надругались над телом*), унижение (*пленники стонали от унижения*), бесчестие (*что могут сказать мужчины, которые потеряли мужское достоинство?*), которые визуализируются через соответствующие жесты и позы телесного кода: *«Джунгары опустили глаза, не желая быть свидетелями позора своей соплеменницы»*; *«И держи выше голову, сестренка! Нас поставили на колени, но мы умрем не с опущенной головой. Танцуй, танцуй, солнышко!»*; *«И люди, согнув свои измученные спины, сидят в темноте под луной, ожидая слова матери, последнего решающего слова матери погибшего батыра».*

В ситуации унижения особенно остро переживается несправедливость по отношению к наиболее достойным представителям рода, заслуживающим почета и уважения: *«Мудреца, который дает верные советы, они считают ослом, выжившим из ума, на бесстрашного воина, спасающего их, своими же руками набрасывают аркан, певцу, который поет о них, затыкают глотку».* Эта несправедливость как нарушение кодекса родовой и воинской чести заставила Айганым увести свой аул: *«Под благословенным дождем уходит из родных мест кочевье, сломленное великим горем. О чем задумались воины, женщины и дети? Мать прощается с сыном. Люди прощаются с родиной».*

Сюжет рассказа заканчивается драматически. Однако позитивный смысл авторской концепции утверждает незыблемые вневременные нравственные принципы чести, основанные на гуманизме и справедливости. Именно доброта, милосердие, способность любить и понимать красоту необходимы для позитивной реализации чести благородного воина. Эти внутренние личностные качества присущи Кушикбаю и проявляются не только в верности долгу и обостренном чувстве справедливости, но и в способности сочувствовать слабому, тонко понимать и переживать красоту, проявлять доброту и милосердие, чувствовать любовь в своем сердце. В рассказе эти качества Кушикбая проявлены в любви к музыке как выражению души народа, в крепкой дружбе с музыкантом Арыстаном и внешне запятой вспыхнувшей любви к пленной джунгарке Нургуль.

Образ пленной девушки-джунгарки, красавицы Нургуль (буквально: «цветок света»), выражает архетип невесты как будущей матери, воплощающей лучшие качества народа и родины, отражает представления о кра-

соте женщины и родной земли. Сила духа Нургуль показана в стремлении защищать свою девичью честь ценою собственной жизни: *«Уж лучше бы отрубили мне мою голову эти проклятые казахи еще там, на родной земле, когда выволокли меня из родного дома и бросили плашмя поперек седла»*. Возвышенная душа Кушикбая не могла не откликнуться на эту красоту: *«Не лучше ли взять в жены такую красавицу, жениться, мирно жить своим домашним очагом, а не рыскать в степи в поисках врага? Какие глаза! Какая девушка! Никогда больше не увижу этих черных глаз, прощай, черноглазая джунгарка! Неповторимый образ твой, незабвенный образ твой останется в моем сердце!»* Бесстрашие, отвага и благородство Кушикбая, вставшего на защиту пленных и спасшего их жизни, покорили Нургуль: *«Какие сильные руки у этого джигита! Какой он добрый и какой он храбрый! ...Узнаешь ли ты когда-нибудь, что ещё одна женищина, кроме твоей матери, будет носить твоё имя в своем сердце до самой смерти»*. Показательно, что эта нереализованная любовь объединила символическим обручением два враждующих народа: *«Девушка сняла со среднего пальца бирюзовый перстень и вложила его в широкую ладонь батыра. – Меня зовут Нургуль, батыр. Спасибо тебе за твою доброту»*.

Способность тонко чувствовать музыку, понимать красоту и гармонию, ценить искусство музыканта показана автором как свидетельство благородства души и нравственного чувства человека, выражение чести и достоинства: *«И зазвучали, зазвучали среди сонной тишины чарующие звуки сырная. ...Заслышав мелодию родимых мест, пленники, стоявшие на коленях, стали поднимать головы. Музыка вселяла в них бодрость и выражение достоинства вдруг появилось на их измученных лицах. Девушка-джунгарка тоже была рада. Народ славен не только своими батырами и мудрецами, но и своей музыкой»*. С детства Кушикбай дружил с народным музыкантом Арыстаном, прозвище которого он называл *Музыкой Чести*. В финале рассказа автор говорит о знаменитом кюе Арыстана под названием «Честь», мелодия которого передает представления о жизни и чести доблестного воина: *«Воин гибнет в бою, и это честная смерть. Воин гибнет, защищая стариков, женщин и детей своего народа, защищая его лошадей, его юрты, его скarb, и народ оплакивает воина, веками хранит память о нем»*.

Подведем итоги. В художественной картине мира рассказа Р. Сейсенбаева объективируются каждый из трех выделенных компонентов понятийной структуры концепта «Честь»: 1) внутренние моральные качества личности (храбрость, мужество, благородство, милосердие); 2) общественные нормы и стереотипы поведения (воинская доблесть и самоотверженность, верность общественному долгу, справедливость правителя, честность и порядочность в поступках и действиях); 3) общественное признание (почет, уважение, гордость, слава, народная память). В концептосфере рассказа универсальное содержание дополняется такими важными национальными и историко-культурными смыслами, как **честь рода** и **воинская доблесть**, при этом редуцируется индивидуальный и доминирует коллектив-

ный аспекты в представлениях о чести. Актуализируется ситуация унижения чести и достоинства (*поруванная честь*), в которой требуется восстановление справедливости: защита чести в бою (*честный поединок*) или кровная месть (*барымта*). Высвечиваются такие факторы отступления от пути чести и долга, как тщеславие, гордыня, обида, жажда мести. В качестве способов гармонизации общественных отношений подчеркивается значимость таких этических и эстетических категорий, как красота, милосердие, любовь и прощение.

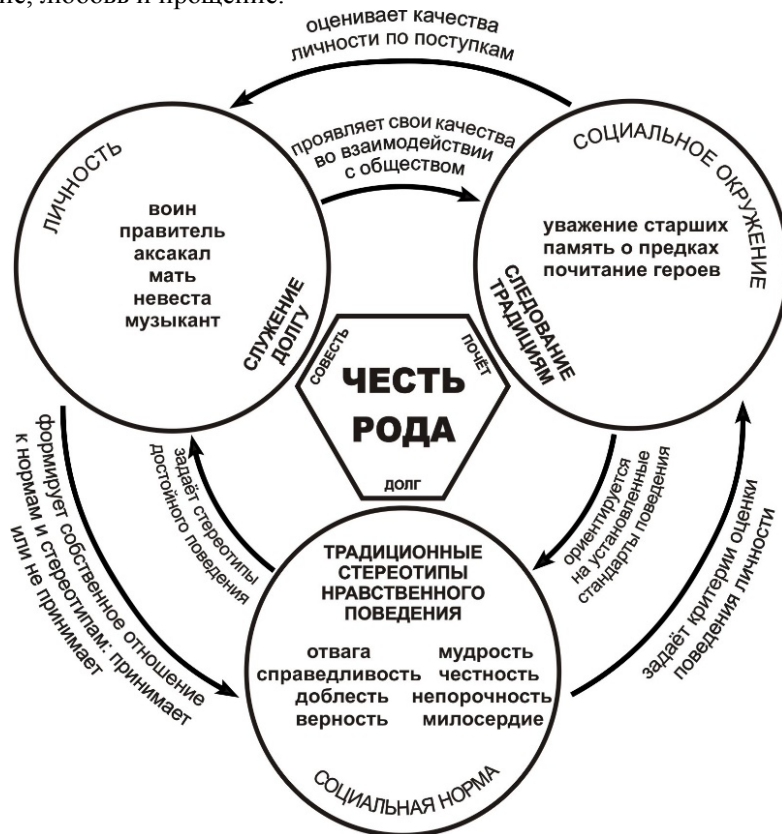

Рис. 3. Структура художественного концепта «Честь» в рассказе Р. Сейсенбаева

Заключение

Анализ ключевых смыслов концепта «Честь» и способов их текстовой репрезентации в русскоязычном рассказе казахского писателя Р. Сейсенбаева показал способы эстетического воплощения универсального аксиологического концепта в контаминированной (казахско-русской) художественной картине мира. Универсальное понятийное содержание концепта «Честь» отражает общечеловеческие принципы регулирования личных и общественных интересов на основе нравственных принципов; регламенти-

рует приоритет общественного долга, поддержанный высокой оценкой и поощрением самоотверженного служения, а также непрерываемой ценностью личности для общества. Будучи аксиологической категорией, концепт «Честь» транслирует одну из базовых ценностей человеческой цивилизации, особенно остро осознаваемую и востребованную в периоды формирования государственности и социальных кризисов. Позитивные оценочные смыслы концепта связаны с гармоничным и сбалансированным соотношением трех слотов фреймовой структуры концепта: (1) нравственные принципы личности проявлены в (2) самоотверженном служении на благо обществу и (3) получают высокую положительную оценку со стороны социального окружения. Такое соотношение признается справедливым и отвечает принципам общественной морали. Негативную оценку получают дисбаланс в соотношении указанных параметров, несоответствие качеств и поступков личности общественной морали, несправедливость оценки заслуг личности перед обществом.

Понятийное и аксиологическое содержание концепта «Честь» представлено в тексте рассказа лексическими и фразеологическими средствами русского языка в соответствии с типичной для русской языковой картины мира, также во многом универсальной системой образно-символического означивания: ориентационная метафора «верх – низ», телесная метафора «голова / руки – ноги», онтологическая метафора «драгоценного предмета», «целого – разрушенного предмета», «чистого / светлого – грязного / темного предмета», символика «памятника», «меча», «всадника на коне» как атрибутов почета и власти, символика акционального кода – жесты и мимика превосходства, почета, поклонения, унижения.

В контаминированной художественной картине мира средствами русского языка описываются быт, уклад общественной и культурной жизни, менталитет и духовные устремления казахов начала XVIII в. С этой целью в повествование включены безэквивалентные казахские номинации феноменов духовной и материальной жизни кочевников *аул, юрта, батыр, джигит, азамат, аргамак, барымта, кюй, домбра, сырнай* и др., топонимы *Сарыарка, Чингизтау* и др., антропонимы *Кушикбай, Нургуль* и др., этнонимы *уаки, джунгары* и др. Таким образом, в авторской репрезентации концепта «Честь» отражаются мировоззренческие взгляды, этические ценности, образ жизни и традиции казахского народа. Использование казахскими писателями-билингвами русского языка как средства межнационального общения дает возможность расширить читательскую аудиторию и популяризировать культуру своего народа, оставаясь при этом органичной его частью.

В своей критической статье писатель М. Кузин высоко оценил вклад Роллана Сейсенбаева в развитие и сохранение казахской культуры и назвал его носителем духовной генетической памяти нации [16. С. 65–66]. Используя богатый арсенал изобразительно-выразительных возможностей художественной литературы и опираясь на благодатную почву казахского устного народного творчества, автор уже в своем раннем рассказе сумел

передать глубинные основы казахской народной ментальности и нравственности через эстетическое осмысление и выражение концепта «Честь» средствами русского языка.

Литература

1. Mackey William F. The Description of Bilingualism // The Bilingualism Reader. Routledge. London ; New York, 2001. P. 802–817.
2. Haugen E. Bilingualism in the Americas // A Bibliography and Research Guide. University of Alabama Press, 1968. 159 p.
3. *Билингвизм и его аспекты: XXI век: межвуз. сб. науч. тр.* Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2012. 247 с.
4. Копыленко М.М., Ахметжанова З.К. Лексическая и морфологическая интерференция в русской речи казахов. Алматы : Наука, 2007. 120 с.
5. Жантөсенова Н.М. Репрезентация национальных концептосфер в картине мира казахско-русских билингвов : дис. ... д-ра филол. наук. Актөбе, 2006. 329 с.
6. Аубекерова Г.А. Выражение эмоционального состояния «раздражение» на материале произведений писателей-билингвов Казахстана // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность, 2015. № 5. С. 337–341.
7. Бахтиркуеева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 387 с.
8. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. Алматы, 2010. 260 с.
9. Хасанов Б. Казахско-русское художественно-литературное двуязычие. Алма-Ата: Рауан, 1990. 192 с.
10. Омарова Ш. С. Жанрово-стилевое своеобразие творчества Р.Ш. Сейсенбаева : дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2001. 132 с.
11. Сәрсекке Г.Ә. Р. Сейсенбаев шығармаларындағы кейіпкерді мінезділігі тілдік-стильдік тәсілдер = Языковые и стилиевые способы в раскрытии характера персонажа в произведениях : филол. ғыл. канд. дис. Алматы, 1998. 166 с.
12. Шаинова Г. Особенности образной структуры прозы Р. Сейсенбаева // Вестник КазНУ. 2013. № 5–6. С. 141–145.
13. Шаинова Г. Б. Жанр романа-мифа в творчестве Р. Сейсенбаева. Алматы, 2017. 158 с.
14. Гачев Г. Джигит и гражданин // Сейсенбаев Р. Трон сатаны. Семей: Международный клуб Абая, 2007. С. 10–16.
15. Ауэзов М. О творчестве Роллана Сейсенбаева // Предисловие к книге Р. Сейсенбаева Всего одна ночь. Алматы: Международный клуб Абая, 2009. С. 16–18.
16. Портрет Роллана: Статьи, эссе, стихи. Алматы : Издательский Дом «RS», 2012. 168 с.
17. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж : Изд-во Ворон. гос. ун-та, 1996. 104 с.
18. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2004. 477 с.
19. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
20. Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004 208 с.
21. Попова З.Д. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 314 с.
22. Воркачёв С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66, № 2. С. 13–22.
23. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. № 1. С. 3–9.

24. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2004. 296 с.
25. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
26. *Ачмиз Д.А.* Характеристика концепта «честь» в русской, адыгейской и английской лингвокультурах и его модальные аспекты // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 183–185.
27. *Кажигалиева Г.А.* Концепт «честь»: отражение национального характера и культуры в русских и казахских пословицах // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2012. № 5–6. С. 55–59.
28. *Недосугова А.Б.* Концепт «честь, долг, совесть» в русской и японской языковой картине мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2012. № 3. С. 57–61.
29. *Нгуен Т.Х.* Концепт *честь* в русской и вьетнамской культуре : магистерская диссертация. Екатеринбург, 2015. 184 с.
30. *Картины* русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина и др. ; ред. З.И. Резанова. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
31. *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://www.ruscorpora.ru>
32. *Терина С.В.* Древнерусский концепт *честь* и его языковая репрезентация в летописи «Повесть временных лет» : дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2007. 210 с.
33. *Морева А.В. Громова Е.А.* О признаковой структуре концепта «честь» в средневековой картине мира // Язык и культура. 2008. № 2. С. 25–32.
34. *Ткаченко О.В.* Феномен чести в европейской и русской культуре (философско-антропологический анализ). Ростов н/Д : Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2005. 143 с.
35. *Копова А.Е.* Ядерный компонент концепта «Честь» на материале текстов древнеанглийского периода // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т 11, № 4 (4). С. 1012–1014.
36. *Манухина А.О.* Концепт «Честь» и его вербализация в тексте старофранцузских хроник XIII века (на материале сочинений Ж. де Вильардуэна и Р. де Кларе) // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2010. № 2 (33), ч. 2. С. 92–101.
37. *Огнева Е.А.* Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. М. : Эдитус, 2013. 282 с.
38. *Тарасова И.А.* Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Лингвистика. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 742–745.
39. *Миллер Л.В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
40. *Спивакова Е.М., Спивакова М.М.* Национальная специфика русского концепта «Честь» // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 416–419.
41. *Спивакова М.М., Спивакова Е.М.* Концепт «честь» в русской языковой картине мира // Филологическая наука в условиях диверсификации образования. 2014. № 1. С. 131–140.
42. *Еремина Н.О.* Некоторые аспекты концепта «Честь» на базе современного литературного произведения // Научные труды КубГТУ. 2015. № 10. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/548>
43. *Березкина Е.П., Москвитина Л.Е.* Концепт «честь» в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Приоритетные направления развития науки образования : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 12 июня 2015 г. Чебоксары, 2015. С. 305–307.
44. *Современный философский словарь* / под ред. В.Е. Кемерова ; сост., ред. Т.Х. Керимова. 3-е изд., испр., доп. М. : Академический Проект, 2004. 864 с.

45. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. М. : Прогресс, 1987. Т. 4. 861 с.
46. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
47. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2000. 1233 с.
48. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. выпуск / под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 2004. 1488 с.
49. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А.И. Фёдорова. М. : Астрель : АСТ, 2008. 808 с.
50. Большой словарь русских поговорок / под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной. М. : Олма Медиа Групп, 2007. 785 с.
51. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : ЛКИ, Editorial URSS, 2017. 256 с.
52. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. 352 с.
53. Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. М.; СПб. : Университетская книга, 1999. С. 560.
54. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Рус. яз., 1982. Т. 4. 683 с.
55. Лотман Ю.М. Об оппозиции «честь» – «слава» в светских текстах киевского периода // Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 2. С. 111–126.
56. Керимбаев Е.А. Этнокультурные основы номинации и функционирования казахских собственных имен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1992. 61 с.
57. Стасевич И.В. Социальный статус казахской женщины: Традиции и современность // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: <http://www.kunstkamera.ru>

The Concept “Honor” and Its Figurative Representations in the Bilingual Writer’s Blended Worldview (Based on the Story “Honor” by R. Seisenbayev)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 149–176. DOI: 10.17223/19986645/61/9

Elena A. Yurina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Zhanna G. Temirova, Kokshetau State University (Kokshetau, Kazakhstan). E-mail: temirova.zh@mail.ru

Keywords: concept “Honor”, concept sphere, imagery, axiology, language worldview, blended worldview, bilingualism.

The article discusses the concept “Honor” as an element of the Russian language worldview and the key concept of the creative blended worldview of the Kazakh bilingual writer Rollan Seisenbayev. The object of the analysis is the concept sphere of the story “Honor”, the key element of which is the same-name concept expressed by a set of direct, figurative and symbolic representations at the lexical and narrative level of the text structure. The name of the concept is given in the title of the story, and its semantic content is realized at the level of ideological and artistic content through the system of characters, the event and fable structure, the chronotope, the author’s idea of a piece of art. The aim of the article is to identify the universal core and the ethno-specific components of the artistic concept “Honor” that the Kazakh writer aesthetically objectified by means of the Russian language. Based on the data of previous studies and encyclopedic and explanatory dictionaries’ material, the general content of the concept under study is determined, its frame structure and the semantic field of its lexical and phraseological expression in modern Russian are modeled. The conceptual core of the concept “Honor” is an idea of the high-positive individual qualities demonstrated for

society's benefit and inspiring public respect. The conceptual frame structure of the concept contains three slots, which correspond to three subframes: (1) 'the person has high positive qualities (virtues)', (2) 'personal qualities correspond to the ideas of public welfare (ethical standards)', (3) 'society respects (honors) the person'. The associative-figurative aspect of the concept "Honor" is connected with the metaphorical way of its comprehension and verbalization, with its symbolic expression by means of culture signs (images, symbols, gestures, rituals). Honor is conceptualized through the "top – bottom" orientation metaphor, the "head/arms – foot" body metaphor, the ontological metaphor of a "precious object", a "whole – destroyed object", "pure/light – dirty/dark object". The figurative characteristic of honor presents the symbolism of a "monument", a "sword", a "horseman" as honor and power attributes, as well as action code symbols – gestures and facial expressions of superiority, honor, worship and humiliation. The creative blended worldview expressed by means of the Russian language describes the life, social and cultural lifestyle, mentality and spiritual aspirations of the Kazakhs of the early 18th century, reflects ideological views, ethical values, lifestyle and traditions of the Kazakh people. Universal content is complemented by such important national and historical-cultural meanings as family honor and military valor; while reducing the individual and dominating the collective aspects of honor notions. The situation of honor and dignity humiliation (desecrated honor) is actualized, which requires the restoration of justice: honor protection in battle (fair combat) or blood feud (barymta). The factors of honor and duty deviation such as vanity, pride, resentment, appetite for revenge are highlighted. The importance of such ethical and aesthetic categories as beauty, mercy, love and forgiveness are emphasized as the means of social relations harmonization.

References

1. Mackey, W.F. (2001) The Description of Bilingualism. In: Li Wei. (ed.) *The Bilingualism Reader*. London; New York: Routledge, pp. 802–817.
2. Haugen, E. (1968) *Bilingualism in the Americas: A Bibliography and Research Guide*. University of Alabama Press.
3. Vishnevskaya, G.M. (2012) *Bilingvizm i ego aspekty: XXI vek* [Bilingualism and its aspects: The 21st century]. Ivanovo: Ivanovo State University.
4. Kopylenko, M.M. & Akhmetzhanova, Z.K. (2007) *Leksicheskaya i morfologicheskaya interferentsiya v russkoy rechi kazakhov* [Lexical and morphological interference in the Russian language of the Kazakhs]. Almaty: Nauka.
5. Zhanpeisova, N.M. (2006) *Reprezentatsiya natsional'nykh kontseptosfer v kartine mira kazakhsko-russkikh bilingvov* [Representation of national conceptual spheres in the picture of the world of Kazakh-Russian bilinguals]. Philology Dr. Diss. Aktobe.
6. Aubekerova, G.A. (2015) *Vyrazhenie emotsional'nogo sostoyaniya "razdrazhenie" na materiale proizvedeniy pisateley-bilingvov Kazakhstana* [The expression of the emotional state "irritation" on the material of works of fiction of bilingual writers of Kazakhstan]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. 5. pp. 337–341.
7. Bakhtikireeva, U.M. (2005) *Khudozhestvennyy bilingvizm i osobennosti russkogo khudozhestvennogo teksta pisatelya-bilingva* [Artistic bilingualism and features of the Russian literary text of a bilingual writer]. Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Tumanova, A.B. (2010) *Kontaminirovannaya yazykovaya kartina mira v khudozhestvennom disкурse pisatelya-bilingva* [A blended linguistic picture of the world in the creative discourse of a bilingual writer]. Almaty: [s.n.].
9. Khasanov, B. (1990) *Kazakhsko-russkoe khudozhestvenno-literaturnoe dvuyazychie* [Kazakh-Russian literary bilingualism]. Alma-Ata: Rauan.
10. Omarova, Sh.S. (2001) *Zhanrovo-stilevye svoeobrazie tvorchestva R.Sh. Seysenbaeva* [The genre-style originality of R.Sh. Seisenbayev's works]. Philology Cand. Diss. Almaty.
11. Serseke, G.E. (1998) *Language and style methods in revealing the character of the hero in the works by R. Seisenbayev*. Philology Cand. Diss. Almaty. (In Kazakh).

12. Shainova, G. (2013) Osobennosti obraznoy struktury prozy R. Seysenbaeva [Features of the figurative structure of prose by R. Seisenbayev]. *Vestnik KazNU*. 5–6. pp. 141–145.
13. Shainova, G.B. (2017) *Zhanr romana-mifa v tvorchestve R. Seysenbaeva* [The genre of the novel-myth in the works of R. Seisenbayev]. Almaty: [s.n.].
14. Gachev, G. (2007) Dzhigit i grazhdanin [Jigit and citizen]. In: Seisenbayev, R. *Tron satany* [The Throne of Satan]. Semey: Mezhdunarodnyy klub Abaya. pp. 10–16.
15. Auezov, M. (2009) O tvorchestve Rollana Seysenbaeva [On the works of Rollan Seisenbayev]. In: Seisenbayev, R. *Vsego odna noch'* [One Night Only]. Almaty: Mezhdunarodnyy klub Abaya. pp. 16–18.
16. RS. (2012) *Portret Rollana: Stat'i, esse, stikhi* [Portrait of Rollan: Articles, essays, poems]. Almaty: Izdatel'skiy Dom "RS".
17. Babushkin, A.P. (1996) *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy sisteme yazyka* [Types of concepts in the lexical and phraseological system of the language]. Voronezh: Voronezh State University.
18. Karasik, V.I. (2004) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
19. Kolesov, V.V. (2004) *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality]. St. Petersburg: Peteburskoe vostokovedenie.
20. Pimenova, M.V. (2004) *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Kemerovo: Grafika.
21. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad.
22. Vorkachev, S.G. (2007) Lingvokul'turnaya kontseptologiya: stanovlenie i perspektivy [Linguocultural conceptology: formation and prospects]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 66 (2). pp. 13–22.
23. Likhachev, D.S. (1993) Kontseptosfera russkogo yazyka [The concept sphere of the Russian language]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 1. pp. 3–9.
24. Maslova, V.A. (2004) *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka.
25. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury: Opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture: Research Experience]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
26. Achmiz, D.A. (2009) Concept "Honour" in Russian, Adygian and English Linguocultures and Its Modal Aspects. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 114. pp. 183–185. (In Russian).
27. Kazhigalieva, G.A. (2012) The concept of "honor": a reflection of the national character and culture in the Russian and Kazakh proverbs. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya – Bulletin KazNU. Philological Series*. 5–6. pp. 55–59. (In Russian).
28. Nedosugova, A.B. (2012) Kontsept "chest', dolg, sovest'" v russkoy i yaponskoy yazykovoy kartine mira [The concept "honor, duty, conscience" in the Russian and Japanese language pictures of the world]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya. Yazyki i spetsial'nost'*. 3. pp. 57–61.
29. Nguen, T.Kh. (2015) *Kontsept chest' v russkoy i v'etnamskoy kul'ture* [The concept of honor in Russian and Vietnamese cultures]. Master's Thesis. Yekaterinburg.
30. Rezanova, Z.I. et al. (eds) (2011) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian world: modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S.
31. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russian).
32. Terina, S.V. (2007) *Drevnerusskiy kontsept chest' i ego yazykovaya reprezentatsiya v letopisi "Povest' vremennykh let"* [The Old Russian concept of honor and its linguistic representation in the annals of "The Tale of Bygone Years"]. Philology Cand. Diss. Tolyatti.

33. Moreva, A.V. & Gromova, E.A. (2008) The sign structure of the concept “honour” in the medieval world picture. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2. pp. 25–32. (In Russian).
34. Tkachenko, O.V. (2005) *Fenomen chesti v evropeyskoy i russkoy kul'ture (filosofsko-antropologicheskii analiz)* [The phenomenon of honor in European and Russian cultures (philosophical and anthropological analysis)]. Rostov-on-Don: Izd-vo Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshey shkoly.
35. Komova, A.E. (2009) Core component of the “honour” concept in Old English texts. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia RAS SamSC*. 11:4 (4). pp. 1012–1014. (In Russian).
36. Manukhina, A.O. (2010) Kontsept “Chest” i ego verbalizatsiya v tekste starofrantsuzskikh khronik XIII veka (na materiale sochineniy Zh. de Vil'arduena i R. de Klari) [The concept “Honor” and its verbalization in the text of the old French chronicles of the 13th century (based on the works of J. de Villardouin and R. de Clary)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2 (33):2. pp. 92–101.
37. Ogneva, E.A. (2013) *Kognitivnoe modelirovanie kontseptsfery khudozhestvennogo teksta* [Cognitive modeling of the conceptual sphere of the literary text]. Moscow: Editus.
38. Tarasova, I.A. (2010) Literary concept: a dialogue of linguistics and literary studies. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4 (2). pp. 742–745. (In Russian).
39. Miller, L.V. (2000) Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Literary concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 39–45.
40. Spivakova, E.M. & Spivakova, M.M. (2015) Natsional'naya spetsifika russkogo kontsepta “Chest” [National specifics of the Russian concept “Honor”]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*. 4. pp. 416–419.
41. Spivakova, M.M. & Spivakova, E.M. (2014) Kontsept “chest” v russkoy yazykovoy kartine mira [The concept “honor” in the Russian language picture of the world]. *Filologicheskaya nauka v usloviyakh diversifikatsii obrazovaniya*. 1. pp. 131–140.
42. Eremina, N.O. (2015) Some aspects of the concept of “Honor” based on modern literary works. *Nauchnye trudy KubGTU*. 10. [Online] Available from: <http://ntk.kubstu.ru/file/548>.
43. Berezkina, E.P. & Moskvitina, L.E. (2015) [The concept “honor” in A.S. Pushkin's “Captain's Daughter”]. *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki obrazovaniya* [Priority Directions for the Development of Education Science]. Proceedings of the V International Conference. Cheboksary. 12 June 2015. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. pp. 305–307. (In Russian).
44. Kemerov, V.E. (ed.) (2004) *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [Modern philosophical dictionary]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt.
45. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Progress.
46. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.
47. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [The new dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]. Moscow: Rus. yaz.
48. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2004) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
49. Fedorov, A.I. (ed.) (2008) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: Astrel': AST.
50. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (eds) (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A large dictionary of Russian sayings]. Moscow: Olma Media Grupp.

51. Lakoff, G. & Johnson, M. (2017) *Metaforý, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: LKI, Editorial URSS.
52. Cherneyko, L.O. (1997) *Lingvo-filosofskiy analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic and philosophical analysis of the abstract name]. Moscow: Moscow University.
53. Gurevich, A.Ya. (1999) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. p. 560.
54. Dahl, V.I. (1982) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Vol. 4. Moscow: Rus. yaz.
55. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles: in 3 vols]. Vol. 2. Tallin: Aleksandra. pp. 111–126.
56. Kerimbaev, E.A. (1992) *Etnokul'turnye osnovy nominatsii i funktsionirovaniya kazakhskikh sobstvennykh imen* [Ethnocultural foundations of the nomination and functioning of Kazakh proper names]. Abstract of Philology Dr. Diss. Alma-Ata.
57. Stasevich, I.V. (2011) *Sotsial'nyy status kazakhskoy zhenshchiny: Traditsii i sovremennost'* [The social status of a Kazakh woman: Traditions and modernity]. St. Petersburg: Nauka.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-144

DOI: 10.17223/19986645/61/10

К.В. Анисимов

ИЗ ИСТОРИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ БАЛЛАДЫ В XIX в.: НЕСКОЛЬКО ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ И ТИПОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ*

В центре внимания статьи – малоизученная стратегия осмысления баллады как целостного жанра, подразумевающая подключение к его уже известным русским и переводным литературным версиям новонайденного фольклорного материала. Проблемой здесь оказались существенные сюжетные несоответствия между уже канонизированными к 30-м гг. XIX в. образцами поэтической культуры и записанными П.В. Киреевским и его сотрудниками устными песнями, охарактеризованными именно как «баллады». Реконструкция причин данного отождествления, лежащего в основе национально-русской эстетической концептуализации жанра, стала основной задачей настоящей работы.

Ключевые слова: историческая поэтика баллады, русская фольклорная баллада, литературная баллада, П.В. Киреевский, А.В. Кольцов, В.А. Жуковский.

Хорошо известно, что в русской фольклорной культуре понятие «баллада» отсутствовало, а потому особенно важным для истории и типологии жанра было наведение эстетического «моста», призванного связать принадлежащие балладной традиции образцы новейшего литературного творчества с записанными в первой трети XIX в. устными лиро-эпическими песнями, названными «балладами», так сказать, ретроспективно. Поскольку первенство П.В. Киреевского в собирании и наименовании этого огромного и своеобразного комплекса народных песен – общепризнанный в науке факт [1. С. 6; 2. С. 291 (Коммент.); 3. С. 80], сегодня, по существу, речь может идти о своего рода «изобретении» жанра в его целостности, совершённом, конечно же, неявно, не «программно», но вместе с тем достаточно последовательно и непротиворечиво, свидетельством чему являются поделённая на жанрово-тематические блоки коллекция П.В. Киреевского, изданная в 1860–1870-е гг., а также дошедший до нас тщательно систематизированный архив собирателя¹.

Традиция опубликования материалов русского фольклориста включает в себя несколько подходов: во-первых, связанный с начальной (ныне доступной исследователям рукописей Киреевского) классификацией по жан-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-00046 А.

¹ См. папки, озаглавленные «Баллады и элегии» [4. К. 5–9].

рам [5]; во-вторых, более поздний, полагающий в основу территориальный критерий (публикация «по губерниям») [6–8]; в-третьих, «авторский», т.е. принимающий во внимание личность собирателя – коллеги Киреевского, снабдившего его нужными записями [2, 9, 10]. Так или иначе, но исходный план своего замысла знаток народной культуры основывал прежде всего на генологическом критерии. В письме от 21 февраля 1834 г. к Н.М. Языкову читаем:

Я думал было сначала начать печатание Стихов и песен исторических, потом приступить к балладическим и т.д., но теперь мне кажется лучше начать обратно, т.е. с элегий, как легче других обходящихся без примечаний, чтобы хоть несколько выиграть времени для труднейших. Разряды я разобрал следующие, для которых впрочем не приискал приличных названий: в этом ты мне помоги. 1) Элегии любовные. 2) Романсы. 3) Баллады. 4) Свадебные, хороводные и вообще Обрядные. 5) Воинственные, разбойничьи и солдатские. 6) Исторические, и наконец 7) Стихи религиозные.

Что ты обо всём этом думаешь? [11. С. 64]¹.

И кому бы ни принадлежала повторяющаяся в архивном собрании П.В. Киреевского от картона к картону надпись красными чернилами «Баллады и элегии»², в лист с которой словно завернута каждая из папок с песнями, отнесенными к соответствующим традициям, цитированное письмо свидетельствует в любом случае о приоритете художественного – не «регионального» и не «персонального» – подхода к источникам.

* * *

Алгоритм осмысления национальной фольклорной баллады неизбежно подразумевал ее соотнесение с европейскими аналогами, передавшими русским песням само своё жанровое имя. И здесь исследователей, начавших еще в XIX столетии эту компаративистскую работу, подстерегала первая сложность. Рецептивный канал, выстроенный В.А. Жуковским, троекратно обратившимся к переложению «Леноры» Г.А. Бюргера, знакомил читателя с сюжетной схемой «возвращающегося жениха-мертвеца», которая, при ее структуралистском абстрагировании, чему в XX в. сюжетологов научит изобретатель этого приема В.Я. Пропп, даст картину вторжения некой inferнальной силы в размеренно текущую посюстороннюю жизнь. В.И. Тюпа верно замечает: «Лирическое откровение баллады есть откровение одновременной причастности личности двум мирам: светлому и темному, живому и мертвому, повседневно покойному “миру сему” и тревожно загадочному миру “потустороннего” бытия». И потому «не герой посещает страну мертвых с последующим воскресением-возвращением в новом качестве, а пришелец из потустороннего мира проникает в повседневную жизнь с катастрофическими для нее последствиями» [13. С. 133].

¹ См. также: [12. С. 235].

² «Песни, – предполагает М.Н. Сперанский, – были перенумерованы давно (Якушкиным, Елагиным?) красными чернилами» [6. С. LXXI].

Тем не менее заданная «Ленорой» схема, впоследствии теоретизированная и сделанная жанровым каноном, с фольклором связана неоднозначно: чем дальше на восток, в сторону от центрально-европейского ареала особой продуктивности сюжета о женихе-мертвеце, тем реже встречаются его прецеденты, сходя к границам русской культуры, как показал еще И.П. Созонович, почти на нет. Исследователь пишет: «Из приведенного перечня их (сюжетных вариантов. — К.А.) легко видеть, что сюжет сказки о женихе-мертвеце известен главным образом в пределах западной Руси, в областях говора малорусского и затем белорусского; на дальний восток (т.е. в центрально-русские губернии. — К.А.) он попал очевидно случайно, изменив лишь несколько свое содержание...» [14. С. 192]¹.

Действительно, в массиве песен, которые Киреевский и его сотрудники называли балладами, фиксации этого сюжета отсутствуют. Но в таком случае какие аргументы могли быть использованы собирателями для идентификации привлеченных текстов как баллад? Для предположительного ответа на этот вопрос нам нужно ненадолго обратиться к некоторым опубликованным документам, а также их архивным оригиналам.

* * *

Весьма авторитетная публикация материалов П.В. Киреевского, помещенная в 79-м томе «Литературного наследства», содержит тетради с песнями, записанными в 1837 г. А.В. Кольцовым. Особый интерес представляет песня «Как у князя было, князя, у князя Волконского...» на сюжет адюльтера княгини, жены Волконского, и Ваньки-ключника. В напечатанном произведении некоторые важные детали, которые сообщил своей записи А.В. Кольцов, опущены. В основном в их число попали нюансы паратекста (заглавия разделов / жанровые определения), частично представленные в иллюстрации тома «Литературного наследства» [9. С. 291], но главным образом перенесённые публикаторами в комментарий, где даны бегло и глухо [Там же. С. 334–338] (комментарии И.М. Колесницкой и А.Д. Соймонова). Фотография воспроизводит первую тетрадную страницу с названной песней, а также нечеткий (ввиду качества изображения) паратекстовый указатель «русская народная баллада». Между тем этот указатель, являясь опытом жанровой идентификации записанного собирателем памятника, имеет принципиальное значение. В случае если предпосланный заголовок воспроизводится неопределенно – «русские народные баллады» [Там же. С. 335] – и очевидно ошибочно, он теряет всякий смысл, так как начинает характеризовать неопределенное множество разнородных песен. Если же предельно внимательно отнестись к рукописи Кольцова, то можно представить себе, что именно виделось поэту и его коллеге-фольклористу в понятии «баллада».

¹ Эти наблюдения соотносятся с тем, что в принципе «баллада родилась у народов кельтско-германского происхождения, в среде относительно свободного крестьянства...». См.: [15. С. 125].

Итак, тетрадь из подборки А.В. Кольцова, хранящейся в Государственном историческом музее, пронумерована хранителем фонда П.А. Бессоновым цифрой IV. На листе 1 непосредственно перед песней о Ключнике написано: «русская народная баллада» [16. Ед. хр. 246. Л. 1]. Примененное жанровое определение очевидно релевантно для поэта, являвшегося крупным знатоком и стилизатором фольклора. Сразу после записи этой песни жанровая перспектива меняется, и остальные девять произведений даются под единым (обобщающим и малоконкретным) заголовком «русские народные песни» [Там же. Л. 3]. Следовательно, в сюжете о Ключнике во всей поэтике этого текста Кольцову виделись какие-то черты баллады, причем отнюдь не обязательно таковыми выступали переключки фабулы, например, с «Раисой» Карамзина или «Алиной и Альсимо» Жуковского – популярными балладами о любовном треугольнике. Парадигмальный для литературно-поэтической версии жанра мотив вторжения загробных сил в посюстороннюю действительность в памятнике, оставленном нам Кольцовым, отсутствует¹, как отсутствует в нём и фантастика баллады романтизма²: перед взором позднейшего читателя, а ранее – слушателя этой песни, жившего в XIX столетии, предстает отважный герой, не побоявшийся связи с княгиней и смело заплативший за свой проступок жизнью. Впрочем, и в этом беглом пересказе художественное существо баллады пока неуловимо. Картина становится более ясной при углублении в подробности устройства текста, а также при условии привлечения ряда его вариантов.

На самом деле в песне о Ключнике речь идет не только об отваге простолудина, бросившего вызов сильным мира сего, – в своём самом общем виде подобные фабулы часто встречаются и в эпосе, например в былинах. Интрига заключается в том, что долгое время измена княгини была скрыта, а бесстрашный Ванька-ключник словно *играл роль, замещал* князя при своей избраннице. Эта отсылающая к двойничеству прикровенность действия и статуса исключительно важна для баллад. Именно ее мы встречаем в классических литературных образцах жанра, где, например, похищающий ребенка Лесной царь оказывается удачливым «заместителем» истинного отца, а в бюргеровом сюжете такая же мерцающая парность устанавливается между женихами – мертвым и живым. «Выхвалялся князь Волконский / Молодой княгиней. / – Не хвались, Волконский князь / Ты своей княгиней. / Как твоя ли та княгиня / Живет с Ваней клюшничком. / Живет-поживает / Ровно три годочка», – звучит после слов рассказчика голос неопределенного свидетеля, выступившего невольным доносчиком [9. С. 290]. Эти «три годочка», усиленные указанием, что лишь «на четвертой на годочик / Князечик доведался» (а есть пример, когда князь «доведался»

¹ В «Алине и Альсиме», кстати, он отчетливо читается: после убийства любовников за виновным в их смерти мужем «Повсюду <...> влачится / Алины тень» [17. С. 63].

² Об этой черте жанра, ставшей его доминантой на соответствующем этапе историко-литературного развития, см.: [18]. Как характерное исключение здесь придётся упомянуть песни на тему «Горя-Злочастия», фантастический сюжет, присутствующий в собрании Киреевского, где он отнесен к балладам. См.: [2. С. 294. Комментарий].

только «на десятом-то году» [5. Вып. 5. С. 150]), позволяют иначе взглянуть на всю ситуацию, увидеть трагическое не только в вызове, брошенном Ванькой своему хозяину¹, но и в образе княгини, словно запутавшейся в двух «мужьях» и погибшей после казни её любовника. «Ванюшку повесили, / Сы полуночи Ванюша, / Ванюша качается. / Молодая же княгиня / В постели кончается» [9. С. 292].

Иные варианты текста содержат яркие детали. В одном случае предающая Ваньку «красна девица» прямо обвиняет его словами, относящимися к самозванчеству: «Ты живешь, вор-собака, непорядками, / Ты и делаешь дела незаконные, / И живешь ты, вор-собака, со княгиною: / Донесу на тебя самому князю Волхонскому!» [5. Вып. 5. С. 133]. В другой версии сюжета читатель узнает от самого Ваньки, что княгиня наряжала его в одежду мужа: «Ты позволь-ка, князь Волхонский, позволь Ваньке песню спеть: / Тут было попито, погуляно, / Не одново ли с тобой платья было поношено, / Молодую-то княгиню за груди да подержано!» [Там же. С. 144]. В иной записи: «В уста-то во сахарны было поцаловано, / С одного плеча было в нас (т.е. «у нас». – К.А.) поношено» [Там же. С. 153].

Еще одна разновидность сюжета, в которой при сходстве главного события (героиня любит камер-лакея) детализируется образ княгини, особенно усиливает двойнический мотив. Тело казненного лакея-любовника топят в реке, а княгиня приказывает слугам выловить его.

Ловите, ловите белое тело,
Белое тело камер-лакея,
Кладите вы тело в золоту гробницу,
Несите вы тело во светлу светлицу!
Вздуньте вы, вздуньте, буйные ветры,
Выньте вы, выньте душу из князя,
Душу из князя, из моего мужа,
Вложите вы душу в белое тело,
В белое тело в камер-лакея,
Камер-лакея, моего милова!
Кого я любила, того б оживила,
Кого не любила, того б погубила!
[Там же. С. 182].

Характерное для баллады двойничество мыслится здесь *in potentia* – как буквальная, хоть и в высшей степени странная, телесная взаимозамена мужа и его соперника.

В одном авторитетном исследовании о русской фольклорной балладе внимание на этот аспект поэтики жанра уже обращалось. Автор работы А.В. Кулагина назвала выделенную ею особенность «антитетической

¹ Об усиливающей трагизм краткости человеческой и бытовой дистанции между домовладельцем и его ключником, отношения которых нередко бывали дружескими, см.: [19. С. 51–52].

структурой» баллады [20. С. 36 и след.]. Наиболее ценные для нас наблюдения ученого относятся к сюжету об оклеветанной свекровью (или клеветницами-старицами) жене, когда (в первой версии) лгущая своему сыну мать нащёптывает ему о мнимых прегрешениях супруги. Разъяренный муж, не проверив, в чем дело, убивает молодую женщину, а после, вникнув в суть, убеждается в невинности жертвы. Содержание клеветы и «открытие» мужем-убийцей истинной реальности формируют в тексте песни характерную содержательную и эмоциональную развилку, ту самую, по определению А.В. Кулагиной, «антитезу» [Там же. С. 39 и след.]. Однако то, что так пронизательно описано фольклористом, антитезой может стать только в сознании читателя: в самом тексте оба главных героя, муж и жена, убеждены в своей правоте и не являются субъектами выбора между альтернативными «версиями» жизненной реальности. Их сознания «затемнены» двойническим отношением между правдой и ложью: жена не догадывается о своем «образе», созданном клеветницей, муж всецело доверяет словам матери (стариц), заменяющим истину.

Возвращаясь к привлеченному нами материалу, отметим, что сам Кольцов, разумеется, был далёк от предложенного здесь сравнения сюжетных версий; последнее не более чем приём современной аналитики. Тем не менее перспектива жанровой идентификации была определена поэтом верно – особенно это заметно на контрасте с другими «русскими народными песнями» кольцовой тетради, лишенными развитой повествовательности текста о Ключнике. Даже в отсутствие ожидаемого и не раз опробованного в современной поэту поэтической культуре сюжета о контакте с потусторонним балладное начало подмечено им скорее всего в мотиве трагического и одновременно лицедейского взаимоналожения статусов, не открытым, как в эпосе, противоборстве героев, ассоциированных с теми или иными ролями и положениями, а в обманчивом соседстве, именно вследствие своей проблематической неясности актуализирующем, как можно догадаться, фигуру третьего персонажа – собственно субъекта, совершающего роковой выбор. И хотя востребованная романтизмом «чудовищная», говоря словами Ф.Ф. Вигеля, история про «бешено-страстную Ленору со скачущим трупом любовника» [6. С. 164] отводилась в данном случае на периферию (из-за недостатка подходящих русских аналогов), в несколько более абстрактном виде, т.е. безотносительно к мистике, фабула фольклорной песни, выстроенная на похожем взаимодействии действующих лиц, справедливо определялась как балладная.

* * *

Еще несколько наблюдений над другими источниками позволят нам усилить предложенный тезис. Архивные папки П.В. Киреевского, озаглавленные «Баллады и элегии», начинаются с текста о внезапном, немотивированном убийстве женой своего мужа (см. варианты сюжета: [4. Ф. 125. К. 5. Л. 3–13 об.]). Впоследствии песня была опубликована в трехтомной «Новой серии» под № 1698 (точное воспроизведение номера из рукописно-

го собрания) [8. С. 23]. Нет сомнения, что в перспективе двухчастного заголовка («Баллады и элегии») данный памятник причислен к первой жанровой рубрике. В поэтике песни вновь встречаем уже знакомую нам примету. После того как «На заре <...> на утренней / Жена мужа патерила (потеряла, т.е. убила. – К.А.), / Острым ножичком зарезала, / Во холодный погреб бросила», к ней являются братья убитого с вопросом: «Прилетели два голубя, / Два голубя, два ясные <...> “Ты, невестушка, голубушка / Где наш брат Иванушка?”» [Там же]. Отвечая, мужеубийца лжет, и в создающихся ею словесных образах просматривается известный нам конструкт: не конфликт с «другим», а замещение «другого» виртуальным двойником. Сначала она говорит, что муж жив и «поехал во чисто поле / За куницами, за лисицами», но не сумев скрыть бросившуюся братьям в глаза «кровь в сеньях», она сочиняет другую отговорку: «Я голубя зарезала». С учетом же того, что синкретическая поэтика параллелизма и так заставляет видеть во всех участниках сюжета птиц (жена – «голубушка»; хватившиеся ее мужа братья – «два голубя, два ясные»), и в этом смысле мифологическая сращенность с «голубиным» началом превращает в жертв всех, включая и живых еще братьев, и саму убийцу (недаром она быстро сдаётся им и просит их умертвить её: «Возьмите шелковую плеть, / Разложите меня на четыре стороны»), всё же фальшивое отождествление крови убитого с голубиной является связью несколько иного качества, чем наблюдаемая нами в параллелизме. Дело в том, что лживые слова виновной о голубе содержат потенциально *отдельный* сюжет, в котором кто-то зарезан *вместо* мужа: об этом героиня говорит своим разоблачителям вполне ясно. Точно так же, как в ее лжесвидетельстве убитый муж жив и лишь отлучился на охоту (еще один потенциальный «двойнический» сюжет), пролитая кровь является не его, а *чьей-то*: функциональное замещение приходит на смену символическому соответствию.

Таким образом, если при помощи параллелизмов герои песни *статически* увязываются с миром природы, то упоминание лгущей героиней не мифопоэтического, а, скажем так, «натурального» голубя, даже «пёрушки» которого она якобы «в печи пожгла»¹, *динамически* расщепляет песенный сюжет, создает напряжение между *говоримым* и *видимым* – напряжение, во-первых, выносящее данный текст за пределы мифопоэтической культуры, а во-вторых, находящее себе аналогии в жанровом каноне баллады, который позднее будет сконструирован на основе образцов, созданных русскими поэтами начала XIX в. Там Лесной царь был *невидим*, но *убедительно говорил* о том, чего нет. Здесь *видимая* кровь человека лживо выдается за голубиную. Но ведь с тем же успехом, с каким невидимый Лесной

¹ Один из вариантов даёт ещё более яркую картину: дезориентирующее наблюдателя двойственное неразличение истинной жертвы и несуществующего голубя подчеркивается одинаковостью направленного на них действия. Ср.: «Жина мужа потеряла, / Вострым ножичкам зарезала, / *Вы холодный погреб бросила*»; «Я зарезала сизава голубя, / *Вы халодный погреб бросила*» [10. Т. 1. С. 168].

царь достигает своей цели у Гёте – Жуковского, здесь ничто не мешает героям впасть в заблуждение и принять кровь брата за птичью, т.е. существующее за несуществующее. В этом обманчивом мерцании кроется вся соль баллады, ответственная в том числе и за производство «балладного страха» – безотносительно к присутствию самих мотивов потустороннего в сюжете. В песне о жене-мужеубийце таких мотивов нет, но вызывающее страх сюжетное напряжение тем не менее налицо.

Конечно, на уровне конкретики источника ситуация может выглядеть сложнее – тем более важно учитывать целостный контекст и собрания Киреевского, и жанра как такового. Например, в ряде записей только что проанализированный нами сюжет может обрываться на полуслове, и тогда исследователь не найдет в нём системного ядра, будет дезинформирован и дезориентирован, что, в общем, немудрено, ибо в своём свободном бытовании фольклорная культура не обязана согласовываться с научной теорией. Так, под № 1308 встречаем следующий текст (при цитировании мы опустим экспозицию и проиллюстрируем центральное звено и финал):

<...>

Как жена мужа зарезала
Не простым ножом, булавчатым,
На ножишке сердце выняла,
На ножишке встрепенулося,
Молода жена усмехнулася,
После этого ужаснулася:
«Что же это я, шельма, сделала?
Своего мужа зарезала,
Милого дружка спотешила!»

[7. С. 37].

Приведенными словами история оканчивается: как видим, никакого дальнейшего развития сюжет в данной его записи не получает. К балладной ситуации отчасти отсылает глухо упомянутый здесь «милый дружок», вероятно, любовный соперник убитого, но это обстоятельство в одиночку не делает возможным анализ памятника как самостоятельного текста. Однако если соотнести цитированный фрагмент, равно как и подобные ему, с пространной версией сюжета, представленной нами выше, то картина обретёт необходимую полноту, недостающие звенья будут восстановлены и вопрос, почему русские фольклорные песни определенного типа были ассоциированы с европейской балладой, может получить своё разрешение.

* * *

В качестве особой проблемы балладной поэтики может быть выделена черта, которую уместно назвать *мотивной омонимией*. Речь идёт о присутствии в сюжетах песен таких ситуаций, каковые – внешне – без труда различимы (причем на иерархически важных местах) в жанрах, далеко отстоящих по своей семантике и эстетической природе от баллады. Прежде все-

го сказанное относится к русской эпической традиции, допускавшей в ходе своего развития создание любопытных смещений былинной и балладной поэтических техник. На множественные примеры таких симбиозов указывают в своих работах В.Я. Пропп, А.В. Кулагина и др. [21. С. 9, 145, 148, 154, 168, 373–374, 427; 22. С. 22–23].

Безотносительно к классическим наблюдениям о том, что «вообще баллада – более поздний жанр, чем эпос» [21. С. 155], о противоположности самих установок былины и баллады (то, что у первой было *историей*, у второй становится *бытом*, а норма *стабильности* сменяется *экссессом* «трагической неустроенности, изломанности, неблагополучия жизни» [23. С. 29–30]), тем не менее сама системная соотнесенность, если не дистрибуция, двух жанров предполагает и переклички между ними, и, следовательно, возможность продуктивного сопоставления.

Важным мотивным маркером, в равной степени присущим и былине и балладе, являются знакомые нам случаи лицедейства героя, переодевания, выдавания себя за другого, соотносящиеся также с важнейшей мифопоэтической универсалией – монструозностью как признаком, нечеловеческого, мертвого, хтонического. И если в позднейших литературных балладах мертвец предстает иллюзорно живым, т.е. фактически монстром, ложно выдающим себя за человека, то в былинах чудовищная природа антагониста подается существенно иначе – напрямую, без обиняков и маскировки; также по-иному функционирует и двойничество. То есть читатель и исследователь наблюдают те же мотивы, но на разных системных «местах» и в качественно различных «ролях» – и в этом суть *омонимии*. Приведём примеры.

В былине «Илья Муромец и Идолище» богатырь для поединка со своим противником-чудовищем переодевается в одежду старца-калики. В схватке с поработителем Русской земли по логике этой игровой смены внешности должен победить не силач Илья, а неприметный старик-странник. Однако вся картина переодевания дается не как *маскировка* героя, а скорее наоборот – как его *демаскирование*: чудовище должно видеть и видит, что перед ним настоящий герой, а не его субституция-двойник; само двойничество оказывается, таким образом, минус-приёмом. Итак, Илья просит старца:

Ай же ты Иванищо могучее!
Дай-ка мне-ка платьицев нунь старческих,
Да лаптёв же мне-ка нунчу старческих,
Своей шляпы нунь же мне-ка-ва да старческой,
Да й клюхи же мне-ка сорока пудов, –
Не узнал бы нунь татарин да поганый
Что меня же нунь казака Ильи Муромца,
А Ильи сына Иванова

[24. С. 71].

Однако истинная природа Ильи, держащего в руках клюку в сорок пудов (своего рода «подсказку» для противника), не способна укрыться от взора Идолища, сразу же резонно замечающего:

А по платьицам да иде старчищо,
 По походочке так Илья Муромец
 [24. С. 71].

Наряду с этим сам образ Идолища, хоть и пережил трансформацию сравнительно с более ранними былинами из первоначального змея в некоторое подобие человека («чудовище очеловеченное», по В.Я. Проппу [21. С. 228]), тем не менее подается исключительно гиперболизированно: человеческое естество не скрывает, а лишь оттеняет монстра, что служит главной цели эпоса – не ретушировать конфликт, ставя героя в психологически сложные ситуации слепого выбора, позднего узнавания, прозрения (всего, что так любит баллада), а всемерно его усилить. Потому-то

...Идолищо великое,
 А великое да страшное,
 <...>
 Он по кулю да хлеба к выти ест,
 По ведру вина да он на раз-то пьет
 [24. С. 70, 71].

Правило эпоса – «Враг преувеличен, богатырь уменьшен» [25. С. 49] – здесь полностью выдержано.

В дошедшем до нас корпусе русских былин есть две, всецело строящиеся на мотиве оборотничества и переодевания: «Волх Всеславьевич» и «Ставр Годинович». Однако как и в предыдущем случае, пересечение героем миро-моделирующих границ, разделяющих человеческое и животное (былина о Волхе), мужское и женское (былина о Ставре), подчинено совершенно иным целям, нежели таковые метаморфозы с участием персонажей баллады. То есть опять-таки родство семантики и структуры мотивов, бытующих не только в интертекстуальном, но и в межжанровом пространстве, рассекается решительным функциональным несходством их ролей внутри данного жанрово-эстетического контура. Итак, о превращениях своего князя в сокола, волка и гнедого тура дружина заранее прекрасно осведомлена.

А стал он, Вольх, вражду чинить:
 «А и гой-еси вы, удалы добры молодцы!
 Не много, не мало вас – семь тысячей,
 А и есть ли у вас, братцы, таков человек,
 Кто бы обернулся гнедым туром,
 А сбежал бы ко царству Индейскому,
 Проведал бы про царство Индейское,
 Про царя Салтыка Ставрुльевича»,
 <...>
 Отвечают ему удалы добры молодцы:
 «Нет у нас такова молодца,
 Опричь тебя, Вольха Всеславьевича» [24. С. 91].

Зная об этих свойствах своего эпического предводителя, дружинники не могут быть им обмануты – хитрость князя обращена на внешнего противника. В соответствии с этим же принципом – направить обман на врага – ведет себя и героиня былины о Ставре, переодевающаяся богатырём и даже ложно претендующая, как классический балладный «жених», на руку киевской княжны. Спасая пленённого в Киеве мужа, она «Скорешенько бежала <...> к фершелям, / Подрубила волосы по-молодецкии, / Накрутилася Васильем Никуличем» [24. С. 331], приехала под видом польского посла в столицу, где сначала выдавала себя за жениха, а затем спасла мужа. Переодевание, ложный статус, узнавание – все эти омонимические балладным мотивы присутствуют в тексте, но встроены они в совершенно иную причинно-следственную цепь, приводящую в конечном итоге к эпическому восстановлению справедливости, «прежнего исходного благополучия» [26. С. 21].

* * *

Вывод из предложенных здесь кратких наблюдений призван конкретизировать специфику балладного жанра, в исторической ретроспективе понимаемого как реальность, связанная с фольклором не просто заимствованием из него тех или иных мотивов, но самим существом взгляда на человека, предложенного когда-то устной культурой, а впоследствии легитимированного в эпоху романтизма. Сохранившаяся рукописная подборка песен, составленная П.В. Киреевским, позволяет наблюдать первоначальный, самый непосредственный опыт классифицирования текстов по их жанровой принадлежности. Привлеченные нами прецедентные примеры, отобранные в ходе сплошного просмотра как архивного свода «Баллад и элегий», так и всех изданий коллекции фольклориста, вышедших в XIX и XX вв., позволяют дополнить концепцию, в оптике которой инвариантом литературной баллады оказывается «встреча» с «иноприродным», «потусторонним», причём активной силой, инициатором «встречи» выступает именно герой-антагонист. Русские фольклорные песни, записанные в XIX в. и тогда же отнесенные их первыми собирателями к балладам, не содержали фантастики в духе своих европейских жанровых аналогов (показательное исключение – специально упомянутый выше пронизанный народной религиозностью сюжет о «Горе-Злочастии»). Однако положенные в основу их сюжетов нарочито бытовые ситуации воспроизводились на уровне поэтики именно в балладном ключе – это обстоятельство, как представляется, может способствовать конкретизации художественной специфики жанра, границы которого включают в себя и народные тексты и авторские, принадлежащие высокой поэтической традиции XIX в. Двойническая подмена, игра ролями и статусами, приводящие в формально-логическом плане к активизации героя, обязанного совершить выбор (часто – слепой) между двумя проблематическими позициями, ассоциированными с одним «двоящимся» героем или двумя, символически замещающими друг друга, – вот ядерная художественная структура, которая (без-

относительно к массе «сглаженных», сокращенных и/или гибридных вариантов) моделирует тексты жанра и, очевидно, опознаётся его исследователем XIX в., определившим попавшие в его поле зрения тексты понятием, навеянным новейшей европейской и русской поэзией.

Ясно, однако, что ни один мотив сам по себе, бытующий в интертекстуальном и межжанровом пространстве, не может быть эссенциалистски охарактеризован как «балладный»¹. В этом смысле двойственная природа героя, балансирование на той или иной символической границе (живого и мертвого, человеческого и животного, истинного и ложного жениха и т.д.) не являются монополией баллады. Взятые в качестве индикатора, эти мотивы помогли акцентировать в нужном нам аспекте давно наблюдавшееся фундаментальное отличие баллады от народного эпоса. Так, в былинах само монструозное начало подано как решительно античеловеческое, антагонистическое, не подразумевающее никаких смешений, никакой путаницы человеческого с хтоническим. Победа над этим последним означает возвращение к прежнему покою. В ходе развития событий по данной фабульной линии герой быliny сближается с мифологическим восстановителем порядка, обладателем целостной личности, а не раздвоенной индивидуальности, присущей герою баллады, обреченному плутать и выбирать между неясным.

В балладах, содержащих в своём сюжете мотивы «чудовищного», ставшие особенно популярными в литературных образцах жанра, они задействованы не прямо, как в былине, а опосредованно – в перспективе обманчивого двоения от природы противоположных сущностей: враждебного антагониста из мира мертвых и знакомого представителя посясторонней жизни (жениха, брата, отца и т.д.). Облик второго выступает в роли маски для первого. Столкновение с таким антагонистом освещается в балладе не как единоборство разноприродных (и сознающих свою разноприродность) сил, а как подпадание слабого героя под власть антагониста, запутывающего свою жертву: в высшей степени к месту здесь приходятся мотивы *путаницы* живого с мертвым, а также фигурального, а подчас и буквального *опутывания* пленницы ее женихом-похитителем (исторические баллады о татарском полоне). Противоборство с таким врагом завершается не восстановлением порядка, а его безысходной утратой, вызывающей к жизни эффект «балладного страха». Неудивительно, что если в былине герой не отделен от судьбы, являясь в известном смысле ее дланью, вершащей высшую справедливость, то герой баллады, трагически индивидуализируясь и отпадая от целого (бытовые хронотопы баллады служат именно этой цели, так как история обобщает, а быт обособляет), делает заметным зазор между самим собой и судьбой, каковая вследствие этой диссоциации преобразуется по отношению к нему в трагический рок. В числе прочего это «разъединение» героя с судьбой актуализирует пози-

¹ Ср. классическую дискуссию о «похожести» мотивов сказки и романа: [27; 28. С. 168–171].

цию третьего персонажа (ср. характерные балладные пары, группирующиеся вокруг главного героя: оклеветанная жена – клеветница-свекровь, убитый муж – ищущие его братья, убитая мужем мать – приведенная вместо неё мачеха, все сюжеты с ложным женихом, а также все сюжеты с узнаванием, заведомо подразумевающие двуйпостасность героя), а позднее, в литературно-поэтической традиции, усиливает аранжирующий события авторский голос.

Литература

1. *Балаиов Д.М.* Русская народная баллада // Народные баллады / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д.М. Балаиова. М., 1963. С. 5–41.
2. *Собрание народных песен П.В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях.* Т. 1 / под ред. А.Д. Соймонова. Л., 1977.
3. *Гугнин А.А.* Народная и литературная баллада: судьба жанра // Поэзия западных и южных славян и их соседей / отв. ред. Л.Н. Будагова. М., 1996. С. 74–92.
4. *Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.* Ф. 125.
5. *Песни, собранные П.В. Киреевским.* М., 1860–1874. Вып. 1–10.
6. *Песни, собранные П.В. Киреевским.* Новая серия. Вып. 1: (Песни обрядовые) / под ред. В.Ф. Миллера, М.Н. Сперанского. М., 1911.
7. *Песни, собранные П.В. Киреевским.* Новая серия. Вып. 2 (Ч. 1): Песни необрядовые / под ред. М.Н. Сперанского. М., 1918.
8. *Песни, собранные П.В. Киреевским.* Новая серия. Вып. 2 (Ч. 2): Песни необрядовые / под ред. М.Н. Сперанского. М., 1929.
9. *Литературное наследство.* Т. 79: Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П.В. Киреевского. М., 1968.
10. *Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина:* в 2 т. / под ред. З.И. Власовой. Л., 1983. Т. 1; 1986. Т. 2.
11. *Письма П.В. Киреевского к Н.М. Языкову* / ред., вступ. ст. и коммент. М.К. Азодовского. М.; Л., 1935.
12. *Соймонов А.Д.* П.В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971.
13. *Тюпа В.И.* Дискурс. Жанр. М., 2013.
14. *Созонович И.* К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию. Варшава, 1898.
15. *Елина Н.Г.* Развитие англо-шотландской баллады // Английские и шотландские баллады / изд. подгот. В.М. Жирмунский, Н.Г. Елина, И.С. Маршак. М., 1973. С. 104–131.
16. *Государственный исторический музей.* Ф. 56.
17. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2008. Т. 3.
18. *Иезуитова Р.В.* Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 138–163.
19. *Июльская Е.Г.* «Ванька-ключник, злой разлучник...»: (Поэтика семейно-бытовой баллады «Князь Волконский и Ваня») // Русская баллада: История и теория жанра: сб. науч. ст. М., 2006. С. 44–56.
20. *Кулагина А.В.* Русская народная баллада: учеб.-метод. пособие. М., 1977.
21. *Протт В.Я.* Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М., 1958.
22. *Кулагина А.В.* Балладные песни // Библиотека русского фольклора. Т. 6: Баллады. М., 2001. С. 5–26.
23. *Путилов Б.Н.* Славянская историческая баллада. М.; Л., 1965.
24. *Былины* / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Путилова. Л., 1986.
25. *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин // Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 41–131.

26. Неклюдов С.Ю. Время и пространство в былинe // Славянский фольклор. М., 1972. С. 18–45.

27. Смирнов И.П. От сказки к роману // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. 27. С. 284–320.

28. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. М., 2009.

On the History of the Aesthetic Conceptualization of the Ballad in the 19th Century: Some Remarks in Source Study and Typology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 177–192. DOI: 10.17223/19986645/61/10

Kirill V. Anisimov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

Keywords: historical poetics of a ballad, Russian folk ballad, literary ballad, P.V. Kireevsky, A.V. Koltsov, V.A. Zhukovsky.

The main question raised in the article is: what were the poetic features of the lyrical epic folk songs, newly found and recorded in the 1830s, that allowed their collector P.V. Kireevsky to qualify them as ballads and thus create in his archive a special part called “Ballads and Elegies”, whereas in their authentic sphere of usage these texts were never marked with any stable genre definition? The crucial problem in this sense was the multiple plot incompatibilities between, on the one hand, the diverse plot reality of folk songs and, on the other hand, the paragons of poetic culture already canonized in the 1830s and familiar to the Russian reader who was aware of their European originals and Russian versions translated mostly by V.A. Zhukovsky. It occurred that the disinterest in the mystic of the world beyond was the main borderline that separated Russian folk texts from their European counterparts in which this theme was very productive. Further exploration and reconstruction were based on Kireevsky’s archives kept now in the Manuscript Division of the Russian State Library and in the State Historical Museum as well as on all the printed editions of Kireevsky’s folk song collection issued from the mid-19th century till the end of the 20th century. The major approach used in the article to the attracted representative sources comprised, firstly, a comparison of plot versions, secondly, a more detailed view of their localization within Kireevsky’s collection as a whole and within selected handwritten notebooks in particular (as a special example, A. Koltsov’s notebooks were analyzed). The latter case is of specific importance: here the folk song collector formulated the genre nature of his records having separated the ballad out of the massif of the rest of the oral lyrics. As a result, the comparison the author of the article had made allowed him to identify a number of dominating motifs which (no matter whether the mystic and the fantastic were involved) on the typological level correlate the folk ballad with the literary one. The most important phenomena revealed in the course of the study are the double-nature and tricky substitutions on the levels of characters and images – the device persistently used by the anonymous authors of folk songs. Finally, the formal and logical structure of the ballad text was clarified. It has become clear that as the doppelganger game and the mixing of social roles and statuses were activated in the plot, the strongest position among the participators of this interplay was the position of the hero who was to make his choice (sometimes a blind one) between two problematic poles presented either as a single person symbolically split into two or two characters acting like doppelgangers. This core structure produces texts of the ballad genre and is obviously recognized by Kireevsky, who classifies the songs he collects using the name of the genre borrowed from the contemporary European and Russian poetry. In order to clarify the role and the functional essence of the ballad plot rather than its motif and semantic features, in the final part of the article, its author compared the above-mentioned devices of folk ballads with (at first sight) similar features of the Russian heroic epic songs (*byliny*) which often contain motifs homonymic to ballad stories on trickery and doppelgangers. In the course of this comparison, the principal dissimilitude of the epic *imago mundi* as compared to the ballad one was revealed.

References

1. Balashov, D.M. (1963) Russkaya narodnaya ballada [Russian Folk Ballad]. In: Balashov, D.M. & Astakhova, A.M. (eds) *Narodnye ballady* [Folk Ballads]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 5–41.
2. Soymonov, A.D. (ed.) (1977) *Sobranie narodnykh pesen P.V. Kireevskogo: Zapisi Yazykovykh v Simbirskoy i Orenburgskoy guberniyakh* [Collection of Folk Songs by P.V. Kireevsky: Linguistic Records in the Simbirsk and Orenburg Provinces]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
3. Gugin, A.A. (1996) Narodnaya i literaturnaya ballada: sud'ba zhanra [Folk and Literary Ballad: the Fate of the Genre]. In: Budagova, L.N. (ed.) *Poeziya zapadnykh i yuzhnykh slavyan i ikh sosedei* [Poetry of the Western and Southern Slavs and Their Neighbours]. Moscow: Indrik. pp. 74–92.
4. Manuscript Department of Russian State Library. Fund 125. (In Russian).
5. Kireevskiy, P.V. (1860–1874) *Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim* [Songs compiled by P.V. Kireevsky]. Moscow: Obshchestvo lyubiteley rossiyskoy slovesnosti. Vols. 1–10.
6. Miller, V.F. & Speranskiy, M.N. (eds) (1911) *Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim. Novaya seriya* [Songs Compiled by P.V. Kireevsky. New Series]. 1. Moscow: Obshchestvo lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Moskovskom universitetete.
7. Speranskiy, M.N. (ed.) (1918) *Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim. Novaya seriya* [Songs Compiled by P.V. Kireevsky. New Series]. 2 (1). Moscow: Obshchestvo lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Moskovskom universitetete.
8. Speranskiy, M.N. (ed.) (1929) *Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim. Novaya seriya* [Songs Compiled by P.V. Kireevsky. New Series]. 2 (2). Moscow: Obshchestvo lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Moskovskom universitetete.
9. Blagoy, D.D., Bushmin, A.S., Vinogradov, V.V. et al. (eds) (1968) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 79. Moscow: Nauka.
10. Vlasova, Z.I. (ed.) (1983–1986) *Sobranie narodnykh pesen P.V. Kireevskogo. Zapisi P.I. Yakushkina* [P.V. Kireevsky's Collection of Folk Songs. P.I. Yakushkin's Records]. Leningrad: Nauka.
11. Azadovskiy, M.K. (ed.) (1935) *Pis'ma P.V. Kireevskogo k N.M. Yazykovu* [P.V. Kireevsky's Letters to N.M. Yazykov]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
12. Soymonov, A.D. (1971) *P.V. Kireevskiy i ego sobranie narodnykh pesen* [P.V. Kireevsky and His Collection of Folk Songs]. Leningrad: Nauka.
13. Tyupa, V.I. (2013) *Diskurs. Zhanr* [Discourse. Genre]. Moscow: Intrada.
14. Sozonovich, I. (1898) *K voprosu o zapadnom vliyaniy na slavyanskuyu i russkuyu poeziyu* [On Western Influence on Slavic and Russian Poetry]. Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga.
15. Elina, N.G. (1973) Razvitie anglo-shotlandskoy ballady [The Development of the Anglo-Scottish Ballad]. In: Zhirmunskiy, V.M., Elina, N.G. & Marshak, I.S. (eds) *Angliyskie i shotlandskie ballady* [English and Scottish Ballads]. Moscow: Nauka. pp. 104–131.
16. State Historical Museum. Fund 56. (In Russian).
17. Zhukovskiy, V.A. (2008) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
18. Iezuitova, R.V. (1978) *Ballada v epokhu romantizma* [Ballad in the Era of Romanticism]. In: Russkiy romantizm [Russian Romanticism]. Leningrad: [s.n.]. pp. 138–163.
19. Iyul'skaya, E.G. (2006) "Van'ka-klyuchnik, zloy razluchnik...": (Poetika semeynobytovoy ballady "Knyaz' Volkonskiy i Vanya") ["Vanka the Key Keeper, the Evil Home Wrecker . . .": (Poetics of the Family-household Ballad "Prince Volkonsky and Vanya")]. In: Travnikov, S.N. (ed.) *Russkaya ballada: Istoriya i teoriya zhanra* [Russian Ballad: History and Theory of the Genre]. Moscow: Institut Pushkina. pp. 44–56.
20. Kulagina, A.V. (1977) *Russkaya narodnaya ballada* [Russian Folk Ballad]. Moscow: Moscow State University.

21. Propp, V.Ya. (1958) *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian Heroic Epos]. 2nd ed. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
22. Kulagina, A.V. (2001) *Balladnye pesni* [Ballad Songs]. In: Kirdan, B.P. (ed.) *Biblioteka russkogo fol'klora* [Library of Russian Folklore]. Vol. 6. Moscow: Russkaya kniga. pp. 5–26.
23. Putilov, B.N. (1965) *Slavyanskaya istoricheskaya ballada* [Slavic Historical Ballad]. Moscow; Leningrad: Nauka.
24. Putilov, B.N. (ed.) (1986) *Byliny* [Bylinas]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
25. Skaftymov, A.P. (2007) *Poetika khudozhestvennogo proizvedeniya* [The Poetics of a Literary Work]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 41–131.
26. Neklyudov, S.Yu. (1972) *Vremya i prostranstvo v byline* [Time and Space in Bylinas]. In: Putilov, B.N. & Sokolova, V.K. (eds) *Slavyanskiy fol'klor* [Slavic Folklore]. Moscow: [s.n.]. pp. 18–45.
27. Smirnov, I.P. (1972) *Ot skazki k romanu* [From Tale to Novel]. In: Panchenko, A.M. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 27. Leningrad: Nauka. pp. 284–320.
28. Silant'ev, I.V. (2009) *Syuzhetologicheskie issledovaniya* [Subjectological Studies]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

УДК 82-144

DOI: 10.17223/19986645/61/11

Е.Е. Анисимова

ЖАНРОВАЯ МОДЕЛЬ БАЛЛАДЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Исследуются жанровые признаки баллады в сопоставлении со смежными фольклорными и литературными жанрами. В качестве ключевых слагаемых балладного жанра осмысляются типология балладного события, специфика персонажной структуры и коммуникативная стратегия балладного героя. Как показано в работе, структуро- и смыслообразующей основой русской литературой баллады становится диалогово-ролевой треугольник: миропорядок – «подвижный» персонаж – «неподвижный» персонаж. Коммуникативная стратегия «неподвижного» персонажа позволяет выделить три типа балладного героя: дивергентно-идентифицирующийся, расцепленный (трагический) и идентифицирующийся с целостностью (эпический).

Ключевые слова: баллада, жанр, сюжет, диалог, В.А. Жуковский, П.А. Катынин.

Говоря о том или ином жанре, мы подразумеваем, что, несмотря на всё разнообразие его воплощений, в каждом из образцов имеются такие признаки и структурные особенности, которые обеспечивают *жанровое узнавание*. Описание жанровой модели требует особого внимания, так как эти несущие конструкции всегда скрыты за художественной тканью конкретных текстов. При этом следует понимать, что структура жанра предполагает моделирование определенных и повторяющихся от текста к тексту мотивов, ситуаций и типов героев.

Научные работы о балладе условно можно разделить на две категории: многочисленные исследования об отдельных образцах этого жанра, чаще всего, о вершинных текстах [1–7], с одной стороны, с другой – редкие труды, в которых предпринималась попытка реконструировать теоретическую жанровую модель [8–14]. Выявить структурные признаки баллады помогает сопоставление со смежными жанрами, к числу которых следует отнести, прежде всего, **лирическое стихотворение, идиллию, романтическую поэму, волшебную сказку, загадку, элегию и литературный романс.**

Попытаемся определить характерные признаки баллады, входящие в ядро ее жанровой модели. Предварительно сделаем две важные методологические оговорки. Во-первых, в данной работе перед нами стоит задача **соотнести жанр с сюжетом** в русле традиции, инициированной в свое время О.М. Фрейденберг [15]. Очевидно, что для более или менее полной реконструкции жанровой модели необходимо учитывать и другие подхо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-00046.

ды, прежде всего, осмысление типологии конфликта, коммуникативных стратегий, стиля и т.д. В центре настоящего исследования находится **типология балладного события и функции балладных персонажей**, образующих, как будет показано далее, **диалогово-ролевой треугольник**. Во-вторых, основная методологическая проблема, с которой исследователь вынужден сталкиваться при реконструкции сюжетной структуры баллады, – это атрибуция мотивов и сюжетных ситуаций как балладных в эссенциальном смысле. На поверку таковая атрибуция, по-видимому, в принципе невозможна. Каждый привычный для читателя элемент баллады, ее эстетический «сигнал» может быть встречен в художественном контуре иного жанра – идет ли речь о трагическом герое, встрече с представителем потустороннего мира и т.д. Поэтому в науке нередко говорят о неопределенной «балладности» [11], перефразируя Б.М. Гаспарова, «пятне» жанра, а не структуре как наборе элементов.

I. Начать следует с осмысления типологии балладного **события**. В этой перспективе баллада может быть сопоставлена с ближайшими эпическими жанрами – романтической поэмой, идиллией, волшебной сказкой и романсом. Романтическая поэма в отличие от баллады многособытийна и концентрируется на нескольких ключевых эпизодах [12. С. 12]. Литературный романс раздробленно представляет сцены одного события, «что определяется полным субъективным участием лирического субъекта в изображаемом, тогда как балладное событие предстает как некая целостность» [16. С. 250]. В романсе, как правило, событие реальной жизни героя отнесено к прошлому, а связанное с ним событие ментального плана является актуальным для настоящего. Идиллия, восходящая к архаическим «дискурсам покоя» [13. С. 129], напротив, бессобытийна, установленный порядок вещей в ней не нарушается. Структура волшебной сказки имеет многособытийный характер и включает в себя, по наблюдению исследователей, «три блока, каждый из которых является формой испытания героя на пути к приобретению сказочных ценностей, – предварительное испытание (получение чудесного средства), основное (решение трудных задач, ликвидация недостатка, подвиг), дополнительное (идентификация героя и развенчание самозванца, претендующего заступить место победителя)» [17. С. 291]. Балладное событие **целостно и однократно**. В образцах этого жанра событийность представлена в предельно концентрированном виде по каждому из ключевых критериев [18. С. 22–27]. Исключением из этого правила являются «зеркальные» баллады, в финале которых имеется указание на повторение основного события в другом ракурсе (например, «Светлана» Жуковского).

II. Центральное балладное **событие** – **встреча героев, находящихся по разные стороны границы миропорядка**. Характер взаимодействия сторон в этой встрече описан в работе Д.М. Магомедовой «К специфике сюжета романтической баллады» [10]. По наблюдению исследователя, в отличие от волшебной сказки активность в балладе принадлежит иномирному герою, который пересекает *границу* между мирами. Используя терми-

нологию Ю.М. Лотмана, можно сказать, что балладный герой относится к категории *подвижных* персонажей, имеющих право на пересечение границы [19. С. 227–228]. Причем если в романтической поэме результатом события становится «преодоление границ его кругозора» [12. С. 12], то в балладном сюжете, зеркальном по отношению к сказочному, подвижный персонаж стремится вернуться «к себе, **захватив нечто**» [19. С. 228] (невесту, ребенка, убийцу, кубок, ветвь оливы и т.д.).

При этом важно учитывать, что далеко не всегда балладный сюжет реализуется в мистическом, «чудесном» ключе. «Потусторонность» одного из героев может иметь как прямой, так и переносный смысл. Например, «Пустынник», «Кубок», «Старый рыцарь» Жуковского или «Перчатка» Лермонтова не подразумевают выхода за границы реального. Трансформация баллады в XX в. также предполагает развитие этой закономерности преимущественно в аллегорическом направлении (например, «Баллада» В. Ходасевича, «Баллада о маленьком буксире» И. Бродского).

III. Пересечение границы как неперемное условие балладного сюжета предполагает еще одно слагаемое жанровой модели – **приоритет пространственного над временным**. По наблюдению Н.Д. Тамарченко, для романтической поэмы характерно «преобладание временного (исторического или метаисторического, например космогонического) противопоставления действующих сил и реальностей над пространственными их различиями и разобщенностью» [12. С. 12]. Это же свойственно и элегии, семантика которой, по словам В.И. Козлова, всегда представляет собой «настоящее в ценностном свете прошлого» [20. С. 20]. Напротив, миру жанровой пары баллада / идиллия присуще преобладание пространственных характеристик над временными. Как отметил В.И. Тюпа, если в идиллии коммуникативная стратегия дискурсов покоя актуализирует границу защищенности, то в балладе, наоборот, коммуникативная стратегия дискурсов тревоги связана с угрозой проницаемости границы своего мира для чужих [13. С. 129].

IV. Балладная модель предполагает **двойную оптику восприятия** события, которое, как правило, балансирует на границе реального и нереального, понимаемого в данном конкретном тексте как мистическое, аллегорическое, провиденциальное и т.п. Ю.В. Шатин в статье «Мотив и жанр: приход живого мертвеца за жертвой (от «Леноры» Бюргера до «Революционной казачки» Пригова)» [14] указал на связь фольклорного сюжета о мертвом женихе с жанром загадки. Фольклорный источник «Леноры» Бюргера предполагал, что счастливый финал гарантирован лишь в том случае, если невеста отгадает, что перед ней мертвец. Аналогичную структуру диалога-загадки имеют и некоторые другие известные баллады: вспомним диалог ребенка и отца в «Лесном царе» Гете. Иначе говоря, жанровой особенностью баллады является возможность осмыслить событие одновременно в двух перспективах: например, на *границе* реального и ирреального или, как в «Бесах» Пушкина, условно-поэтического и мифологического [8. С. 124–134].

V. Специфика персонажной структуры баллады: **троичность**. Наряду с героями, связанными с потусторонним и посюсторонним мирами, непрерывным третьим участником диалога является некое олицетворение установленного *миропорядка* (провидение / рок / судьба / норма / закон), которое может быть как персонифицировано, так и представлено метонимическими заместителями, действующими по воле высших сил, а кроме того, может фиксироваться в ценностно-идеологической позиции повествователя. Балладное событие связано с нарушением божественного или земного закона, иначе говоря, пересечением *границы* допустимого, поэтому для балладной жанровой модели характерны три диалоговые инстанции: *закон – нарушитель закона – испытываемый*.

Семантическую структуру баллады можно описать как испытание «неподвижного» героя встречей с «подвижным» героем, в ходе которого проверяется способность первого остаться в пределах закона, нормы или веры. Потому ключевыми мотивом баллады становится двойничество, в ряде случаев (на уровне конкретных социально-исторических кодов текста) данное как переодевание или самозванчество (например, переодетый паладином слуга в «Мицении» или переодетый сын графа в «Роланде оруженосце»).

В балладах, где герой стремится занять не своё место и / или претендует на то, что не может принадлежать ему по праву, разрабатывается своего рода механика обмана. Обман в балладе дан преимущественно как «акция умолчания о важных для данного случая фактах», а его результатом является, прежде всего, *воздействие* на объект обмана в широком диапазоне «от самых негативных до самых положительных» последствий [21. С. 13]. Отсюда кажущаяся двойственность балладных сюжетов, в которых обманщик может наделяться как демоническими чертами (мертвый жених, Адельстан, Лесной царь, Леший, Водяной), так и презентоваться повествователем с явной симпатией (Альсим, Арминий, Роланд, пастырь-певец из «Графа Гамбургского»). Другим воплощением этого же слагаемого художественной грамматики баллады становится двоение персонажа как метонимический перенос на некий, представляющий его предмет, «реликвию» (перчатка, кубок перстень, синий пакет и т.д.).

VI. **Линии развития**: Жуковский и Катенин. В вопросе о типологии жанра традиционно выделялось две версии баллады: *высокая* – условно-романтическая баллада Жуковского и *низкая* – простонародная Катенина. С.Н. Бройтман указал, что в двух авторских версиях баллады «делали акцент на разных сторонах ее родового синкретизма – лирической (Жуковский) и эпической (Катенин)» [8. С. 129]. По сути, в лиризованной балладе «Бесы» Пушкин предложил синтез этих двух направлений, моделью которого стал диалог лирического героя (лирическое начало) и ямщика (эпическое, народное начало). Как показал исследователь, мифологическая картина мира ямщика проникает в кругозор лирического героя и обогащает его [Там же. С. 132]. Таким образом, характерная для жанровой модели баллады возможность осмыслить событие на *границе* реального и ирреального впервые оказывается в пределах одного сознания. Что же касается

структурных особенностей баллад Жуковского и Катенина, то обе версии жанра содержат в себе названные выше признаки.

VII. Если описанная выше сюжетная структура составляет ядро жанровой модели, то **типология баллады**, как нам представляется, связана с **коммуникативными стратегиями** внутри диалогово-ролевого треугольника «*миропорядок – подвижный персонаж – неподвижный персонаж*». Критерием, т.е. переменной величиной, здесь выступает субъектность того, *кого* стремится захватить с собой *подвижный* персонаж. Если в волшебной сказке мы имеем дело с «объектом поисков» [22. С. 50–52] независимо от того, человек это, животное или предмет, то в балладе ключевое событие ментального плана происходит в сознании «добычи». Потому балладные тексты предполагают градацию от субъект-объектных к субъектным отношениям, что, во-первых, создает иллюзию разнообразия балладных сюжетов, а во-вторых, позволяет жанру приспособиться к эстетике различных историко-литературных эпох от романтизма до соцреализма. Рассмотрим эти коммуникативные стратегии на репрезентативных примерах.

1. *Дивергентно-идентифицирующий тип*. Первую условную группу составляют тексты, в которых балладный герой оказывается под безоговорочным влиянием *подвижного* персонажа. Например, дети в балладах «Лесной царь» Жуковского и «Леший» Катенина почти беспрекословно поддаются обаянию хозяев леса:

«Лесной царь» В.А. Жуковского

<...>

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?» –
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой». –
«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит». –
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листья».

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыпать».

<...>

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал

[23. С. 137–138].

«Леший» П.А. Катенина

<...>

– «Твой, родная, страх напрасен,
Страхов нет в лесу глухом.
Если б знала, как прекрасен
Там, в глуши, чудесный дом!
С золотыми теремами,
Скован весь из серебра:
Перед нашими домами,
Что пред кочкою гора.

Кверху ключами чистые воды
Бьют вокруг накрытых брашном столов;
Девушек красных там хороводы
Пляшут во время сладких пиров.

В доме том хозяин славный,
Добр и ласков для гостей,
Старичок такой забавный,
Друг и баловник детей».

<...>

Смотрят повсюду, бегают, рыщут;
Отзыва нет им, нет им следа.
Тщетно старанье, ищут – не сыщут:
Мальчик исчезнул, зная, навсегда

<...>

[24. С. 87, 90].

В балладе Новейшего времени можно наблюдать, как этот же тип коммуникации дается в аллегорическом ключе:

«Баллада» В.Ф. Ходасевича

<...>

Бессвязные, страстные речи!
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвие.

<...>

И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.

И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает – Орфей [25. С. 241–242].

2. *Расщепленный (трагический) тип.* В другую группу входят баллады, в центре которых находится трагически раздвоенный персонаж, в равной степени тяготеющий и к разрушителю миропорядка, и к установленным в данной картине мира нормам. Приведем пример из баллад о разлученных влюбленных, герои которых внутренне шире своих ролевых границ [13. С. 62]:

«Алина и Альсим» В.А. Жуковского

<...>

«Алина, пробудись, друг милой;
С тобою я.
Ничто души не изменило;
Она твоя.
В последний раз: люблю Алину,
Пришел сказать;
Тебя покинув, жизнь покину,
Чтоб не страдать».

Алина с горем и тоскою
Ему в ответ:
«Альсим, я верной быть женою
Дала обет.
Хоть долг и тяжкий и постылой:
Все покорись;
А ты – не умирай, друг милой;
Но... удались» <...> [23. С. 62].

«Рыцарь (баллада)» Н.А. Некрасова

<...>

– Нет, милый, нет, в землю холодную лечь
Пора мне, простимся! мой друг, не дается
Нам прав уходить из подземных утроб,
Денница прекрасная скоро зажжется,
Прощай, до свиданья! ты в битву, я в гроб!...»
Исчезла... «Не можешь со мной ты остаться, –
Так я не могу ли с тобою?.. прости <...>

Есть ветхая келья. Оттуда порою
Выходит отшельник, угрюм, сановит;
Он молится днем над могилой одною,
А ночью всё с кем-то на ней говорит
[26. С. 237].

В балладе Новейшего времени, как можно заметить, аллегорически представлен этот же тип коммуникации:

«Баллада о маленьком буксире» И.А. Бродского

<...>

На рассвете в порту,
когда все ещё спят,
я, объятый туманом
с головы и до пят,
отхожу от причала
и спешу в темноту,
потому что КОРАБЛЬ
появился в порту.

Он явился сюда
из-за дальних морей,
там, где мне никогда
не бросать якорей,
где во сне безмятежно
побережья молчат,
лишь на пальмах прибрежных
попугаи кричат.

Пересёк океан –
и теперь он у нас.
Добрый день, иностранец,
мы приветствуем вас.

<...>

Это я, дорогие,
да, по-прежнему я.
Перед вами другие
возникают края,
где во сне безмятежно
побережья молчат,
лишь на пальмах прибрежных
попугаи кричат.
И хотя я горюю,
что вот я не моряк,
и хотя я тоскую
о прекрасных морях,
и хоть горько прощаться
с кораблём дорогим,
НО Я ДОЛЖЕН ОСТАТЬСЯ
ТАМ,
ГДЕ НУЖЕН ДРУГИМ <...> [27].

3. Идентифицирующий с целостностью (эпический) тип. Наконец, еще одну группу текстов составляют баллады о персонаже, который без серьезных затруднений преодолевает соблазн и совершает выбор в пользу установленного миропорядка.

«Светлана» В.А. Жуковского

<...>

«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».

<...>

Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь – на лбу венец,
Затворены очи.

<...>

Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о Творец!
Милый друг ее – мертвец!
Ах!... и пробудилась <...>

[23. С. 33, 36, 37].

«Наташа» П.А. Катенина

<...>

У неё один сердечный
Милой друг был на земли;
Скоро с ним в любви беспечной
Дни счастливые текли.
Длился, длился, дорогое,
Время краткое, златое!
Счастье жизни человек
Вкусит раз лишь в целый век.

Вдруг поднялся враг войною
Русь заграбить и зажечь;
Всюду лётся кровь рекою,
Всюду блещет огонь и меч.

<...>

«Не моё девичье дело,
Милой друг, тебя учить:
Не прогневайся, что смело,
Может, стану говорить;
Но прости мне укоризну:
Не сражаться за отчизну,
Одному отстать от всех –
В русских людях стыд и грех» <...>

[24. С. 79–80].

Посмотрим, как в балладе Новейшего времени представлен этот же тип коммуникации:

«Баллада о товарище» А.Т. Твардовского

<...>

– Остался б, – за руку брала
Товарища она, –
Пускай бы рана зажила,
А то в ней смерть видна.

Пойдешь да сляжешь, на беду,
В пути перед зимой.
Остался б лучше. – Нет, пойду, –
Сказал товарищ мой.

– А то побудь. У нас тут глушь,
В тени мой бабий двор.
Случись что, немцы, – муж и муж,
И весь тут разговор.

И хлеба в нынешнем году
Мне не поесть самой,
И сала хватит. – Нет, пойду, –
Вздыхнул товарищ мой.

– Ну, что ж, иди... – И стала вдруг
Искать ему белье,
И с сердцем как-то все из рук
Металось у нее.

Гремя, на стол сковороду
Подвинула с золой.
Поели мы. – А все ж пойду, –
Привстал товарищ мой.

Она взглянула на него:
– Прощайте, – говорит, –
Да не подумайте чего... –
Заплакала навзрыд <...>

[28. С. 61–62].

Подводя итоги сказанному, отметим, что ситуация выбора, в которой оказывается балладный герой, делает жанр актуальным как для эстетики модернизма, где «добыча» с радостью оказывается во власти демонических сил, так и для советской баллады, в которой персонаж не задумываясь совершает правильный выбор. Доминантой в каждом из коммуникативных типов баллады становится одно из родовых начал этого синкретичного жанра – лирическое, драматическое и эпическое. В первом типе субъектность персонажа выходит за пределы его ролевых границ, во втором – индивидуальное начало героя показано в неразрешимом противоречии с миром, в третьем – личность подчиняет себя ценностным приоритетам своего коллектива. Закономерно, что эпический коммуникативный тип особенно широкое распространение получает в «милитаризованных» балладах, у героев которых совмещение внутренних и социальных границ личности связано с консолидацией людей в периоды значительных исторических катаклизмов.

Тематически баллады не закрепляются за тем или иным типом коммуникации. Например, в балладах невыполнимого задания герой может выбрать сторону «подвижного» персонажа («Кубок» Жуковского, «Баллада (Над морем красавица-дева сидит...)» Лермонтова), а может преодолеть соблазн («Перчатка» Лермонтова), в балладах о приходе мертвого жениха невеста может отправиться за ним («Людмила», «Ленора» Жуковского, «Ольга» Катенина), а может выбрать противоположную сторону миропорядка (в «Светлане» Жуковского – Провидение, в «Наташе» Катенина – гражданский долг). В коммуникативной типологии баллады не обладает классифицирующим значением и мотивация «подвижного» персонажа (см. выше о вариативности цели обмана), которая может иметь как негативный, так и утвердительный характер. Так, в балладах возмездия действия подвижного персонажа зачастую осмысляются как восстановление нарушенного ранее миропорядка (например, увод «добычи» заместителями убитых рыцаря в «Мщении» Жуковского и старика в «Убийце» Катенина), а в балладах о разлученных влюбленных пришелец получает право на свою «добычу», поскольку законы установленного миропорядка в земной жизни

героями нарушены не были («Эолова арфа» Жуковского, «Наташа» Катенина). Напротив, действия демонических персонажей в балладах увода («Лесной царь» Жуковского, «Леший» Катенина, «Водяной» Некрасова) воспринимаются как катастрофические для их «жертв». Разумеется, предложенная выше типология направлена не столько на составление жесткой классификации балладных героев, сколько на осмысление того уникального места, которое занимает каждый из них в диапазоне от гипертрофированной индивидуальности и трагического расщепления личности до слияния с коллективом и приятием его ценностей.

Литература

1. Душина Л.Н. Поэтика русской баллады в период становления жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975. 19 с.
2. Иезуитова Р.В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 138–163.
3. Канунова Ф.З. Трансформация сюжетного мотива возвращения жениха-мертвеца за своей невестой в балладах В.А. Жуковского // Интерпретация текста: сюжет и мотив : сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. С. 77–88.
4. Кукулин И.В. От Сваровского к Жуковскому и обратно: о том, как метод исследования конструирует литературный канон // Новое литературное обозрение. 2008. № 89. С. 228–240.
5. Семенко И.М. Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975. 256 с.
6. Шумахер А.Е. Русская литературная баллада конца XVIII – начала XIX века: сюжетно-мотивный репертуар и жанровые границы : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2015. 170 с.
7. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М., 2006. 524 с.
8. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики: (Субъектно-образная структура). М., 1997. 307 с.
9. Козлов В.И., Мирошниченко О.С. Воспоминание как привидение: о пограничной зоне элегии и баллады // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 1. С. 35–43.
10. Магомедова Д.М. К специфике сюжета романтической баллады // Поэтика русской литературы. К 70-летию Ю.В. Манна. М., 2001. С. 39–44.
11. Мерилай А.Э. Вопросы теории баллады. Балладность // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 879. Тарту, 1990. С. 3–21.
12. Магомедова Д.М. Жанровая модель поэмы в работах Н.Д. Тамарченко (по неопубликованным материалам) // Память жанра как феномен единства и непрерывности литературного развития: сб. науч. тр. / ред.-сост. М.Н. Дарвин, О.В. Федунина. М., 2018. С. 10–17.
13. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М., 2013. 211 с.
14. Шатин Ю.В. Мотив и жанр: приход живого мертвеца за жертвой (от «Леноры» Бюргера до «Революционной казачки» Пригова) // Литература и фольклорная традиция: сб. науч. тр. Волгоград, 1997. С. 52–63.
15. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. 448 с.
16. Никкарева Е.В. Литературный романс и баллада: проблема разграничения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2. С. 249–252.
17. Смирнов И.П. От сказки к роману // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. 27. С. 284–320.
18. Шмид В. Нарратология. М., 2008. 304 с.
19. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–285.

20. Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М., 2013. 280 с.
21. Егоров Б.Ф. Обман в русской культуре // Морфология дискурса лжи в литературе и культуре: в 2 ч. Ч. 1: Модусы лжи в литературе и культуре. Новосибирск, 2013. С. 5–24.
22. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2001. 192 с.
23. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2008. Т. 3. 456 с.
24. Катенин П.А. Избранные произведения. Л., 1965. 744 с.
25. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1996. Т. 1. 592 с.
26. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений : в 15 т. Л., 1981. Т. 1. 720 с.
27. Бродский И.А. Баллада о маленьком буксире. СПб., 2016. 32 с.
28. Твардовский А.Т. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1977. Т. 2. 431 с.

The Genre Model of the Ballad: On the Statement of the Problem

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 193–205. DOI: 10.17223/19986645/61/11

Evgeniya E. Anisimova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).
E-mail: eval393@mail.ru

Keywords: ballad, genre, plot, dialogue, V.A. Zhukovsky, P.A. Katenin.

The article raises the problem of the genre model of the literary ballad, i.e. its structural features that provide genre recognition and are constant irrespectively of specific authorial interpretations. Such levels of poetics as the specificity of eventfulness, peculiarities of the character structure and strategies of the character's interaction with the world order are considered as structural components of the genre. The basis of the proposed genre typology is the peculiarities of communication in the dialogue-role triangle. The most prominent 19th-century literary ballads by V.A. Zhukovsky, P.A. Katenin, M.Yu. Lermontov and N.A. Nekrasov are used as the material of the research. Modern ballads by V.F. Khodasevich, A.T. Tvardovsky and I.A. Brodsky are also involved. In addition, in the article, the author analyzes samples of the genres related to the ballad (lyric verse, idyll, romantic poem, fairy tale, riddle, elegy and literary romance). The theoretical basis of the research includes works by O.M. Freidenberg on the poetics of plot and genre, by V.Ya. Propp, Yu.M. Lotman and I.P. Smirnov on the structure of folklore and literary texts, by the team of researchers from the Russian State University for the Humanities on the historical poetics of genres, and others. In the course of the research, a number of structural features of the Russian literary ballad were defined and substantiated: integrity and singleness of the event, priority of the spatial over the temporal, dual optics of the event perception, triplicity of the character structure: world order – “mobile” character – “immobile” character. The key ballad event, as is shown in the article, is the meeting of characters who belong to the opposite sides of the world order so that the “mobile” character strives to return to his area taking something with him (a fiancée, a child, a killer, a beaker, an olive branch, etc.). The next problem that is formulated and partly solved in the article is ballad typology. As is shown, the authorial interpretations of the genre by V.A. Zhukovsky and P.A. Katenin contain the above named signs and therefore cannot be considered different types of genres. The author proposes to take communicative strategies inside the ballad dialogue-role triangle as a criterion for classification. Thus, three types of the ballad hero are pointed out: divergent-identifying, disintegrated (tragic) and identifying oneself with integrity (epic). The dominant in each of the communicative types of the ballad is one of the generic essences of this syncretic genre: lyrical, dramatic and epic. In the first type, the subjectivity of the character goes beyond its role boundaries; in the second, the individualism of the character is shown in an insoluble contradiction with the world; in the third, the character subordinates himself to the values of the community he belongs to.

References

1. Dushina, L.N. (1975) *Poetika russkoy ballady v period stanovleniya zhanra* [Poetics of Russian Ballad in the Period of Genre Formation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
2. Iezuitova, R.V. (1978) Ballada v epokhu romantizma [Ballad in the Era of Romanticism]. In: *Russkiy romantizm* [Russian Romanticism]. Leningrad: [s.n.]. pp. 138–163.
3. Kanunova, F.Z. (2007) Transformatsiya syuzhetnogo motiva vozvrashcheniya zhenikha-mertvetsa za svoey nevestoy v balladakh V.A. Zhukovskogo [Transformation of the Plot Motif of the Dead Man's Return for His Bride in V.A. Zhukovsky's Ballads]. In: *Interpretatsiya teksta: syuzhet i motiv* [Interpretation of the Text: Plot and Motif]. Novosibirsk: Institute of Philology SB RAS. pp. 77–88.
4. Kukulin, I.V. (2008) Ot Svarovskogo k Zhukovskomu i obratno: o tom, kak metod issledovaniya konstruiuet literaturnyy kanon [From Swarovsky to Zhukovsky and Vice Versa: How the Research Method Constructs the Literary Canon]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 89. pp. 228–240.
5. Semenko, I.M. (1975) *Zhizn' i poeziya Zhukovskogo* [Life and Poetry of Zhukovsky]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Schumacher, A.E. (2015) *Russkaya literaturnaya ballada kontsa XVIII – nachala XIX veka: syuzhetno-motivnyy repertuar i zhanrovye granitsy* [Russian Literary Ballad of the Late 18th – Early 19th Centuries: Subject-motive Repertoire and Genre Boundaries]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
7. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the world of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
8. Broytman, S.N. (1997) *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki: (Sub"ektno-obraznaya struktura)* [Russian Lyrics of the 19th – Early 20th Centuries in the Light of Historical Poetics: (Subject-Figurative Structure)]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
9. Kozlov, V.I. & Miroschnichenko, O.S. (2011) Vospominanie kak privedenie: o pogranichnoy zone elegii i ballady [Recollection as a Ghost: On the Border Zone between Elegy and Ballad]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. – Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 1. pp. 35–43.
10. Magomedova, D.M. (2001) K spetsifike syuzheta romanticheskoy ballady [On the Specifics of the Plot of a Romantic Ballad]. In: Belaya, G.A. (ed.) *Poetika russkoy literatury. K 70-letiyu Yu.V. Manna* [Poetics of Russian Literature. To the 70th Anniversary of Yu.V. Mann]. Moscow. pp. 39–44.
11. Merilay, A.E. (1990) Voprosy teorii ballady. Balladnost' [Issues of Ballad Theory. Ballad Features]. *Uchenyye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 879. pp. 3–21.
12. Magomedova, D.M. (2018) Zhanrovaya model' poemy v rabotakh N.D. Tamarchenko (po neopublikovannym materialam) [Genre Model of the Poem in the Works of N.D. Tamarchenko (Based on Unpublished Materials)]. In: Darvin, M.N. & Fedunina, O.V. (eds) *Pamyat' zhanra kak fenomen edinstva i nepreryvnosti literaturnogo razvitiya* [Memory of the Genre as a Phenomenon of Unity and Continuity of Literary Development]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 10–17.
13. Tyupa, V.I. (2013) *Diskurs. Zhanr* [Discourse. Genre]. Moscow: Intrada.
14. Shatin, Yu.V. (1997) Motiv i zhanr: prikhod zhivogo mertvetsa za zhertvoy (ot "Lenory" Byurgera do "Revol'yuts'onnoy kazachki" Prigova) [Motive and Genre: the Arrival of the Living Dead for the Victim (from Burger's "Lenora" to Prigov's "Revolutionary Cossack")]. In: Goldenberg, A.H. (ed.) *Literatura i fol'klornaya traditsiya* [Literature and Folklore Tradition]. Volgograd: Peremena. pp. 52–63.
15. Freidenberg, O.M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of the Plot and Genre]. Moscow: Labirint.

16. Nikkareva, E.V. (2014) Literaturnyy romans i ballada: problema razgranicheniya [Literary Romance and Ballad: the Problem of Differentiation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2. pp. 249–252.
17. Smirnov, I.P. (1972) Ot skazki k romanu [From Tale to Novel]. In: Panchenko, A.M. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 27. Leningrad: Nauka. pp. 284–320.
18. Schmid, W. (2008) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
19. Lotman, Yu.M. (1998) *Ob iskusstve* [On Art]. St. Petersburg: Iskustvo–SPB. pp. 14–285.
20. Kozlov, V.I. (2013) *Russkaya elegiya nekanonicheskogo perioda: ocherki tipologii i istorii* [Russian Elegy of the Noncanonical Period: Essays on Typology and History]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
21. Egorov, B.F. (2013) Obman v russkoy kul'ture [Deception in Russian Culture]. In: Ermakova, N.A. & Loshchilov, I.E. (eds) *Morfologiya diskursa lzhi v literature i kul'ture* [Morphology of the Discourse of Lies in Literature and Culture]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 5–24.
22. Propp, V.Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of the Fairy Tale]. Moscow: Labirint.
23. Zhukovskiy, V.A. (2008) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
24. Katenin, P.A. (1965) *Izbrannoe* [Selected Works]. Leningrad: Sovetskiy Pisatel'.
25. Khodasevich, V.F. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Soglasie.
26. Nekrasov, N.A. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
27. Brodskiy, I.A. (2016) *Ballada o malen'kom buksire* [A Ballad about a Little Tug]. St. Petersburg: Azbuka.
28. Tvardovskiy, A.T. (1977) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/61/12

С.Б. Королева

ПРОРОЧЕСКАЯ ТЕМА В СТИХОТВОРЕНИИ А.С. ПУШКИНА «ПРОРОК»: ДИАЛОГ С ТРАДИЦИЕЙ И ЭПОХОЙ

Исследуется диалог пушкинского «Пророка» с «пророческим каноном» русской литературы. Материалом для анализа явились, помимо стихотворения А.С. Пушкина, произведения поэтов-декабристов и поэтов второй половины XVIII в. Сделаны выводы об основных точках схождения (автобиографичность образа, идея служения, совмещение мотива истины с мотивом красоты) и расхождения (сюжет преобразования, понимание служения, отсутствие мотива наставничества и пафоса обличения пороков) «Пророка» Пушкина с традицией, сложившейся в русской литературе.

Ключевые слова: пророческая тема, внутренняя форма слова, образ, мотив, русская поэзия XVIII века, декабристы, Пушкин, евхаристия.

1

Пророчество – одна из значимых тем русской культуры, русской литературы. Круг задач настоящего исследования очерчивается попыткой определить основные ценностные, смысловые, образные особенности содержания пророческой темы в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк» в сопоставлении со значимыми для него историко-литературными и культурно-языковыми контекстами.

Основополагающим культурно-языковым контекстом для любого литературного произведения является внутренняя форма ключевого слова, тем более слова, вынесенного в заголовок. В отношении слова «пророк», вынесенного в заголовок пушкинского стихотворения и в связи с этим необходимо воспринимаемого как ключевое, обращает на себя внимание смысловое противоречие между его этимологическим значением и его словообразовательной моделью. Русское слово «пророк» появилось в результате кальки с греческого *προφήτης* [1. С. 377]. Этимология указывает на библейский, православный контекст вхождения слова в русскую культуру, на общность представления о пророке как о «глашатае воли Божией» в русском и греческом православии [2. С. 379]. Имена библейских пророков, «пророческие сюжеты», связанные с идеями абсолютного послушания Господу (Авраам), водительства, наставления народа (Моисей), чудотворения (Илия, Исайя и др.), обличения несправедности правителей, греховности народа (Елисей, Иезекииль), прорицания будущего, а также православные ценностные ориентиры сформировали первичное поле существования пророческой темы в языке и культуре. Оно подразумевало опору на категорию сакрального и включало представление об удаленности пророка

от мира обыденной человеческой жизни, приобщенность его божественной Истине.

Вместе с тем словообразовательная модель слова «пророк» отсылает нас к другому полю значений: слово составлено из «префикса про в значении “заранее, перед” и корня рок, означающего “тот, кто изрекает”» [3. С. 325]. Исходя из морфемного состава слова, можно думать, что «пророк» – это человек, который просто способен предрекать будущее. Словообразовательная модель подталкивала к снижению, десакрализации образа пророка. На выраженность этого сниженного, профанного образа в народной культуре первой половины XIX в. указывает статья «прорекать» в «Толковом словаре» В.И. Даля: здесь значению слова «пророк» даются следующие разъяснения: «озаренный Богом провозвестник»; «кому дан свыше дар провидения, или прямой дар бессознательного, но верного проорицания» [4. С. 505]. Приводятся соответствующие глаголы: прорекать, пророчить, предсказывать, предвещать, провидеть и разоблачать будущность. На снижение статуса «пророка» указывают и приводимые Далем пословицы: «И не пророк, да отгадчик»; «Не всякому пророку верь»; «Нет пророка без порока» и даже «Меж слепых и кривой пророк».

Как видим, во внутренней форме слова «пророк» наблюдается борьба двух разнонаправленных векторов пророческой темы: вектора, сформированного кругом библейских сюжетов о пророках в контексте ценностных установок православной культуры, и вектора, подразумевающего «простой», не связанный с категориями сакрального и Вечного дар предвидения, предрекания будущего. Напряжение между этими векторами несло в себе возможность динамичного развития пророческой темы в культуре Нового времени, именно это наблюдаем в поэзии Г.Р. Державина.

В знаменитой державинской оде «Фелица» (1782 г.) находим такие два использования слова «пророк», которые свидетельствуют об усложнении понимания образа пророка в русской культуре. В оде изображается просьба поэта, обращенная к «великому пророку»: «Прошу великого пророка, / Да праха ног твоих коснусь, / Да слов твоих сладчайших тока / И лицезренья насладюсь!» [5. С. 40]. Под «великим пророком», конечно, подразумевается пророк Мохаммед, что органично вписывается в поэтическое обыгрывание Державиным своего татарского происхождения (ср.: «Видение мурзы», «Послание Мурзы Багрима к царевне Доброславе»). Называние «пророком» Мохаммеда включает в пророческую тему у Державина как большой образно-смысловой ряд, связанный с мусульманством, так и намеков на переосмысление образа самого Христа, намеков на возможность его уравнивания со многими в «статусе» пророка (как это есть в мусульманстве).

Второе употребление слова «пророк» в оде Державина отсылает нас к традиционному представлению о пророке как «глазе Божьем»: «Ты здраво о заслугах мыслишь, / Достойным воздаешь ты честь, / Пророком ты того не числишь, / Кто только рифмы может плести <...>» [Там же. С. 37]. Расширение мотивной структуры пророческой темы в державинской оде про-

исходит за счет прямого ассоциирования образа пророка с образом поэта. У Державина оно построено по принципу отрицания: стихотворение утверждает справедливость суждения Фелицы о том, что не всякий, умеющий «рифмы плестъ», является пророком. Однако не отрицается сама возможность того, что поэт может быть пророком. Более того, суждение Фелицы в контексте исключительности ее образа подразумевает, что другие часто ложно любого поэта считают пророком.

Действительно, в просветительской поэзии XVIII в. суждение о поэте как о пророке было общим местом. «Пророчество» понималось, как правило, не в библейском контексте, но в связи с античной традицией восприятия поэта как «пророка муз и Аполлона» – «вдохновенного пророка, посредника между обществом и божеством» [6. С. 328]. Развитие в русской культуре нового пророческого образа, укорененного в античной традиции поклонения красоте и жизненной силе, было связано с влиянием европейского классицизма и Просвещения. Этот новый образ соответствовал не только античным идеалам боговдохновенной поэзии, «цивилизующего» посредничества между богами и людьми, но и (через ассоциацию пророка с поэтом-пиитом) таким специфическим просветительским ценностям, как общественная польза и гражданственное служение [7].

Этот новый образ окрашивает в просветительские тона пророческую тему русской литературы и в начале XIX в. Свидетельство этому находим в частности, в строках о Ломоносове одного из «Посланий» К.Н. Батюшкова от 1815 г., – произведения, которое А.С. Пушкин прекрасно знал и с которым вел поэтическую полемику в стихотворении «Отрок» [8–10]:

Наш Пиндар чувствовал сей пламень потаенный,
Сей огонь жидкительный, дар бога драгоценный,
От юности в душе небесного залога,
Которым Фебов жрец исполнен, как пророк
[11. С. 283].

Просветительские импульсы отчасти выстраивают и образность стихотворения В.Г. Кюхельбекера «Жребий поэта» (1824): здесь поэт назван «пророком радостных богов», «снедаемым огнем священным», «неистовым» жаром поэтической страсти [12. С. 73–74].

На то, что в поэтическом сознании А.С. Пушкина освоение пророческой темы происходит с первичной опорой именно на этот просветительский образ, указывает текст послания «Дельвигу» 1830 г.¹ Здесь находим и «Феба», и образ человека-игрушки в руках богов, и отсылку к традициям державинской поэзии:

¹ Излишне говорить, что эта первичная вовлеченность пророческой темы в круг просветительских образов и идей в пушкинском поэтическом сознании соотносится с общеизвестным воздействием на становление Пушкина-поэта античной поэзии и французской литературы XVIII в. См. об этом, в частности, классические труды: [13. С. 66–103; 14–17].

Мы рождены, мой брат названный,
Под одинаковой звездой.
Киприда, Феб и Вакх румяный
Играли нашею судьбой.

Явились мы рано оба
На ипподром, а не на торг,
Вблизи державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг. <...>
[18. Т. 2. С. 185].

Было бы, однако, упрощением описывать развитие пророческой темы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX в. только в плане ее просветительской традиции. Христианские, библейские мотивы продолжают воздействовать на образность русской поэзии и в этот период. Не случайно в творчестве И.И. Дмитриева и Г.Р. Державина явлено представление о вдохновенности истинной поэзии Святым Духом. Державин в целом ряде стихотворений («На тщету земной славы», 1795; «Бессмертие души», 1797; «Издателю моих песней», 1808 и др.) говорит от имени поэта, наделенного Духом Святым¹ не просто поэтическим даром, но даром пророчествовать истину (подробнее об этом см.: [19]):

Язык мой истину вещает,
Премудрость сердце говорит;
Что свыше Дух Святой внушает,
Моя то лира днесь звучит [20. С. 55].

Схожим образом в «Духовной песне <...>» (1795) И.И. Дмитриева, поэтически перерабатывающей 48-й псалом ветхозаветного пророка и царя Давида, создается образ поэта, чей дух просвещен и возвышен Духом Святым:

Высоку песнь взыграет лира,
Святой меня восхитил дух:
Я возношуся, я плаваю,
Я в горних небесах читаю
И важны истины пою! [21]

Сохраняются здесь и ветхозаветные мотивы обличения человеческих пороков, несправедливости, страстей; наставничества и призывания к милосердию и праведности. Упомянутое выше стихотворение Дмитриева заканчивается призывом:

¹ Излишне было бы подробно останавливаться на разъяснении того, что «Дух Святой» подразумевает именно христианскую, новозаветную перспективу. Однако упомянуть об этом необходимо.

Злодеи! бойтесь, трепещите!
А вы, гонимы, не ропщите!
Есть бог, есть вечность обоим.

В том же русле ветхозаветных книг пророков державинское «На тщету земной славы» оканчивается красноречивым наставлением-предупреждением власть имущим:

На вышней степени мы власти
Свою теряем высоту:
В порочные упавший страсти
Подобен человек скоту [20. С. 57].

Таким образом, к началу XIX в. вокруг образа поэта-пророка (с акцентами на идеалах возвышенной красоты и гражданственного служения) в русской литературе формируется новое, просветительское осмысление пророческой темы. В то же время в художественном мире поэтических творений оно взаимодействует с традиционными христианскими, в том числе ветхозаветными, мотивами, в связи с чем поэт предстает не только в образе «жреца муз и Аполлона», но и в образе певца, вдохновленного Духом Святым на возвешение истины, духовное наставничество и обличение пороков.

2

В творчестве поэтов-декабристов «пророческий канон» русской литературы обновляется. В целом ряде декабристских стихотворений Ф.Н. Глинки и В.К. Кюхельбекера начала 1820-х гг. прослеживается единый сюжет отталкивания от просветительских образов «пророка муз» и обращения к ветхозаветным сюжетам в русле нового героико-политического, гражданского осмысления темы пророчества. Обобщая, можно утверждать, что в декабристской поэзии создается новый героико-политический «пророческий канон». Для того чтобы определить его ключевые мотивы, обратимся к исследованию ряда поэтических текстов.

Стихотворения Ф.Н. Глинки о пророках и пророчестве опираются на библейский сюжет о призвании Богом Исаяи. На первый взгляд их образность, стилистика, оценочно-смысловая структура выстроены вполне в соответствии с библейским текстом. Однако прямая отсылка к казни декабристов («Твоих зарезали Пророков») в хронологически последнем стихотворении этого ряда – «Илия – Богу» (1826 или 1827 г.) позволяет выстроить более точную с исторической, биографической точки зрения перспективу. Слово «пророк» в творчестве поэта-декабриста Ф.Н. Глинки наполняется новым содержанием, через которое в «пророческий канон» русской литературы входит декабристский оценочно-смысловой и образный ряд. «Мы», «я», зарезанные «Пророки» в стихотворении «Илия – Богу» – это, очевидно, не столько образы поэта, осознающего свою «граж-

данскую миссию» обличения властителей и готового на личный подвиг во имя правды [22. С. 237], сколько образы идеального декабриста – человека высокой нравственности, с живой душой и совестью, трагически переживающего социальную несправедливость и готового бороться за правду. Здесь «пророк» оказывается не одним, высшим избранником Бога, обличающим и прорицающим, но одним из немногочисленного круга «пророков» – дворян-декабристов:

Мы ждём и не дождёмся сроков
Сей бедственной с нечестьем при:
Твоих зарезали Пророков,
Твои разбили алтари! <...>
И я теперь жилец пустыни,
Я плачу пред тобой один! [23. С. 253]

Именно в этом ключе – как обобщенный внутренний образ декабриста – «пророк России» представлен в так называемом «стихотворении о повешенных» – по-видимому, самой ранней версии пушкинского «Пророка», написанной в состоянии «великой скорби» после казни пяти восставших: «Восстань, восстань, пророк России, / В позорны ризы оденься, / Иди, и с вервием на выи / К убийце грозному явись» [24. С. 461].

В самом раннем стихотворении ряда «пророческих» произведений Ф.Н. Глинки – «Призвании Исая» (1822), написанном еще в период формирования декабристского Северного общества, – Господь-Егова, обращаясь к Исаяе, называет то, с чем ему предстоит бороться, о чём ему предстоит пророчить: скрытый «покровами» «порок» в народе, коварство душ и чёрствость сердец, «поддел и ложь», несправедливость «сильных и князей», – и это последнее оказывается самым страшным из пороков. Слова Бога к Исаяе становятся обращением ко всем «сильным»:

Омой корыстную десницу,
Лукавство вырви из души,
Будь нищим друг, спасай вдовицу!
Тогда, без жертв своих, спеши,
Как добрый сын, ко мне пред очи:
Я все грехи твои стерплю <...> [23. С. 152].

Пророк в стихотворении не только обличает: он наблюдает изменение в настроении («Я зрю мятеж и страх в умах»), признаки близости Божьего гнева («Промчался с криком коршун жадный, / Послышав гибель на полях») и пророчит о «жнецах», которых «Бог пошлёт» для «жатвы» – тех, кто восстанет 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади против крепостного права и самодержавия.

Образ поэта-пророка в поле слияния античных и библейских ассоциаций, в русле романтических образов страсти и мятежности и противостояний «поэт – толпа» и «поэт – судьба» разрабатывается в творчестве

В.К. Кюхельбекера. В стихотворении «Участь поэтов» (1823) поэты-пророки, награждённые «пламенем дарований», гонимы «презренной толпой» и «чёрной судьбой»; их жизненный путь – путь «мук» и «печалей», и это сближает их образ с образом Христа (Вам нестерпим кровавый блеск венца, / Который на чело певца / Кладёт рука камен <...>) [25. С. 134]. В стихотворении «Проклятие» (1822) ясно обозначена не только святость, божественность поэтического дара, но и необходимо обличительная его направленность:

Предаст злодея поруганью
Святой, неистовый пророк <...> [12. С. 67].

Образность стихотворения «Жребий поэта» (1824) представляет собой сплав античных образов с библейскими («И на главе певца считают / И каждый сохраняют влас; Гремят его хвалы и клятвы / Для запада позднейших дней. / Он сеет их для верной жатвы») [Там же. С. 74], а также с идеями-образами, свойственными предромантизму и романтизму (буря, гроза, борьба, судьба, неистовство, страсти). Этот сплав соответствует специфике создаваемого образа поэта, сжигаемого огнем поэзии и страсти. Он от века наделен Чьей-то незнаемой, но всемогущей властью «всесильным гласом» «вещих песней», направленных против «извергов и змей» и равно потрясающих мир людей и мир богов.

«Пророчество» Кюхельбекера (1822), как и «Призвание Исайи» Ф. Глинки, отсылает к ветхозаветному сюжету избрания поэта Богом к пророчеству. Античная образность здесь полностью уступает место библейской, и поэт-пророк, призванный возвестить «глас Господень» о несправедности «Сильных», о «Свободе» народа, о «коварстве» и грядущем падении «Альбиона», встает в один ряд с теми, чьими руками творилась воля Божья на протяжении всей истории человечества: с турками-османами, разрушившими Византийскую империю, с Суворовым, усмиряющим и побеждающим османцев. На призыв Господа поэт отвечает со ссылкой на Евангелие:

А я – и в ссылке, и в темнице
Глагол Господень возвещу:
<...>

Тобой сочтен мой каждый влас! [12. С. 67]

Как известно, Пушкин не только был знаком с «Пророчеством» Кюхельбекера, но и жестко критиковал его в письме к брату – следовательно, внимательно читал [26]. По мнению С.А. Кибальника, именно «Пророчество» Кюхельбекера является «ближайшим претекстом» пушкинского «Пророка» [9]. Как и в других декабристских стихотворениях о поэте-пророке, в этом тексте дар поэзии – дар «возвещения» истины – представляется «в готовом виде»: поэт изначально одарен Богом «пламенем» и «силой» «воздвигать народы», прямое призвание его Господом к пророчеству необходимо потому, что он, будучи в состоянии духовного «леностного» сна, божественную истину замалчивает (см. об этом: [27. С. 184; 28]). Заме-

тим, что ожившие в этом произведении Кюхельбекера христианские, евангельские мотивы станут важнейшими в сюжете пушкинского «Пророка».

Особо следует сказать о стихотворении 1826 г., в котором не кто иной, как сам Пушкин, назван «пророком». Письмо Языкова, содержащее текст «А.С. Пушкину», по всей видимости, было получено адресатом несколько ранее даты написания Пушкиным своего «Пророка»; обращение к нему как к «пророку изящного» не могло не привлечь его внимания [18. Т. 2. С. 304].

Образная система стихотворения Языкова выстраивается вокруг воспевания поэтической красоты как высшей ценности – в духе просветительской разработки темы пророчества. Для лирического героя, однако, красота поэзии достижима только как результат «вольного» дружеского общения. Через обозначение тем этого общения – русская история, величие России («И славою прадедов горжусь») и необходимость социально-политических реформ («Зовём свободу в нашу Русь») – текст вовлекается в круг декабристской поэзии. Творчество – творение дружбы, общения, поэзии – оказывается отблеском небесного огня («И я на вече, я на небе!») только тогда, когда оно преобразует действительность [29. С. 291–292]. В воспевании «свободного, радостного и гордого» союза, рождающего «сладостное песнопенье» и «смелые вдохновенные дела», стихотворение перекликается с известным стихотворением Кюхельбекера «Поэты» – посланием Пушкину, Дельвигу, Баратынскому.

Таким образом, в творчестве поэтов-декабристов – ближайшего круга поэтов пушкинской поры – создается новый героико-политический «пророческий канон» с опорным образом поэта-пророка, пророка-декабриста, обличающего сильных мира сего в несправедности социально-политического устройства государства, в лишении своих подданных свободы. Ветхозаветная образность в этом декабристском «пророческом каноне» соседствует с античной, выявляя принципиальную условность нанизываемых образов-ассоциаций, призванных, так же как высокая архаичная лексика и весь одический строй произведений, передать мысль о высоком предназначении поэта в соответствующей «высокой» форме. Миссией поэта-пророка в произведениях декабристов признается такое «боговдохновенное» обличение греха, которое направлено на установление социально-политической справедливости. В систему мотивов декабристской разработки темы пророчества в русской литературе входит и романтическое противостояние «поэт – толпа», и романтический образ судьбы-рока, и ощущение движения времени, движения человеческой истории, и лирическая автобиографичность, и «мятежность» образов героев, столь характерные для русского (и в целом европейского) романтизма.

3

«Пророк» А.С. Пушкина был написан в июле 1826 г. и опубликован в 1828 г. и, в силу этих хронологических рамок и всего исторического и биографического контекста, глубоко связан с героико-политическим «проро-

ческим каноном» в творчестве Ф.Н. Глинки, В.К. Кюхельбекера, Н.М. Языкова. По свидетельству исследователей-пушкинистов, многие из этих произведений были известны Пушкину; более того, на некоторые поэт ориентировался при написании чернового варианта своего «Пророка»; с текстом же «Пророчества» Кюхельбекера у Пушкина «есть прямые переключки» [22. С. 237]. Значителен и факт непосредственной связи между начальным этапом создания стихотворения и казнью декабристов [30].

Стихотворение Пушкина (в его окончательной редакции) вступает в диалог с декабристским и просветительским «пророческими канонами» и в то же время дает новый для русской поэзии сюжет о поэте-пророке. В нем необычно для обеих сложившихся в русской литературе традиций определена причина избрания героя: это его собственная «духовная жажда», неутолимая без Бога, в «пустыне мрачной» человеческого мира [24]. Необычно обозначена ситуация избрания: это ситуация «перепутья», т.е. стремления и одновременно сомнения. Это архетипическая ситуация вопроса-выбора, на онтологическую глубину которой поэт только намекает. Явление «шестикрылого серафима» (ситуация, заимствованная из видения пророка Исайи), очевидно, становится ответом Господа поэту, и в этом смысле призвание героя к служению есть призвание христианское, в известном смысле синергичное, евангельское, а не ветхозаветное. На лексическом уровне идея синергичности – со-работничества, со-направленности действий человека и Господа, человека и высших сил – выражена в повторе анафорического союза «и». На уровне грамматическом – в параллелизме возвратных глаголов «влячился» (о поэте) и «явился» (об ангеле). В евангельском ключе осуществлен в тексте Пушкина и перенос действия (по сравнению с опорным ветхозаветным текстом) из плоскости духовного видения в плоскость духовно-физической реальности: в христианстве ветхозаветная трансцендентная реальность Вечности преобразуется в имманентную человеку действительность в момент его глубокого молитвенного обращения к Богу¹.

Этот поворот пророческого сюжета в стихотворении Пушкина «Пророк» – поворот православный – обычно ускользает от внимания исследователей. При этом воздействие православия на духовный строй, сюжетосложение и образность пушкинской поэзии исследуется как в работах, посвященных определенному произведению или периоду творчества А.С. Пушкина (см.: [10, 32, 33]), так и в трудах о пушкинской поэзии, прозе, драматургии (см.: [34–36]). В работах, посвященных «Пророку» Пушкина, так или иначе отмечается в качестве центрального для стихотворения мотив преобразования-перевоплощения-познания (см.: [28. С. 26; 37–39]). Однако

¹ Ср.: в размышлениях о. С. Булгакова, если в «Ветхом Завете Бог открылся <...> прежде всего как сверхприродное, мир превосмогающее, трансцендентное Существо», то «во Христе «нераздельно и неслиянно» соединяется и трансцендентная твари «полнота Божества», и имманентная миру человечность»; в Новом же Завете «полагается основа обожения человека во «втором Адаме», восстановление его в достоинстве сына Божия <...>». См.: [31. С. 287, 293].

только в одном исследовании отстаивается мысль о том, что в пушкинском «Пророке» «рассказ о преображении пророка <...> соотнесен с обновлением, очищением христианина в таинстве причащения» [40. С. 173]. Соглашаясь с этим положением, мы отказываемся от дальнейших экстраполяций о том, что Пушкин показал «обобщенный образ апостола Христа», и пытаемся расставить исследовательские акценты, освещающие вопрос о своеобразии пушкинского «Пророка» в аспекте развития пророческой темы в русской литературе.

Христианский, евангельский, а точнее, евхаристический поворот определяет суть пророческого призвания у Пушкина. Ветхозаветная телесность образов «отверзания» «вещих зениц» героя, открытия некоего духовного слуха прикасанием серафима к его ушам, вырывания «грешного» языка и замены его на «жалю мудрых змий», рассечения груди и замены сердца на «угль, пылающий огнём», несомненно, отсылает нас к сюжету избранничества древних библейских пророков. Однако в Ветхом Завете нигде не выражена идея замены частей тела пророков сущностью иными «частями», причастными Вечности, как не выражена она и в Коране, в котором исследователи видят один из источников пушкинского «Пророка». В видении пророка Исаии «один из Серафимов» коснулся его уст «горящим углем» в знак очищения греха (Ис 6 : 6–7). Пророк Иезекииль по указанию Господа должен съесть свиток, на котором написаны слова обличения «дом Израилева»¹. Более того, в книгах ветхозаветных пророков не выражена идея сопровождающего их призвание страдания, боли, фиксирующей телесный и одновременно духовный опыт отрывания человека от человеческого и приближения к небесному². У Пушкина – впервые в русской поэзии – в сюжете призвания пророка ветхозаветная телесность соединена с мотивом глубокого страдания и абсолютного (вплоть до прохождения через границу смерти) преображения через замену человеческого «своего» на даруемое Господом. В этом соединении рождается христианский смысл преображения пророка: замена языка и сердца на «жалю» и «угль» (несомненно, по внутреннему согласию и готовности героя) есть та «потеря» «души своей» ради Господа, которой учит Евангелие.

Мотив замены частей человеческого тела другими, чуждыми ему и исцеляющими его, имеет древние архаические корни и соотносится в *формальном плане* с шаманскими практиками посвящения (в шаманство): «<...> ощущение разрубания, разрезания, перебирания внутренностей есть непереносимое условие шаманства и предшествует моменту, когда человек становится шаманом» [43. С. 74]³. Шаманские практики, в свою очередь, в измененной форме и с преобразованием содержания имеют генетическую

¹ О связи образности пушкинского стихотворения с библейскими образами см.: [41].

² По поводу темы мучения в пушкинском «Пророке» В.Э. Вацура поясняет: «Мысль эта (мученичество. – С.К.) принадлежит самому Пушкину, ее нет в библейских книгах пророков». См.: [42. С. 7–16; 15].

³ В.Я. Пропп говорит, в частности, и о том, что в ритуале посвящения в шаманы используется такое символично-магическое действие, как «введение в рот маленькой змьи, которая воплощает магические способности» [43. С. 74].

связь с языческим ритуалом жертвоприношения, который не только устанавливал связь «между сакральным и профанным миром посредством жертвы», но и представлял собой «особый случай системы посвящения», основанной на представлении о необходимости и опасности сближения с источником жизненной силы [44. С. 100].

Опираясь на ряд совпадений образов и мотивов пушкинского «Пророка» с формальными элементами, используемыми в шаманских практиках, Е.А. Торчинов утверждает, что «библейское пророческое обновление», «прекрасно прочувствованное и описанное Пушкиным», родственно тем ощущениям телесного расчленения и страдания, вплоть до перехода границы жизни и смерти, которые испытывает посвящаемый в шаманство [45. С. 129]. При этом ученый не освещает вопрос о *сущностном отличии* обновления духа и тела библейских пророков от магического изменения телесно-психического состояния посвящаемых в шаманство; тем менее – вопрос о различии смысла преображения героя в пушкинском «Пророке» и пророков в Ветхом Завете. Более определенно высказывается по этому поводу Ю.М. Лотман: отмечая несомненную формальную соотносимость стихотворения Пушкина с техниками превращения простого человека в шамана, он останавливается на мысли, что «скрытый мифо-обрядовый каркас» превратился у Пушкина «в грамматическую формальную основу построения текста об умирании «ветхого» человека и возрождении ясновидца» [46. С. 221–222].

Использование слова «ветхий» в размышлениях Лотмана, конечно, не случайно. В христианском богословии выражение «ветхий человек» имеет совершенно определенное значение: это человек, подпавший под власть самоугодия и страстей вследствие грехопадения [47. С. 244], человек, порвавший прямую, полноценную связь с Господом. Сочетание «ветхий» человек у Ю.М. Лотмана подразумевает понимание вовлеченности пушкинского «Пророка» в смысловую перспективу христианства.

Действительно, в пушкинском стихотворении старый *язычески-шаманский сюжетный каркас*, описывающий изменения в состоянии сознания посвящаемого в шаманство, наполняется новым содержанием в новых условиях осуществления этого сюжета. В этих новых условиях человеческая перспектива сменяется божественной (серафим есть посланник Божий; в преображенном состоянии герой слышит «Бога глас»); цель магического управления реальностью заменяется глубинной духовной потребностью – жадью Бога (в ответ на томление «духовной жадью» герою является шестикрылый серафим); чудесная способность использования сил богов (природных стихий) для исполнения человеческих желаний замещается возлагаемой Господом миссией очищения человека через слово («Глаголом жги сердца людей»). Смысловая парадигма пушкинского «Пророка» преобразует не только архаический шаманский, но и библейский ветхозаветный сюжет, на что лаконично указал Ю.М. Лотман.

Ветхозаветная идея призвания Господом пророков к служению не включала и не могла включать в себя смыслы, связанные с полным духовным и телесным преображением человека. Полнота такого преображения

стала мыслиться только в контексте учения, жизни, смерти и воскресения Христа; в контексте евангельского, апостольского пути к полному преображению – обожению, в том числе в молитвенном подвиге и таинстве причастия. В древнееврейской религии, выраженной в Ветхом Завете, Бог понимается «как сверхприродное, мир превосмогающее, трансцендентное Существо», между миром и Богом «лежит абсолютное, непреодолимое для мира расстояние» [31. С. 41] и неискупленный еще человек пред Богом – лишь раб, которому следует строго исполнять данный ему Закон. В связи с этим в ветхозаветной Книге Пророка Исайи Серафим только *касается* уст Пророка горящим углем, очищая его от «беззакония». В язычестве же при всей «софийности мира» между человеком и богами жертва есть необходимый «посредник», потому что сближение между ними грозит человеку гибелью [44. С. 100]. И только «во Христе» соединяется и трансцендентная твари «полнота Божества, и имманентная миру человечность» [31. С. 287], и только в христианстве Божественная благодать, ставшая близкой человеку через искупительную жертву Христа, «может воодушевить человека поднять руку на себя, чтобы заклать себя и принести Богу в жертву» [48. С. 129].

Мотив замены частей тела героя на сущностно другие, даруемые (через Серафима) Господом, выражает именно это полное христианское обновление. Об этом свидетельствует символическая условность соотнесенности даруемых «частей»-способностей со звериными, а затем включение в этот ряд огненной образности. Не случайна в этом смысле неровность концептуализации этой соотнесенности: от сравнения («зеницы, как у <...> орлицы») через описание обновленной способности («...и их наполнил шум и звон: / И внял я неба содроганье») к неожиданному реалистически-натуралистическому изображению («И вырвал грешный мой язык, / <...> / И жало мудрыя змеи <...>»; «И сердце трепетное вынул, / И уголь, пылающий огнем <...>»).

На актуальность евангельских мотивов в разработке пророческой темы у Пушкина указывают и центральный символ преображения, и весь комплекс замещающих человеческое «свое» образов: «уголь, пылающий огнем» замещает «сердце» пророка в той же перспективе, в какой во время совершения Евхаристии «уголь Пресвятого <...> Тела» Иисуса Христа – «огнь сый и опаляй недостойныя» замещает падшее человеческое естество «Телом и Кровью» Христовыми (слова из евхаристических молитв святителя Иоанна Златоуста и преподобного Симеона Метафраста). Примечательно, что символическая связь таинства причастия с сюжетом очищения уст пророка Исайи раскрывается в самой православной церковной службе: причащальная лжица названа тем же словом, что и клещи, которыми Серафим в видении пророка Исайи берет уголь с жертвенника. Эта связь богословски раскрыта в словах святого Иоанна Дамаскина: «Исайя увидел уголь; но уголь не простое дерево, а соединенное с огнем; так и хлеб общения не простой хлеб, но соединенный с Божеством <...>» [49. С. 223]. Обобщая, можно утверждать, что пушкинский «Пророк» пропускает традиционные для русской литературы (и библейские по своему происхожде-

нию) мотивы избранничества пророка к служению Господу, декабристские (генетически связанные с просветительскими мотивами пользы, служения обществу) мотивы и язычески-шаманский сюжетный каркас сквозь призму евхаристического сюжета и изображает мучительный путь преображения поэта в пророка в смысловой перспективе евангельского обожения.

Евангельский, евхаристический контекст объясняет и необычную для ветхозаветного пророка-обличителя суть избранничества поэта-пророка в пушкинском стихотворении. Наделённый теперь нечеловечески обострёнными телесными и одновременно духовными чувствами – зрением и слухом, дающими ему возможность внимать и «неба содроганье», «и горный ангелов полёт», «и дольной лозы прозябанье», он призван видеть, внимать, исполниться волей Божьей и – только на этом твердом основании – «глаголом» жечь «сердца людей». Несомненна связь этого призыва Господа – «Глаголом жги сердца людей» – с образом «угля, пылающего огнем», вложенного в грудь самого поэта-пророка. «Огненная» символика в Библии шире обличительной. Столь же расширительно следует понимать и призывание поэта-пророка: это призывание к служению Словом – словом, приобщённым Истине, доходящим до сердца, выжигающим самой своей божественной природой нечистоту в нем и раздувающим огонь божественной любви. О том, что для образа пророка в стихотворении Пушкина сохраняет свое значение идущая (для русской литературы) из XVIII в. традиция узнавания поэтом в себе поэта-пророка, свидетельствует сам текст (призыв Господа «Глаголом жги сердца людей» подразумевает не просто пророческий дар, но дар художественного слова, что особенно очевидно в контексте поэтической полемики Пушкина с «пророками» Ф.Н. Глинки, В.Г. Кюхельбекера и Н.М. Языкова); об этом же говорит большинство исследователей (см., например: [32, 38, 39])¹.

Обозначим точку пересечения содержания пророческой темы в стихотворении Пушкина и поэтов его круга. Это автобиографический, личностный образ поэта-пророка, наделенного небесным даром и призванного в связи с ним самим Господом к выполнению священного служения людям. Это точка, в которой декабристская поэзия соотносится с поэзией конца XVIII в. и с традиционным православным пониманием пророка и его миссии. Соотносится, но, естественно, не совпадает, поскольку автобиографичность образа была привнесена в трактовку пророческой темы именно в поэзии декабристов и поскольку сущность пророческого служения у декабристов особая, социально-политическая.

У Пушкина, однако, не воспроизводится общий «декабристский» сюжет, соотнесённый в культуре эпохи с социально-политической реальностью современной истории, с романтическими мятежными настроениями,

¹ Иная точка зрения представлена, в частности, в исследовании В.Э. Вацура: «“Пророк” написан не о пророке, а о том, как суровый, патриархальный <...> житель пустыни совершал свой мученический путь, завоевывая право нести людям волю Божества. Это стихи не о божественном, а о человеческом». См.: [43. С. 16].

с обличительной и даже революционной миссией поэта. Стихотворение Пушкина в диалоге с текстами поэтов его круга, в своеобразном восприятии как декабристских, так и всей толщи христианских и просветительских смыслов рождает новое, комплексное и индивидуальное осмысление поэзии как пророчества. Стихотворение изображает глубоко личный внутренний путь поэта, взалкавшего правды и желающего посвятить свой дар служению истине. В нем изображается ответное избранничество поэта Господом для высокого и трудного пути – пути служения народу, приобщения его гласу Божьему через поэтическое творчество, через поэзию как пророчество. Основной акцент в сюжете при этом сдвигается у Пушкина с пророчества как миссии на мучительное духовно-физическое преображение поэта.

Пушкинский «Пророк» спорит с «пророческим каноном», сложившимся в творчестве поэтов-декабристов. Он отталкивается от декабристских образов пророков-обличителей, поэтов-декабристов и в то же время наследует смыслы боговдохновенности поэзии и гражданского служения – смыслы, которые роднят декабристскую разработку пророческой темы в русской литературе с поэзией XVIII в. и опосредованно с библейской традицией.

Важнейшая отличительная черта пророческой темы в «Пророке» Пушкина – усиление евангельских, евхаристических мотивов и перенос художественного внимания на процесс телесно-духовного преображения поэта-пророка. При этом в сюжете его мучительного превращения-обожения и связанного с ним божественного призвания поэта к преображению людей через боговдохновенный «глагол» Пушкин гармонически соединяет два первичных смысловых импульса, заложенных в самой идее пророчества в русской культуре – во внутренней форме слова «пророк»¹: импульс библейского пророчества о Вечности и импульс человеческого речения о мире.

Литература

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева : в 4 т. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
2. Вихлянцева В.П. Библейский словарь к русской канонической Библии. М. : Коптево : Сам Полиграфист, 2010. 517 с.
3. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Полиграфуслуги, 2005. 432 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1978–1980. Т. 3. 555 с.
5. Державин Г.Р. Сочинения: Стихотворения; Записки; Письма. Л. : Худож. лит., 1987. 504 с.
6. Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Культура Древнего Рима: в 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 300–335.
7. Гайворонская Л.В. Генезис характера «поэт» в русской литературе XVIII века // Вестник МГОУ. Русская филология. 2012. № 5. С. 73–82.
8. Григорьева А.Д. Опыты в антологическом роде // Григорьева А.Д., Иванова Н.А. Язык лирики XIX века: Пушкин. Некрасов. М., 1981. С. 120–154.

¹ Ср.: «В литературе возрастает значимость <...> «внутренней формы слова», первообраза». См.: [50. С. 12].

9. Кибальник С.А. Художественная философия А.С. Пушкина. СПб. : Petropolis, Институт русской литературы, 1998. С. 81–82.
10. Мальчукова Т.Г. О сочетании античной и христианской традиций в лирике А.С. Пушкина 1820–1830-х гг. // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1994. Т. 3. С. 84–130.
11. Батюшков К.Н. Послание к И.М. Муравьеву-Апостолу // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М. : Наука, 1977. С. 283.
12. Кюхельбекер В.К. Сочинения. Л. : Худож. лит., 1989. 576 с.
13. Жирмунский В.М. Пушкин и западные литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л., 1937. С. 66–103.
14. Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л. : Сов. писатель., 1960. 498 с.
15. Бонди С.М. Пушкин и русский гекзаметр // Бонди С.М. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1983. С. 307–370.
16. Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина. М. : Языки русской культуры, 1998. 327 с.
17. Пушкин и античность. М. : Наследие, 2001. 141 с.
18. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979.
19. Ларкович Д.В. Поэтический «профетизм» и «экзегезис» Г.Р. Державина // Религиоведение. 2009. № 3. С. 155–163.
20. Державин Г.Р. Сочинения : в 2 т. СПб., 1831–1833. Т. 1. С. 55–57.
21. Дмитриев И.И. Духовная песнь, извлеченная из 48 псалма // Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 315–316.
22. Сураг И. «Твое пророческое слово...» // Новый мир. 1995. № 1. С. 236–239.
23. Глинка Ф.Н. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1957. 502 с.
24. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3, кн. 1: Стихотворения: 1826–1836. Сказки.
25. Кюхельбекер В.К. Участь поэтов // Поэты-декабристы: Стихотворения. М., 1986. С. 134.
26. Тынянов Ю. Пушкин и Кюхельбекер // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16. С. 321–378.
27. Гуревич А.М. На подступах к романтизму (о русской лирике 1820-х годов) // Проблемы романтизма. М., 1967. С. 184.
28. Жаткин Д.Н., Долгов А.П. К вопросу о трактовке темы поэта-пророка в сонете А.А. Дельвига «Вдохновение» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 7. С. 106–110.
29. Языков Н.М. Письмо Пушкину А.С., 19 августа 1826 г. Дерпт // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л., 1937. Т. 13 : Переписка, 1815–1827. С. 291–292.
30. Березкина С.В. «Пророк» Пушкина: современные проблемы изучения // Русская литература. 1999. № 2. С. 27–42.
31. Булгаков С. Первообраз и образ : в 2 т. СПб. : Инапресс ; М. : Искусство, 1999. Т. 1: Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. 416 с.
32. Барбашов С.Л. Религиозно-философская символика образа «креста» в последнем лирическом цикле А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 134–138.
33. Гаврильченко О.В. Понятие закона и законности в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. Т. 22, № 3. С. 398–406.
34. Боброва Л.А. Пушкин и православие // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 1998. № 3. С. 226–237.
35. Мосалева Г.В. Категория преображения в творчестве А.С. Пушкина // Пушкинские чтения-2011. «Живые» традиции в русской литературе: жанр, автор, герой, текст. СПб., 2011. С. 254–262.

36. *Непомнящий В.* Пушкин и судьба России // Непомнящий В. Да ведают потомки православных: Пушкин. Россия. Мы. М., 2009. 400 с. URL: <https://azbyka.ru/fiction/davedayut-potomki-pravoslavnykh-pushkin-rossiya-my/#n4> (дата обращения: 12.03.2018).
37. *Москин Г.В.* Пророк: таинство преображения и жажда истока (пророческая тема в поэзии А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова) // Вестник Нижегородского университета. Филология. 2016. № 2. С. 240–245.
38. *Артамонова Л.А., Карпенко Г.Ю.* Мотив преображения в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк» и в рассказе Ф.М. Достоевского «Мужик Марей» // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112). С. 140–145.
39. *Слинина Э.В.* «Пророк» Пушкина и образ поэта в лирике Н. Заболоцкого // Пушкинский сборник. Л., 1977. С. 77–85.
40. *Мальчукова Т.Г.* Лирика Пушкина 1820-х годов в отношении к церковнославянской традиции (к интерпретации стихотворений «Воспоминание» и «Пророк» в контексте христианской культуры) // Проблемы исторической поэтики. 1998. С. 151–177.
41. *Чижев А.Г.* «Духовную жаждою томим...» // Наука и религия. 1983. № 2.
42. *Вацура В.Э.* Пушкин. «Пророк» // Вацура В.Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 7–16.
43. *Пропл В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 333 с.
44. *Мосс М.* Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.
45. *Торчинов Е.А.* Религии мира: опыт запредельного: психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Азбука-классика, 2007. 539 с.
46. *Лотман Ю.М.* Семiosфера и проблема сюжета // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семiosфера – история. М., 1999. 464 с.
47. *Феофан Затворник.* Толкование на послание святого апостола Павла к Колоссянам. Глава 3. Стих 9 // Феофан Затворник. Толкования посланий апостола Павла к колоссянам и фаллипицам. М., 2004. 612 с.
48. *Феофан Затворник.* Путь ко спасению. М., 2008. 608 с.
49. *Иоанн Дамаскин св.* Точное изложение православной веры. Ростов н/Д: Братство Святого Алексия, Приазовский край, 1992 (репр. переизд.: СПб., 1894). 446 с.
50. *Зусман В.Г.* Диалог и концепт в литературе. Н. Новгород: Деком, 2001. 168 с.

The Theme of the Prophet in Alexander Pushkin's Poem "The Prophet": A dialogue with the Tradition and the Epoch

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 206–225. DOI: 10.17223/19986645/61/12

Svetlana B. Koroleva, Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: svetlakor0808@gmail.com / an.korolev@mfisoft.ru

Keywords: prophet theme, inner form of word, image, motif, Russian poetry of 18th century, Decembrists, Pushkin, Eucharist.

The article argues that Alexander Pushkin, in his poem "The Prophet", creates a multi-spectral dialogue with the 'prophet canon' of Russian literature. The aim of the article is to distinguish precisely the elements of the 'prophet canon' Pushkin referred to, their sources and the ways of their usage in Pushkin's poem. Against this background, the novelty brought to the tradition by Pushkin can be seen as a self-revealing and objective fact. Inheriting the interpretation of the prophet theme from Decembrists' poetry (Fyodor Glinka's poems "Isai-ah's Vocation" (1822), "Elijah to God" (1826–7), "God to Elijah" (1826–7); Wilhelm Küchelbecker's "Prophecy" (1822), "The Poets' Fate" (1823), "The Poet's Lot" (1824)), Pushkin creates an autobiographic image of the poet-prophet endowed with a divine talent and called to sacred service by the Lord. Arguing with this interpretation, the poet distances from the essence of this service as well as from its purpose, which are the two major elements forming the 'Decembrist' plot of prophecy. Pushkin's poet-prophet, unlike that of Decem-

brists, is *not* ‘the conscience of the epoch’, his mission is *neither* to denounce human vices (especially those of people in power according to the ancient tradition rooted in the Old Testament), *nor* (and here we see Decembrists’ lucid debt to the ideas of European Enlightenment) to condemn and ruin the unjust social order so that a new society and a new state, on the basis of purity, honesty and justice, would arise. Another tradition reshaped and reevaluated in Pushkin’s verse is the pre-Decembrist interpretation of the prophet theme created in the Russian philosophical poetry of the 18th century. Explicit allusions to the images and wording of the Old Testament, the motif of the poet inspired by the Holy Spirit to proclaim the Truth, the idea of inextricability between beauty (of the word) and the divine truth (permeating it): all these poetic elements in Pushkin’s verse reproduce the tradition established by Gavrila Derzhavin (“Felitsa” (1782), “The Immortality of Soul” (1797), and others) and Ivan Dmitriyev (“A Spiritual Song” (1795)) who evoke images of the poet-prophet in their poems. However, Pushkin follows *neither* the idea of spiritual mentorship *nor* the pathos of denouncing human vices (again) although both are incorporated in this tradition. Combining the physicality of images borrowed from the Old Testament with the motif of profound pain and suffering, stressing the idea of painful transfiguration instead of pushing forward the mission of the poet-prophet, Pushkin – for the first time in Russian poetry – interprets the prophet theme in a purely liturgical – or evangelic – sense. The replacement of the hero’s tongue and heart with a ‘sting’ and a flaming ‘coal’ (undoubtedly in accordance with his spiritual demand and ability) is that very ‘loss’ of one’s own soul (or life) for God that is preached by Christ (Mark 8:35) and Christianity. The mission of the poet-prophet – as it is revealed though the images and motifs of Pushkin’s poem – consists not in denouncing vices, but, basically, in purifying people’s souls and in bringing them closer to the Eternal through the beauty and truthfulness of divinely inspired poetry.

References

1. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 3. Moscow: Progress.
2. Vikhlyantsev, V.P. (2010) *Bibleyskiy slovar' k russkoy kanonicheskoy Biblii* [Bible Dictionary of Russian Canonical Bible]. Moscow: Koptevo: Sam Poligrafist.
3. Krylov, G.A. (2005) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Poligrafuslugi.
4. Dahl, V. (1978–1980) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Russkiy. yazyk.
5. Derzhavin, G.R. (1987) *Sochineniya: Stikhotvoreniya; Zapiski; Pis'ma* [Works: Poems; Notes; Letters]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
6. Gasparov, M.L. (1985) Poet i poeziya v rimskoy kul'ture [Poet and Poetry in Roman Culture]. In: Golubtsova, E.S. (ed.) *Kul'tura Drevnego Rima* [Culture of Ancient Rome]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 300–335.
7. Gayvoronskaya, L.V. (2012) Genezis kharaktera “poet” v russkoy literature XVIII veka [The Genesis of the “Poet” Character in Russian Literature of the 18th Century]. *Vestnik MGOU. Russkaya filologiya – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 5. pp. 73–82.
8. Grigor'eva, A.D. (1981) Opyty v antologicheskome rode [Experiments of the Anthological Kind]. In: Grigor'eva, A.D. & Ivanova, N.A. *Yazyk liriki XIX veka: Pushkin. Nekrasov* [The Language of the Lyrics of the 19th Century: Pushkin. Nekrasov]. Moscow: Nauka. pp. 120–154.
9. Kibal'nik, S.A. (1998) *Khudozhestvennaya filosofiya A.S. Pushkina* [A.S. Pushkin's Philosophy of Art]. St. Petersburg: Petropolis, Institut russkoy literatury. pp. 81–82.
10. Mal'chukova, T.G. (1994) O sochetanii antichnoy i khristianskoy traditsiy v lirike A.S. Pushkina 1820–1830-kh gg. [On the Combination of Ancient and Christian Traditions in

the Lyrics of A.S. Pushkin in 1820s – 1830s]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 3. pp. 84–130.

11. Batyushkov, K.N. (1977) *Opyty v stikhakh i proze* [Experiments in Poetry and Prose]. Moscow: Nauka. p. 283.

12. Küchelbecker, W.K. (1989) *Sochineniya* [Works]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

13. Zhirmunskiy, V.M. (1937) Pushkin i zapadnye literatury [Pushkin and Western Literatures]. In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: Chronicles of the Pushkin Commission]. Moscow; Leningrad: Institute of Russian Literature USSR RAS. pp. 66–103.

14. Tomashevskiy, B.V. (1960) *Pushkin i Frantsiya* [Pushkin and France]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

15. Bondi, S.M. (1983) *O Pushkine: Stat'i i issledovaniya* [On Pushkin: Articles and Research]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 307–370.

16. Vol'pert, L.I. (1998) *Pushkin v roli Pushkina* [Pushkin in the Role of Pushkin]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

17. Shtal', I.V. & Kurilov, A.S. (2001) *Pushkin i antichnost'* [Pushkin and the Antiquity]. Moscow: Nasledie.

18. Pushkin, A.S. (1977–1979) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Leningrad: Nauka.

19. Larkovich, D.V. (2009) Poeticheskiy “profetizm” i “ekzegezis” G.R. Derzhavina [Poetic “Prophetism” and “Exegesis” of G.R. Derzhavin]. *Religiovedenie*. 3. pp. 155–163.

20. Derzhavin, G.R. (1831–1833) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya Aleksandra Smirdina. pp. 55–57.

21. Dmitriev, I.I. (1967) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 315–316.

22. Surat, I. (1995) “Tvoe prorocheskoe slovo...” [“Your Prophetic Word...”]. *Novyy mir*. 1. pp. 236–239.

23. Glinka, F.N. (1957) *Izbrannoe* [Selected Works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

24. Pushkin, A.S. (1948) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3 (1). Moscow; Leningrad: USSR AS.

25. Küchelbecker, W.K. (1986) Uchast' poetov [The Fate of Poets]. In: Gerasimov, Yu.K. (ed.) *Poety-dekabristy: Stikhotvoreniya* [Decembrist Poets: Poems]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. p. 134.

26. Tynyanov, Yu. (1934) Pushkin i Kyukhel'beker [Pushkin and Küchelbecker]. In: Lebedev-Polyanskiy, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 16. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoye ob'yedineniye. pp. 321–378.

27. Gurevich, A.M. (1967) Na podstupakh k romantizmu (o russkoy lirike 1820-kh godov) [On the Way to Romanticism (on Russian Lyrics of the 1820s)]. In: *Problemy romantizma* [Issues of Romanticism]. Moscow: Iskusstvo.

28. Zhatkin, D.N. & Dolgov, A.P. (2008) K voprosu o traktovke temy poeta-proroka v sonete A.A. Del'viga “Vdokhnovenie” [On the Interpretation of the Theme of the Prophet Poet in the A.A. Delvig's Sonnet “Inspiration”]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 7. pp. 106–110.

29. Yazykov, N.M. (1937) Pis'mo Pushkinu A.S., 19 avgusta 1826 g. Derpt [Letter to A.S. Pushkin, August 19, 1826. Derpt]. In: Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 13. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 291–292.

30. Berezkina, S.V. (1999) “Prorok” Pushkina: sovremennye problemy izucheniya [“The Prophet” by Pushkin: Modern Problems of Study]. *Russkaya Literatura*. 2. pp. 27–42.

31. Bulgakov, S. (1999) *Pervoobraz i obraz* [The Prototype and Image]. Vol. 2. St. Petersburg: Inapress; Moscow: Iskusstvo.

32. Barbashov, S.L. (2011) The Religious and Philosophical Symbolism of the Image of a Cross in the Latest Lyrical Cycle by A.S. Pushkin. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudar-*

stvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Scientific Notes of Orel State University. 1. pp. 134–138. (In Russian).

33. Gavril'chenko, O.V. (2017) Law and Legality Concept in A.S. Pushkin's Tragedy "Boris Godunov". *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 3 (22). pp. 398–406. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-3-398-406

34. Bobrova, L.A. (1998) Pushkin i pravoslavie [Pushkin and Orthodoxy]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya*. 3. pp. 226–237.

35. Mosaleva, G.V. (2011) [Transformation Category in the Work of A.S. Pushkin]. *Pushkinskie chteniya-2011. "Zhivye" traditsii v russkoy literature: zhanr, avtor, geroy, tekst* [Pushkin Readings-2011. "Living" Traditions in Russian Literature: Genre, Author, Hero, Text]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 5–6 June 2011. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 254–262. (In Russian).

36. Nepomnyashchiy, V. (2009) *Da vedayut potomki pravoslavnykh: Pushkin. Rossiya. My* [May the Descendants Know the Orthodox: Pushkin. Russia. Us]. [Online]. Available from: <https://azbyka.ru/fiction/da-vedayut-potomki-pravoslavnyx-pushkin-rossiya-my/#n4>. (Accessed: 12.03.2018).

37. Moskvina, G.V. (2016) The Prophet: Mystery of Transformation and Thirst of Origin (Prophetic Theme in Pushkin's and Lermontov's Poetry). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Filologiya. – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philological Sciences*. 2. pp. 240–245. (In Russian).

38. Artamonova, L.A. & Karpenko, G.Yu. (2014) Motive of Transfiguration in the Poem "Prophet" by A.S. Pushkin and the Story "Peasant Marey" by F.M. Dostoevsky. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara University*. 1 (112). pp. 140–145. (In Russian).

39. Slinina, E.V. (1977) "Prorok" Pushkina i obraz poeta v lirike N. Zabolotskogo ["Prophet" by Pushkin and the Image of the Poet in the Lyrics of N. Zabolotsky]. In: Maymin, E.A. (ed.) *Pushkinskii sbornik* [Pushkin Collection]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical University. pp. 77–85.

40. Mal'chukova, T.G. (1998) Lirika Pushkina 1820-kh godov v otnoshenii k tserkovno-slavyanskoy traditsii (k interpretatsii stikhotvoreniy "Vospominanie" i "Prorok" v kontekste khristianskoy kul'tury) [The Lyrics of Pushkin of the 1820s in Relation to the Church Slavonic Tradition (on the Interpretation of the Poems "Remembrance" And "Prophet" in the Context of Christian Culture)]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 5. pp. 151–177.

41. Chizhov, A.G. (1983) "Dukhovnoyu zhazhdoyu tomim..." ["My spirit was athirst for grace..."]. *Nauka i religiya*. 2.

42. Vatsuro, V.E. (1994) *Zapiski komentatora* [Notes of the Commentator]. St. Petersburg: Gumanitarnoye agentstvo Akademicheskiiy proyekt. pp. 7–16.

43. Propp, V.Ya. (2000) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow: Labirint.

44. Moss, M. (2000) *Sotsial'nye funktsii svyashchennogo* [Social Functions of the Sacred]. St. Petersburg: Evraziya.

45. Torchinov, E.A. (2007) *Religii mira: opyt zapredel'nogo: psikhotehnika i transpersonal'nye sostoyaniya* [Religions of the World: the Experience of the Beyond: Psychotechnics and Transpersonal States]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.

46. Lotman, Yu.M. (1999) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 206 – 238.

47. Theophan the Recluse (2004) *Tolkovaniya poslaniiy apostola Pavla k kolossyanam i fallipiytsam* [Interpretations of the Epistles of Apostle Paul to the Colossians and the Phillipians]. Moscow: Pravilo very.

48. Theophan the Recluse (2008) *Put' ko spaseniyu* [The path to salvation]. Moscow: Blagovest.

49. Saint John of Damascus (1992) *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoy very* [An Exact Exposition of the Orthodox Faith]. Rostov-on-Don: Bratstvo Svyatogo Aleksiya, Priazovskiy kray.

50. Zusman, V.G. (2001) *Dialog i kontsept v literature* [Dialogue and Concept in Literature]. Nizhniy Novgorod: Dekom.

УДК 821.111

DOI: 10.17223/19986645/61/13

О.Г. Сидорова

КУХНЯ ИМПЕРИИ

Книга Ф.Э. Стил и Г. Гардинер «Полный курс ведения домашнего хозяйства и кулинарии в Индии» (1888) рассматривается как свидетельство жизни Британской Индии, в которой бытовые описания приобретают символический характер. Текст объективно становится описанием колониальной ситуации и роли английской женщины в колонии. Отдельное внимание уделяется личности и творчеству Ф.Э. Стил, популярного английского писателя конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Британская империя, колониальный дискурс, быт, мем-сахиб, Ф.Э. Стил, пособие по домоводству.

- Кухня – 1. Отдельное помещение (в доме, квартире) с печью, плитой для приготовления пищи...
2. Подбор кушаний: *Русская кухня. Кавказская кухня...*
3. (переносное) Скрытая сторона какой-либо деятельности, чьих-нибудь действий (разговорн.): *Посвятить кого-нибудь в свою кухню* [1. С. 254]

История Британской империи в течение долгого времени находила свое отражение, прежде всего, в виде официальной историографии, в виде мемуаров колониальных чиновников, статей в прессе, художественных произведений. Абсолютное большинство свидетельств почти двухвекового пребывания британцев в Индии принадлежит авторам-мужчинам, что неудивительно: мир британской империи был преимущественно мужским. Долгое, изнурительное морское путешествие, которое до открытия Суэцкого канала в 1869 г. продолжалось вокруг берегов Африки, непривычный, тяжелый для европейцев климат, военные действия, которые англичане вели на территории субконтинента, трудности быта – эти и другие факторы не способствовали привлечению английских дам в Индию в конце XVIII – первой половине XIX в. Положение частично изменилось в середине XIX в., когда английские женщины высшего и среднего класса начинают прибывать в Индию. Жены чиновников и офицеров всех рангов составляют группу так называемых «мем-сахиб» («*memsahib*» – сокращенная форма от «*madam sahib*»; в Британской Индии заимствованное из арабского «сахиб» означало «господин, сэр»). Любопытно, что в период британского господства английские женщины низших социальных классов практически не присутствовали в Индии – известно, что в конце XIX в. только двум или трем из ста женам солдат расквартированных в Индии полков было официально разрешено сопровождать мужей, причем их труд по приборке казарм и стирке расценивался ими как более предпочтительный по сравнению с положением оставленной на родине жены [2]. В Индии, в

условиях колониальной ситуации мем-сахиб, лишенная, как правило, проблем материального и бытового характера (повышенный по сравнению с Британией социальный статус, наличие большого числа слуг, отсутствие профессионального общения и интересов и т.д.), часто занимала крайне расистские позиции, что нашло отражение в выразительных образах художественной литературы (см., например, романы Э.М. Форстера «Поездка в Индию», Дж. Оруэлла «Дни в Бирме», Р.П. Джабвала «Жара и пыль», Дж.Г. Фаррелла «Осада Кришнапура» и др.). С другой стороны, среди английских мем-сахиб в Индии были женщины, которые сумели реализовать себя в разных областях, в том числе профессиональных: женщины-писательницы, путешественницы, учительницы и миссионеры, общественные деятели, этнографы и собирательницы фольклора, медицинские сестры и т.д. [3, 4].

Доминирующий колониальный дискурс был, без сомнения, мужским, но даже в XIX в. в нем были слышны отдельные женские голоса, представленные, например, англичанками – писательницами или путешественницами, которые публиковали свои травелоги [5, 6].

Начиная с середины XX в., в исторической науке возникает и развивается интерес к культуре повседневности; одновременно возникают и бурно развиваются феминистские и постколониальные исследования, теории и подходы. Именно в рамках предложенных подходов активизируется, в частности, интерес к обычной жизни обычных англичанок в колониях. Значимыми становятся описания не только службы, военной или гражданской, но и частной жизни, организации домашнего хозяйства, свободного времяпрепровождения и т.д., т.е. сферы быта [4]. Быт понимается как «обычное протекание жизни в ее реально-практических формах», как «вещи», которые окружают человека, как «наши привычки и каждодневное поведение» [7. С. 12]. Описывая глубинную связь быта и культуры, Ю.М. Лотман отмечает «идеологизированность быта», его связь с повседневностью: «...все окружающие нас вещи включены не только в практику вообще, но и в общественную практику, становятся как бы сгустками отношений между людьми и в этой своей функции способны приобретать символический характер» [Там же. С. 14].

Именно с этой точки зрения в статье будет рассмотрена книга Ф.Э. Стил и Г. Гардинер, посвященная ведению домашнего хозяйства в Британской Индии (первое издание 1888 г.). Книги по домоводству и кулинарии уже использовались в качестве материала для изучения быта, культуры, идеологии разных эпох [8], но книга Ф.Э. Стил и Г. Гардинер ни разу не становилась предметом исследования отечественной гуманитарной мысли. Между тем интерес к жизни и творчеству авторов, особенно к творчеству Флоры Энни Стил, среди зарубежных исследователей достаточно заметен, хотя разброс оценок ее наследия весьма широк.

В последние десятилетия XIX – начале XX в. Флора Энни Стил (Flora Annie Steel, 1847–1929) была известнейшей писательницей, которая описывала жизнь Британской Индии. Современники называли ее «второй по-

сле Кипплинга». В 1867 г., выйдя замуж за чиновника британской колониальной службы, она приехала в Пенджаб, где провела более двадцати лет и где происходит действие многих её произведений. Стил заинтересовалась фольклором Пенджаба, и её первый сборник «Wide Awake Stories» (1883 г.), опубликованный, когда она еще жила в Индии, использует фольклорные мотивы. Основные произведения были созданы Стил после возвращения в Англию: с 1893 по 1908 г. было опубликовано более двадцати сборников рассказов, романов, а также историческая компиляция «Индия в веках» (1908). В 1929 г. на свет появилась автобиография писательницы. Особой популярностью пользовалась книга по домоводству и кулинарии, написанная Ф.А. Стил в соавторстве с Г. Гардинер, – «Полный курс ведения домашнего хозяйства и кулинарии в Индии» («The Complete Indian Housekeeper and Cook», 1888), в течение последующих пятидесяти лет многократно переиздававшаяся.

После распада Британской империи произведения Ф.Э. Стил перестали публиковать, часть критиков отвернулась от писателя-пропагандиста Британской Индии (так, ее имя не упомянуто в «Путеводителе по английской литературе» М. Дрэббл и Дж. Стрингер [9]), в общественном сознании на некоторое время утвердился однозначно негативный образ ее произведений [10].

Полагаем, однако, что и творчество, и сама личность писательницы заслуживают более взвешенной оценки; кроме того, очевидно, что глобализованная реальность XXI в. и современные подходы гуманитарных дисциплин позволяют взглянуть на них по-новому.

Будучи по статусу мем-сахиб, Стил не ограничилась традиционной женской ролью «ангела в доме», популярного в викторианской Британии. Живя в Индии, Ф.Э. Стил выучила несколько местных языков, заинтересовалась фольклором Пенджаба и начала его собирать. Помогая мужу в его службе, она стала официально заниматься проблемами женского образования, в 1884 г. была назначена инспектором школ для девочек всего Пенджаба, а в 1885 г. стала членом совета по образованию всей провинции. Пользуясь большим уважением местных женских общин, она сумела попасть туда, куда не был допущен ни один англичанин-мужчина, на территорию – физическую и метафизическую – индийских женщин, в их дома, детские, гаремы, а затем описала этот мир в своей публицистике. Известно, что, когда Ф.Э. Стил возвращалась в Англию, на вокзале ее провожали более 300 индийских женщин, которые пришли выразить свою благодарность.

Среди художественных произведений Ф.Э. Стил отдельного упоминания заслуживает «On the Face of the Waters» (1896), роман о восстании 1857–1859 гг. (так называемое восстание сипаев), для написания которого автору пришлось на какое-то время вернуться в Индию. Трактовка событий 1857 г. в прозе Ф.Э. Стил весьма сдержанна: вину за разразившуюся трагедию она возлагает, прежде всего, на английскую колониальную администрацию, которая не справилась со своими обязанностями управле-

ния: «Не было недостатка в личном мужестве англичан – употребим более выразительное слово, в их героизме, но если оценивать общую готовность – её просто не существовало» [11. Р. 356].

П. Бранлинджер [12] считает, что из всех романов о восстании (*Mutiny Novel* – жанровая модификация, ставшая популярной в английской литературе во второй половине XIX – начале XX в.), написанных в XIX в., роман Стил выделяется неоднозначностью подходов и взвешенностью оценок. На протяжении всего повествования автор сохраняет объективный тон и видимость беспристрастности; она не анализирует причины восстания, её герои, индийцы и англичане, неоднозначны и далеки от упрощенных схематизированных героев произведений других авторов. Одна из сюжетных линий произведения – трагическая любовь англичанина и индийской девушки, к которой автор относится с несомненной теплотой. Роман демонстрирует, что сознание автора «гибридно», если воспользоваться популярным термином постколониальной теории. «Гибридность относится к созданию новых транскультурных форм в зоне контакта, которая создается в результате колонизации» [13. С. 253], и творчество Стил, несомненно, этим качеством обладает.

Книга Ф.Э. Стил и Г. Гардинер по домоводству и кулинарии была переиздана в 2010 г. в серии «Oxford World Classics», что само по себе является признанием особой роли произведения в истории английской литературы. Изданный в 2010 г. вариант книги повторяет вариант 1911 г., и мы будем обращаться именно к нему. Этот вариант определенным образом отличается от первого издания книги, которое подвергалось правкам, дополнениям и изменениям в последующих изданиях. Авторское посвящение к книге (во всех изданиях, начиная с первого) гласит: «Английским девушкам, перед которыми судьба, возможно, поставила задачу стать хозяйками и матерями в нашей восточной империи, посвящают эту небольшую книгу Грейс Гардинер и Флора Энни Стил». Соавтор Ф.Э. Стил Грейс Гардинер (Grace Gardiner) также провела в Индии несколько десятилетий в качестве мессахиб, хозяйки большого дома и матери большого семейства. Исследователи считают [14], что именно Г. Гардинер является автором глав, посвященных воспитанию детей, но основная часть книги была написана Ф.Э. Стил. В практике воспитания собственной дочери Ф.Э. Стил повторила модель, популярную в семьях многих семей колониальных служащих: рожденный в Индии ребенок провел в стране только несколько первых лет жизни, а затем был отправлен «домой», в Англию, для получения образования и приобщения к английской культуре и образу жизни.

Отметим, что книга по домоводству и кулинарии Ф.Э. Стил и Г. Гардинер была создана авторами по образцу знаменитой книги «Mrs Beeton's Book of Household Management» («Книга о ведении домашнего хозяйства миссис Битон») Изабеллы Мэри Битон. Впервые увидевшая свет в 1861 г., книга И. Битон только в первые годы была продана в количестве 125 тыс. экземпляров – невиданные тиражи для викторианской Англии. Кроме огромного (более 900) количества кулинарных рецептов, книга И. Битон

включала разделы по организации домашнего хозяйства и по управлению слугами. Современные исследователи отмечают, что книга миссис Битон получила громкий резонанс в викторианской Англии не только потому, что представила английскую кухню во всем ее разнообразии, но и потому, что, будучи адресованной прежде всего женщинам среднего класса, она формировала их мировоззрение и идентичность: «Тогда, как и сейчас, кулинарные книги конструировали утопическое домашнее пространство – немногим удавалось создать его в реальности в таком виде, как оно описывалось в книгах. Но идея буржуазного дома, главным элементом которого был викторианский образ «ангела в доме», была центральной для воображения британцев и – расширительно – для британской нации» [14. Р. XVII–XVIII].

Роль образцовой хозяйки дома, которая организует домашнее пространство и управляет детьми, домочадцами и слугами, детально описывается в книге И. Битон. Мир дома противопоставлен миру вне дома, который мыслится как мир, где доминируют мужчины и их ценности. Но и внутри домашнего пространства автор четко противопоставляет хозяйку и слуг, которыми она управляет. Ф.Э. Стил и Г. Гардинер следуют в русле И. Битон и частично повторяют структуру ее книги в своем произведении, но их новаторство состоит в том, что авторы переносят викторианские ценности в колониальную действительность, сталкиваясь с неизбежными последствиями подобного переноса и разрешая их в соответствии с собственным мировоззрением: «Здесь, хозяйке дома приходилось управлять слугами, принадлежащими не только к другому классу, но и к другой расе; здесь расчеты велись в иностранной валюте, а припасы доставлялись с базара и через поставщиков; здесь обязанность поддерживать высокие стандарты выполнялась с имперской уверенностью о расовом и культурном превосходстве» [14. Р. XVIII].

Книга Ф.Э. Стил и Г. Гардинер состоит из 43 глав, из них 23 главы посвящены кулинарии, например гл. 23 «Супы», гл. 24 «Рыба», гл. 25 «Соусы» и т.д. Любопытно, что абсолютное большинство рецептов приготовления блюд относится к английской кухне, и лишь в издании 1898 г. «по просьбе читателей» появилась небольшая (две страницы, всего 8 рецептов) гл. 42 «Блюда местной кухни». Она открывается следующим пассажем: «The following native dishes have been added by request. It may be mentioned incidentally that most native recipes are inordinately greasy and sweet, and that your native cooks invariably know how to make them fairly well»¹ [15. Р. 305]. Таким образом, реальность Британской Индии, когда англичане всеми силами старались воссоздать характерный английский быт и прилагали для этого немало усилий, дистанцируясь от местных обычаев и практик, находит свое воплощение в кулинарной части книги. Поясним также: мы наме-

¹ Данные рецепты местных блюд были добавлены по просьбе читателей. Следует отметить, что большинство этих блюд чрезмерно жирные и сладкие, а ваши повара из местных, безусловно, знают, как их готовить.

ренно приводим цитаты из книги Ф.Э. Стил и Г. Гардинер на языке оригинала, давая их перевод в сносках, по двум причинам: во-первых, книга не переведена на русский; во-вторых, и это главное, чтобы дать читателям возможность оценить выразительность языка и стиля произведения.

Остальные главы посвящены организации домашнего хозяйства в его самых разнообразных аспектах: подсчет расходов, воспитание детей, содержание коней и конюшни, коров и домашней птицы, собакам и уходу за садом, популярным методам лечения заболеваний, одежде, укладке багажа при переездах с равнинной части страны в гористую местность и т.д. Сегодня именно эта часть книги читается как рассказ о жизни ушедшей эпохи, и именно в этой части авторы в наиболее полной мере формулируют свою позицию. Время, когда Стил и Гардинер писали свою книгу, было периодом наивысшего расцвета и могущества Британской империи, и эта идея напрямую отражается в пособии Стил и Гардинер: читатель узнает не только об особенностях ведения хозяйства в условиях тропического климата, но, что, возможно, более важно, получает описание колониальной ситуации так, как ее видят и комментируют авторы: «Housekeeping in India has ... a political and social as well as a domestic side»¹ [15. P. 14]. Первая глава книги выразительно называется «Обязанности хозяйки» («The Duties of the Mistress»). Ф.Э. Стил и Г. Гардинер настаивают на том, что каждая английская хозяйка в Индии должна максимально серьезно относиться к своим обязанностям, не лениться, не перекладывать их выполнение на плечи слуг, входить во все тонкости домоводства и воспитывать слуг на собственном примере. Неудивительно, что образцовыми для ведения дома они провозглашают английские правила. Отношения между хозяйкой и слугами-индийцами заслуживают, по их мнению, отдельного внимания: индийцы неряшливы и часто неумелы, но незлобивы. «The Indian servant... learns more readily, and is guiltless of the sniffiness with which Miss Jane receives suggestions»² [Ibid. P. 12], но если сама хозяйка пренебрегает своими обязанностями и несколько дней не появляется на кухне, слуги неизменно возвращаются к привычному для них состоянию, переставая соблюдать необходимые правила гигиены. Таким образом, авторы предъявляют претензии, прежде всего, к английским хозяйкам, и одним из основных требований к хозяйке дома, по их мнению, является знание местного языка:

«The first duty of the Mistress is, of course, to be able to give intelligible orders to the servants; therefore, it is necessary she should learn to speak Hindustani. No sane Englishwoman would dream of living, say, for twenty years in Germany, Italy or France, without making the attempt, at any rate, to learn the language. She would, in fact, feel that by neglecting to do so she would write herself down an ass. It would be well, therefore, if ladies in India were to ask

¹ Домоводство в Индии имеет... политическую и социальную стороны, не только бытовую.

² Слуга-индеец... готов учиться и не склонен фыркать, как какая-нибудь мисс Дженни, когда ему делают замечания.

themselves if a difference in longitude increases the latitude allowed in judging of a woman's intellect»¹ [15. P. 12].

Отдельная глава книги посвящена обязанностям слуг (гл. 6 «The Duties of the Servants»). В начале главы авторы отмечают, что в разных частях Британской Индии климатические условия и образ жизни разный, поэтому обязанности слуг в разных провинциях будут неизменно варьироваться, равно как и оплата их труда. Сравнительное описание обязанностей слуг и их зарплат приводится в таблице, где описывается жизнь в пяти индийских территориях (Бенгалия, Мадрас, Бомбей, Цейлон и Бирма). В таблице перечислены 14 позиций слуг – дворецкий, повар, лакей, горничная, няня, водонос, садовник, грум и др. Напомним, что ни Г. Гардинер, ни Ф.Э. Стил не были хозяйками больших аристократических поместий – они были женами чиновников колониальной службы, которые начали свою карьеру с низших чинов и постепенно продвигались вверх по карьерной лестнице. Нетрудно предположить, что само перечисление количества слуг в книге Стил и Гардинер заставляло многих английских девушек страстно мечтать об Индии.

Индийские слуги, по мнению Стил, подобны детям, которые нуждаются в твердом управлении, – эта мысль проводится в книге многократно. Приведем один выразительный пример из главы «Обязанности слуг»: «In cold weather always give out blankets to all the stable-servants, to prevent them from stealing the coverings of their horses. These blankets should be of good quality, marked with your initials, and should be attached to the service, and not given to the individual. At the commencement of the hot weather they should be washed and put back into store»² [Ibid. P. 99].

Хотя автор относится к индийским слугам свысока и не признает их самостоятельности, но однозначно обвинить ее в расизме сложно: наоборот, она выдвигает эти обвинения по отношению к английским мем-сахиб: «It is purely race prejudice to fear that the milk of a native woman should contaminate an English child's character»³ [Ibid. P. 163]. Инструктируя хозяек, как им следует относиться к кормилицам, Ф.Э. Стил и Г. Гардинер настоятельно рекомендуют давать им свободное время для общения с родными и близкими, а не относиться как к «живым молочным бутылкам».

¹ Первой задачей хозяйки дома, конечно, является ее способность давать слугам внятные указания, следовательно, ей необходимо выучиться говорить на хинди. Ни одна здравомыслящая англичанка не станет жить, скажем, двадцать лет в Германии, Франции или Италии, не попытавшись выучить язык. Она прекрасно понимает, что без этого она распишется в собственной несостоятельности. Хорошо было бы дамам, находящимся в Индии, задать вопрос, влияет ли географическая широта на их способности и возможности их интеллекта.

² В холодную погоду выдавайте одеяла слугам в конюшне, чтобы они не забирали попоны у лошадей. Одеяла должны быть хорошего качества, отмечены вашими инициалами и должны считаться служебными, а не индивидуальными принадлежностями. После возвращения теплой погоды их нужно постирать, собрать и сложить в кладовую.

³ Чистым расизмом является предубеждение, что молоко местной женщины может испортить характер английского младенца.

В целом основной мишенью критики Ф.Э. Стил являются британские дамы в Индии, точнее, те из них, кто предпочел спокойное, расслабленное, благополучное, часто бездумное существование. Поясним: Стил вовсе не считает, что каждая англичанка в Индии должна занимать какую-нибудь общественную или профессиональную позицию, наоборот, положение жены колониального служащего или офицера и хозяйки дома само по себе является, по ее мнению, общественно важной позицией, тем рубежом империи, на страже которого стоит женщина: «An Indian household can no more be governed peacefully, without dignity and prestige, than an Indian Empire»¹ [15. P. 18]. Отвечая на широко распространенные претензии своих современниц, Стил «strenuously denies that “*per se*, an Englishwoman cannot stand the hot weather as well, and perhaps better than a man”»² [Ibid. P. 196]. Быть хорошей хозяйкой и женой колониального служащего, по мнению автора, может лишь женщина, обладающая умом и характером, и именно к этому идеалу должна стремиться каждая англичанка в колониях: «It is the fashion nowadays to undervalue the art of making a home ... But this is a mistake, for the proper administration of even a small household needs both brain and heart. A really clever woman always sees this»³... [Ibid. P. 16]. Еще одной отчетливой чертой позиции Ф.Э. Стил, постоянно высказываемой на страницах книги, является ее англоцентричность: английские правила ведения хозяйства, методы воспитания, садоводства, английская кухня и т.д. не подвергаются ни малейшему сомнению. Автор настойчиво рекомендует сохранять английский образ жизни в Индии, несмотря на сложности объективного характера, и даже кулинарные рецепты, которые она приводит, исключительно английские (хотя в ряде случаев ей приходится давать советы, чем можно заменить недоступные в Индии английские продукты). Незнание и несоблюдение английских правил приравнивается почти к варварству: слуги-индийцы постоянно демонстрируют «sheer ignorance of facts well-known to an *English* child; and it must never be forgotten that this is not an exception, but the rule»⁴ [Ibid. P. 80].

Отметим также, что язык и стиль автора отчетливо узнаваем: Ф.Э. Стил пишет строго, конкретно, логично, опирается на расчеты, приводит многочисленные таблицы; тем не менее в ряде случаев текст звучит живо и иронично, причем объектами ее иронии становятся как нерадивые работники, так и наряженные в бесполезные, по ее мнению, рюши и ленты мем-сахиб:

¹ Подобно управлению Индийской империей, ведение домашнего хозяйства в Индии не может успешно осуществляться без достоинства и престижа.

² Совершенно не согласна с тем, что англичанка по определению не способна переносить жару – в этом она равна мужчине и, возможно, даже превосходит его

³ Сегодня стало модным недооценивать искусство ведения дома. Но это неправильно, поскольку правильное управление даже небольшим домом требует ума и души. По-настоящему умная женщина не может этого не понимать.

⁴ Полное невежество относительно фактов, которые хорошо известны *английскому* ребенку; и нельзя забывать, что это не исключение, но правило.

«As to clothing, a woman who wishes to live up to the climate must dress down to it»¹ [15. P. 201].

В произведениях Ф.Э. Стил и в ее книге по домоводству и кулинарии эта черта проявляется ярко и отчетливо – как, вероятно, и в ее жизни, не возникало сомнений в правомочности существования Империи, но, в отличие от многих своих современниц, реальных и литературных, она далеко не всегда принимала колониальные практики на веру, не всегда их одобряла и позволяла себе высказывать критическое отношение относительно своих соотечественников (чаще – соотечественниц) в Индии. Империя, по мысли Стил, предъявляла конкретные требования к англичанам и их женам, пренебрежение которыми или – хуже – уклонение от которых подрывало ее основы, – в этом ее позиция совпадала с позицией Р. Киплинга, который выразительно обозначил ее как «бремя белого человека».

Кроме того, как справедливо отмечают современные исследователи, «Стил не отгораживалась от Индии, как это делали многие из ее соотечественниц, и она старалась общаться с индийцами, не обращая внимание на условности» [14. С. XXVII].

Таким образом, книга по домоводству, написанная Ф.Э. Стил и Г. Гардинер, представляет собой яркое свидетельство эпохи Британской Индии, в котором быт выступает в двойной функции. Описание быта в его основной функции создает яркий образ эпохи и позволяет увидеть картину ежедневной, непарадной жизни женщин в Британской Индии. Но быт в книге также выступает в символической, даже идеологической функции, отражая колониальную ситуацию и пропагандируя ее.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1987. 749 с.
2. Ghose I. The Memsahib Myth: Englishwomen in Colonial India // Women and Others: Perspectives of Race, Gender, and Empire / ed. by C.R. Daileader, R.E. Johnson, A. Shalazz. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2007. P. 107–128.
3. Macmillan M. Women of the Raj: the Mothers, Wives and Daughters of the British Empire. London : Thames and Hudson, 1988. 319 p.
4. Allen Ch. Plain Tales from the Raj. London : Futura Publications Limited, 1975. 287 p.
5. Hulme P., McDougall R. Writing, Travel and Empire. New York ; London : Tauris, 2007. 256 p.
6. Ghose I. Women Travelers in Colonial India: the Power of the Female Gaze. Delhi ; New York : OUP, 1998.
7. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : АЗБУКА, 2015. 603 с.
8. Сюткин П., Сюткина О. Русская и советская кухня в лицах: Непридуманная история. М. : АСТ, 2016. 320 с.
9. Дрэбл М., Стрингер Дж. Путеводитель по английской литературе. М. : Радуга, 2013. 928 с.
10. Empire Writing / ed. by E. Boemer. Oxford : OUP, 1998. 507 p.

¹ Что касается нарядов, то женщина, если она хочет одеваться в соответствии с климатом, должна раздеваться.

11. *Steel F.A.* India Through the Ages. London, 1914. 430 p.
12. *Brantlinger P.* Rule of Darkness: British Literature and Imperialism, 1830–1940. London : Ithaka, 1988. 336 p.
13. *Сидорова О.Г.* Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. 260 с.
14. *Crane R., Johnson A.* Introduction // *Steel F.A., Gardiner G.* The Complete Indian Housekeeper and Cook. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2010. P. IX–XXVIII.
15. *Steel F.A., Gardiner G.* The Complete Indian Housekeeper and Cook. Oxford ; New York : OUP, 2010. 357 p.

The Imperial Cuisine

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 226–236. DOI: 10.17223/19986645/61/13

Olga G. Sidorova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ogs531@mail.ru

Keywords: British Empire, colonial discourse, everyday life, memsahib, F. A. Steel, book on housekeeping.

The life and works by Flora Annie Steel (1847–1929), a popular author of a number of novels, stories and articles that were mostly set in India, are analyzed in the article. Steel's fiction was well-known in Great Britain at the end of the 19th and in the first half of the 20th centuries. *The Complete Indian Housekeeper and Cook* written by Steel and Grace Gardiner was extremely popular with the British women readers. First printed in 1888, it was repeatedly reprinted and republished during the following decades. In 2010 the book was published in the Oxford World Classics series; this fact confirmed its role in the history of literature. The aim of the article is to analyze the text of the book that is commonly considered to be a vivid example of the British colonial literature. This analysis clearly correlates with studies of everyday cultural practices, with postcolonial studies in general and with the role of women in the colonial male world studies in particular. Following the existing pattern of writing books on housekeeping for the British middle-class women, Steel (a note: Gardiner wrote only a couple of chapters of the large volume) includes into her book not only recipes for cooking, but also recommendations on how to manage an Indian colonial house, its stables and gardens, and a whole team of servants. A number of methods and approaches were used to study the book, namely, a biographic method, semiotic and post-colonial approaches. Some facts from the author's biography relevant for the book were mentioned in the article; Steel's descriptions of everyday practices and concrete things were viewed as illustrations of the epoch, but also in their ideological function, as symbolic representations of the British colonial history and politics. The author's individual style was also studied; and it was disclosed that among the main objects of her irony were the English memsahibs in India. The article clearly shows that the author of the book demonstrated her hybrid personality when her Anglo-centric views coexisted with critical approaches towards many colonial practices, and her patronizing patterns towards the Indian people – with deep interest to their culture and languages. Thus, the author has come to a conclusion that, in a number of cases (Steel's was among them), works of colonial literature go far beyond the domineering colonial discourse. Thus, their readers are offered a wider view of ambivalent cultural contacts and relations. From this point of view, Steel's approaches coincide with Rudyard Kipling's ones.

References

1. Ozhegov, S.I. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz.
2. Ghose, I. (2007) The Mem Sahib Myth: Englishwomen in Colonial India. In: Daileader, C.R. et al. (eds) *Women and Others: Perspectives of Race, Gender, and Empire*. N.Y.: Palgrave Macmillan. pp. 107–128.

3. Macmillan, M. (1988) *Women of the Raj: the Mothers, Wives and Daughters of the British Empire*. London: Thames and Hudson.
4. Allen, Ch. (1975) *Plain Tales from the Raj*. London: Futura Publications Limited.
5. Hulme, P. & McDougall, R. (2007) *Writing, Travel and Empire*. New York; London: Tauris.
6. Ghose, I. (1998) *Women Travelers in Colonial India: the Power of the Female Gaze*. Delhi; New York: OUP.
7. Lotman, Yu.M. (2015) *Besedy o russkoy kul'ture: byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: AZBUKA.
8. Syutkin, P. & Syutkina, O. (2016) *Russkaya i sovetskaya kukhnya v litsakh: Nepridumannaya istoriya* [Russian and Soviet cuisine in faces: A True-Life History]. Moscow: AST.
9. Drabble, M. & Stringer, J. (2013) *Putevoditel' po angliyskoy literature* [The Oxford Companion to English Literature]. Translated from English. Moscow: Raduga.
10. Boemer, E. (ed.) (1998) *Empire Writing*. Oxford: OUP.
11. Steel, F.A. (1914) *India Through the Ages*. London: George Routledge & Sons.
12. Brantlinger, P. (1988) *Rule of Darkness: British Literature and Imperialism, 1830–1940*. London: Ithaka.
13. Sidorova, O.G. (2005) *Britanskiy postkolonial'nyy roman posledney treti XX veka v kontekste literatury Velikobritanii* [British postcolonial novel of the last third of the twentieth century in the context of British literature]. Yekaterinburg: Ural State University.
14. Crane, R. & Johnson, A. (2010) Introduction. In: Steel, F.A. & Gardiner, G. *The Complete Indian Housekeeper and Cook*. Oxford; New York: Oxford University Press. pp. IX–XXVIII.
15. Steel, F.A. & Gardiner, G. (2010) *The Complete Indian Housekeeper and Cook*. Oxford; New York: OUP.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 654.197.001.33

DOI: 10.17223/19986645/61/14

Ю.И. Долгова, Г.В. Перипечина, О.В. Тихонова

КОНТЕНТ-СТРАТЕГИИ ТЕЛЕКАНАЛОВ «БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ»: ТЕМАТИКА, ЖАНРЫ, ФОРМАТЫ

Анализируются контент-стратегии телеканалов «большой тройки». Предложена тематическая классификация телевизионных программ. Выявлено, что программирование эфира производится при помощи контента схожих жанровых и тематических характеристик. Самую большую долю среди видов вещания занимает информационное, далее следует политическая и социальная публицистика. Наиболее востребованными жанрами оказались дискуссия и беседа, на НТВ часто используется полижанровая передача.

Ключевые слова: телевидение, тележурналистика, контент-стратегии, жанры, форматы, контент.

Изучение телевизионного сегмента медиарынка является одним из главных направлений исследований современного состояния и перспектив развития СМИ страны. Актуальность этого направления подтверждается стабильным интересом аудитории к данному виду контента, находящемуся одновременно в процессе серьезных трансформаций под влиянием активного развития информационно-коммуникационных технологий и распространения цифрового телевидения.

Телепросмотр остается самой массовой практикой медиапотребления россиян [1. С. 17]. По данным исследовательской компании «Mediascope», в 2018 г. 68% россиян включали телевизор каждый день. Показатель среднесуточного телепотребления россиян достаточно высок и в 2018 г. составил 230 минут. При рассмотрении предыдущего периода отмечается отрицательная динамика, но в незначительной степени – по несколько минут в год.

Три универсальных телеканала «большой тройки» («Первый канал», «Россия 1», «НТВ») сохраняют лидерские позиции, обеспечивая 35% телевизионного потребления в стране [Там же. С. 28]. Телекомпания «Россия 1», долгое время занимавшая второе место в рейтинге, третий год удерживает первое место с долей 13,2%, опередив «Первый канал» (12,1%) как главного конкурента, а также «НТВ» (9,4%), в связи с чем выбор трех главных каналов страны для настоящего исследования представляется вполне закономерным.

Современные телевизионные продюсеры в своей деятельности ежедневно сталкиваются с новыми вызовами, среди которых – развитие кана-

лов «длинного хвоста», рост конкуренции со стороны Интернета и др., что приводит к фрагментации телевизионной аудитории программ, каналов, а также технологических платформ, где возможно потребление телеконтента [1–3]. Конкуренция, по мнению исследователей, является одной из причин, способствующих эклектике телевизионного эфира [4]; конструированию программ, соединяющих различные темы и жанры, для привлечения целевой аудитории [5. Р. 110], а также производству программ в жанрах и форматах, гарантированно предпочитаемых зрителем [6–7].

Сложность позиционирования телеканалов «большой тройки» в современной конкурентной среде связана также с таким фактом: данные универсальные вещатели при программировании стремятся охватить максимально широкую аудиторию, которая по своим демографическим характеристикам соответствует той, что востребована рекламодателями [6]. Воспринимая жанр не только как категорию, определяющую роль автора [8. С. 106], способ производства контента, структуру текста, а также процесс восприятия зрителем предложенного ей телеконтента [9, 10], но и один из важных аспектов программирования телевизионного эфира [11], можно, как уже было сказано выше, предполагать, что каналы, стремящиеся привлечь одинаковую аудиторию, будут схожим образом выстраивать и свои контент-стратегии.

При этом следует отметить, что указанные каналы по-разному воспринимаются зрителями: к примеру, телеканал «Россия 1» долгое время был второстепенен относительно «Первого канала», а «НТВ», к 2010 г. окончательно потерявший статус независимого, либерального, связан с тематикой скандалов и криминала [12]. В связи с этим при разработке методологии настоящего исследования авторы предположили: поскольку главные телевизионные каналы страны «делят» зрительскую аудиторию, их контент-стратегии с точки зрения жанровых и тематических приоритетов должны различаться.

На этом основании была сформулирована основная рабочая гипотеза исследования: жанрово-тематические характеристики контента «Первого канала» и «России 1» схожи, тогда как «НТВ» – отличны.

Жанровое и тематическое своеобразие телеканалов: проблемы типологизации

Одной из серьезных методологических трудностей в ходе предпринятого исследования стало составление классификатора эфирной продукции универсальных телеканалов. Его предложенный вариант имеет самостоятельную научную ценность.

На этапе становления отечественного телевидения как СМИ формирование жанровой структуры телеэфира представляло собой процесс адаптации жанров, ранее применявшихся в других формах искусства и медиа: художественной литературе, театре, кино, печатной и радиожурналистике [10, 11], что изначально затрудняло ход категоризации телевизионного

контента. Анализ жанровой структуры телеэфира сосредоточивался преимущественно на нежурналистских жанрах, что первоначально, например в США, отчасти было связано с изучением и категоризацией кинопродукции Голливуда [13–17]. Самое пристальное внимание зарубежными исследователями уделялось новостям, документалистике и развлекательному контенту: популистским дебатам, ток-шоу с участием знаменитостей, шоу-викторинам, исповедальным ток-шоу [11]. Так, исследователь П. Дальгрэн утверждал, что Америка является источником четырех распространенных телевизионных жанров дешевого коммерческого программирования: новостей в таблоидном стиле, ток-шоу с активной аудиторией в студии, информационно-развлекательных журналов и международных спутниковых информационных служб [18].

В российской теории телевизионной журналистики вопрос категоризации экранной продукции проработан более подробно [19–23]. Теоретики, прежде всего, учитывали опыт советского телевидения, которое преимущественно реализовывало пропагандистскую и образовательную функции, используя для этого жанры документального телевидения [24].

Практика формирования программной сетки, цели и задачи телевизионного программирования значительно изменились после возникновения в России системы многопрограммного коммерческого телевидения. Появление гибридных форм отчасти было связано с приходом на отечественный экран западных адаптированных телеформатов, представляющих собой смешение жанров и стилей [25], а также изменение подхода к продюсированию телевизионного продукта, где экранное произведение, выходящее за пределы определенного жанра, рассматривалось продюсерами как способное привлечь более широкую зрительскую аудиторию [10].

В современной российской теории телевизионной журналистики большинство исследователей к решению вопроса о классификации телеконтента подходят с точки зрения встраивания современной системы жанров и тематик тележурналистики в уже существующую теорию [26–30]. Например, объясняя современные процессы гибридизации жанров, А.А. Новикова полагает, что традиционные жанры телевидения образуют гибриды с жанрами зрелищных искусств [31]. Принимая существующую в отечественной теории тележурналистики классификацию, С.Н. Ильченко предлагает ввести новую группу жанров: игровое, развлекательное телевидение [32]. Некоторые авторы идут по пути максимально подробной классификации, что приводит к пересечению выделяемых жанровых форм [33]. Исследования жанров в других парадигмах крайне редки [34].

Тем не менее нельзя не отметить существовавшие и существующие разногласия между авторскими подходами в рамках общепринятой парадигмы. К примеру, А.Я. Юровский разделял все телевидение на публицистическое, художественное, научное [35]. В.Л. Цвик в своей монографии оставляет за рамками анализа нежурналистские жанры, концентрируя научное внимание на трех видах публицистики: информационной, аналитической и художественной [29]. Р.А. Борецкий в учебнике «Телевизион-

ная журналистика» выводит за пределы публицистики информационные жанры [28]. В условиях роста нежурналистского контента на телевидении Г.В. Перипечина в обновленном издании данного учебника вводит трехчастное деление, учитывающее и нежурналистский телеконтент: документальные, художественно-документальные и художественные жанры [24].

Многие исследователи для типологизации экранной продукции современных универсальных каналов, отдающих предпочтение производству полижанровых программ, пользуются тематико-функциональным классификатором [1, 4, 36, 37].

Тематическое деление также во многом зависит от особенностей предмета изучения и позиции ученого. Параметры в различных научных исследованиях различаются, прежде всего, степенью обобщения. Так, в работе «Этнические СМИ России: содержательный анализ (на примере СМИ Республик Татарстан и Чувашия)» [38] подробный тематический спектр включает 28 характеристик. Например, культура / искусство; наука; экономика / бизнес / производство; политика/работа органов власти; транспорт / дороги; туризм / туристическая инфраструктура и др. В медиаизмерениях «Аналитического центра НСК» структура эфира представлена предельно обобщенно: художественные фильмы, телесериалы, документальные фильмы, мультипликационные фильмы, развлекательные программы, информационные, социально-политические, познавательно-развлекательные, просветительские, спортивные, реклама и коммерческие программы и др. (таких передач отмечено менее 1%). Авторы отраслевого доклада «Телевидение в России в 2017 году. Состояние, тенденции и перспективы развития» [1] используют 16 параметров: новости, социально-политические, познавательные, бизнес, религиозные, развлекательные, региональные, этнические, детские, хобби и увлечения, спортивные, эротические, стиль жизни, телемагазины, кино и сериалы.

В представленной работе контент телеканалов «большой тройки» рассматривался с точки зрения и жанрового своеобразие, и функционально-тематических особенностей: на взгляд авторов, именно совокупность этих трех чаще всего взаимосвязанных параметров оптимальным образом характеризует телевизионный контент.

Методология исследования

Для анализа жанрово-тематической специфики указанных каналов был проведен мониторинг недельного эфира со 2 по 8 апреля 2018 г. Период был выбран нейтральный с точки зрения знаковых событий, которые независимо от программной политики каналов становятся информационным поводом для производства передач различных видов вещания и таким образом вносят неизбежные погрешности при выявлении преобладающих тенденций.

Прежде всего, весь исследуемый контент был типологизирован с учетом факта участия журналистов в его производстве. К контенту, в создании

которого журналисты не принимают участия, отнесены программы художественного вещания, а именно: игровое кино, телесериалы, анимация. Этот сегмент эфира достоин самостоятельного изучения с точки зрения тематики, выразительных средств, ценностных ориентаций и др., что предполагается осуществить на следующих этапах исследования. В данной работе авторы посчитали возможным не включать в общий анализ тематику и жанровую направленность обозначенного сегмента эфира, но при этом учитывать хронометраж, поскольку при достаточно высоком объеме такой продукции «картина мира», конструируемая телевидением, была бы существенным образом искажена и заявлять объектом исследования программное наполнение телеканалов в целом было бы некорректно.

Кроме того, из качественного анализа исключено информационное вещание, которое предполагается на последующих этапах исследования также сделать самостоятельным объектом изучения: для этого эфирного сегмента характерно исключительное многообразие с точки зрения и жанров и тематики. В настоящей работе авторы ограничились определением общего хронометража информационных программ, с тем чтобы временная сегментация эфира по видам вещания была более корректной. Также на данном этапе исследования не учитывалась реклама как самостоятельная единица эфирной сетки вещания. Время внутрипрограммных и межпрограммных рекламных блоков включено в хронометраж передач.

Таким образом, материалом для предпринятого анализа послужили программы, находящиеся за пределами информационного и коммерческого вещания и создаваемые журналистами той или иной специализации – от репортеров и ведущих до сценаристов и редакторов, т.е. передачи документальной и документально-художественной группы жанров [20, 24, 28]. Данная жанровая типология была выбрана как наиболее полно отражающая содержательное наполнение современного эфира. Программой будем считать структурный элемент верстки телеканала независимо от содержания (новостная передача / игровой фильм / детский мультфильм и т.д.).

К документальной группе жанров отнесены выступление, репортаж (в его разновидностях); подгруппа разговорных жанров – интервью, беседа, дискуссия; очерк (путевой и портретный).

К документально-художественной группе жанров – игра (разновидности – интеллектуальная игра и конкурс / соревнование); докудрама, реалити-шоу, шоу, телефильм. Авторами использовался также термин «полижанровая передача» для тех программ, в которых не выделяется ведущий жанр (например, тележурналы).

Большая часть современного телевизионного контента достаточно уверенно идентифицируется с точки зрения жанра. К примеру, «Судьба человека» («Россия 1») – это интервью, «Время покажет» («Первый канал») – дискуссия, а «Слово пастыря» («Первый канал») – выступление. Вместе с тем немало программ содержат признаки различных жанров, и отнесение данных передач к той или иной жанровой категории было произведено на основе анализа корреляции свойственных признаков. Например, в про-

граммы «Голос» и «Ледниковый период» («Первый канал») включены сюжеты о периоде подготовки участников к телевизионному соревнованию, тем самым из выпуска в выпуск зрительская аудитория следит за ростом их мастерства. Ввиду этого подобные программы иногда относят к реалити-шоу. Однако последний жанр предполагает более длительное наблюдение. Кроме того, большая часть эфирного времени названных программ посвящена все же конкурсно-соревновательной составляющей, она же является их основным смысловым содержанием. По этим причинам данные телепроекты отнесены в настоящем исследовании к документально-художественному жанру конкурса.

Программы «Непутевые заметки» («Первый канал») и «Поедем, поедим!» («НТВ») в популярном виде познавательного вещания передач о путешествиях на первый взгляд должны быть определены одним жанром. Но если в первой программе хронометражем в 15 минут дается лишь беглое поверхностное представление о популярных туристических маршрутах, то в другой в течение 55 минут эфирного времени сообщают некоторые подробности быта жителей, культуры, традиций и т.д. Таким образом, «Непутевые заметки» и «Поедем, поедим!» относим к жанрам репортажа и очерка соответственно.

Признаки жанра шоу как зрелищного телевизионного представления характерны для многих программ развлекательной направленности, прежде всего музыкальных, игровых. Но в наибольшей степени к данному жанру близки «Играй, гармонь!» («Первый канал») и «Лучше всех» («Россия 1»). Причем конкурсная составляющая последней несколько ослаблена именно за счет стремления авторов сценария рассмешить, развлечь аудиторию.

Докудрама на современном российском телеэкране довольно редкий жанр, в котором сочетается содержательный базис, основанный на документальном материале (со ссылками на них), и реконструкции событий, реализованные с помощью киноактеров. В анализируемый хронологический период только одна передача отнесена к такому жанру – «Следствие вели» («НТВ»).

Очевидно, что масштаб научного обобщения темы программы зависит от основных целей исследования. Вместе с тем практически все исследователи выделяют при ряде сходных параметров, к примеру, информационное, детское и спортивное вещание. За основу классификации в настоящем исследовании предлагается взять тематико-функциональную классификацию видного теоретика Г.В. Кузнецова [28. С. 286–288]. В ходе проведенного научного анализа выделены следующие виды вещания:

- **информационное** (новости; информационно-аналитические / итоговые программы; информационно-развлекательные утренние блоки);
- **политико-публицистическое** (вопросы политики – в центре обсуждения);
- **социально-публицистическое** (социальные, микроэкономические проблемы);

- **правовое** (судебные шоу, журналистские расследования, документальные циклы);
- **познавательное** (самый широкий спектр знаний: наука, природа, путешествия и пр.; интеллектуальные игры / викторины);
- **культурно-просветительское** (вопросы культуры, искусства, народного творчества);
- **потребительское** (четко выраженная прагматическая направленность, инструктажность – в темах сохранения здоровья, приготовления еды, ремонта жилища, повседневной моды, покупки полезных продуктов и т.д.);
- **развлекательное** (цирковые представления, программы-шоу типа передачи «Субботний вечер» («Россия 1»);
- **детское** (в данном случае традиционно нарушается принцип составления тематических классификаций: речь идет о программах не ПРО детей, а ДЛЯ детей);
- **спортивное** (трансляции спортивных игр; программы, посвященные вопросам спорта).

Отдельное место в предлагаемой классификации занимают **музыкальная тематика и юмор**.

В процессе классификации учитывается не только тема программы, но и журналистский способ ее освещения. Так, дискуссия о проблемах спортивной отрасли на универсальном канале должна быть отнесена не к спортивному виду вещания, а к публицистическому.

Непосредственно приемы программирования контента в данной работе не исследовались. Но при анализе жанрово-тематических особенностей построения эфирной сетки обращалось внимание на тайм-слоты, в которые изучаемый контент программировался. В целом проанализировано 448 телепрограмм.

Особенности эфирного контента телеканалов «большой тройки»

«Первый канал». По результатам предпринятого исследования в общем объеме передач отмечено 73,2% программ, в производстве которых непосредственно участвовали журналисты. 26,8% составил контент не-журналистский, включивший художественные фильмы (15,5%), телесериалы (9,3%), анимацию (0,3%) и концерт (1,7%).

Следует отметить, что информационный (классические новостные и информационно-аналитические программы в конце дня или недели) и информационно-развлекательный (утренний сегмент телевизионной сетки) виды вещания занимают 25,4% эфира исследуемого хронологического периода.

В тематических видах вещания фиксируется лидерское соотношение 18,7% социальной («Мужское / женское», «На самом деле», «Пусть говорят») и 17,9% политической публицистики («Время покажет», «Познер»). Значительное место занимает потребительская тематика – 13,2% («Контрольная закупка», «Жить здорово!», «Модный приговор»), а также просветительская – 8,6% (документальные телефильмы «Ангел, спасший мне

жизнь», «Звезда эпохи», «Который год я по земле скитаюсь», «Крещение Руси», «Святая Матрона. Приходите ко мне, как к живой»).

Таковыми проектами в программе передач, как «Вечерний Ургант», «Смак», «Поле чудес», «Ледниковый период. Дети», «Лучше всех!», КВН, представлен развлекательный контент – 8,9%.

Относительно жанровых предпочтений в программной мозаике «Первого канала», как и других крупных отечественных телекомпаний, можно говорить о планомерно реализуемых стратегиях. 38% программ составили телевизионные дискуссии («Время покажет», «Пусть говорят», «На самом деле», «Мужское / женское» и др.), выходящие в строго определенное время в будние дни и представленные на экране в популярном на современном телевидении формате ток-шоу, предполагающем, как правило, активное или пассивное участие зрителей в студии.

Примечателен тот факт, что разные по хронометражу три части (2 часа 45 минут, 60 и 25 минут) публицистической программы «Время покажет» охватывают с понедельника по пятницу разные тайм-слоты: конец утреннего эфира (12.15–13.00) и практически весь дневной (13.00–15.00, 17.00–18.00, 18.25–18.50), привлекая тем самым немалую аудиторию.

На беседу («Жить здорово», «Контрольная закупка», «Давай поженимся») пришлось 10,9%. Другие 8,6% журналистского контента – на более сложный жанр: документальные телефильмы, транслируемые чаще в выходные дни и приуроченные к юбилейным датам рождения актеров театра и кино (С. Любшин, Э. Быстрицкая, Н. Кустинская), деятелей искусств (И. Резник), а также текущему календарному событию (христианскому празднику Светлой Пасхи).

Среди телевизионных шоу (5,8%) – программы «Играй, гармонь любимая!», «Вечерний Ургант», «Лучше всех!», КВН. Конкурсные программы (3,3%) составили «Голос. Дети», «Ледниковый период. Дети». К репортажу (3%) отнесены программы «Часовой», «Непутевые заметки» и прямая трансляция «Пасха Христова» из кафедрального собора Русской православной церкви – Храма Христа Спасителя. Жанр интеллектуальной игры (2,4%) представлен такими много лет существующими на отечественном телевидении программами, как «Что? Где? Когда?», «Умники и умницы» и «Поле чудес». В жанре интервью (1,3%) выходят программы «Познер» и «Смак».

Выделена в жанровой палитре эфирного контента так называемая полижанровая передача – тележурнал (0,9%) «Человек и закон» и почти забытый на телевидении монолог – выступление в кадре (0,2%) – воскресное «Слово пастыря».

Полижанровость характерна и для шоу-проекта «Первого канала» «Вечерний Ургант», производимого специально для телевизионного эфира в будний постпрайм 23.30–00.00 (иногда с захватом фрагмента ночного эфира – 23.15–00.10), но при этом зачастую имеющего большую аудиторию в Интернете.

При этом в исследуемую апрельскую неделю детское вещание представлено лишь в субботнее и воскресное утро двумя 15-минутными сериа-

ми анимационного фильма «Смешарики» («Новые приключения», «ПИН-код» – 0,3%). В общем телевизионном кинопоказе наблюдается жанровое равновесие транслируемых художественных картин: как правило, это отечественные мелодрамы из Гостелерадиофонда и зарубежные детективы.

В эфире «Первого канала» не представлены программы-очерки, зарисовки, докудрамы, реалити-шоу.

Можно резюмировать, что контент-стратегия «Первого канала» связана прежде всего с редакционным акцентом на достаточно острую общественно-политическую и социальную тематику в эфире. В целом можно фиксировать аудиторную охваченность журналистским контентом, однако при этом в эфире не так много программ познавательных и непосредственно культурно-просветительских, которые способствовали бы повышению уровня знаний телезрителей разных возрастов и социального статуса, минимально представлено детское вещание.

«Россия 1». По итогам анализа программного наполнения телеканала «Россия 1» передачи журналистского производства составили 70,7%; нежурналистского – 29,6% (телесериалы – 20,6%, юмористические концерты – 3,08%, анимация – 0,33%).

Информационное вещание (включая информационно-аналитические итоговые программы и информационно-развлекательный утренний эфир) занимает 49,7% общего эфира.

Явным лидером журналистского контента по тематическим видам вещания за пределами информационного стала политическая публицистика – 22,5% (передачи «60 минут» и «Вечер с Владимиром Соловьевым»), а вместе с программами социальной тематики («Судьба человека», «Прямой эфир») на долю публицистики приходится 32,3%.

Хронометраж развлекательных программ составил 6,8% (передачи «Когда все дома», «Сам себе режиссер», шуточные игры / викторины «Сто к одному» и «Пятеро на одного»).

Потребительское вещание представлено ежедневной по будням программой о здоровье «О самом главном» (5,3%).

Музыкальное вещание на канале занимает лишь 2,1% («Синяя птица» и «Утренняя почта»).

Торжественное богослужение, посвященное празднованию православными верующими Пасхи, транслировалось в течение трех часов (3%).

Учитывая, что на данном этапе исследования не анализируется содержание информационного вида вещания, в сегменте журналистского контента тематическим лидером становятся публицистические программы, ведущая функция которых – формирование общественного мнения – в оптимальной степени реализуется в форме обсуждения противоречивых точек зрения, т.е. в жанре дискуссии. Соответственно, в жанровой иерархии на первое место вышла именно дискуссия (ток-шоу) – 27,3%. Следует отметить, что публицистические программы включены во все тайм-слоты, кроме утреннего эфира, охватывая максимальный объем аудитории: «60 минут» выходит в двух временных слотах – дневном (13.00–14.00) и в

прайм-тайм (19.00–20.00); в будние дни большая часть хронометража программы «Вечер с Владимиром Соловьевым» приходится на ночной эфир, в воскресенье же начинается в постпрайм-тайм и заканчивается в тайм-слоте ночного эфира. Публицистическая дискуссионная программа «60 минут» лидирует по недельному хронометражу среди всего журналистского контента.

Жанр беседы реализуется в 7,3% программ: «О самом главном» (пн.–пт.); «Сам себе режиссер», «Живые истории», «Привет, Андрей!» (сб., вск.). Интервью занимает 5,7% эфирного времени («Судьба человека», «Когда все дома»). Игровые передачи – 2,5% («Сто к одному», «Пятеро на одного»). Единственная конкурсная программа «Синяя птица» – 1,5%, и также единично представлен документальный телефильм (1%). В кинопоказе преобладают сериальные детективы российского производства.

Таким образом, программное наполнение данного канала в будние дни носит довольно однообразный характер с точки зрения тематики и жанра. В субботу и воскресенье оно становится более разнообразным за счет включения в программную верстку игр, юмористических и музыкальных программ.

Обращает на себя внимание отсутствие в программе ведущего государственного канала какой бы то ни было цикловой просветительской программы. Кроме того, программная политика кинопоказа канала не ориентируется на лучшие образцы кинематографической продукции. Детское вещание представлено 35 минутами анимационных фильмов. В некоторой степени недостаточность детского вещания компенсируется при этом программами, предназначенными для семейного просмотра: «Сам себе режиссер», «Живые истории», «Когда все дома», игры, музыкальные конкурсы.

Резюмируя, отметим, что контент-стратегия телеканала «Россия 1» характеризуется, прежде всего, проблемной политико-социальной направленностью; практически не представлены интересы детской, молодежной аудитории, зрителей с повышенными интеллектуальными и культурными потребностями (в научно-популярной тематике, теме искусства), отсутствуют спортивные передачи. Несмотря на то, что с января 2018 г. канал предлагает рекламодателю учитывать аудиторию 18+ вместо прежних 25+, программное наполнение в малой степени соответствует ориентированности канала на заявленную целевую аудиторию.

«НТВ». В результате анализа программного наполнения телеканала «НТВ» были выявлены почти равные пропорции используемого при его программировании журналистского и нежурналистского контента.

56,8% всей эфирной продукции составил журналистский контент, 43,2% (телесериалы – 36,5%; художественные кинофильмы – 6,7%) – нежурналистский. Причем, телевизионными сериалами (детективы, боевики, триллеры) программируется эфир будних дней, а художественными фильмами (мелодрамы, криминальные драмы, триллеры) – период недели с пятницы по воскресенье.

Исследование тематических видов вещания показало лидерство информационного вещания (32,4%). На телеканале «НТВ» выходят как инфор-

мационные, информационно-аналитические и специализированные информационные передачи, посвященные криминальной тематике, так и информационно-развлекательные проекты.

Важное место в программной верстке занимают политическая и социальная публицистика – 28,5 и 14,8% соответственно. Итак, политическая публицистика преимущественно представлена передачей «Место встречи», которая занимает два часа в дневном эфире и 50 минут в предпрайм, а затем повторяется в ночное время. Следует отдельно отметить и программы правовой («Судебный детектив» и «Следствие вели») и военной тематики («Смотр»). Социальная же публицистика программируется в будний предпрайм («ДНК»), в предпрайм и прайм-тайм выходных дней («Новые русские сенсации», «Ты не поверишь», «Звезды сошлись» и др.).

8,1 и 8,8% эфира занимают передачи познавательной и потребительской тематики, программируемые в похожих тайм-слотах: утреннем и дневном эфире субботы и воскресенья и по одной программе в буднем ночном эфире («Чудо техники», «Квартирный вопрос», «Дачный ответ» и др.).

Хронометраж развлекательных программ, выходящих в эфир в разные тайм-слоты выходных дней, составил лишь 5,8% («Устами младенца», «У нас выигрывают», «Ты супер!», «Международная пилорама»).

Прайм-тайм с понедельника по пятницу программируется преимущественно сериалами. Вокальный конкурс (развлекательное вещание), передачи социальной тематики (нередко со скандальным сюжетом), а также информационно-аналитическая программа «Центральное телевидение» идут в самое смотрибельное время субботы и воскресенья.

Как показал проведенный анализ, значимые события в духовной жизни россиян влияют на программную политику «НТВ». Религиозное вещание, посвященное пасхальному богослужению, заняло 1,7% недельного эфира.

В жанровой иерархии лидерство делят программы информационного вещания (32,4%) и передачи, созданные в жанре дискуссии (31,7%), связанные с социальной и политической тематикой. Третье место занимают полижанровые программы (15,1%): в таком формате создаются, как правило, передачи потребительской и познавательной тематики.

Остальные жанры представлены в эфире канала незначительно. К примеру, в жанре репортажа (3,5%) освещается социальная тематика. Шоу (3,4%), конкурсами (2,8%), интеллектуальными играми (2,7%), интервью в формате шоу (2,1%), беседами (1,9%) программируются выходные дни. Имеют место докудрамы (1,2%), телефильмы (2,1%), очерки (1,1%).

Среди программного контента исследуемой недели стоит отметить полижанровую передачу Захара Прилепина «Уроки русского», записываемую в виде видеоблога и размещаемую также на сайте автора и видеохостинге Youtube и отражающую современную тенденцию постепенного превращения классического телевидения в единую конвергентную мультимедийную среду.

Таким образом, программное наполнение канала «НТВ» в будние дни носит довольно однообразный характер с точки зрения тематики и жанра.

Эфир программируется детективами, политическими и социальными дискуссиями, а также передачами информационного вещания разного вида. Выходной эфир становится более разнообразным за счет добавления в верстку полижанровых программ потребительской и познавательной тематики, шоу, конкурсов и викторин, юмористических программ и художественных фильмов. Политические и социальные дискуссии, а также сериалы в субботу и воскресенье практически отсутствуют.

В вещании нет культурно-просветительских, спортивных и детских телепрограмм. Социальная публицистика, как правило, повествует о скандальных историях из жизни звезд шоу-бизнеса и простых людей.

Дискуссия и выводы

Результаты исследования на данном этапе позволяют сделать следующее заключение. Первоначальная гипотеза не подтвердилась. Контент-стратегии трех универсальных каналов с точки зрения жанрово-тематических приоритетов достаточно схожи. Значительную часть эфирного времени «Первого канала», ТК «Россия 1» и «НТВ» заполняют программы информационного, публицистического вещания и сериальный кинопоказ.

Итак, максимальную долю среди видов вещания занимает информационное. Причем в большей степени это характерно для эфира государственного телеканала «Россия 1» (подробнее см. рис. 1). Примечательно, что на «Первом канале» количество важных социальных и политических телепроектов примерно одинаковое, в то время как на ТК «Россия 1» и «НТВ» больше программ политического вещания. Небольшое место в журналистском контенте отведено развлекательным проектам: их доли на всех трех каналах почти схожи. В их программной сетке присутствует контент потребительской тематики. На «НТВ» в большем количестве, чем у конкурентов, в эфир выходят правовые и познавательные программы, тогда как, к примеру, на «Первом канале» – просветительские.

При программировании эфира телеканалы обращаются практически к идентичным жанрам, за несколькими исключениями: так, в эфирной верстке ТК «Россия 1» зафиксировано предпочтение телевизионным фильмам; «НТВ» – полижанровым программам (подробнее см. рис. 2).

Эфиру «Первого канала» и ТК «Россия 1» свойственны сходные принципы программирования будних дней: за пределами информационного вещания (в рамках 3-часового новостного шага) оба канала имеют две основные программы политической публицистики («Время покажет» и «60 минут»), которые нередко совпадают по темам выпусков. Проекты расположены в сетке вещания таким образом, что зритель достаточно комфортно может посмотреть обе программы – часовую «60 минут» и «Время покажет», которая длится намного дольше (2 часа 45 минут). В вечернем эфире начало выпуска «60 минут» совпадает с окончанием выпуска «Время покажет».

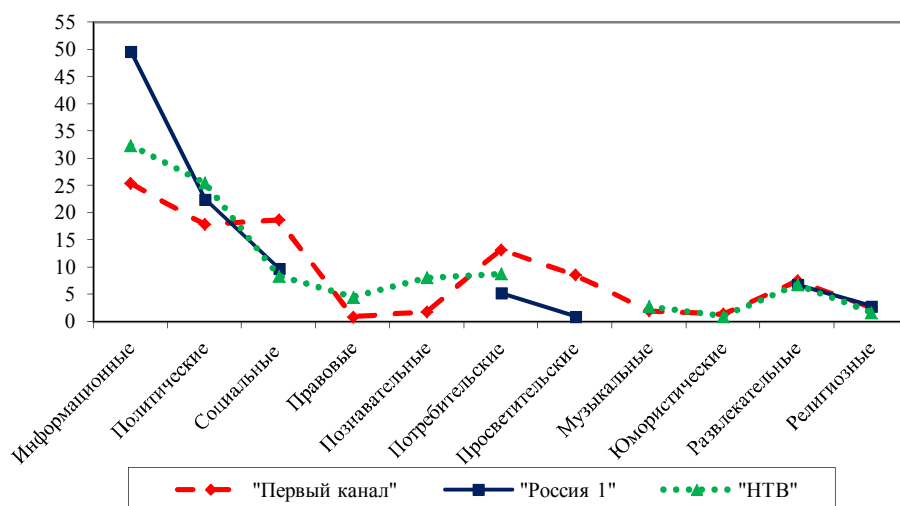

Рис. 1. Тематические направления журналистского контента

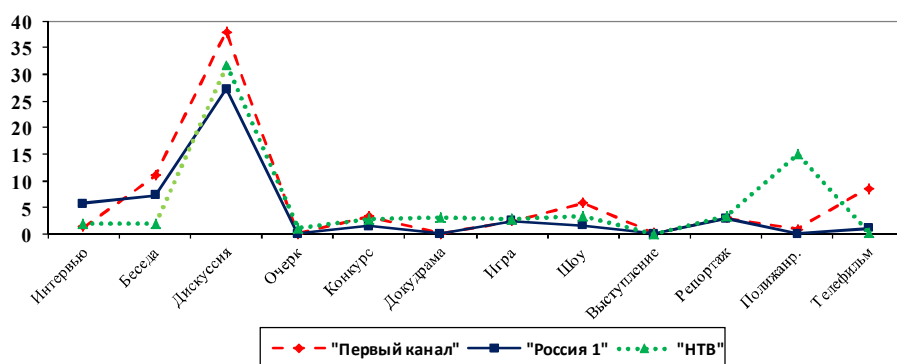

Рис. 2. Приоритетные жанры

Единственная в будни публицистическая программа «НТВ» «Место встречи» выходит после программы «60 минут» («Россия 1»), при этом пересекается с программой «Время покажет» («Первый канал»), но длится и после ее окончания. Следует отметить, что в будней сетке вещания государственного канала «Россия 1» политическая публицистика присутствует и в ежедневном ночном эфире («Вечер с Владимиром Соловьевым»). Таким образом, общий объем направленных на формирование общественного мнения публицистических программ «Первого канала» и ТК «Россия 1» очень высок.

Поскольку на телеканале «НТВ» объем сериального кинопоказа, размещенного по будням в утреннем, дневном и вечернем эфире, значительно выше, чем у двух других каналов, то общий хронометраж информационного и публицистического вещания заметно меньше. Отметим, на ТК «Рос-

сия 1» сериальная линейка применяется в дневном тайм-слоте и в позднем прайм-тайме, а на «Первом канале» – только в позднем прайм-тайме.

Итак, в целом тематика и жанры будних дней (подробнее см. рис. 3, 4) на всех проанализированных в ходе исследования телеканалах достаточно однообразны: в основном это контент информационного вещания, политической и социальной публицистики в жанрах дискуссии интервью, беседы. В журналистском контенте преобладают разговорные передачи (ток-шоу). Тем не менее можно отметить несколько большее тематическое и особенно жанровое разнообразие эфира «Первого канала».

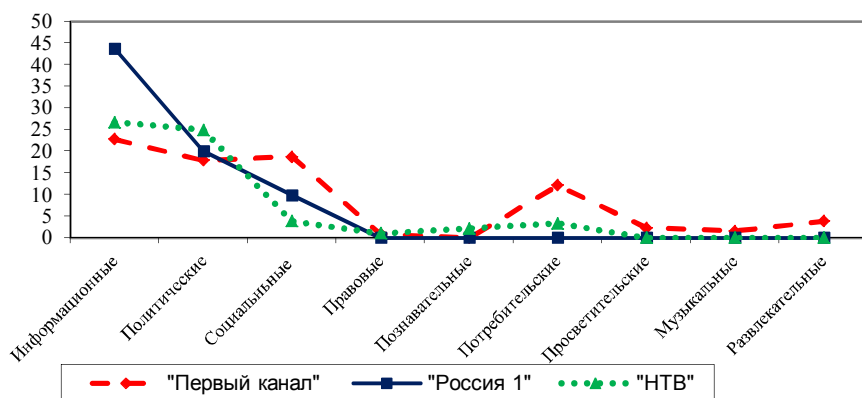

Рис. 3. Тематика журналистского контента в будние дни

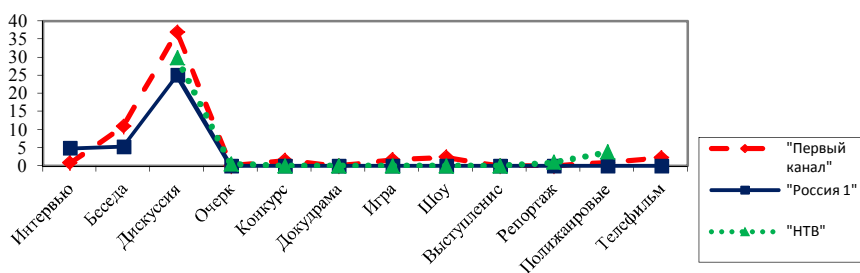

Рис. 4. Жанры будних дней

Тематическое программирование всех трех телеканалов в субботу и воскресенье разнообразнее. Жанровая структура выходного эфира везде гораздо богаче, но в наибольшей степени эта особенность проявлена в эфире «НТВ», где в обозначенный период присутствуют программы почти всех видов тематики (за исключением детского и спортивного вещания) и жанров (с преобладанием развлекательного контента). Значительную долю эфирной продукции «Первого канала» и ТК «Россия 1» в выходные дни составляет не журналистский контент. На обоих каналах уделяется внимание просветительскому вещанию, на ТК «Россия 1» лидирует развлекательный контент в жанре конкурсов, игр, шоу (подробнее см. рис. 5, 6).

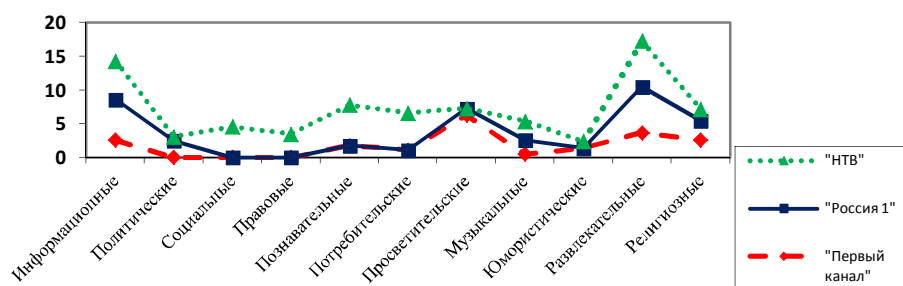

Рис. 5. Тематика журналистского контента в выходные дни

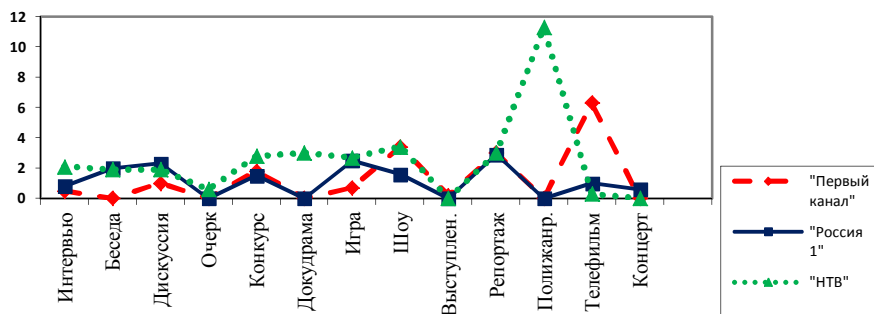

Рис. 6. Жанры выходных дней

Проведенный анализ показал применимость принятых категорий «жанр» и «тематика» («вид вещания») для изучения специфики эфирной продукции современных универсальных телеканалов. Исследование также продемонстрировало взаимосвязанность выделенных категорий: так, программы на политическую и социальную темы создаются в жанре дискуссии или (реже) беседы; потребительский и познавательный контент может иметь формат журнала (полижанровая передача); в развлекательном сегменте зафиксированы игры, конкурсы, концерты.

Размышляя о месте телеканалов в изменяющейся конкурентной телесреде после перехода в 2019 г. телевидения в стране на цифровой формат, можно предположить, что в более выигрышной позиции окажутся «Первый канал» и «Россия 1». Их контент-стратегии, в значительной степени направленные на формирование общественного мнения, прежде всего, по политическим вопросам, могут остаться неизменными в силу сложившейся десятилетиями традиции телесмотрения: эти два канала большинство телезрителей, вполне вероятно, продолжают считать «главными», «государственными». На этом фоне «НТВ», не имеющий столь четко выраженного вектора в контент-стратегии, находится в менее выигрышной позиции.

Литература

1. Вартанова Е.Л., Коломиец В.П. (ред.). Телевидение в России в 2017 году: Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. М. : Фед. агентство по печати и массовым коммуникациям, 2018.
2. Lotz A.D. The Television will be Revolutionized. New York ; London : New York University Press, 2014.
3. G. Turner, J. Tay (eds) Television studies after TV: Understanding television in the post-broadcast era. London ; New York : Routledge, 2009.
4. Уразова С.Л. (ред.) Социокультурная роль российского ТВ в национальном информационном пространстве. М. : ИП Головкин Сергей Борисович, 2014.
5. Kilborn R. Mixing and Matching: the hybridising Impulse in today's factual television programming // Genre Matter: Essays in Theory and Criticism. Bristol, Portland : Intellect books, 2006.
6. Eastman S.T., Ferguson D.A. Media Programming: Strategies and Practices. 9th Edition. Australia : Thomson/Wadsworth, 2006.
7. Rayner P. et al. Media studies: The essential resource. London ; New-York : Routledge, 2004.
8. Долгова Ю.И., Гуленко П.В. Проблемы классификации современных телепередач: сущностные характеристики формата «ток-шоу» // Вестник РУДН. Литературоведение. Журналистика. 2016. № 3. С. 102–110.
9. Feuer, J. Genre Study and Television // Channels of Discourse, Reassembled: Television and Contemporary criticism. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1992. P. 138–160.
10. Bignell J. An Introduction to television studies. London ; New York : Routledge, 2008.
11. Greeber G. The Television genre book. London ; New York : Bloomsbury publishing, 2015.
12. Полуэхтова И.А. (ред.) Телевидение глазами телезрителей. М. : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012.
13. Brian G.R. (ed.) TV Genre: A Handbook and Reference Guide. Westport : Greenwood Press, 1985.
14. Casey B. et al. Television Studies: The Key Concepts. London : Routledge, 2002.
15. Edgerton G.R., Brian G.R. (ed.) (2001) Thinking outside the box. A contemporary television genre reader. Kentucky : The University Press of Kentucky, 2001.
16. Kaminski S.M., Mahan J.H. American television genres. Chicago : Nelson-Hall, 1985.
17. Mittel J. Genre and Television: From Cop Shows to Cartoons in American Culture. London ; New York : Routledge, 2004.
18. Dahlgren P. (1995) Television and the Public Sphere. London : Sage, 1995.
19. Борецкий П.А. Информационные жанры телевидения. М. : Гос. ком. по радиовещанию и телевидению при СМ СССР, 1961.
20. Борецкий П.А. Телевизионная программа: Очерк теории пропаганды. М. : Гос. ком. по радиовещанию и телевидению при СМ СССР : МГУ, 1967.
21. Багиров Э.Г. Очерки теории телевидения. М. : Искусство, 1978.
22. Багиров Э.Г. (ред.) Жанры телевидения. М. : Гос. ком. по радиовещанию и телевидению при СМ СССР, 1967.
23. Муратов С.А. Теория и практика диалогических жанров тележурналистики. М. : ВИПК работников ТВ и РВ, 1980.
24. Долгова Ю.И., Перипечина Г.В. (ред.) Телевизионная журналистика. М. : Аспект Пресс, 2019.
25. Moran A., Malbron J. Understanding the Global TV format. Bristol, Portland : Intellect Books, 2006.

26. Васильева Т.В., Осинский В.Г., Петров Г.Н. Курс радиотелевизионной журналистики : учеб. пособие. СПб. : Спец. лит., 2004.
27. Дмитриев Л.А. Телевизионные жанры. М. : ВИПК работников ТВ и РВ, 1991.
28. Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я. (ред.) Телевизионная журналистика. М. : Изд-во Моск. ун-та : Наука, 2005.
29. Цвик В.Л. Телевизионная журналистика: История, теория, практика. М. : Аспект Пресс, 2004.
30. Шестеркина Л.П., Николаева Т.Д. Методика телевизионной журналистики. М. : Аспект Пресс, 2012.
31. Новикова А.А. Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности. М. : Изд-во Высш. шк. экон., 2013.
32. Ильченко С.Н. Отечественное телевидение на рубеже веков. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.
33. Вакурова Н.В., Московкин Л.И. Типология жанров современной экранной продукции. М. : Ин-т совр. искусства, 1997.
34. Мясникова М.А. Морфологический анализ современного российского телевидения. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010.
35. Юровский А.Я. Телевидение – поиски и решения: Очерки истории и теории советской тележурналистики. М. : Искусство, 1983.
36. Кузнецов Г.В. Так работают журналисты ТВ. М. : Аспект Пресс, 2004.
37. Методика по практическому применению и использованию «Единых требований (классификатора) к системам фиксации и расшифровки факта выхода в эфир телепродукции». М., 2008.
38. Гладкова А.А., Лазутова Н.М., Тихонова О.В., Черевко Т.С., Данилов А.П., Данилов А.А., Батришина Д.Н. Этнические СМИ России: содержательный анализ (на примере СМИ Республик Татарстан и Чувашия) // Медиаскоп. 2018. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2411>

Content Strategies of the “Big Three” TV Channels: Topics, Genres, Formats

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 237–255. DOI: 10.17223/19986645/61/14

Yulia I. Dolgova, Galina V. Peripechina, Olga V. Tikhonova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: yidolgova@gmail.com / peripechinag@yandex.ru / tihonovao@list.ru

Keywords: television, television journalism, content strategies, genres, formats, content.

This article is the result of a complex study, which was devoted to the research of the content strategies of the “Big Three” TV channels: their topics, genres, formats. Thus, the authors’ aim was to formulate the content strategies of the main universal all-Russian TV channels (Channel One Russia, Russia 1, NTV) in terms of their thematic and genre priorities. The relevance of the study is determined by the leading position of TV viewing in the whole structure of the Russian media consumption, and the issues (topics) and genres are the main characteristics of the TV content; the choice of channels is determined by their top positions in the Russian broadcasting rating. The authors undertook the TV and radio programs’ monitoring during the period of 2–8 April 2018; 448 casts (programs) were analyzed. All content was typologized from the point of view of journalists’ participation in its production, and only journalistic content was further analyzed, since the study in general was aimed to improve the professional training of TV journalists. The following features of the content strategy of the channels under study were discovered: information broadcasting had the largest share among all types of the aired content, political and social journalism programs had the second biggest share, and all the three channels had consumer-oriented programs in their broadcast. NTV presented more legal and cognitive programs than its competitors while Channel One Russia had more educational programs; the content of Russia 1 was the least thematically diverse.

While planning their programs' schedule, all three TV channels turn to almost identical genres: programs on political and social issues are created in the genre of conversation or discussion; consumer and cognitive content is represented by multi-genre programs in a magazine format; games and quiz shows are demonstrated in the entertainment segment of these channels. The programs' subjects and genres during weekdays are also quite identical for all TV channels: basically, it is the content of information broadcasting, political and social journalism in the genres of interviews, conversations and discussions, and spoken style programs (talk shows) prevail. However, the broadcast of Channel One Russia is more diverse, including a wide range of consumer and entertainment shows, quiz shows, games, documentaries and movies. The thematic programming of all three TV channels on Saturday and Sunday is more diverse regarding to both their own weekday broadcasting schedule and that of the competing channels. The genre structure of the weekend broadcast schedule is much more diverse, but to the greatest extent this feature is presented on NTV: there are programs of all kinds of topics and genres, while entertainment content prevails. A significant proportion of Channel One Russia and Russia 1 aired casts during the weekend is non-journalistic (documentary) content.

References

1. Vartanova, E.L. & Kolomiets, V.P. (ed.) (2018) *Televidenie v Rossii v 2017 godu: Sostoyaniye, tendentsii i perspektivy razvitiya: Otrasevoy doklad* [Television in Russia in 2017: Status, Trends, and Development Prospects: Industry Report]. Moscow: Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.
2. Lotz, A.D. (2014) *The Television will be Revolutionized*. New York; London: New York University Press.
3. Turner, G. & Tay, J. (eds) (2009) *Television studies after TV: Understanding television in the post-broadcast era*. London; New York: Routledge.
4. Urazova, S.L. (ed.) (2014) *Sotsiokul'turnaya rol' rossiyskogo TV v natsional'nom informatsionnom prostranstve* [The sociocultural role of Russian TV in the national information space]. Moscow: IP Golovko Sergey Boriel'evich.
5. Kilborn, R. (2006) Mixing and Matching: the hybridising Impulse in today's factual television programming. In: Dowd, G., Stevenson, L. & Strong, J. (eds) *Genre Matter: Essays in Theory and Criticism*. Bristol, Portland: Intellect books.
6. Eastman, S.T. & Ferguson, D.A. (2006) *Media Programming: Strategies and Practices*. 9th ed. Australia: Thomson/Wadsworth.
7. Rayner, P. et al. (2004) *Media studies: The essential resource*. London; New-York: Routledge.
8. Dolgova, Yu.I. & Gulenko, P.V. (2016) The problem of classification of the modern broadcasting: the essential characteristics of the format "talk show". *Vestnik RUDN. Literaturovedenie. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 3. pp. 102–110. (In Russian).
9. Feuer, J. (1992) Genre Study and Television. In: Allen, R.C. (ed.) *Channels of Discourse, Reassembled: Television and Contemporary criticism*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press. pp. 138–160.
10. Bignell, J. (2008) *An Introduction to television studies*. London; New York: Routledge.
11. Greeber, G. (2015) *The Television genre book*. London; New York: Bloomsbury publishing.
12. Poluekhtova, I.A. (ed.) (2012) *Televidenie glazami telezriteley* [Television through the eyes of viewers]. Moscow: OOO "NIPKTs Voskhod-A".
13. Brian, G.R. (ed.) (1985) *TV Genre: A Handbook and Reference Guide*. Westport: Greenwood Press.
14. Casey, B. et al. (2002) *Television Studies: The Key Concepts*. London: Routledge.

15. Edgerton, G.R. & Brian, G.R. (ed.) (2001) *Thinking outside the box. A contemporary television genre reader*. Kentucky: The University Press of Kentucky.
16. Kaminski, S.M. & Mahan, J.H. (1985) *American television genres*. Chicago: Nelson-Hall.
17. Mittel, J. (2004) *Genre and Television: From Cop Shows to Cartoons in American Culture*. London; NewYork: Routledge.
18. Dahlgren, P. (1995) *Television and the Public Sphere*. London: Sage.
19. Boretskiy, R.A. (1961) *Informatsionnye zhanry televideniya* [Informational genres of television]. Moscow: Gos. kom. po radioveshchaniyu i televideniyu pri SM SSSR.
20. Boretskiy, R.A. (1967) *Televizionnaya programma: Ocherk teorii propagandy* [Television program: Essay on the theory of propaganda]. Moscow: Gos. kom. po radioveshchaniyu i televideniyu pri SM SSSR: MGU.
21. Bagirov, E.G. (1978) *Ocherki teorii televideniya* [Essays on the theory of television]. Moscow: Iskusstvo.
22. Bagirov, E.G. (ed.) (1967) *Zhanry televideniya* [Genres of television]. Moscow: Gos. kom. po radioveshchaniyu i televideniyu pri SM SSSR.
23. Muratov, S.A. (1980) *Teoriya i praktika dialogicheskikh zhanrov telezhurnalistiki* [Theory and practice of dialogical genres of television journalism]. Moscow: VIPK rabotnikov TV i RV.
24. Dolgova, Yu.I. & Peripechina, G.V. (eds) (2019) *Televizionnaya zhurnalistika* [Television journalism]. Moscow: Aspekt Press.
25. Moran, A. & Malbron, J. (2006) *Understanding the Global TV format*. Bristol, Portland: Intellect Books.
26. Vasil'eva, T.V., Osinskiy, V.G. & Petrov, G.N. (2004) *Kurs radiotelevizionnoy zhurnalistiki* [The course of radio television journalism]. St. Petersburg: Spets. lit.
27. Dmitriev, L.A. (1991) *Televizionnye zhanry* [TV genres]. Moscow: VIPK rabotnikov TV i RV.
28. Kuznetsov, G.V., Tsvik, V.L. & Yurovskiy, A.Ya. (eds) (2005) *Televizionnaya zhurnalistika* [Television journalism]. Moscow: Moscow State University: Nauka.
29. Tsvik, V.L. (2004) *Televizionnaya zhurnalistika: Istoriya, teoriya, praktika* [Television journalism: History, theory, practice]. Moscow: Aspekt Press.
30. Shesterkina, L.P. & Nikolaeva, T.D. (2012) *Metodika televizionnoy zhurnalistiki* [Methods of television journalism]. Moscow: Aspekt Press.
31. Novikova, A.A. (2013) *Televizionnaya real'nost': ekrannaya interpretatsiya deystvitel'nosti* [Television reality: on-screen interpretation of reality]. Moscow: HSE.
32. Il'chenko, S.N. (2009) *Otechestvennoe televidenie na rubezhe vekov*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
33. Vakurova, N.V. & Moskovkin, L.I. (1997) *Tipologiya zhanrov sovremennoy ekrannoy produktzii* [Typology of genres of modern screen products]. Moscow: In-t sovr. iskusstva.
34. Myasnikova, M.A. (2010) *Morfologicheskii analiz sovremennogo rossiyskogo televideniya* [Morphological analysis of modern Russian television]. Yekaterinburg: Ural State University.
35. Yurovskiy, A.Ya. (1983) *Televidenie – poiski i resheniya: Ocherki istorii i teorii sovetsoy telezhurnalistiki* [Television. Searches and solutions: Essays on the history and theory of Soviet television journalism]. Moscow: Iskusstvo.
36. Kuznetsov, G.V. (2004) *Tak rabotayut zhurnalisty TV* [This is how TV journalists work]. Moscow: Aspekt Press.
37. Media Komitet. (2008) *Metodika po prakticheskomu primeneniyu i ispol'zovaniyu "Edinykh trebovaniy (klassifikatora) k sistemam fiksatsii i rasshifrovki fakta vykhoda v efir teleproduksii"* [Methodology for the practical application and use of the "Unified Requirements (Classifier) to Systems for the Recording and Decoding of the Fact of Television Products Broadcasting"]. Moscow: Nekommercheskoye partnerstvo "Media Komitet".
38. Gladkova, A.A. et al. (2018) Russian Ethnic Media: Content Analysis (exemplified by the Tatar and Chuvash media). *Mediascope – Mediascope*. 1. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2411>. (In Russian).

УДК 070

DOI: 10.17223/19986645/61/15

Н.В. Жиликова

ЗЛОЙ ЦЕНЗОР, ДОБРЫЙ ЦЕНЗОР: СПЕЦИФИКА ЦЕНЗУРИРОВАНИЯ ПЕРВОЙ ЧАСТНОЙ ГАЗЕТЫ В ТОМСКЕ («СИБИРСКАЯ ГАЗЕТА», 1881–1888 гг.)¹

Анализируется архивное дело «По изданию в городе Томске “Сибирской газеты”», хранящееся в Российском государственном историческом архиве, в котором отражена цензурная история первой частной томской газеты. На основе архивных материалов рассматривается история открытия газеты и ее конфликта с местным цензором в 1881 г., проявляющая представления редакции и власти о взаимоотношениях прессы и цензуры. Делается вывод о значимости субъективного фактора в цензурировании провинциальной прессы.

Ключевые слова: цензура, журналистика, «Сибирская газета», Томск.

Введение

Исследования, посвященные цензуре сибирской периодической печати конца XIX – начала XX в., свидетельствуют о сильном влиянии субъективных факторов в этой сфере. С одной стороны, сибирские цензоры должны были руководствоваться теми же правилами, что и представители цензурного ведомства в столицах и городах европейской части России. Однако история многих дореволюционных изданий Сибири показывает, какие широкие возможности существовали «на местах» либо для облегчения цензурного режима, либо для его крайнего ужесточения. Этот тезис наглядно иллюстрирует цензурная история «Сибирской газеты» – первого частного издания в Томске и первой крупной частной газеты в Западной Сибири.

Цель настоящего исследования – выявить особенности цензурирования томской «Сибирской газеты» (1881–1888) на основе исследования архивных дел Российского государственного исторического архива. Используются также воспоминания современников и переписка участников «Сибирской газеты», отражающие мнение журналистов о степени тяжести цензуры по отношению к изданию. Особое внимание сосредоточено на истории открытия газеты и на первом эпизоде ее столкновения с цензурой в 1881 г.

Цензурная история «Сибирской газеты» неоднократно становилась предметом научной рефлексии. Исследователи обращали внимание на ее «предшественников» – неосуществленные газетные проекты П.И. Маку-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00352А «“Секретно. Конфиденциально”»: цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии)».

шина [1], на роль губернатора В.И. Мерцалова в утверждении разрешения на издание «Сибирской газеты» Главным управлением по делам печати и особенности взаимоотношений с цензорами во время существования газеты ([2–6] и др.). В настоящей статье впервые подробно раскрывается содержание архивного дела об издании газеты, хранящегося в РГИА, в котором последовательно отражены все нюансы взаимоотношений газеты и цензурного ведомства, благодаря чему восстанавливается «тайная» история противостояния «Сибирской газеты» и цензурного ведомства, относящаяся к 1881 г.

Предшественники «Сибирской газеты»

Прежде чем получить разрешение от Главного управления по делам печати на издание «Сибирской газеты», ее основатель, известный томский предприниматель и меценат П.И. Макушин, дважды пытался наладить в Томске выпуск частной газеты. Однако обе попытки оказались неудачными, поэтому сведения о них сохранились только в архивных делах [7, 8].

В 1876 г. П.И. Макушин выступил с инициативой основания еженедельной газеты под названием «Томский листок» по широкой программе, включающей телеграммы, статьи, очерки, корреспонденции, критические заметки и др. Губернатор уведомил Главное управление по делам печати, что «Макушин человек вполне благонадежный» и потому препятствий со стороны губернской власти к изданию «Томского листка» нет никаких, кроме... отсутствия в городе такого лица, «которому бы могла быть поручена цензура предполагаемой г. Макушиным к изданию газеты» [7. Л. 3]. Этот барьер преодолеть оказалось невозможно, прошение было отклонено.

В 1878 г. П.И. Макушин вновь обратился в Главное управление по делам печати с прошением разрешить ему издавать в Томске газету, но теперь уже по чрезвычайно сокращенной программе, под названием «Томский справочный листок». После ряда согласований в программе газеты остались только два отдела: «Известия: о рыночных и торговых ценах на местные и привозные товары, о ценах за провоз товаров до разных мест, о приходе и отходе почт и пароходов, о прибывающих и выбывающих лицах, о состоянии погоды, о зрелищах и увеселениях, выставках и проч.» и «Объявления казенных и общественных мест и лиц должностных и частных» [8. Л. 9]. Исполняющий должность начальника Главного управления по делам печати В. Григорьев, рассмотрев это прошение, резюмировал: «Принимая в соображение, что для рассмотрения “Справочного листка” нет надобности назначать особого цензора, так как все входящие в программу этого издания сведения могут быть печатаемы с разрешения местной полиции, я полагал бы возможным удовлетворить настоящее ходатайство Макушина» [8. Л. 5–6].

На этот раз Макушин разрешение на издание получил, но выпускать «Томский справочный листок» не стал, надеясь на то, что ему позволят расширить программу газеты хотя бы до пяти отделов. Однако через год

было аннулировано и это разрешение, так как не было издано ни одного номера газеты.

Можно сделать вывод, что главная проблема, с которой столкнулся П.И. Макушин при основании газеты, — это отсутствие в Томске людей, которые могли бы исполнить роль цензора. Если эта проблема решалась, как в случае с «Томским справочным листком» (программа газеты была настолько узкой, что не было необходимости в особом цензоре), то разрешение на газету можно было получить.

В итоге Макушину удалось создать собственную газету только с третьей попытки, и огромную роль в этом сыграла поддержка нового томского губернатора В.И. Мерцалова.

Основание «Сибирской газеты»: цензурная «подоплека»

О том, как формировался состав редакции «Сибирской газеты», как обсуждалась концепция нового томского издания, известно главным образом из мемуаров основателя газеты П.И. Макушина и журналиста Е.В. Корша — бывшего редактора «Северного вестника», юриста, который очутился в Сибири как уголовный ссыльный, но очень помог своим издательским опытом в становлении нового органа печати [9. С. 30–35, 45–54]. В то же время между Главным управлением по делам печати, Департаментом государственной полиции, Главным управлением по делам Сибири и томским губернатором велась активная переписка, скрытая от глаз общественности, которая должна была прояснить вопрос: быть или не быть частной газете в Томске.

Департамент государственной полиции на запрос Главного управления по делам печати от 10 июля 1880 г. за № 2679 уведомлял, что хотя он и не имеет сведений об издателе Петре Макушине и редакторе Александре Ефимове, «которые могли бы служить препятствием к удовлетворению сего ходатайства», тем не менее в целом он против нового издания. Директор департамента барон И.О. Велио писал:

...нельзя не заметить, что при недостаточном развитии общественной жизни г. Томска в настоящее время там не встречается, подобно другим городским центрам, настоящей потребности в издании современного печатного органа, который мог бы вполне быть заменен раздѣлами неофициальной части губернских ведомостей [10. Л. 1].

Обращают на себя внимание аргументы департамента полиции против возникновения новой газеты в Томске: отсутствие развитой общественной жизни и существование неофициального отдела «Томских губернских ведомостей». Первое утверждение прямо противоречило действительности, поскольку в это время томская общественность уже неоднократно проявляла свою активность и в сюжете с первыми сибирскими областниками, группировавшимися как раз вокруг неофициальной части «Томских губернских ведомостей», и в истории с основанием первого высшего учебного заведения за Уралом — сибирского университета, местом строительства которого под нажимом общественности был выбран Томск, и т.д. Еще бо-

лее парадоксальной была ссылка на то, что неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» способна была удовлетворить информационные потребности местного общества, поскольку программа этой газеты была очень узкой и сама газета находилась под контролем местного чиновничества.

Однако в этом случае на защиту будущей газеты встал томский губернатор В.И. Мерцалов, который получил поддержку генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова. Это выразилось в том, что 31 октября 1880 г. Главное управление Западной Сибири информировало Главное управление по делам печати, что оно считает «возможным дозволить» издание газеты. Временно исполняющий должность генерал-губернатора отмечал, что «господа Макушин и Ефимов в политическом отношении вполне благонадежны» и, судя по программе газеты, она «не будет слишком резко выделяться из ряда разрешенных уже провинциальных изданий». Самое же главное, писал он, «...направление, которого будет держаться эта газета, в настоящее время с точностью еще не может быть определено, но принимая в соображение, что во главе этого предприятия стоит г. Макушин, человек с небольшими средствами, приобретенными честным трудом и пользующийся солидной в городском обществе репутацией, едва ли можно сомневаться, что предполагаемое предприятие будет вполне благонамеренным органом гласности, рассчитанным на прочное существование, а не на эфемерный успех» [10. Л. 3].

Существовал и «секретный план» на случай, «если настоящее предположение не оправдается»:

...местная губернская власть всегда будет иметь в своем распоряжении могущественное оружие – предварительную цензуру, чтобы своевременно парализовывать вредное влияние газеты при уклонении ее на неприемлемый путь [Там же. Л. 4].

Таким образом, одним из главных аргументов для разрешения газеты в Томске стала уверенность властей в личности ее издателя – П.И. Макушина. С другой стороны, цензором газеты согласился быть сам томский губернатор – В.И. Мерцалов. К этому времени он исполнял должность главы Томской губернии очень недолго (был назначен губернатором 7 марта 1880 г.), и он имел прямое отношение к журналистике. Как писал П.И. Макушин, «...местный губернатор В.И. Мерцалов, бывший (в начале своей служебной карьеры) редактором “Кяхтинского листка”, отнесся к моему начинанию “доброжелательно”, заявив готовность лично цензурировать газету, в случае ее разрешения» [9. С. 30].

Необходимо отметить, что П.И. Макушин испытывал искреннюю благодарность к губернатору за его хлопоты. В анализируемом архивном деле хранится письмо П.И. Мерцалова в Главное управление по делам печати, в котором он цитирует письмо П.И. Макушина от 21 марта 1881 г. со следующими строками:

Мне, бесполезно хлопотавшему в течение трех лет об издании в Томске газеты, более чем кому-либо известно, что положительное разреше-

ние получено только благодаря Вашему доброжелательному отзыву; забыть это порядочному человеку невозможно [10. Л. 38].

Личная заинтересованность нового главы губернии в собственной газете и безупречная репутация издателя позволили наконец основать в Томске первую частную «Сибирскую газету», первый номер которой вышел 1 марта 1881 г.

Первые «цензурные впечатления»

О выходе первого номера «Сибирской газеты» рассказывал в письме к Г.Н. Потанину А.В. Адрианов, будущий редактор издания:

Томск, 1 марта 1881 года. <...> У нас сегодня праздник – вышел первый номер «Сибирской газеты»; Вы получите его, вероятно, зараз с письмом. Цензурирует Мамонов – должно быть в пику Мерцалову, все пропускает; воспользуемся его цензурой еще и на второй номер, а там беда, 3 номер к Мерцалову. Цензура оказалась сильнее в нашей редакции. Макушин и Ефимов – это рак и щука, я с Муромовым – лебеди, можете представить, что выходит; ко всякой резкой фразе придираются, требуют заменить одно слово или выражение другим и т.д. Мое сибирское обозрение пощипано порядочно домашней цензурой, но... (смотрите, это сор из избы – секрет, между нами) дело поправится [9. С. 134].

Из этого письма становится понятно, что цензором первых номеров был А.И. Дмитриев-Мамонов (1847–1915) – историк, библиограф, выпускник Московского университета, с 1876 г. – председатель Томского губернского правления. В дальнейшем цензуру, как и было решено с самого начала, начал осуществлять П.И. Мерцалов. О его деятельности в роли цензора писал также А.В. Адрианов, отмечая, что «...цензор вычеркивает что-нибудь обязательно в каждом номере; были серьезные неприятности. Газету обвиняют за вредное направление, за умышленную группировку фактов, которые рисуют безотрадную картину как русской, так и сибирской жизни» (письмо от 15 апреля 1881 г.) [Там же. С. 135]. Е.В. Корш же, напротив, вспоминал: «Отношения редакции с цензурой были... сносные, особых притязаний и притеснений не проявлялось» [Там же. С. 49].

Еще один участник «Сибирской газеты», С.Л. Чудновский, подтверждал:

Первым цензором «Сибирской газеты» был томский губернатор Мерцалов. Надо отдать ему справедливость: он много способствовал разрешению ее издания, лелея, по-видимому, тайную надежду приобрести в «Сибирской газете» свой, так сказать, лейб-орган, который популяризировал бы его, как либерального и талантливого администратора. В этих видах он, вероятно, и принял цензуру газеты непосредственно в свои руки. Красный карандаш некоторое время в его руках бездействовал, и редакция работала весело, бодро и с подъемом [Там же. С. 59–60].

Однако по достоинству оценить деятельность В.И. Мерцалова как «доброего» цензора редакция смогла, только столкнувшись с цензором

«злым» – управляющим томской казенной палатой М.А. Гиляровым, который в том же 1881 г. принял на себя исполнение цензорских обязанностей на время отсутствия губернатора в Томске.

«Сибирская газета» против Гилярова

Конфликт, произошедший между «Сибирской газетой» и ее цензором М.А. Гиляровым в 1881 г., хорошо известен исследователям сибирской журналистики, его хронология подробно восстановлена по воспоминаниям П.И. Макушина, Е.В. Корша, С.Л. Чудновского [9. С. 32, 50–51, 60]. В кратком изложении история эта выглядела следующим образом: в мае 1881 г. В.И. Мерцалов уехал из Томска для ревизии губернии, вместо него исполняющим обязанность губернатора и цензором газеты стал управляющий казенной палатой М.А. Гиляров. К своим обязанностям он отнесся крайне серьезно, вычеркнув из подготовленного номера 11 «Сибирской газеты» почти половину материалов. Корш так описывал полученные гранки:

Гилярову не понравился циркуляр нового министра внутренних дел графа Игнатьева; из телеграфного изложения этого циркуляра были вычеркнуты слова о том, что «правительство предоставит надлежащие свободы» общественным силам участвовать в искоренении крамолы; что «права дворянства, земства и городских сословий останутся неприкосновенными» и что «крестьяне получают возможное облегчение от тягостей, улучшение их общественного устройства и хозяйственного быта». Далее из официального отчета о судебном заседании по делу 1 марта, перепечатанного из «Правительственного вестника», в показании подсудимого Желябова Гиляровым были вымараны слова: «Я долго был в народе, работал мирным путем, но вынужден был оставить эту деятельность по той причине, на которую указал подсудимый Кибальчич». Описание казни осужденных, взятое из газеты «Порядок», также было урезано. Выкинула, затем, целая статья об «инспекции народных училищ», предлагавшая усилить влияние сельских обществ и училищных советов на народную школу за счет влияния казенных наблюдателей за народными училищами. Не ограничившись запрещением этой невиннейшей статьи, цензор написал на полях: «незавидный мечтатель». В том же роде была масса и других поमारок, с замечаниями на полях: «пустяки», «вздор», «ой ли?», «темна вода», «излишнее раздражение» и пр. [Там же. С. 50–51].

Получив корректуру, редакция подготовила номер с пробелами на месте вычеркнутых статей и предложений. М.А. Гиляров, в свою очередь, отказал в выдаче билета на выпуск газеты в таком виде. Редакция телеграфировала министру внутренних дел, а, получив ответ Главного управления по делам печати, расклеила его по улицам Томска: «...“пробелы”, составляя косвенный протест против цензуры, не допускаются». После этого «Сибирская газета» послала жалобу министру внутренних дел с приложением подлинных корректур М.А. Гилярова и разослала сообщение об инциденте в столичные издания: «Голос», «Порядок», «Московский телеграф» и др.

М.А. Гиляров также написал в Главное управление по делам печати свое объяснение произошедшего. В итоге № 11 за 1881 г. не вышел; в № 12 редакция «Сибирской газеты» напечатала сообщение о причинах невыхода предыдущего номера и объяснение М.А. Гилярова «для восстановления факта в точной его полноте».

В архивном деле эта история отражена в 12 документах, это:

1. Телеграмма от 10 мая 1881 г. редактора А. Ефимова и издателя П. Макушина в Главное управление по делам печати о том, что задержан № 11 газеты, отпечатанный с пробелами «вполне согласно с корректурами» М.А. Гилярова; редакция просит «немедленного распоряжения телеграммой о выпуске газеты» [10. Л. 11].

2. Просьба П. Вяземского, начальника Главного управления по делам печати, к М.А. Гилярову доставить ему «подлинные корректурные листы» задержанного № 11 и объяснить, «почему не была дозволена публикация о том, что номер этот не будет доставлен подписчикам (от 13 мая 1881 г.) [Там же. Л. 12].

3. Телеграмма М.А. Гилярова П. Вяземскому от 18 мая 1881 г. с объяснением происходящего (цензор «вычеркнул некоторые статьи», «в протест ему редакция напечатала с запрещенными большими пробелами», «перепечатать хотя было время упорно отказалась почему билета не выдано», «объявление о невиновности виновной редакции остановлено») и просьбой: «благоволите вынудить редакцию исполнять требования цензоров» [Там же. Л. 13].

4. Телеграмма П. Вяземского М.А. Гилярову от 26 мая 1881 г. с требованием: «предупредите Ефимова о неукоснительном выполнении требований цензурного устава. Выпуск газеты с пробелами <....> не допускается» [Там же. Л. 14].

5. Жалоба издателя П. Макушина и редактора А. Ефимова министру внутренних дел от 4 июня 1881 г. с подробным описанием произошедшего, перечислением цензурных правок и объяснений, почему редакция считает, что действия цензора были «произвольны и незаконны», и просьбами об урегулировании отношений цензуры и газеты [Там же. Л. 15–19].

6. Просьба от члена Совета Главного управления по делам печати Ф.П. Еленева передать в Главное управление по делам печати корректурные листы и отпечатанный с пробелами № 11 «Сибирской газеты» для рассмотрения (4 июня 1881 г.) [Там же. Л. 20].

7. Объяснение М.А. Гилярова Главному управлению по делам печати его действий по цензуре «Сибирской газеты» от 25 мая 1881 г. [Там же. Л. 21–23].

8. Корректурные листы № 11 «Сибирской газеты» с правками М.А. Гилярова [Там же. Л. 24а–24и].

9. № 11 «Сибирской газеты», отпечатанный с пробелами на месте цензурных правок [Там же. Л. 25].

10. Просьба к Ф.П. Еленеву, члену Совета Главного управления по делам печати, составить письменное заключение о конфликте газеты и цензора (от 7 июля 1881 г.) [Там же. Л. 26].

11. Уведомление от 30 июля 1881 г. от П. Вяземского о том, что жалоба П. Макушина и А. Ефимова на действия цензора признана «не заслуживающей удовлетворения», так как «все непропущенные статьи и все сделанные исключения соответствуют требованиям предварительной цензуры» [10. Л. 27].

12. Письмо от 30 июля 1881 г. от П. Вяземского к М.А. Гилярову с изложением позиции Главного управления по делам печати в произошедшем конфликте: почему было решено поддержать Гилярова, а не газету [Там же. Л. 28–30].

Секретная переписка, сохранившаяся в архиве, не только дополняет имеющиеся сведения о конфликте, но и проясняет позицию газеты, цензора и Главного управления по делам печати в отношении их представлений о правах провинциальной прессы.

«Сибирская газета»: «цензура может ошибаться»

В жалобе П. Макушина и А. Ефимова, обращенной к министру внутренних дел, издатель и редактор подробно пересказывали свой конфликт с М.А. Гиляровым, временно выполнявшим обязанности цензора, и следующим образом обосновывали свое решение выпустить № 11 с пробелами на месте цензурных правок – решение, на которое редакция, по ее убеждению, «имела законное право»:

Убеждение это основано, во-первых, на том общем правиле всех современных законодательств, не исключая, конечно, и русского, что все не запрещенное законом считается дозволенным, а во-вторых на нашем убеждении, что пробелы, оставленные редакцией в № 11, возможны лишь в крайних исключительных случаях, а вовсе не для протеста против предварительной цензуры, против которой, как института, возможно, на вполне законных основаниях, протестовать открытой речью. К пробелам редакции бывают вынуждены прибегать тогда, когда речь автора искажается и обезличивается исключением некоторых выражений, слов, аргументов и пр., или тогда, как это всегда возможно при спешном и срочном газетном деле, редакция не имеет под рукой другого готового и одобренного к печати материала, чтобы заменить зачеркнутые статьи [Там же. Л. 16].

Редакция считала, что она может позволить себе объяснить публике причину «бессвязной речи или отсутствия обычных газетных статей», тем более что «и цензура, особенно местная, может ошибаться и запрещать то, что впоследствии будет разрешено к печатанию высшим надзором за печатью» [Там же].

Подробно описав все исключенные места и дав свой комментарий действиям цензора как «несообразным», «произвольным и незаконным», представляющим собой «прямое превышение власти», а то и «несомненное нарушение ст. 91 цензурного устава», редактор и издатель подчеркивали, что М.А. Гиляров руководствовался своим личным, субъективным мнением:

Из сделанных на полях корректуры замечаний г. Гилярова можно заключить, что он не разделяет взглядов автора, но по закону это послед-

нее обстоятельство не дает цензору права препятствовать напечатанию статьи, расходящейся с его личными взглядами по данному вопросу [10. Л. 17].

Особенно это проявилось, на взгляд подателей жалобы, в эпизоде с полным удалением из номера фельетона «Очерки и картинки провинциальной жизни»:

...если даже смотреть на него так, как взглянул г. Гиляров, то есть как на написанный “в минуты вольного раздумья”, он не заслуживает запрещения по крайней мере безобидностью своего содержания. Это – картинка местного настроения, и можно не разделять наблюдений автора, но мешать ему высказать это наблюдение, по нашему мнению, не представляет никаких оснований [Там же. Л. 18].

В конце документа редактор и издатель сформулировали свои предложения по разрешению конфликта:

1) Разрешить напечатание в «Сибирской газете» всех отрывков и статей, исключенных г. Гиляровым в № 11,

3) Признать за редакцией «Сибирской газеты» право свободно перепечатывать газетные известия и выдержки из газетных статей, не вызвавших никаких административных запретительных распоряжений,

3) Разрешить, в тех случаях, когда это редакция признает нужным, оставлять пробелы не больше десяти строк... от тех статей, которые подвергаются сокращению со стороны цензора, и

4) Разъяснить действительному статскому советнику Гилярову, что он не вправе делать не только допущенных или оскорбительных для редактора и автора приписок, но и каких бы то ни было, касающихся внутреннего достоинства статей, замечаний на корректурных листах, а равно и вставок в текст цензурируемого номера газеты (ст. 91 Цензурного устава) [Там же. Л. 19].

Примечательно, что напротив последнего предложения было подписано чиновником, изучающим жалобу: «Это справедливо».

Большая часть предложений, конечно, выглядели достаточно наивными, и ответы Главного управления по делам печати показали, что «Сибирская газета» зря рассчитывала на какие-то уступки со стороны «высшего надзора за печатью». Однако в целом эта жалоба представила четкую и ясную позицию газеты как органа печати, который борется за свободу слова и свободу мысли, готов защищать своих авторов от цензурского произвола. Эта позиция была хорошо известна ее сотрудникам и читателям, она не ставится под сомнение исследователями. А вот мнение другого участника конфликта – управляющего казенной палатой М. Гилярова, как правило, не учитывалось исследователями этой ситуации.

М.А. Гиляров: «...действовал по долгу службы и совести»

Согласно телеграмме начальника Главного управления по делам печати М.А. Гиляров выслал в столицу корректурные листы № 11 «Сибирской

газеты» со своими правками, однако он счел необходимым сопроводить эти листы объяснением произошедшего.

Кратко, рубленным слогом М.А. Гиляров перечислял событийный ряд:

Цензор Сибирской газеты есть губернатор. За губернатора управляя губернию и цензуруя № 11 газеты, одни статьи урезал, другие вычеркнул и сделал некоторые заметки карандашом. То же самое делал г. губернатор и редакция подчинялась, а теперь, в нарушение принятого порядка, печатает № 11 газеты с большими пробелами и целыми белыми страницами, как видно из прилагаемого экземпляра [10. Л. 21].

Из объяснений М.А. Гилярова видно, что он был немало удивлен реакцией газеты на его цензурную политику, ведь «то же самое делал губернатор». Однако у него имелось свое объяснение поведению редакции:

Явно протестуя против меня, как цензора-губернатора, редакция не могла рассчитывать на уступку с моей стороны своих прав и власти. Административные уступки вредны и в отношении редакции, сам губернатор предупредил меня быть осторожнее. Власть же должна быть всегда устойчива, непоколебима и дело честного человека твердо держать власть в руках, хотя бы она и дана была ему на самое короткое время [Там же].

В своем объяснении Гиляров настаивал на том, что конфликт спровоцировал не он, а редакция:

...печатающая № 11 в таком сокращенно-карикатурном виде, с такими пробелами, которые на газетном листе не допускаются, редакция сама умышленно запрещала выдачу ей билета на выпуск газеты. Протестуя против цензора-губернатора и тем преграждая выпуск газеты, редакция явно грешила против прямых своих обязанностей [Там же].

Цензор искренне считал, что редакция должна была перепечатать № 11, в чем состоял «прямой долг ее перед подписчиками», но редакция «мнит только о своих правах и не помнит своих обязанностей», и потому она выбрала путь, далекий от «прямоты и правдивости» – номер не перепечатала, а вместо этого собиралась разослать подписчикам «неправдивое и умышленно фальшивое объявление» о причинах невыхода газеты (рассылка была Гиляровым запрещена).

Из описания дальнейших действий газеты М.А. Гиляровым можно заметить, что его особенно возмутил следующий факт:

Видите ли, редакция обратилась с жалобой к г. министру внутренних дел, а за защитой к «Голосу» и «Порядку», вместо одного прямого пути избирает кривой, это понятно. Наша местная газета есть верный отголосок «Голоса» и «Порядка», она вслед за ними трактует о том, что власть давит местную печать, что администрация делает обязательною перепечатку позорных передовых статей «Московских ведомостей» (№№ 1 и 2). Одно уже это указывает на склад и направление нашей местной газеты и вынуждает цензора-губернатора быть крайне осмотрительным и строгим [Там же. Л. 23].

В заключение временный цензор «Сибирской газеты», оправдывая свои действия, раскрывал свою истинную установку по отношению к местной печати:

...был я, может быть, строгим цензором-губернатором, но действовал по долгу службы, совести и крайнему разумению, а мое разумение приводит к тому заключению, что газеты и газетки, в коих много пустого либерализма и мало истинного патриотизма, как змеи и змейки, шипя, не ужасают, если только вовремя крепко будут ущемлены или вовсе уничтожены. Местная печать полезна, когда она правдиво излагает местные порядки, указывает на лучшее в России, чего нет еще в Сибири, а не пустословит о вреде педагогических инспекторов, о мировых задачах и общем переустройстве [10. Л. 23].

Таким образом, объяснение Гилярова позволяет сделать вывод, что он действительно был предубежден по отношению к «Сибирской газете» и намерен был ее «крепко ущемить» – возможно, в пику слишком либеральному губернатору Мерцалову. Именно против этой позиции «злого цензора» выступила редакция «Сибирской газеты», не желая поддерживать Гилярова в его стремлении продемонстрировать «твердую непоколебимую власть».

Главное управление по делам печати: «поддержать авторитет местной власти»

Рассматривая конфликт цензора и редакции газеты, Главное управление по делам печати прямо заявило, что оно «...полагает существенно необходимым поддержать в настоящем случае авторитет местной власти против настойчивого домогательства издателя и редактора», выдвигая следующие аргументы. Прежде всего князь П. Вяземский отметил:

...цензура провинциальных газет, поручаемая губернским чиновникам, почти везде оказывается крайне неудовлетворительною. Большинство этих чиновников относится к сей обязанности без понимания и сверх того весьма нерадиво. Издаваемая в г. Иркутске газета «Сибирь» в течение многих лет была предметом непрерывных и бесплодных настояний со стороны Главного управления по делам печати пред генерал-губернатором Восточной Сибири по тому поводу, что эта газета наполнялась преимущественно диффамациями должностных и частных лиц, а иногда даже помещала статьи социалистического характера [Там же. Л. 29].

Имея печальный опыт неэффективного «усмирения» газеты «Сибирь», Главное управление по делам печати было радо обнаружить в Томске цензоров другого рода:

Имея в виду, что в Томске, из числа губернских чиновников, нелегко найти такого, который по своему образованию и по серьезному образу мыслей, был бы способен к обязанностям цензора, нельзя не отнестись с полным сочувствием к тому, что сам томский губернатор, и в случае его отсутствия лицо, его замещающее, приняли на себя труд цензурировать, и цензурировать весьма внимательно местную газету, намеревающуюся, как оказывается, взять для себя образцом петербургские газеты нежелательного либерального направления [Там же].

Еще одним обстоятельством, которое склонило Главное управление по делам цензуры на сторону местной власти, стало обращение «Сибирской газеты» за помощью к столичным органам печати. Заметно раздражение, которое вызвал этот факт у князя Вяземского:

Во-вторых, поддержать авторитет местной власти в настоящем случае необходимо и потому, что просители, одновременно с отправлением жалобы на имя г. министра, разослали жалобные мольбы и в редакции различных газет, как-то «Голоса», «Порядка» и других, в которых, между прочим, выражают надежду, что г. министр «оградит их газету от таких действий, которые во времена острой цензуры не были бы одобрены». Этот маневр апеллирования к верховному газетному трибуналу, даже еще прежде, чем дело решено в правительственных инстанциях, все более и более входит в обычай нашей повременной литературы, как своего рода нравственное насилие над правительственными властями и общественным образом мыслей [10. Л. 29].

Своим решением П. Вяземский хотел показать, что «правительство нимало не расположено подчиняться этой схеме газетных предрешений и запугивания судом печати»: поэтому, уведомлял он М.А. Гилярова, Сенат, «признавая все статьи и все сделанные исключения неудобными к печати, постановил отказать в удовлетворении ходатайства просителей» [Там же].

Единственная уступка, которую сделало Главное управление по делам печати редакции газеты, касалась ее замечания о том, что цензор «делает на корректурном листе критические замечания, касающиеся литературного достоинства статей, и даже вставляет в текст». П. Вяземский писал по этому поводу:

...что же касается сего последнего пункта жалобы, то он представляется основательным, потому что на основании ст. 91 Уст. Ценз., цензор не имеет права перемывать что-либо в представляемых на его рассмотрение статьях, и тем более не может прибавлять к ним от себя какие-либо примечания или толкования [Там же. Л. 30].

Обращает на себя внимание то, что ответ редакции от Главного управления по делам печати занял один лист, в то время как для М.А. Гилярова предназначался развернутый текст, в котором его и похвалили как серьезного и ответственного цензора, и пожаловались на неудовлетворительную работу иркутских цензоров, и подробно объяснили мотивы поддержки местной власти. И только в самом конце письма П. Вяземский кратко упомянул о том, что отдельные действия М.А. Гилярова действительно противоречили цензурному уставу, а следовательно, являлись незаконными.

Письмо П. Вяземского к томскому цензору проясняет вопрос, который остался нерешенным для современников: «Сделано ли было какое-либо указание цензору – неизвестно», писал П.И. Макушин в своих воспоминаниях [9. С. 32]. Да, цензору было указано на недопустимость помет, вставок и замечаний на корректуре. Это возымело действие, о чем мы можем судить по воспоминаниям Е.В. Корша, который отмечал, что «следующие

два номера «Сибирской газеты» были пропущены Гиляровым без первоначального неистовства, а потом возвратился В.И. Мерцалов, и дело опять пошло гладко, без резких инцидентов» [9. С. 51].

Выводы

Таким образом, изучение цензурного дела «Сибирской газеты», сохранившегося в архиве Главного управления по делам печати, позволяет сделать вывод, что субъективный фактор играл важную роль на первоначальном этапе развития региональной печати. Это отмечают многие исследователи. В частности, Н.Г. Патрушева писала о том, что «личность цензоров играла большую роль, поскольку разные чиновники по-разному относились к своим обязанностям» [11. Т. 1. С. 241]. В рассматриваемом случае хорошие отношения с губернатором позволили основать газету в Томске, преодолев нежелание столичного начальства создавать конкуренцию неофициальному отделу «Томских губернских ведомостей». И напротив, неприязненное отношение заместителя губернатора к местной печати привело к конфликту с редакцией, который приобрел всероссийскую известность (благодаря его освещению в столичных газетах).

Столкновение со «злым цензором» показало, насколько беззащитна была газета перед чиновничьим произволом, который к тому же был поддержан Главным управлением по делам печати. Газета не смогла отстоять тексты от цензурных правок, не смогла сообщить своим подписчикам об истинных причинах невыхода номера, не смогла показать масштабы цензурского вмешательства – пробелы были запрещены.

Рассматриваемое цензурное дело убедительно показывает, что к конфликту привело разное понимание своих прав и обязанностей газетой и цензором. Заметно, что и та и другая сторона были полны иллюзий на этом первом, раннем этапе становления частной журналистики в Томске: газета с полной уверенностью в своей правоте искала защиты у министра внутренних дел и у столичной печати, цензор был полон решимости отстоять свое право вмешиваться в газетное дело. Это столкновение несколько «остудило» пыл конфликтующих сторон, и в дальнейшем конфликты с местной цензурой не были такими масштабными. Необходимо отметить, что авторы «Сибирской газеты» подчеркивали, что цензурные условия в дальнейшем были «в общем и сравнительно, – довольно сносны», ее цензоры Н. Петухов и А. Николаев «...строго придерживались цензурного устава и не считали себя призванными усиливать скорпионы последнего своими собственными измышлениями» [9. С. 61]. Тем не менее архивное дело об издании «Сибирской газеты» позволяет раскрыть еще несколько цензурных сюжетов, связанных с этим органом печати, что свидетельствует о необходимости продолжения изучения архивных дел РГИА.

Литература

1. Жиликова Н.В. К истории замысла газет П.И. Макушина «Томский листок» и «Томский справочный листок» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 2 (22). С. 129–139.

2. Ермолинский Л.Л. Сибирская печать и царская цензура (1875–1886 гг.) // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1967. С. 38–39.
3. Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. 78 с.
4. Русские писатели в Томске. Томск : Водолей, 1996. 192 с.
5. Сталева Т.В. Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск : Кн. изд-во, 1990. 248 с.
6. Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень : ТГАКИ, 2007. 104 с.
7. РГИА. Ф. 776. Оп. 6. 1876 г. Д. 78. 6 л.
8. РГИА. Ф. 776. Оп. 11. 1878 г. Д. 20. 11 л.
9. Сибирская газета в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиликовой ; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.
10. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71. 271 л.
11. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук : в 2 т. СПб., 2014.

Bad Censor, Good Censor: The Specifity of Censoring of the First Private Newspaper in Tomsk (*Sibirskaya Gazeta*, 1881–1888)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 256–270. DOI: 10.17223/19986645/61/15

Natalya V. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: retama@yandex.ru

Keywords: censorship, journalism, *Sibirskaya Gazeta*, Tomsk.

The article is devoted to identifying features of censoring the Tomsk *Sibirskaya Gazeta* (1881–1888) on the basis of the study of archival files of the Russian State Historical Archive. The memoirs of contemporaries and the correspondence of the staff of *Sibirskaya Gazeta*, reflecting the journalists' opinions about the severity of censorship in relation to the periodical, are also used. Particular attention is focused on the history of the establishing of the newspaper and on the first episode of its collision with censorship in 1881. In order to show that personal relationships played an important role in the birth of the local press, the author refers to the censorship background of the establishment of *Sibirskaya Gazeta*. Its publisher, a famous Tomsk entrepreneur and philanthropist P.I. Makushin, could not immediately establish his own newspaper in Tomsk. The first attempt to publish a newspaper called *Tomskiy Listok* failed because of the lack of a person in Tomsk who could fulfill the duties of a censor, the second due to the extreme limitations of the allowed program. Only the third attempt was crowned with success, because Makushin was helped by the new Tomsk governor V.I. Mertsalov. He agreed to become the censor of the newspaper; with him, the editorial board felt quite free in terms of censorship. The conflict between the editorial staff and the censor considered in the article occurred in 1881, at the time when Mertsalov was not in Tomsk, and his duties were performed by an official M.A. Gilyarov. The study of archival documents convincingly demonstrates that this censor was biased against the local press, which affected his actions: after reading Issue 11 of *Sibirskaya Gazeta*, he struck out almost half of the articles, while accompanying them with critical comments on the margins of the censor sheets. The editorial office, protesting against such censorship arbitrariness, tried to issue a number with gaps in the field of crossed out articles and sentences, but Gilyarov forbade it. After that, the conflict moved to a different level: the editorial office appealed to the Minister of the Interior and the General Directorate of the Press, to the metropolitan newspapers with a request to resolve the contradictions. Having examined in detail the documents of the Russian State Historical Archive reflecting this conflict, the author comes to the conclu-

sion that the subjective factor also played a great role in it. In this case, a good relationship with the governor allowed the newspaper to be established in Tomsk. And, on the contrary, the hostile attitude of the deputy governor to the local press led to a conflict with the editorial office, which gained all-Russian fame (thanks to its coverage in the capital's newspapers). The archive case of the publication of *Sibirskaya Gazeta* allows disclosing a few more censorship plots associated with this periodical, which indicates the need to continue the study of archival files of the Russian State Historical Archive.

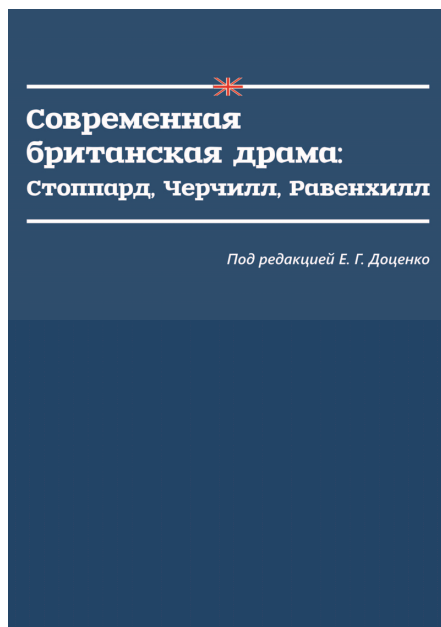
References

1. Zhilyakova, N.V. (2013) History of conception of Makushin's newspapers "Tomsk Leaflet" and "Tomsk Reference Leaflet". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (22). pp. 129–139. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/22/9
2. Ermolinskiy, L.L. (1967) *Sibirskaya pechat' i tsarskaya tsenzura (1875–1886 gg.)* [The Siberian press and tsarist censorship (1875–1886)]. In: *Zhurnalistika v Sibiri* [Journalism in Siberia]. Irkutsk: [s.n.]. pp. 38–39.
3. Lyubimov, L.S. (1982) *Istoriya sibirskoy pechaty* [The history of the Siberian press]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. Yanushkevich, A.S. et al. (1996) *Russkie pisateli v Tomske* [Russian writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley.
5. Staleva, T.V. (1990) *Sibirskiy prosvetitel' Petr Makushin* [Siberian enlightener Pyotr Makushin]. Tomsk: Kn. izd-vo.
6. Mandrika, Yu.L. (2007) *Provintsial'naya chastnaya pechat': spornye voprosy stanovleniya periodiki Sibiri* [Provincial private press: controversial issues of the formation of periodicals of Siberia]. Tyumen: TGAKI.
7. Russian State Historical Archive. Fund 776. List 6. Year 1876. File 78. 6 p. (In Russian).
8. Russian State Historical Archive. Fund 776. List 11. Year 1878. File 20. 11 p. (In Russian).
9. Zhilyakova, N.V. (2004) *Sibirskaya gazeta v vospominaniyakh sovremennikov* [Siberian newspaper in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Izd-vo NTL.
10. Russian State Historical Archive. Fund 776. List 12. Year 1880. File 71. 271 p. (In Russian).
11. Patrusheva, N.G. (2014) *Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoy sisteme Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In 2 vols. History Dr. Diss. St. Petersburg.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 821.16.1

DOI: 10.17223/19986645/61/16

Рецензия на книгу: Современная британская драма: Стоппард, Черчилл, Равенхилл: коллективная монография / Е.Г. Доценко, Е.Н. Шилова, О.В. Ловцова; Урал. гос. пед. ун-т; под ред. Е.Г. Доценко. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2018. – 256 с.

Исследование посвящено современной драматургии Великобритании, направлено на выявление ведущих тенденций и установившихся приоритетов в британском театре последней трети XX – начала XXI в. Каждый из авторов, рассматриваемых в монографии, может быть в том или ином смысле обозначен как один из лидеров современного театра: Том Стоппард (р. 1937) – драматург всемирно знаменитый, в том числе благодаря активному художественному эксперименту; Кэрил

Черчилл (р. 1938) – наиболее известная драматическая писательница, отличающаяся и четкой политической позицией, и творческим поиском; Марк Равенхилл (р. 1966) – самый влиятельный автор британской «новой драмы» рубежа XX–XXI вв.

Для специалистов, читателей и театралов, интересующихся английской драмой.

Приступая к обзору книги, мне бы хотелось вспомнить о приезде к университетским преподавателям России Дэвида Эдгара (David Edgar, род. 1948), одного из ведущих британских драматургов, автора более 60 пьес и радио- и телеспектаклей. Его пьесы ставили лучшие режиссеры Британии (в том числе Питер Холл, Тревор Нанн) на сцене Королевского Шекспировского театра, Королевского национального театра. В сентябре 2015 г. на ежегодном семинаре «Современная британская литература в российских вузах» в Пермском государственном национальном исследовательском университете он сначала увлек университетских англичан рассказом, а затем написал в журнал проекта статью о положении «новой драмы» (ее пяти «волнах») начиная со второй половины XX в. [1].

О первой «волне» – «сердитых молодых людях» поздних 1950-х с их естественностью, раскованностью, критическим вниманием к насущным проблемам действительности – известно много.

Как и о второй «волне», представленной молодыми драматургами, радикализованными 1960-ми. Театр стал оружием в борьбе против не удовлетворявшего их состояния общества. В конце 60-х гг. маленьким театрам была оказана государственная помощь, и начался буквально бум альтернативных, экспериментальных театров. Актеры «фриндж» устраивали представления в клубах и пабах, в кафе и гаражах, в парках и на улицах. Дэвид Эдгар подчеркнул важность театральных фестивалей, в частности в Бредфорде, где он принимал участие в 1970/71 г.

В конце 1970-х идет сокращение субсидий в государственных театрах, закрывается ряд небольших компаний, наблюдается сдвиг к большей программной консервативности. В коммерческом театре расцветают мюзиклы («Кошки», «Призрак оперы», «Отверженные»), побившие все рекорды и, казалось, не собиравшиеся сойти со сцены. Если в 1970-е авторами пьес были в основном мужчины, в 1980-х приходит время молодых женщин драматургов с их феминистскими устремлениями, и именно с ними Дэвид Эдгар ассоциирует третью «волну».

Оплотом «новой драмы» стал экспериментальный театр «Ройял Корт» в Лондоне. Именно там еще в 1956 г. была поставлена пьеса Джона Осборна «Оглянись во гневе», явившаяся манифестом нового направления, и все эти годы «Ройял Корт» оставался своего рода домом новой драматургии, где главное – фокусировка на тексте и его авторе. Драматургов поддерживают и помогают пройти трудный процесс создания пьесы и воплощения ее на сцене. С этим театром связаны Кэрил Черчилл, Мартин МакДонах, Лео Батлер, Марина Карр.

В 1970–1985 гг. на долю «новой драмы» приходится 12 процентов репертуара, в 1985–1990-м – 7 процентов. В середине 1990-х происходит заметное оживление в связи с приходом юных драматургических дарований – и это уже четвертая «волна». Для них важен не столько опыт студенческих мятежей или феминистского движения, сколько долгие годы тетчеризма, социально-индустриальные конфликты, актуальные проблемы СПИДа, злоупотребления наркотиками и пр. Начало ренессанса новой драматургии озаменовали Сара Кейн и Марк Равенхилл. Благодаря им британский театр стал известным и модным во всем мире. Количество новых постановок выросло до 15–20 процентов.

Пятая «волна» нового театра связана с началом XXI в. События 11 сентября, террористические угрозы, вторжение в Афганистан и Иран способствовали началу движения от фикциональной драмы к пьесам, основанным на фактах. Отношения факта и фикциональности подвижны и динамичны. Театр перестал быть «музеем великих трудов прошлого», и доля пьес с современными темами выросла в 2008 г. до 42 процентов, далее – до 50. Помня обзор Дэвида Эдгара, легче воспринимать и рецензируемую книгу [2]. В ней внимание сосредоточено на творчестве трех ключевых британских драматических писателей, новаторский вклад которых мы свидетельствуем на протяжении десятилетий.

Том Стоппард как драматург прославился в 1960-е, на русский его начали переводить в 1990-е гг. В русскоязычном культурном пространстве

существует полтора десятка произведений Стоппарда, включая ранний роман «Лорд Малквист и мистер Мун» (1967, перевод П. Молчанова. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008). Его пьесы публиковались, прежде всего, в журнале «Иностранная литература», кроме того, вышло несколько сборников (в книге приведена вся библиография). Создаваемые в 2000-х театральные работы переводили практически сразу. «Берег утопии», «Рок-н-ролл», «Проблему» поставили на российской сцене. Хорошо известны и фильмы по сценариям Стоппарда: «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», «Влюбленный Шекспир», «Анна Каренина», «Тюльпанная лихорадка».

Кэрил Черчилл переведена скромнее. Из нескольких десятков пьес, написанных автором с 1958 г., шесть представлены в электронной Театральной библиотеке Сергея Ефимова: «Top Girls», «Далеко», «Количество», «Любовь и информация», «Родня», «Семь европейских детей» (переведены с разной степенью профессионализма). «Top Girls» и «Там вдали» изданы на русском в «Антологии современной британской драматургии» (М.: Новое литературное обозрение, 2008).

У Марка Равенхилла в электронных библиотеках (Сергея Ефимова и архиве «Петербургского театрального журнала») есть «Шоппинг & Fucking», «Четкие полароидные снимки», отдельные эпизоды из эпопеи «Стреляй, хватай сокровище и не останавливайся», «С тобой все кончено». Пьеса «Продукт» опубликована в «Антологии современной британской драматургии». Пьесы Равенхилла активно ставятся в российских театрах.

Литературоведческие, театроведческие, критические работы о творчестве этой тройки драматургов обширны. В Великобритании и США изданы капитальные труды и монографии, справочники и сборники. Среди многочисленных изданий, посвященных Стоппарду, назову «Кембриджский справочник по Тому Стоппарду» под редакцией К. Келли (The Cambridge Companion to Tom Stoppard / ed. by Katherine E. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2001).

В России статьи о творчестве Стоппарда включены в учебники зарубежной литературы и театра, в словари и справочники, посвященные театру. Пьесы Стоппарда служат предметом и/или материалом для диссертационных исследований (не только в области литературоведения, но и лингвистики), и за их тщательный обзор мы благодарны Е.Г. Доценко, многие годы занимающейся британской драмой (см. [3–6]).

Творчество Кэрил Черчилл за рубежом изучается активно: британская пресса освещает каждую из ее новинок; есть десятки научных статей, посвященных пьесам; издан ряд монографий. Специфика отражения проблем феминизма в ее произведениях является предметом исследования, прежде всего, в разделе Дж. Райнелл «О феминистской и гендерной политике» в «Кембриджском справочнике по Кэрил Черчилл» под редакцией И. Эстон и Э. Даймонд (New York: Cambridge University Press, 2009). Там же обсуждались проблемы соотношения постмодернизма и творческих новаций автора, роль перформанса в ее произведениях, глобальные проблемы и вы-

зовы в контексте ее произведений, перспективы изучения пьес. Тематика монографий разнообразна, и их обзор информативен.

В отечественном литературоведении исследований, посвященных Кэрил Черчилл, на данном этапе немного, и вклад Е.Н. Шиловой, защитившей кандидатскую диссертацию о метадраме в творчестве К. Черчилл под руководством Е.Г. Доценко, существен [7].

О Марке Равенхилле монографических исследований и диссертаций в России пока нет. Как автор «новой драмы» он известен лучше. Написать главу о нем, я полагаю, было непросто, и здесь два автора: Е.Г. Доценко и ее ученица О.В. Ловцова, недавняя кандидатская диссертация которой посвящена типологии детских образов в современной британской драме [8].

Выбор материала в каждом из разделов определялся степенью изученности творчества драматургов в отечественном литературоведении. В главе о Томе Стоппарде внимание обращено на менее известные в нашей стране пьесы, менее задействованные аспекты исследования. Углубляясь в Стоппарда (род. 1937), мы вместе с Е.Г. Доценко начинаем все более отчетливо видеть:

– «основные» – «большие», полномасштабные (major plays: «Прыгуны», 1972; «Отражения, или Истинное», 1982; «Хэпгуд», 1988; «Аркадия», 1993; «Изобретение любви», 1997; трилогия «Берег утопии», 2002 и др.) и «малые» по объему пьесы («После Магритта», 1970; «Зашифрованные “Гамлет”» и “Макбет”», 1979);

– «английские», «чешские», «индийские», «русские» пьесы. Доценко показывает, что для писателя, родившегося в Чехословакии накануне Второй мировой войны и несколько детских лет проведшего в Индии и Сингапуре, куда семья эмигрировала в годы фашизма, интерес к Чехии / Чехословакии и Индии вполне оправдан биографически. Россия / Советский Союз оказались в сфере внимания, прежде всего, в силу своего влияния в восточноевропейском регионе и благодаря литературной классике: английский театр традиционно равнодушен к творчеству Чехова и Толстого [2. С. 18].

Доценко выявляет доминанты творчества Стоппарда, углубляется в возможные решения вопроса «Стоппард и постмодернизм в театре». Согласно Д.К. Джернигану («Том Стоппард: сопротивляясь постмодернизму», 2012) [9] «в карьере Стоппарда доминирует приверженность к преодолению постмодернизма, к критике и отрицанию постмодернистских установок» [2. С. 20]. Он считает, что эволюция творчества Стоппарда включает в себя в обратном порядке постмодернизм, модернизм и новаторский реализм [Там же. С. 21].

Во 2-й главе рассмотрены наиболее репрезентативные произведения и тенденции творчества (на фоне эволюции британской драмы со второй половины 1950-х гг.) одного из самых титулованных драматургов Великобритании. Кэрил Черчилл (род. 1938) – многократный обладатель престижных международных премий, в том числе премии «Оби» за выдающийся вклад в искусство 2001 г. Премьеры ее спектаклей в «Ройял Корт» пользуются неизменным успехом. С 2010 г. ее имя занимает почетное ме-

сто в Зале славы Американского театра (American Theater Hall of Fame). Пьесам Кэрил Черчилл присущи политические (в том числе социалистические), исторические, феминистские мотивы, черты эпического театра и постмодернистской экспериментальной драмы, в которой «частые хронологические сдвиги, фреймовая структура и нестандартные ролевые возможности пьесы играют ведущую роль» [2. С. 159].

Е.И. Шилова проводит нас через три части, благодаря чему читатель обретает объемное видение этой неоднозначной фигуры британского театра:

- Художественное освоение феминизма драмой К. Черчилл: «Облако девять», «Top Girls».

- Театрализация политических конфликтов в пьесах «Безумный лес», «Это стул» и «Семь еврейских детей».

- От постмодернистской метадрамы к открытому тексту: «Голубое сердце», «Любовь и информация».

В главе 3 – в ходе исследования творчества Марка Равенхилла (р. 1966) – внимание акцентировано на этапах, тенденциях и эстетических принципах «агрессивного» театра рубежа тысячелетий. Равенхилл – представитель провокативного, шокирующего экспериментального театра. С первой же пьесы («Шоппинг & Fucking», 1996) он приобрел статус возмутителя спокойствия – и не отказался от него: «Фауст мертв» (1997), «Саквояж» (1998), «Откровенные полароидные снимки» (1999). Британский критик Алекс Сиерц, основоположник термина «In-Yer-Face Theatre» [10], предлагал вести отсчет новой эры в британском театре именно с постановки «Шоппинга» с характерным насилием, скандальностью сюжета, ненормативной лексикой, физиологической откровенностью видеоряда сцен. Е.Г. Доценко, охарактеризовав эту тенденцию, стоящую за фигурой Марка Равенхилла, вернется к читателю в главе 3, чтобы показать эволюцию творчества драматурга: «Дать этому миру идти своим путем». О.В. Ловцова приобщает нас к теме детства в британском «театре жестокости» рубежа тысячелетий (часть 1), проблеме молодежи в пьесах Равенхилла (часть 2).

В 2006 г. Равенхилл привозил в Россию свою пьесу-монолог «Продукт»: монолог (в манере новой естественности) кинопродюсера (исполнял сам драматург), читающего актрисе сценарную заявку фильма «Мохаммед и я». Равенхилл выступал с чтением своих пьес в Центре Мейерхольда, побывал в Театре.doc, принимал участие в фестивале «Золотая маска».

Познакомившись с тремя частями этой монографии, острее ощущаешь, что британский театр действительно умеет быть захватывающим и непредсказуемым (о чем в заключении и говорит Е.Г. Доценко: «Современность продолжается»). Хочется пожелать авторскому коллективу из Екатеринбурга продолжать работу, быть может, даже в двух направлениях: исследованиями как о каждом из этих трех авторов, так и о других драматургах современности.

Для меня, например, одним из самых интересных британских событий стал проект, связанный с празднованием 400-летия «Библии короля Якова». Библия состоит из 39 книг Ветхого Завета и 27 – Нового, и 66 авторам было

предложено написать пьесы по мотивам каждой из них. Не пересказ, а именно преломление той или иной книги Писания в их сознании. Среди авторов были Архиепископ Кентерберийский, многие драматурги и поэты.

В итоге все 66 пьес были сыграны в течение 24 часов. Зрители могли смотреть их сутки напролет или подходить выборочно – приобретать билеты на трехчасовые части этого грандиозного перформанса. Спектакли игрались в Вестминстерском аббатстве, в разных его частях, и публика переходила с одной площадки на другую. Во главе проекта стоял Джейзи Брук. Весь цикл сыграли десять раз.

Динамичность театральных продюсеров в изобретении форм театральных представлений в Британии завидна. Британцы успешно учатся жить в новом времени, и рецензируемая книга помогает в приобщении к этому опыту.

Литература

1. Edgar D. State of Play (on Postwar British Theatre) // Footpath. 2015. № 9 (4). P. 30–42.
2. Доценко Е.Г., Шилова Е.Н., Ловцова О.В. Современная британская драма: Стоппард, Черчилл, Равенхилл: коллективная монография / под ред. Е.Г. Доценко. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2018. 256 с.
3. Доценко Е.Г. С. Беккет и проблема условности в современной английской драме. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2005. 392 с.
4. Доценко Е.Г. Завершая год Шекспира: шекспировские сценарии Тома Стоппарда // Филологический класс. 2016. № 4 (46). С. 89–93.
5. Доценко Е.Г. Этика, политика и лингвистика в пьесах Тома Стоппарда о коммунистическом тоталитаризме // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 145–150.
6. Dotsenko E. Byron and Pushkin as the Characters in Tom Stoppard's Plays // Byron at the Theatre. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 123–129.
7. Шилова Е.Н. Метадрама в творчестве К. Черчилл : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. 250 с.
8. Ловцова О. В. Типология детских образов в современной британской драме : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018.
9. Jernigan D.K. Tom Stoppard: Bucking the Postmodern. Jefferson ; London : McFarland & Company, 2012. P. VII + 214.
10. Sierz, A. In-Yer-Face Theatre: British Drama Today. London : Faber and Faber, 2000. 274 p.

Л.В. Егорова

Book Review: Dotsenko, E.G., Shilova, Ye.N. & Lovtsova, O.V. (2018) *Sovremennaya britanskaya drama: Stoppard, Churchill, Ravenhill* [Contemporary British drama: Stoppard, Churchill, Ravenhill]. Yekaterinburg: AMB

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 271–277. DOI: 10.17223/19986645/61/16

Liudmila V. Egorova, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: lveg@yandex.ru

References

1. Edgar, D. (2015) State of Play (on Postwar British Theatre). *Footpath*. 9 (4). pp. 30–42.
2. Dotsenko, E.G., Shilova, E.N. & Lovtsova, O.V. (2018) *Sovremennaya britanskaya drama: Stoppard, Churchill, Ravenhill* [Contemporary British drama: Stoppard, Churchill, Ravenhill]. Yekaterinburg: AMB.

3. Dotsenko, E.G. (2005) *S. Bekket i problema uslovnosti v sovremennoy angliyskoy drame* [S. Beckett and the problem of conventionality in modern English drama]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
4. Dotsenko, E.G. (2016) Concluding the Year of Shakespeare: “Shakespeare’s” Screenplays by Tom Stoppard. *Filologicheskiy klass*. 4 (46). pp. 89–93. (In Russian).
5. Dotsenko, E.G. (2018) The Ethics, Politics and Linguistics in Tom Stoppard’s Plays of Communist Totalitarianism. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (67). pp. 145–150. (In Russian).
6. Dotsenko, E. (2008) Byron and Pushkin as the Characters in Tom Stoppard’s Plays. In: Cochran, P. (ed.) *Byron at the Theatre*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. pp. 123–129.
7. Shilova, E.N. (2011) *Metadrama v tvorchestve K. Cherhill* [Metadrama in the works by C. Churchill]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
8. Lovtsova, O.V. (2018) *Tipologiya detskikh obrazov v sovremennoy britanskoy drame* [Typology of children’s images in modern British drama]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
9. Jernigan, D.K. (2012) *Tom Stoppard: Bucking the Postmodern*. Jefferson; London: McFarland & Company.
10. Sierz, A. (2000) *In-Yer-Face Theatre: British Drama Today*. London: Faber and Faber.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКЕНТЬЕВА Ксения Алексеевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

E-mail: akenteva_ksenia@mail.ru

АНИСИМОВ Кирилл Владиславович – д-р филол. наук, зав. кафедрой журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

АНИСИМОВА Евгения Евгеньевна – д-р филол. наук, доцент кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: eva1393@mail.ru

БОРИСКИНА Ольга Олеговна – д-р филол. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета.

E-mail: olboriskina@gmail.com

ДАНИЛИНА Наталья Ивановна – д-р филол. наук, доцент кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского.

E-mail: danilina_ni@mail.ru

ДОЛГОВА Юлия Игоревна – канд. филол. наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: yidolgova@gmail.com

ЕГОРОВА Людмила Владимировна – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета.

E-mail: lveg@yandex.ru

ЖИЛЯКОВА Наталья Вениаминовна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета.

E-mail: retama@yandex.ru

КАЛЮГА Марика Ашотовна – канд. филол. наук, зав. кафедрой русского языка Университета Маквори (Сидней, Австралия).

E-mail: m.kalyuga@gmail.com / marika.kalyuga@mq.edu.au

КАРТАВЦЕВ Владимир Николаевич – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета.

E-mail: kartavtsev-study-2012@yandex.ru

КОРОЛЕВА Светлана Борисовна – д-р филол. наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; науч. сотр. Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

E-mail: svetlakor0808@gmail.com / an.korolev@mfisoft.ru

КУЧКО Валерия Станиславовна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. топонимической лаборатории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: kuchko@inbox.ru

МИШАНКИНА Наталья Александровна – д-р филол. наук, профессор отделения русского языка Томского политехнического университета; профессор кафедры гуманитарных проблем информатики, профессор кафедры телерадиожурналистики Томского государственного университета.
E-mail: mna@tpu.ru

ПЕРИПЕЧИНА Галина Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: peripechinag@yandex.ru

СИДОРОВА Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой германской филологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).
E-mail: ogs531@mail.ru

ТЕМИРОВА Жанна Германовна – ст. преподаватель кафедры русской филологии и библиотечного дела Кокчетавского государственного университета им. Чокана Валиханова (Казахстан).
E-mail: temirova.zh@mail.ru

ТИХОНОВА Ольга Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: tihonovao@list.ru

УРМАНЧЕЕВА Ирина Серафимовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.
E-mail: isurman@rambler.ru

ШИЛЯЕВ Константин Сергеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.
E-mail: shilyaevc@gmail.com

ШЛОТГАУЭР Елена Александровна – магистрант кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: lenmad666@gmail.com

ЭМЕР Юлия Антоновна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.
E-mail: julika71@mail.ru

ЮРИНА Елена Андреевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: yourina2007@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несёт автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2019. № 61

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.09.2019 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 17,6; усл. печ. л. 22,9. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4069.

Дата выхода в свет 26.11.2019 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru